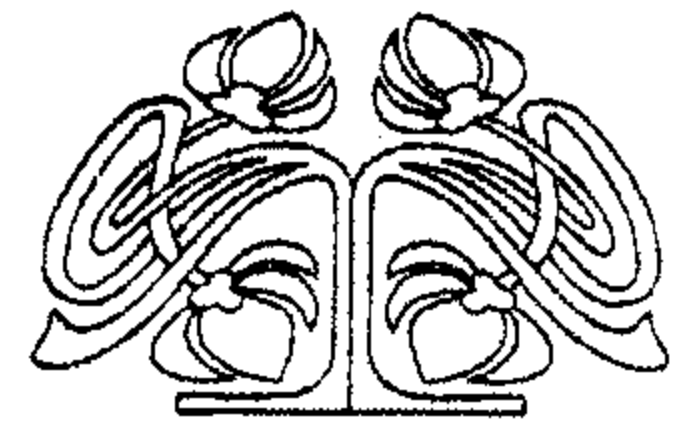

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Научный журнал
2005 Том 5

Серия Филология. Журналистика, вып. 1/2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1901 – 1918 и «Ученых записок СГУ» 1923 – 1962

Издается с 2001 года

СОДЕРЖАНИЕ

Прозоров В.В. Вступительное слово	3
Университетская летопись	
Гапоненков А.А. Историко-филологический факультет Саратовского университета. Из летописи событий 1917–1919 гг.	8
Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. (Вступ. заметка, подгот. текста к публ. А. А. Гапоненкова)	25
А.П. Скафтымов. Новые материалы	
Прозоров В.В. А.П. Скафтымов. Новые материалы к биографии	34
Скафтымов А.П. Дневники 1916 и 1937 гг. (Публикация В.В. Прозорова, подгот. текста и примеч. А.А. Гапоненкова)	36
Павловская К.Е. Послесловие	49
Криничка Е.И. Письмо А.П. Скафтымова к И.В. Чуприне	52
Архангельская В.К. Устные высказывания А.П. Скафтымова 1920-х годов (по архивным материалам)	56
Белова Н.М. Проблема реализма в статьях А.П. Скафтымова	60
Вершинина В.М. Уроки А.П. Скафтымова	67
Краснов Г.В. Школа А.П. Скафтымова (заметки о литературной деятельности Евграфа Ивановича Покусаева)	70
Научный отдел	
Сиротинина О.Б. Реальное функционирование русского языка и пути его развития	74
Кормилицина М.А. Инновационные процессы в языке современной прессы	77
Прозоров В.В. Слово о профессиональной журналистской культуре	84
Захаров Е.Е. Зарождение и развитие телевизионной критики в контексте отечественной литературной культуры XX века (постановка проблемы)	95
Прозоров В.В., Желтов Д.В. «Наше служение России...» К 100-летию со дня рождения и к 20-летию со дня кончины Николая Ивановича Ульянова	104
Клейменова С.В. Лаврентий Зизаний и его книга «Беседословие»	109
Гришин Г.А. Образ Пушкина в эпистолярном наследии Н.В. Гоголя	112
Самосюк Г.Ф. Библейское слово в «Благонамеренных речах» М.Е. Салтыкова-Щедрина и его функционирование в тексте рассказчика-повествователя и диалогах героев	118
Книгин И.А. Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в журнальных некрологических откликах (предварительные заметки)	130
Попкова Н.А. Поэтика романтической драмы в публикациях «Московского Телеграфа»	133
Воронова Н.Л. Первый стихотворный перевод комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» на английский язык	144
Колосова Н.А. Французская культура в пространстве повседневности романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?»	154
Павлова С.Ю. Мемуарное начало в «Замогильных записках» Ф.-Р. де Шатобриана	159
Кабанова И.В. Английская путевая проза и «Письма из Исландии» Одена и Макнуса	165
Ермакова Г.М. Мексиканский миф в романе «Пернатый змей» Д.Г. Лоуренса	173
Критика и библиография	
Представляем книгу	178

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Коссович Леонид Юрьевич
Заместитель главного редактора Усанов Дмитрий Александрович
Ответственный секретарь Клоков Василий Тихонович
Члены редакционной коллегии Аврус Анатолий Ильич Белов Владимир Николаевич Бучко Ирина Юрьевна Вениг Сергей Борисович Дыльников Геннадий Васильевич Захаров Андрей Михайлович Кабанин Вячеслав Кузьмич Лебедева Ирина Владимировна Левин Юрий Иванович Мирзеханов Велихан Салманханович Монахов Сергей Юрьевич Первушов Евгений Михайлович Прозоров Валерий Владимирович Прохоров Дмитрий Валентинович Салий Игорь Николаевич Сперанский Дмитрий Васильевич Федотова Ольга Васильевна Худяков Глеб Иванович Чумаченко Алексей Николаевич Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор Прозоров Валерий Владимирович
Заместитель главного редактора Борисов Юрий Николаевич Дементьев Вадим Викторович
Члены редакционной коллегии Зюзин Алексей Валерьевич Иванюшина Ирина Юрьевна Клоков Василий Тихонович Седов Константин Федорович

Зарегистрировано
в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 01 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации обще-теоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагаются сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) *бумажный вариант* должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подписуемые подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными.

б) *электронный вариант* в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате PCX, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи; инициалы и фамилии авторов, аннотация (на русском и английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Ишмухаметова Инга Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка
Щербакова Ирина Викторовна

Корректор
Васильева Наталья Юрьевна

Адрес редакции
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83.
Издательство Саратовского университета.

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 20.12.05.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 21,39(23).

Уч.-изд. л. 20,5.

Тираж 150 экз. Заказ 230.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета.

© Саратовский государственный
университет, 2005

CONTENTS

Prozorov V.V. Opening Address 3

University Annals

Gaponenkov A.A. Historical and Philological Faculty of Saratov University. Chronicle Events 1917–1919 8

Review of the Teaching at the Historical and Philological Faculty of Saratov University in 1917–1920 (Foreward, Text Preparation for Publication by A.A. Gaponenkov) 25

A.P. Skaftymov. New Materials

Prozorov V.V. A.P. Skaftymov. New Materials to Biography 34

Skaftymov A.P. Diaries of 1916 and 1937. (Publication of V.V. Prozorov, Text and Comment Preparation by A.A. Gaponenkov) 36

Pavlovskaya K.E. Afterword 49

Krinichka E.I. A Letter of A.P. Skaftymov to I.V. Chuprina 52

Arkangel'skaya V.K. A.P. Skaftymov's Oral Views of 1920-s (based on Archival Materials) 56

Belova N.M. Problem of Realism in the Works of A. P. Skaftymov 60

Vershinina V.M. Lessons of A. P. Skaftymov 67

Krasnov G.V. A.P. Skaftymov's School (Sketches on Literary Activity of Evgraf Ivanovich Pokusaev) 70

Scientific Part

Sirotnina O.B. Actual Functioning of the Russian Language and the Paths of Its Development 74

Kormilicina M.A. Analyses Innovative Processes on Syntactical and Text Level in Modern Press 77

Prozorov V.V. A Word About Journalistic Professional Culture 84

Zakharov E.E. The Genesis and Development of Television Criticism in the Context of Russian Literary Culture of the 20th Century (A Formulation of the Problem) 95

Prozorov V.V., Zheltov D.V. "Our Service to Russia...". To the 100th Birth Anniversary and the 20th Death Anniversary of Nikolai Ivanovich Ulyanov 104

Klejmenova S.V. Lavrentij Zizanij and His Book "Besedoslovije" 109

Grishin G.A. The Image of Pushkin in N.V. Gogol's Epistolary Heritage 112

Samosyuk G.F. Biblical Language in "Well-intentioned Speeches" by M.E. Saltykov-Shchedrin and its Functioning in the Narrator's Speech and the Characters' Dialogues 118

Knigin I.A. The Works of M.E. Saltykov-Shchedrin in Magazine Obituaries (Preliminary Notes) 130

Popkova N.A. Poetics of the Romantic Drama in the Published works of "Moscow Telegraph" 133

Voronova N.P. The First English of A.S. Griboyedov's Comedy "Gore ot Uma" Written in Verse 144

Kolossova N.A. French Culture in the Context of Everyday in the Novel of N.G. Chernyshevsky "What Is To Be Done?" 154

Pavlova S.Yu. Memoir Element in "Memoires d'outre-tombe" by F.-R. de Chateaubriand 159

Kabanova I.V. English Travel Writing and "Letters From Iceland" by W.H. Auden and Louis MacNiece 165

Ermakova G.M. Mexican Myth in "The Plumed Serpent" by D.H. Lawrence 173

Critics and Bibliography

Presentation of the Book 178

В. В. Прозоров,
декан факультета филологии и журналистики
Саратовского университета

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Настоящее издание в новой форме продолжает заслужившие добрую профессиональную репутацию выпуски саратовских университетских сборников научных трудов «Филология» (с 1996 года вышло в свет 5 томов; последний по времени том полностью посвящен 200-летнему юбилею А. С. Пушкина).

Факультет филологии и журналистики Саратовского государственного университета (СГУ) – одна из наиболее авторитетных в России и динамично развивающихся гуманитарно-образовательных структур подобного рода, поддерживающая интенсивные научные связи с ведущими лингвистическими, литературоведческими и журналистскими университетскими и академическими центрами.

Наш факультет – первая на огромных просторах юго-востока Европейской России высшая гуманитарная образовательно-научная школа – создан в далеком 1917 году, в канун октябрьских дней, «которые потрясли мир».

История факультета неразрывно связана с именами выдающихся ученых-педагогов: первого декана, философа С. Л. Франка, филологов В. М. Жирмунского, Н. К. Пиксанова, Б. М. Соколова, Г. А. Гуковского, Ю. Г. Оксмана, А. М. Лукьяненко, основоположника признанной всем гуманитарным миром саратовской филологической школы А. П. Скафтымова, его многочисленных учеников и продолжателей его благородного дела.

Факультет филологии и журналистики СГУ сегодня – это центр высшего гуманитарного образования по специальностям:

- «Филология. Русский язык и литература»,
- «Филология. Английский язык и литература»,
- «Филология. Немецкий язык и литература»,
- «Филология. Французский язык и литература»,
- «Теоретическая и прикладная лингвистика»,
- «Журналистика» (со специализациями:
«Международная журналистика» и «Телевидение»);

– это ряд специализаций (в том числе филологическое обеспечение искусствоведения, связи с общественностью, русский язык как иностранный и др.),

– это дополнительная квалификация переводчика в сфере профессиональной коммуникации;

– это 12 интенсивно развивающихся кафедр:

- русского языка и речевой коммуникации,
- теории, истории языка и прикладной лингвистики,
- истории русской литературы и фольклора,
- русской литературы XX века,
- зарубежной литературы и журналистики,
- общего литературоведения и журналистики,
- английской филологии,
- немецкой филологии,
- романской филологии,
- английского языка и межкультурной коммуникации,
- немецкого языка,
- французского и испанского языков;

– это ряд специальных лабораторий (прикладной лингвистики, журналистики, культурной антропологии, лаборатории по изучению и функционированию русского языка и др.), специальные кабинеты диалектологии и русского фольклора.

При факультете создан и работает Институт русского языка, литературы и журналистики – филиал Института русского языка имени академика В. В. Виноградова Российской академии наук.

Успешно функционирует диссертационный совет Д 212.243.02 (по защитах докторских и кандидатских диссертаций по 3 специальностям).

Большую и планомерную работу проводит совет молодых ученых факультета. Для подготовки абитуриентов к поступлению на специальность «Журналистика» организована Школа юного журналиста. Постоянно работает группа экспертов-лингвистов по информационно-правовым спорам в сфере журналистики (при Центре языка и культуры «Слово»).

Преподаватели факультета сотрудничают в составе президиума учебно-методического объединения (УМО) по филологии, в УМО по лингвистике, журналистике, в Международной и Российской ассоциациях преподавателей русского языка и литературы, в Совете по русскому языку при Правительстве РФ, в научно-методическом совете по иностранным языкам, в общероссийских и международных организациях по преподаванию иностранных языков, по художественному переводу, в диссертационных советах других вузов, в Союзе журналистов Российской Федерации и др.

Коллектив факультета готовится к прогнозируемому системному переустройству в ближайшие годы структуры высшей школы России, к серьезным, продуктивным переменам, связанным с вхождением вузов России в Болонский процесс, к изменениям в системе приема в высшую школу, к наборам по целевым контрактам, к многоуровневой подготовке бакалавров и магистров, к дистанционным формам образования и др. Заметно увеличивается интерактивная составляющая учебного процесса. Одновременно возрастает удельный вес самостоятельных работ студентов.

На фоне увеличивающегося из года в год и вполне понятного (в свете радикальных общественно-исторических перемен в стране) интереса абитуриентов к изучению иностранных языков и совершенствования конкретных методик их преподавания особую заботу и внимание (в масштабах факультета и университета) мы обязаны уделять «дотационному» филологическому образовательному направлению, связанному с обучением отечественной филологии, русскому языку и литературе.

С этой целью (для дополнительного привлечения абитуриентов) в пределах специальности «Филология. Русский язык и литература» развиваются и совершенствуются ныне действующие специализации (среди них особым спросом у студентов пользуется методика преподавания русского языка как иностранного и др.). Кафедра русской литературы XX века предполагает разработать и ввести в факультетский учебный процесс новую специализацию «Литературное редактирование/Издательское дело».

В эпоху исторического «промежутка» нам ни в коем случае нельзя предавать забвению научно-образовательные ценности, накопленные отечественной филологией (в том числе и на факультете филологии и журналистики нашего университета) в преподавании русского языка, истории русской литературы (с древнейших времен и до наших дней), русского устного народного творчества, русской диалектологии, истории русской литературной критики.

Мы хорошо понимаем, в частности, всю важность продолжения работ по изучению и преподаванию русского фольклора. Учебно-научная работа в этом направлении будет продолжена на базе богатейшего по своим материалам кабинета русского фольклора имени профессора Т. М. Акимовой. Намечено сделать серийным издание «Кабинет русского фольклора: Статьи, исследования, материалы» (1-й выпуск – в 2003, 2-й выпуск – в 2005 году). В данном издании предполагается печатать не только статьи преподавателей кафедры истории русской литературы и фольклора, но и студенческие работы, выполненные в период учебной практики, а также в специальном семинаре по проблемам фольклора и традиционной народной культуры.

К числу важнейших учебно-научных проектов кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики и лаборатории прикладной лингвистики следует отнести создание печатных и электронных пособий по курсам «Семантика», «Лингвистическая типология и языковые ареалы», «Старославянский язык», «История русского языка», «Русская диалектология», электронных хрестоматий, электронных текстов для проверки текущих и остаточных знаний по ряду дисциплин кафедры, внедрение в учебный процесс (лекции, практические занятия) демонстрационных материалов на компьютерной базе.

На кафедре общего литературоведения и журналистики наряду с дальнейшим многонаправленным изучением истории русской литературной критики XVIII–XXI веков активно развивается новое направление, связанное с исследованием истории русской журналистской критики, с теорией массовых коммуникаций, с природой журналистского творчества, медиаобразованием.

Силами кафедры романской филологии планируется открытие нового образовательного направления «Испанский язык и литература», развитие сотрудничества с региональным Центром французского языка в Саратове, расширение связей с университетами Франции, развитие лаборатории по изучению территориальных вариантов французского языка.

Кафедра английской филологии предполагает в первую очередь внедрять в учебный процесс новые методики преподавания перевода, а также осуществление проекта по трудоустройству студентов по специальности (взаимодействие кафедры и работодателей), сотрудничество с Американским центром г. Саратова, с Лицом гуманитарных наук, создание Клуба английского языка и культуры на факультете и др.

Кафедра зарубежной литературы и журналистики планирует возобновление (заведомо малочисленной, но тем не менее постоянно востребуемой вузами Саратова) специализации по латинскому языку.

Кафедра немецкой филологии в 2005 году проводит первый семинар в рамках проекта заочного повышения квалификации преподавателей немецкого языка «Немецкий язык в теории и практике». Проект функционирует на основе договора, подписанного СГУ, Немецким культурным центром им. Гёте и университетом г. Касселя (ФРГ). Продолжится сотрудничество с университетом г. Эссена (ФРГ) в целях разработки практических занятий по курсу перевода с использованием методик подготовки переводчиков в немецких вузах.

Кафедра немецкого языка планирует разработать программу «Немцы Поволжья» для лингфонного кабинета, а также продолжить сотрудничество с университетом Дуйсбург-Эссен (ФРГ), осуществляемое по проекту «Билингвальное обучение», с фондом Bosch-Stiftung, с университетом г. Трира (ФРГ), с Обществом немецкого языка в Висбадене.

Кафедра французского и испанского языков одной из своих приоритетных задач считает ориентацию на овладение новыми информационными технологиями в учебном процессе (разработка обучающих и тестовых компьютерных программ, разработка многоуровневых контрольных работ по грамматике), участие в работе международной организации «Альянс Франсез» (олимпиады, конкурсы, встречи студентов и преподавателей с представителями Франции и др.).

Кафедра английского языка и межкультурной коммуникации разрабатывает учебные планы по стандартам для вновь открывающихся в СГУ специальностей, продолжает осуществлять (совместно с кафедрой немецкого языка и кафедрой французского и испанского языков) дополнительную квалификацию «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (на факультете филологии и журналистики, на механико-математическом, историческом, социологическом, географическом факультетах), расширяет внедрение образовательной технологии «Дебаты», проводит семинары-тренинги по работе в лаборатории устного перевода.

По специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» предполагается развитие учебно-научной лаборатории прикладной лингвистики и компьютерного класса:

- ведение компьютерных баз данных;
- организация сотрудниками лаборатории помощи преподавателям факультета в создании электронных учебных пособий и компьютерных систем учета знаний;
- помощь студентам в сборе материалов для курсовых и дипломных работ, консультации для аспирантов;
- организация локальной сети на базе компьютерного класса;
- подключение класса и лаборатории к сети Интернет;
- обновление парка машин в классе;
- обслуживание текущих занятий с использованием компьютеров.

В пределах специальности «Журналистика» планируется одновременное развитие **двух** специализаций: «Международная журналистика» и «Телевидение» (совместно с ГТРК «Саратов»).

Первый выпуск студентов по специализации «Международная журналистика» состоялся весной – летом 2005 года. Первый выпуск студентов по специализации «Телевидение» планируется осуществить соответственно в 2009 году. В этих временных пределах предполагается комплексное научно-образовательное развитие и методическое совершенствование активно востребованной в нашем регионе и за его пределами специальности.

Одна из главных и спорных проблем современного журналистского образования – постоянно diskutированное соотношение фундаментальной и производственно-практической составляющих.

Мы убеждены в том, что настоящим фундаментом журналистского образования может стать и станет разрабатываемая на факультете междисциплинарная (филологическая по основному своему составу) наука, посвященная природе (истории, теории и практике) общения, вводящая начинающих журналистов в морфологию и прагматику диалогов с другим, в философию «актуального новостного», знакомящая с парадоксальными пересечениями преходящего и вечного в информационном потоке, с постоянной работой на «чужих territori-

ях» человеческих интересов, забот и страстей. Забота саратовских филологов – разработка и создание усовершенствованной модели журналистского образования с учетом указанных выше, принципиально новых подходов к учебному процессу.

Наряду с лабораторией печатной журналистики (на базе которой издаётся учебная газета «Студенческий город» и успешно функционирует Школа юного журналиста), в самом скором времени будет организована работа лаборатории электронных СМИ (с сетевым радиовещанием на учебные корпуса СГУ, с необходимой в учебных целях телерадиоаппаратурой и др.).

Продолжится успешно начатое дистанционное обучение студентов-журналистов (он-лайн диалоги со студентами университетов США, Китая, Швейцарии, Африканского континента), а также проведение специальных практик журналистов-международников в телевизионных кампаниях г. Стамбула (Турция).

В неразрывной связи с учебно-образовательными и научно-методическими перспективами будут развиваться (частично обозначенные выше) научно-исследовательские инициативы факультета.

Так, кафедра русской литературы XX века в русле своего основного научного направления, связанного с исторической поэтикой русской литературы, провела в 2005 году большую международную научную конференцию «Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков».

Кафедра английского языка и межкультурной коммуникации организует научный семинар «Глобальный английский в современном мире».

Филологи-лингвисты продолжают совместную с Институтом русского языка имени академика В. В. Виноградова РАН работу над коллективной монографией по функционированию русского языка и культуре речи, а также над новой редакцией энциклопедического словаря «Культура русской речи». Завершится издание в СГУ многотомного «Словаря драматургии А. М. Горького».

Пополняется и Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области, продолжается исследование ассоциативного речевого материала и частичное открытие данных словаря через Интернет. Создаются и исследуются компьютерные корпоративные базы данных и текстовых корпусов по памятникам древнерусской и старославянской письменности, по русским народным говорам, по газетно-публицистической речи, по разговорной речи.

Регулярными станут, мы надеемся, и серийные издания «Известий Саратовского университета. Филология и журналистика», продолжится выпуск хорошо себя зарекомендовавших в гуманитарном сообществе научных филологических сборников «Жанры речи», «Проблемы речевой коммуникации», «Романо-германская филология», «Язык и общество».

Предполагается продолжить иницилируемый Советом молодых ученых факультета проект общефакультетского издания «Филологических этюдов» (выпуски посвящаются итогам традиционных ежегодных международных и общероссийских конференций молодых ученых – лингвистов, литературоведов и журналистов).

Планируется к 100-летию СГУ подготовка и издание в Москве и Саратове серии книг, посвященных жизни и творчеству выдающихся ученых-гуманитариев Саратовского университета – С. Л. Франка, А. П. Скафтымова, Л. И. Баранниковой и др.

Будет продолжено также научно-исследовательское сотрудничество с вузами и другими научно-культурными организациями Саратова (Гос. музей К. А. Федина, Дом-музей Н. Г. Чернышевского, Консерватория им. Л. В. Собинова, Академический ТЮЗ им. Ю. П. Киселева, Институт аграрных проблем РАН и др.). Предполагается организация прикладных научных исследований совместно с ГТРК «Саратов», с Саратовским отделением Союза журналистов РФ.

Заметно интенсифицируется научная кооперация старейших кафедр факультета с сотрудниками относительно молодых кафедр (в том числе кафедр английского языка и межкультурной коммуникации, немецкого языка, французского и испанского языков, английской филологии, немецкой филологии, романской филологии и др.) в совместных научно-методических и др. исследованиях, публикациях, в организации и проведении конференций, семинаров, в планомерной аспирантской подготовке, в научном консультировании докторантов.

Грантовая политика факультета на 2005–2009 годы предусматривает активное участие всех без исключения структур факультета (кафедр, лабораторий, института) в разработке новых международных и российских научно-исследовательских проектов в следующих направлениях:

- реальное функционирование русского языка в разных жанрах и сферах современного общества;
- русский язык в когнитивном и социальном аспектах;
- многоаспектность развития и функционирования языка и речи;
- совершенствование методик преподавания иностранных языков;
- научно-методическое совершенствование университетской подготовки переводчиков высокой квалификации;
- научно-методические принципы преподавания русского языка как иностранного;

- история и теория литературы, литературоведения и журналистики;
- история русской литературной критики;
- история журналистской критики в России и за рубежом;
- исследование новых моделей журналистского образования;
- цензура в России: прошлое – настоящее – будущее (в рамках Межрегионального института общественных наук при СГУ).

Основные направления социально-воспитательной работы на факультете определяются задачами, связанными со следующими долговременными и постоянными приоритетами:

- всемерное развитие принципов студенческого самоуправления (в том числе через студенческий совет факультета);
- постоянное внимание совершенствованию методики работы института кураторства на младших курсах;
- регулярное проведение просветительских, культурно-воспитательных, спортивно-массовых, развлекательных и др. мероприятий, дней открытых дверей, посвящений в студенты, олимпиад, конкурсов, вечеров поэзии, традиционных первоапрельских Хлестаковских фестивалей, кафедральных и факультетских дней и т.д.;
- ориентация на проверенный временем принцип: «Студенческая художественная самодеятельность факультета филологии и журналистики – составная часть нашего общего образовательно-воспитательного дела»;
- усиление целевой социальной поддержки преподавателей кафедр – через систему внебюджетного финансирования факультета;
- принятие необходимых мер для улучшения летнего отдыха преподавателей и студентов (в том числе в университетском лагере «Чардым»; лечение в профилактории СГУ) и др.;
- оказание материальной помощи студентам и преподавателям факультета (через ректорат и профком СГУ).

Факультет – организм живой, успешно возрастающий на почве уже давно и недавно осуществленного, опирающийся в своем движении на славно укорененные научно-образовательные традиции. И одновременно – это структура, энергично развивающаяся и стремящаяся соответствовать новым и очень сложным социально-культурным вызовам нашего времени.

Мне в этом вступительном слове к первому факультетскому выпуску «Известий Саратовского университета» хотелось быть предельно четким, конкретным и внятным. И потому я счел возможным и необходимым частично использовать здесь материалы перспективного плана развития нашего факультета на ближайшее время, вплоть до 2009 года, когда общественность России будет отмечать столетие со дня основания Саратовского университета.

УДК 378.4(470.44-25)«1917/1919»

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИЗ ЛЕТОПИСИ СОБЫТИЙ 1917–1919 гг.

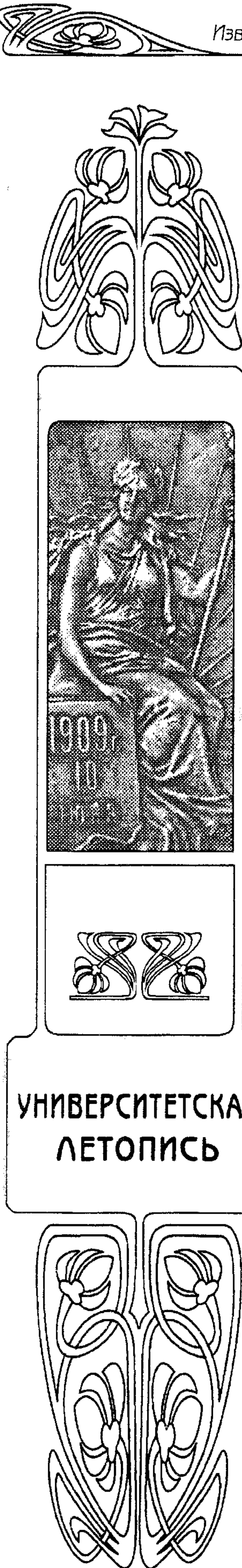
А. А. Гапоненков

Возникновение историко-филологического факультета в 1917 г. является поразительным примером стремительного и успешного становления гуманитарного образования в Саратове, содружества историков и филологов, необычайно насыщенной интеллектуальной жизни в разных ее формах. Состав новых профессоров был определен в основном из ученых, приват-доцентов Петроградского университета, и три учебных года шел непрерывный процесс формирования кафедр и пополнения их научными кадрами. Внутри факультета, прежде всего стараниями первого декана философа С. Л. Франка, была создана уникальная психологическая атмосфера свободного творчества.

В сложный процесс становления историко-филологического факультета сразу же властно вмешалась политика революционной ломки. Высшая школа в России приняла на себя, как и все общество, удары новых декретов и постановлений, экспериментов, «строжайшую социализацию». Профессора, по мере своих сил, долго сопротивлялись разрушению установившейся системы образования, её привычных форм и методов, пока не были фактически отстранены от занятий, лишены права на преподавание. Многие из них подверглись травле, арестам и заключению. Власть использовала для их дискредитации коммунистические группы внутри студенчества, а также «красных профессоров». Судьбы многих факультетских ученых сложились драматически и даже трагически, и потеря эта для науки в России невосполнима: высылка из страны (С. Л. Франк), эмиграция (М. Р. Фасмер, Н. С. Арсеньев, В. Э. Сеземан), гибель на строительстве Беломорско-Балтийского канала (В. А. Бутенко), «дело славистов» (Г. А. Ильинский, Н. Н. Дурново), изгнание из стен университета (С. Н. Чернов)...

В летописи факультета отражен контекст общественных, в том числе городских событий. А. П. Скафтымов в письме к Ю. Г. Оксману говорил в связи с подготовкой юбилейного издания «Саратовский университет, 1909–1959»: «Нашу историю надо изучать в масштабах общих. Это будет достаточно полно и безошибочно» (А. П. Скафтымов – Ю. Г. Оксману, 8 мая 1958 г., Саратов)¹. Историю, свободную от идеологических стереотипов, историю факультета в рамках истории страны, общества и государства. В 1959 г., да и позднее, это было невозможно по политическим условиям времени. В публикациях последних лет по крупицам восстанавливается подлинная

¹ Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / предисл., сост. и подгот. текстов А. А. Жук; публ. В. В. Прозорова // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. Т. 1, № 2. С. 276.

история факультета. В 1917–1919 гг. она характеризовалась борьбой «старого» и «нового», столкновением непримиримых концепций образования, причем *старое* – это были традиции и сам дух русской университетской науки. Монтаж материалов в летописи и их строгий отбор позволили создать панораму факультетской жизни, выявить новые факты биографии ученых. Когда знакомишься с обстоятельствами их пребывания в Саратове и научного труда, поражает духовная мощь и способность в нечеловеческих условиях служить идеалам культуры, просвещения, нравственным ценностям. Сформированная тогда культурная среда передала осязаемый импульс последующим поколениям ученых университета.

В работе над летописью использованы следующие источники:

Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. Разряд высших учебных заведений. 1-е делопроизводство. Июнь 1917 г.: Об учреждении в составе Саратовского университета факультетов: физико-математического, историко-филологического и юридического... (РГИА (СПб.). Ф. 733. Оп. 156. Д. 277. Л. 31–32 об.).

Отчет о деятельности историко-филологического факультета Саратовского университета за 1917–1919 гг. / публ. А. И. Авруса, З. Е. Гусаковой // *Известия Саратовского университета*. 2001. № 1. С. 16–29.

Известия Саратовского университета. Историко-филологический факультет. Саратов, 1918. Вып. 1.

Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1919–1920 уч. году. Саратов, 1919.

Ученая жизнь Саратова // *Научные известия Академического центра Наркомпроса*. М., 1922. Сб. 2. С. 299–307.

Саратовский университет, 1909–1959 / редкол.: П. А. Бугаенко, В. С. Вышемирский, Л. А. Дербов и др. Саратов, 1959.

Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги Саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984.

Личное дело С. Л. Франка // Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 393. Оп. 1. Ед. хр. 901.

Личное дело В. А. Бутенко // Архив СГУ.
Личное дело Г. А. Ильинского // Архив СГУ.
Личное дело В. М. Жирмунского // ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Ед. хр. 834.

Личное дело Н. К. Пиксанова // Архив СГУ.
Личное дело М. Р. Фасмера // ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Ед. хр. 900.

Саратовский Вестник. 1917. Сентябрь–декабрь.

Саратовский Листок. 1917. Сентябрь–декабрь.

Саратовские Известия. 1918–1919.

A Russian Civil War Diary. Alexis Babine in Saratov, 1917–1922 / Donald Raleigh, editor. Durham and London, 1988.

Дневник Гражданской войны. Алексис Бабин в Саратове. 1917–1922 гг. / пер. В. В. Булдакова // *Волга*. 1990. № 5. С. 112–127.

Гераклитов А. А. Воспоминания / подгот. текста, публ., коммент. и вступ. ст. Н. А. Попковой. Саратов, 2004.

Зёрнов В. Записки русского интеллигента / предисл., подгот. текста к публ. и коммент. В. А. Соломонова // *Волга*. 1993. № 7–11; 1994. № 2–7.

Рейли Д. «Заложник пролетариата»: Отрывки из воспоминаний А. А. Минха / Под ред. О. Ю. Абакумова. Саратов, 2001.

Сергеенко М. С. Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете / вступ. ст., публ. и коммент. Т. В. Андреевой // *Деятели русской культуры XIX–XX*. СПб., 2001. Вып. 2. С. 280–303.

Франк С. Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли / С. Л. Франк // *Франк С. Л. Русское мировоззрение*. СПб., 1996. С. 39–58.

Франк С. Л. Из писем М. О. Гершензону (1912–1919) / публ. М. А. Колерова // *De visu*. 1994. № 3/4. С. 23–33.

Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского / публ. Н. А. Жирмунской и О. Б. Эйхенбаум; примеч. Н. А. Жирмунской и Е. А. Тоддеса // *Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения*. Рига, 1988. С. 256–329.

Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому / вступ. ст., публ. и примеч. А. В. Лаврова // *Новое литературное обозрение*. 1999. № 35. С. 117–214.

Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. Минск, 1977.

Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. / под ред. Т. А. Богатовой. М., 2000.

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.

1917

1 июля. Постановлением Временного правительства учрежден историко-филологический факультет. «Летом 1917 г. при Временном правительстве было решено основать новые факультеты при Саратовском университете (до того там существовал медицинский факультет). Это было, когда министром народного просвещения был Сергей Фёдорович Ольденбург (дело по созданию факультетов началось при министре народного просвещения Александре Аполлоновиче Мануйлове. – А. Г.), товарищем министра по делам высшей школы – Влад<имир> Ив<анович> Вернадский, а председателем комиссии по устройству новых факультетов был назначен Ив<ан> Мих<айлович> Гревс. Так как все трое меня хорошо знали, а И.М. Гревс любил и ценил меня, то мне было предложено стать первым деканом (и ординарным профессором) нового историко-филологического факультета. В Петербурге становилось голодно, Саратов был родной город моей жены, там жили её родители – и хотя я совсем не склонен был при нормальных условиях покидать Петербург и уезжать в провинцию, но теперь я принял предложение. Первый состав факультета состоял из меня (философия), В.М. Жирмунского (германистика), В.А. Бутенко (всеобщая история), В.И. Веретенникова (из Харькова, русская история) и Н.К. Пиксанова (русская литература). Осенью 1917 среди всеобщей разрухи мы переселились в Саратов. Работа шла в общем дружно и хорошо, жилось неплохо. Но большевистское разрушение продолжалось» (Франк С. Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 50).

Первые пять профессоров и в их числе декан историко-филологического факультета были утверждены в должности в Петрограде с 1 июля 1917 г.

Семен Людвигович Франк (1877–1950) был приват-доцентом Петроградского

университета, магистром философии (диссертация «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» (Пг., 1915) защищена в 1916 г.), членом редакции журнала «Русская Мысль», еженедельника «Русская Свобода». Докторская диссертация «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» была издана им еще в Петрограде, но защита её, намеченная в 1918 г., не могла произойти из-за трудностей военнореволюционного времени. В Саратове Франком написаны книги «Краткое введение в философию» и «Методология общественных наук», статья «De profundis» для сборника «Из глубины» (1918), перевод труда Дж. Сили «Введение в науку политики» (не издан). Деканом историко-филологического факультета профессор Франк был в 1917/18 учеб. году, заведующим кафедрой философии, затем профессором кафедры философии и психологии – до сентября 1921 г. Адрес С.Л. Франка в Саратове (на 1918 год): Аничковская ул. (ныне – Рабочая), 14.

Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) – приват-доцент Петроградского университета с 1915 г., профессор, магистр европейских литератур, заведующий кафедрой истории западноевропейских литератур (романо-германской филологии) Саратовского университета в 1917–1919 гг. В Саратове была издана магистерская диссертация В. М. Жирмунского «Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков» (1918), написана работа «Задачи поэтики» (Жизнь искусства. 1919. № 313–317), начата докторская диссертация «Байрон и Пушкин. Из истории романтической школы» (Л., 1924). В области лингвистики Жирмунский занимался изучением немецких диалектов Поволжья. Саратовский адрес ученого: Малая Сергиевская (ныне – Мичурина) ул., угол Соборной, дом Самойлова, кв. Шапиро.

Вадим Аполлонович Бутенко (1877–1931) был статским советником, экстраординарным профессором Александровского лицея, приват-доцентом Петроградского университета. Магистерская диссертация по всеобщей истории «Либеральная партия во Франции в эпоху реставрации. Т. I. 1814–1820» была защищена им в 1913 г. Её про-

должением явилась завершённая в Саратове докторская диссертация «Либеральная партия во Франции в эпоху реставрации. Т. 2. 1820–1830», но после отмены ученых степеней защита не состоялась. Профессором Саратовского университета В.А. Бутенко оставался до 1928 г. За это время он дважды избирался деканом: историко-филологического факультета в 1918/19 учеб. году и факультета общественных наук в 1920–1921 гг. В 1923 г. назначен заведующим Радищевским музеем. Издал в Саратове книги: Из истории революционного движения во Франции в эпоху реставрации. Саратов, 1920; Краткий конспект лекций по истории Западной Европы в XV – XVIII вв. Саратов, 1921. Адрес В. А. Бутенко (на 1923 г.): Царицынская (ныне – Первомайская) ул., д. 178, кв. 2 (*Архив СГУ. Личное дело В.А. Бутенко*). Проф. В. А. Бутенко был арестован в Ленинграде в 1930 г. по «академическому делу» и незаконно осужден на 10 лет, умер на строительстве Беломорско-Балтийского канала 14 сентября 1931 года, «причина и место захоронения не указаны в картотеке лагеря» (*сообщено в Архив СГУ В.П. Золотарёвым*).

Василий Иванович Веретенников (1886–1942) заведовал кафедрой русской истории Саратовского университета в 1917–1920 гг., специалист по феодальной эпохе, архивист. Принимал участие в спасении бывших государственных архивов в Саратове (главноуполномоченный по архивам), ездил в этнографические экспедиции, занимался краеведением. Переехал в г. Харьков на должность начальника архивного управления Украинской ССР.

Николай Кириакович (Кириякович) Пиксанов (1878–1965) – приват-доцент Петроградского университета по кафедре русской словесности с 1912 года, экстраординарный профессор, зав. кафедрой русского языка и литературы Саратовского университета с 1917 по 31 декабря 1921 г., секретарь факультета в 1917–1918 гг. (*Архив СГУ. Личное дело Н. К. Пиксанова*); член-корреспондент АН СССР (1931). В Саратове ученым написаны: монография «Творческая история “Горе от ума”» (М., 1928), книга «Грибоедов и Мольер. Переоценка традиции» (М., 1922), «семинарии» «Пушкинская студия» (Саратов, 1921) и «Театральный семинарий» (Куль-

тура театра. 1921. № 5, 6; 1922. № 1–2). О саратовском периоде деятельности Н. К. Пиксанова см.: *Борисов Ю. Н. Н. К. Пиксанов / Ю. Н. Борисов // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 35–53.*

4–11 октября. «Служители университета обратились к студентам с требованием заплатить им за два последних учебных года 348 рублей за разборку студенческой корреспонденции, пригрозив в противном случае прекратить разборку. Один из студентов на собрании, когда было предъявлено это требование, сказал: «Мы заплатим, но пусть сначала служители возвратят нам все чаевые, а тогда мы посмотрим кто кому должен». Характерно, что одновременно служители обратились к студентам с просьбой поддержать их в предстоящей забастовке» (*Саратовский Листок. 1917. 4 октября (№ 216). С. 3*); «Забастовка служителей. В университете бастуют свыше 200 служителей с 6 октября. Места до сих пор не заняты. Лекции продолжают (на медицинском факультете. – А. Г.), но почти все профессора отказались от практических занятий за невозможностью обойтись без служителей. Студенчество в отношении забастовки раскололось. Большинство – против забастовки, и по мере возможности заменяют служителей. Социалистическое меньшинство не посещает лекции» (*Саратовский Вестник. 1917. 10 октября (№ 223). С. 3*); «С 11 октября служители университета приступают к работе» (*Саратовский Вестник. 1917. 11 октября (№ 223). С. 3*).

8 октября. Система организации преподавания на факультете была признана *предметная*, а не *курсовая*. Определено устроить на факультете пять отделений: историческое, славяно-русское, романо-германское, классическое, лингвистическое. Позднее образованы отделения философское (весной 1919 г.) и истории искусств и археологии (*Отчет о деятельности историко-филологического факультета Саратовского университета за 1917–1919 гг. С. 19*).

Сентябрь–октябрь. «Без квартир. Профессора, приехавшие из Петрограда на вновь открытые факультеты, до сих пор не могут подыскать квартир. <...> «Мы очути-

лись в положении беженцев, положении морально невыносимом, – говорит один из профессоров. – Но ведь мы не беженцы, мы – гости Саратова, мы приехали по приглашению города. Все готовы потесниться – это верно! Но, не говоря уже о том, что в большинстве запрашивают недоступные цены, – не дают возможности пользоваться кухней; а при нынешнем положении продовольственного вопроса нельзя с семьёй обходиться рестораном. Мы за эти дни вынесли такое впечатление, что с детьми нельзя устроиться. Прибегнуть к реквизиции – ведь это общественный скандал. Кроме того, это не столько неприятно будет для владельцев квартир, сколько тяжело в моральном отношении для нас – быть в положении терпимых». <...> Д.А. Тупоридзе (губернский комиссар Временного правительства. – А. Г.) говорит, что город сам поставлен в безвыходное положение. Городские помещения, которые можно было использовать, все на учете, все уже предназначены под различные учреждения, в частности петроградские. Банки – тоже. Так что единственное средство – распределиться по частным квартирам» (*Саратовский Вестник. 1917. 11 октября (№ 224)*); «Мы посетили общежитие новых саратовских профессоров, которые размещены на 3-м этаже 2-го корпуса университета. <...> В комнатах, служивших раньше лабораториями и кабинетами профессоров, поставлены по 2–3 и даже 4 кровати, матрацев на кроватях нет и только настланы на них доски и лежат мешки, набитые сеном. <...> Кухни нет, чай приходится кипятить на спиртовке, прислуги тоже нет, и всю черную работу приходится исполнять самим. <...> По случаю забастовки служителей студенческая столовая, в которой обедали профессора, не работает, и профессорам положительно негде пообедать, особенно только что прибывающим, которые еще и карточек продовольственных не имеют. Следовало бы саратовцам уделить больше внимания и гостеприимства и постараться придти на помощь людям, которые отдают силы и знания будущим строителям России. Предложения о свободных квартирах можно направлять в университет членам квартирной комиссии проф. В.В. Вормсу и проф. В.Д. Зернову» (*Б-н А. Профессора на бивуаках // Саратовский Листок. 1917. 12 октября (№ 223). С. 3*).

Октябрь. «*Организация новых факультетов.* Занятия на трех новых факультетах при Саратовском университете начнутся в ближайшее время. Разместятся новые факультеты временно в помещениях медицинского факультета на Московской площади (историко-филологический во II корпусе. – А. Г.). Уже назначены и прибыли следующие профессора: на историко-филологический факультет – по кафедре философии С.Л. Франк, декан факультета, и.д. ординарного профессора, магистр философии; по кафедре классической филологии С.В. Меликова, и.д. экстраординарного профессора; по кафедре сравнительного языкознания М.Р. Фасмер, ординарный профессор, доктор сравнительного языковедения; по кафедре русского языка и литературы Н.К. Пиксанов, и.д. экстраординарного профессора, магистр всеобщей истории; по кафедре русской истории В.И. Веретенников, ординарный профессор, доктор русской истории; по кафедре истории западных литератур В.М. Жирмунский, и.д. экстраординарного профессора. По этому факультету остается еще не замещенными 8 кафедр.<...>» (*Саратовский Вестник. 1917. 12 октября (№ 225). С. 3*). О **Софии Венедиктовне Меликовой-Толстой** (1885–1942) см.: Древний мир и мы. СПб., 1997. С. 142–154. Профессором Саратовского университета, заведующим кафедрой античной филологии она была в 1917–1921 гг. **Макс Юлиус Фридрих Фасмер** (Максим Романович) (1886–1962) – «сын германского подданного», языковед-славист, доктор сравнительного языкознания (диссертация «Исследование в области древнегреческой фонетики», 1915), приват-доцент Петроградского университета, заведующий кафедрой сравнительного языкознания в Саратовском университете, профессор (1917 – ноябрь 1918), ординарный профессор Дерптского университета (1918–1921). За время своей работы в Саратове «составил диалектологический словарь местного края, хранящийся в Саратовской ученой архивной комиссии» (*Отчет о деятельности... С. 27*). Летом 1920 года Фасмер приезжал в Саратов за своей библиотекой. Сделал выдающуюся научную карьеру в Германии; иностранный член-корреспондент АН СССР (1928). См.: Отечественные лексикографы XVIII – XX вв. М., 2000.

13 октября. Открытая лекция декана проф. С.Л. Франка о важности гуманитарных наук для общества по случаю начала занятий на новом факультете (*A Russian Civil War Diary. Alexis Babine in Saratov, 1917–1922. Durham and London, 1988. P. 22*).

22 октября. Допущен к чтению лекций в качестве приват-доцента **Сергей Николаевич Чернов** (специальность – древняя русская история; штатный доцент с 18 апреля 1918 г., затем профессор до 1928 г.). Изучал общественное движение XIX века (*Отчет о деятельности... С. 18; Саратовский университет 1909–1959. Саратов, 1959. С. 98–99*). С. Н. Чернов (1887–1942) – «сам саратовец, сын почтенного купца Чернова, <...> в те мрачные дни террора всю душу вложил на помощь угнетенным, замученным по тюрьмам, преследуемым согражданам и сам за это пострадал – большевики изгнали его из университета, лишив его права не только поступать на какую-либо должность, но и печатать свои труды (особенно по истории русской революции)» (*Рейли Д. Заложник пролетариата. С. 52*).

28 октября. «У городской управы, по Московской и Полицейской (ныне – Октябрьской. – А.Г.), – баррикады – из телег, мешков с песком, картофелью, айвой... Армянская (ныне – Волжская. – А.Г.), Полицейская и Московская заперты большевистскими отрядами, никого не пропускающими к городской управе. <...> Среди солдат и студентов, охраняющих городскую управу, мелькают гимназические шинели... <...> Надвигаются сумерки... Жутко... Двадцать минут седьмого начинается стрельба. Паника, улицы опустели. Обыскивают прохожих, отбирают оружие. <...> Стреляют из пулеметов, винтовок, орудий... И так всю ночь!.. К утру, около 6 часов вдруг стрельба прекратилась: Дума сдалась. Кошмар кончился...» (*Саратовский Вестник. 1917. 5 ноября (№ 241). С. 3*).

8 ноября. Избрана преподавателем древних языков **Мария Ефимовна Сергеенко** (р. 1891) (*Отчет о деятельности... С. 18*). В Саратове как филолог-классик проработала до 1930 года, затем была сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР. См.: *Сергеенко М.С. Воспоминания о Бестужевских курсах и Сара-*

товском университете / М. С. Сергеенко; вступ. ст., публ. и коммент. Т. В. Андреевой // Деятельности русской культуры XIX–XX. СПб., 2001. Вып. 2. С. 280–303.

«Г-жа Фасмер сообщила, что в её доме восемь вооруженных людей с санкции Военной секции произвели обыск. <...> Обыск производился грубо. Бандиты вошли и в комнату профессора Фасмера, спросили, нет ли у него оружия (у него не было револьвера – «к счастью»), оглядели комнату, но обыскивать не стали» (*Дневник русской гражданской войны. Алексис Бабин в Саратове. С. 115*).

12 ноября. «Состоялось общее собрание преподавателей высших учебных заведений г. Саратова с представителями студенчества обоюбого пола по вопросу о возобновлении чтения лекций. В начале заседания было предложено почтить вставанием память павших за истинную гражданскую свободу в братоубийственной войне и сделать сбор на нужды заключенных в тюрьме юнкеров и других военных. После обсуждения текущего момента и главного вопроса – о занятиях, <...> была вынесена следующая резолюция: “Собрание преподавателей высших учебных заведений и представителей студенчества г. Саратова, признавая, что насильственный захват власти безответственной группой ведет к полному разрушению хозяйственной и государственной жизни страны, видит единственный путь для восстановления облеченной общим доверием власти и порядка в стране до Учредительного Собрания в сплочении сил демократических земского и городского самоуправления <...>”» (*Саратовский Листок. 1917. 14 ноября (№ 241). С. 3*).

13 ноября. В заседании историко-филологического факультета обсуждался круг вопросов о семинариях (*Отчет о деятельности... С. 19*).

14 ноября. «Сегодня последний день выборов в Учредительное Собрание. Граждане! Исполните свой долг» (*Саратовский Листок. 1917. 14 ноября (№ 241)*).

16 ноября. «Итоги выборов в г. Саратове. Подсчет голосов по городу Саратovu (кроме гарнизона) дал итоги: на первом месте идут большевики и на втором (при сравнительно малой разнице с ними – 11466 голос партии народной свободы против 13714

большевиков) – *партия народной свободы*» (*Саратовский Листок*. 1917. 16 ноября (№ 243). С. 2).

18 ноября. «В текущем году «Студенческий кружок любителей изящной литературы и искусства» устраивает по субботам беседы по литературе и искусству. Первое собеседование состоится в субботу, 18-го ноября, в 5 с половиной часов вечера, в 1 корпусе университета. Доклад на тему «Страдалец-эстет и эстетика страдания (Оскар Уайльд)» прочтет А.М. Ромм. После доклада состоится обмен мнений, в котором примут участие профессора Н. Пиксанов и В. Жирмунский (новые материалы для биографии Уайльда). Для слушателей-ниц всех высших учебных заведений г. Саратова – вход свободный» (*Саратовский Листок*. 1917. 17 ноября (№ 244). С. 4).

19 ноября. «Студенчество и большевизм. Состоявшееся 19 ноября собрание студентов Саратовского университета вновь подтвердило своё решение бороться с большевизмом всеми имеющимися в распоряжении средствами включительно до академической забастовки, согласуя свои действия по этому вопросу с тактикой «союза союзов» (союз различных общественных, частных и профессиональных организаций в г. Саратове, включая и академический союз, выступил в поддержку городской думы. – А.Г.), где студенчество имеет своих представителей. На этом же собрании решено отслужить панихиду 6 декабря по всем жертвам большевистского восстания. Традиционный вечер 6 декабря в настоящем году не состоится» (*Саратовский Листок*. 1917. 21 ноября (№ 247). С. 3).

20 ноября. Заседание о планах занятий на ближайшие два года (*Отчет о деятельности... С. 19*).

24 ноября. «В университете. На историко-филологическом факультете утвержден приват-доцентом по кафедре русской истории С. Н. Чернов (бывший приват-доцент Петроградского университета), на лектуру древних языков избрана преподавательницей М. Е. Сергеенко, на лектуру английского языка избран А. В. Бабин, бывший директор народных училищ Вологодской губ., лектура немецкого языка временно поручена проф. М. Р. Фасмеру, по французскому языку из-

брана лектором Л. П. Милицына, бывшая преподавательница историко-литературных курсов Раева в Петрограде. Студентов принято на историко-филологический факультет около 70 человек; замечается большой прилив вольнослушателей, которых в настоящее время зачислено уже свыше 70 человек. Такое количество слушателей для начала историко-филологического факультета считается даже чрезмерным. Сейчас при факультете организуются кабинеты по отдельным кафедрам: философии, классической филологии, лингвистике, русской литературе, романо-германской филологии и истории. При кабинетах открываются специальные библиотеки, комплектование которых при настоящем состоянии книжного рынка связано с большими затруднениями, так что пожертвование книг оказало бы новому факультету существенную поддержку» (*Саратовский Листок*. 1917. 24 ноября (№ 249). С. 3). **Алексей Васильевич Бабин** (1866–1930) в 1917–1922 гг. преподавал английский язык в Саратовском университете, затем эмигрировал в США. Автор «Дневника русской гражданской войны», опубликованного в 1988 году проф. Д. Рейли.

12 декабря. Из письма С. Л. Франка М. О. Гершензону, Саратов, 12 декабря 1917 г.: «Живем, мы, конечно, очень плохо, во власти темной озлобленной толпы, как и всюду. При нормальных условиях здесь можно было бы ужиться, найти 2–3 человек, с которыми можно потолковать и плодотворно работать в университете, но теперь действительно тяжело во многих отношениях. Как-то теряется всякий вкус и интерес к творчеству и к самой жизни. Мысль по привычке работает – многое хотелось бы сказать, но кому – и для чего? Кроме того, все слова, на которые мы способны, кажутся ничтожными перед лицом пережитого. Не для того, чтобы помочь и спасти, – это уже поздно, – но чтобы осмыслить и оценить свершившееся, нужно иметь язык пророков. Мне кажется, что наши слабые интеллигентские души просто не приспособлены к восприятию мерзостей и ужасов в таком библейском масштабе, и могут только впасть в обморочное оцепенение. И исхода нет, потому что нет больше родины. Западу мы не нужны, России тоже, потому что она сама не существует,

оказалась ненужной выдумкой. Остается замкнуться в одиночестве стоического космополитизма, т<о> е<сть> пытаться жить и дышать в безвоздушном пространстве. Так когда-то жил Герцен. Невесело!» (С. Л. Франк. *Из писем М.О. Гершензону (1912–1919)* / публ. М.А. Колерова // *De visu*. 1994. № 3/4. С. 29).

«<...> У меня мечта перетянуть сюда как можно больше культурных сил. Если Вы знаете молодежь, заслужив<ающую> в эт<ом> отнош<ении> внимания, то рекомендуйте нам, пожалуйста. У нас открылся конкурс на 5 кафедр (замещение с 1 июля 1918): 1) русск<ого> языка, 2) романск<ой> литер<атуры>, 3) латинск<ого> яз<ыка> и литер<атуры>, 4) всеобщ<ей> истории – средневеков<ой> или древней и 5) истории искусств. Факультет у нас в общем неплохой – есть живые и талантливые люди (Жирмунский по германистике, Фасмер по языкознанию и нек<оторые> др<угие>), и группа свободных и культурных людей имеет большинство в факультете над группой чиновников от науки» (Там же).

31 декабря. «Около четырех часов дня демонстранты пришли к городской тюрьме, организовали митинг и потребовали освобождения нескольких незаконно арестованных общественных деятелей. Людям приказали разойтись, но они отказались выполнить приказ. Раздались предупредительные выстрелы в воздух. Люди легли на снег. Потом, поднявшись, они повторили свои требования. Вновь раздались выстрелы. Была убита студентка, другой студент на волосок от смерти, еще четверо тяжелораненых отвезли в Александровскую больницу. Всего пострадало 20 человек» (*Дневник русской гражданской войны. Алексис Бабин в Саратове...* С. 120).

1918

6 января. «Жилищный отдел Саратовского городского самоуправления объявляет, что наниматели квартир и других помещений, исключая комнато-нанимателей, снимающие помещения в домах, на которые отменена частная собственность, обязаны 8-го января внести наемную плату за январь месяц в кассу Городского самоуправления. <...> Комиссар Жилищного отдела С. Ку-

кушкин» (*Известия Саратовского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и Районного Исполнительного Комитета*. 1918. 6 января (№ 4). С. 1; далее – *Саратовские Известия*).

Январь-март. Принят Устав Философско-исторического общества. Председателем общества избран проф. С.Л. Франк, тов. председателя проф. В.А. Бутенко и проф. В.И. Веретенников, секретарем проф. В.М. Жирмунский, казначеем проф. Л.Н. Юровский. Цель общества – изучение гуманитарных наук. 24 (3) марта 1918 года состоялось первое собрание с двумя выступлениями: С.Л. Франк «О научно-просветительных задачах нашего времени», Н.К. Пиксанов «Освобожденный Герцен». За более чем год в обществе было сделано 17 докладов и сообщений, состоялось 12 заседаний. В качестве докладчиков выступали: В.М. Жирмунский, В.В. Голубев, Б.М. Эйхенбаум, Н.Н. Дурново, В.И. Веретенников, В.А. Бутенко, П.И. Алексеев, Н.С. Арсеньев. В 1919 году были образованы секции: историческая, лингвистическая, историко-литературная. Работа в секциях шла параллельно работе в общих собраниях. Заседания общества посещают до 150 человек и проходят они в здании «старого университета» (ныне – медучилище. – А.Г.) (*Отчет о деятельности...* С. 23; *Научные известия Акад. центра Наркомпроса*. М., 1922. Сб. 2. С. 299–302).

2 февраля. Из письма В.М. Жирмунского Б.М. Эйхенбауму, 2 февраля 1918: «В Саратове по-прежнему хорошо. Работы очень много. На днях я читал публичную лекцию о современной поэзии – символизм и новейшие течения. Не рассчитал время, читал больше трех часов. Для символистов я собрал новые стилистические данные – поэтика иносказаний, метафора, на примерах у Блока, кроме того Брюсовский материал. Во второй части лекции – Кузмин, Анненский, Ахматова. Народу было очень много – человек 600 (в большой аудитории 3-го корпуса университета. – А.Г.). Саратов начинает привыкать к стилистике. Одна из моих лучших учениц готовит для литературного кружка доклад о соединительных частицах у Ахматовой!! <...> (Переписка Б. М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского / публ. Н.А. Жирмунской и О.Б. Эйхенбаум; примеч. Н.А. Жирмунской и

Е.А. Тоддеса // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 296–297); «Какие ужасные события! Смерть Каледина это для меня конец России – теперь остается только немецкое вмешательство, которое будет» (*Там же*. С. 297). Автор письма придерживается старого юлианского стиля, так как по григорианскому новому стилю после 31 января 1917 года наступило сразу же 14 февраля. Далее в хронике даты даются по новому исчислению.

Март-май. «Весна 1918 г. застала нас, саратовцев, в подавленном состоянии, чувствовался всё больше и больше и морально, и физически гнёт большевистской власти» (*Рейли Д. «Заложник пролетариата»* С. 45; В приложении: «Скорбный список саратовцев». С. 68–72).

Апрель. Помощником библиотекаря в кабинет русской литературы проф. Н.К. Пиксановым приглашен А.П. Скафтымов, преподаватель русской словесности в бывшей гимназии А.М. Добровольского (*Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Саратов, 1984. С. 43*).

6 апреля. «Уплотнение жилищ. Домовладельцы и владельцы обширных квартир всячески стараются обойти постановление о расселении в их свободные комнаты не имеющих никакого жилья лиц. С этой целью они номинально отводят комнаты даже такой прислуге, которая дальше кухни никуда в их квартиры не допускалась. Теперь в дома будут являться особые комиссии, организуемые жилищным отделом. Эти комиссии и будут следить, чтобы не было случаев обхода постановления об уплотнении со стороны домовладельцев и богатых квартирантов» (*Саратовские Известия. 1918. 6 апреля (№ 65). С. 3*).

15 апреля. Профессором на кафедру славяноведения избран проф. Воронежского университета, доктор филологии (удостоен Ломоносовской премии за труд «Грамоты болгарских царей», 1911) **Григорий Андреевич Ильинский** (*Отчет о деятельности... С. 17*). Профессором на кафедру русского языка избран московский приват-доцент **Николай Николаевич Дурново** (*Там же*). В Саратовском университете Г.А. Ильинский (1876–1937) был заведующим кафедрой славянской филологией в 1918–1923 гг.;

член-корреспондент Российской АН (1921). Адрес в Саратове: М. Кострижная (ныне – ул. Пушкина), д. 5, кв. 4 (*Архив СГУ. Личное дело Г.А. Ильинского*). Н. Н. Дурново (1876–1937) был профессором Саратовского университета в 1918–1920 гг.; член-корреспондент АН СССР (1924). Оба выдающихся ученых осуждены по «делу славистов» и расстреляны. См. также: *Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. Минск, 1977. Т. 2 (А–К). С. 229–236.*

18 апреля. Из письма В.М. Жирмунского Б.М. Эйхенбауму, Саратов, 5 (18) апреля 1918: «За это полугодие я успел прочитать очень подробно эпоху бури и натиска, творчество молодого Гете и Шиллера и развитие Гете в классическую пору. Я очень рад был опять вернуться к своим немцам, и в частности Гете доставил мне много наслаждения – я разбираю на лекциях не только отдельные драмы, но и отдельные стихи. С учениками, вернее ученицами, было тоже очень хорошо, и я отметил несколько серьезных докладов: о сравнениях у Байрона, о поэтической технике «Книги Песен» Гейне, о трех типах байронических поэм. <...> Самостоятельная работа была у меня только одна – доклад в нашем «Философско-историческом обществе» о юношеской поэзии Байрона, который представляет начало задуманной книги о Б<айро>не. Но времени, времени так мало!» (*Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского. С. 300–301*).

24 апреля. «Занятия в университете оканчиваются в субботу 27 апреля. Экзамены по некоторым предметам уже начались и будут продолжаться после праздников Пасхи. Замечается усиленный разъезд студентов. Многие уезжают, предполагая вернуться только осенью» (*Саратовские Известия. 1918. 24 апреля (№ 80). С. 3*).

7 мая. В отставку ушел (в связи с предстоящими перевыборами) ректор Саратовского университета профессор **Петр Павлович Заболотнов** (специальность – медицина). Исполняющим обязанности ректора назначен профессор медицины **Владимир Андреевич Арнольд** (*Саратовский университет, 1909–1959. Саратов, 1959. С. 269*).

15 мая. «По инициативе Совета народного образования в начале мая в Саратовском университете на собрании делегатов от

университетских групп, при участии представителя от Совета народного образования, обсуждался вопрос о демократизации университетского правления. Все делегаты единогласно высказались за реформу правления. Результаты обсуждения этого вопроса по группам были опубликованы на втором делегатском собрании, состоявшемся 10 мая. Все члены группы единогласно согласились с тем, что реформа правления назрела уже давно и что необходимо пополнить существующее правление, состоящее из ректора, проректора и деканов, представителями университетских групп. Первое заседание реформированного правления Саратовского университета состоится в четверг 16 мая» (*Саратовские Известия. 1918. 15 мая (№ 92). С. 3*).

18 мая. На кафедру всеобщей истории избраны профессорами **Петр Михайлович Бицилли** (специальность – средние века) и проф. Воронежского университета **Петр Александрович Яковенко** (специалист по истории Византии) (*Отчет о деятельности... С. 17*). П.М. Бицилли (1879–1953), по видимому, по условиям военного времени и разрухи так и не добрался до Саратова. С 1920 года находился в эмиграции. П.А. Яковенко (1870–1920) был профессором Саратовского университета в 1918–1920 гг.

20 мая. «Нелепый кровавый кошмар висел над Саратовом в продолжении двух суток (17–19 мая. – А.Г.). Против Совета был устроен военный контрреволюционный заговор. Теперь он подавлен, и можно более спокойно оценить смысл совершившихся событий. Во главе восстания стояли так называемые фронтовики <...>. Прикрываясь не определенным в политическом отношении именем фронтовик, агенты буржуазии надеются таким образом сбить с толку рабочих и крестьян. В частности, местные саратовские заговорщики утверждали в своих листовках, что они не против советов вообще, а только против его данного состава.<...> Совет твердо держался на своём посту, несмотря на бешеный орудейный обстрел советского здания» (*Нурмин. Провокация / Нурмин // Саратовские Известия. 1918. 20 мая (№ 95). С. 1*).

27 мая. Избран профессором на кафедру теории и истории искусств приват-доцент Московского университета египтолог **Франц**

Владимирович Баллод (специальность – восточное искусство) (*Отчет о деятельности... С. 17*). Ф.В. Баллод (1882–?) был организатором археологических исследований в Саратовском крае, зав. историко-художественным отделом ИСТАРХЭТа. В 1919/20 учеб. году являлся деканом историко-филологического факультета. См. работы Ф.В. Баллода: *Отчет о раскопках на Увеке летом 1919 года. Саратов, 1919*; *Очерки истории древнеегипетского искусства. М.; Саратов, 1924*.

6 июня. Ассистентом на кафедру русской истории избран **Александр Александрович Гераклитов**, с 11 апреля – штатный преподаватель, затем в 1928–1933 гг. профессор; зав. библиотекой историко-филологического факультета (специальность – история местного края и архивное дело). (*Отчет о деятельности... С. 18*). А.А. Гераклитов (1867–1933) занимался в Саратовском университете краеведением, палеографией, историей мордовского народа. См.: *Гераклитов А. А. Воспоминания / подгот. текста, публ., коммент. и вступ. ст. Н. А. Попковой. Саратов, 2004*.

29 июля. *Из письма В.М. Жирмунского Б.М. Эйхенбауму, Саратов, 29 июля 1918:* «Этим летом я усиленно работаю над книгой о поэтике Байрона (докторской диссертацией), где я хочу рассмотреть отношение Байрона к поэтической традиции английского сентиментализма и романтизма <...> приступаю к большому экскурсу, который у меня выделился из темы моей книги, и отчасти благодаря работам в семинарии, – о «байронических поэмах» Пушкина». <...> Моя диссертация (магистерская. – А.Г.) уже в печати и напечатано 3 листа – всего будет 16 листов, но очень больших (по 50000 букв). Печатается в «Известиях Саратовского университета», но книга будет иметь издателя, московского Сахарова, издателя франковской «Души человека» и др. <...> Я лично за себя думаю, что проживу довольно долго в Саратове, и рад тому, что это такой оживленный и интеллигентный город и что работа в университете за прошлый год прошла оживленно и необычайно плодотворно. <...> Мой адрес – прежний. Я живу на даче, но два раза в неделю бываю у себя в городе» (*Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского. С. 303*).

Диссертация В.М. Жирмунского была напечатана впервые в издании: Известия Саратовского университета. Историко-филологический факультет. Саратов, 1918. Вып. 1.

17 сентября. «Согласно декрету народного комиссариата по просвещению и постановлению местного исполкома совета депутатов, существующие при учебных заведениях церкви ликвидируются, а помещения церквей отводятся под классы» (*Саратовские Известия. 1918. 17 сентября (№ 192). С. 3).*

20 сентября. Допущен к чтению лекций по истории **Евгений Николаевич Петров** (*Отчет о деятельности... С. 18*). Приглашен на факультет деканом В.А. Бутенко. Оба были учениками академика Н. И. Кареева. В 1920–1921 гг. Е. Н. Петров – профессор Саратовского университета.

21 сентября. «*Наконец-то!* Вчера, после обеда приступлено к снятию памятника Александра II (на его месте ныне – памятник Н. Г. Чернышевскому. – *А.Г.*). В первую очередь сняты с мраморной колонны золотые слова: «царю-освободителю Саратов». Только теперь, когда исполкомом категорически сделано постановление в десятидневный срок снести с площади фигуру коронованного преступника, приступлено к этим работам, давно бывшим в проекте. На площади вечером собиралась толпа любопытных, следивших внимательно за падением каждой принадлежности былого величия самодержавия. Удары молотков, шум пилы и веселые возгласы серых фигур, со всех сторон оцепивших громаду памятника, задорно разносились в воздухе» (*Саратовские Известия. 1918. 22 сентября (№ 197). С. 3).*

22 сентября. После отставки С.Л. Франка новым деканом историко-филологического факультета Саратовского университета избран проф. В. А. Бутенко. В этой должности он состоял до 1 апреля 1919 года (*Архив СГУ. Личное дело В.А. Бутенко. Л. 27).*

«*Провокация попов.* Советской властью арестован священник Серафимовской церкви (сохранилась до наших дней. – *А.Г.*) М. Платонов. Причиной ареста послужило, как и нужно было ожидать: распространение погромной, черносотенной литературы, церковные проповеди против советской власти как «власти антихристовой» и провозглаше-

ние во время богослужения вечной памяти «великому самодержавному государю нашему – императору Николаю Александровичу» (*Саратовские Известия. 1918. 22 сентября (№ 197). С. 3).*

27 сентября. «В настоящем учебном году прием в высшие учебные заведения будет производиться по проверочным испытаниям, вскоре по начале занятий, ввиду декрета центральной власти и постановления совещания представителей высших школ в Москве» (*Саратовские Известия. 27 сентября 1918. № 201. С. 3).*

Профессором на кафедру романо-германской филологии избран приват-доцент Московского университета **Николай Сергеевич Арсеньев** (специальность – романская филология и история религии) (*Отчет о деятельности...С. 17*). Рекомендован к избранию С.Л. Франком. За небольшой срок пребывания в Саратове (до марта 1920 г.) Н. С. Арсеньев (1888–1977) читал несколько курсов и вел семинарии одновременно по двум кафедрам – философии и романо-германской филологии (см. Обозрения преподавания...). Весной 1919 года им сделан доклад в Саратовском философско-историческом обществе «Образ страдающего Христа в литературе средних веков». Итог творческой деятельности Арсеньева в Саратовском университете – создание кафедры сравнительной истории религий, вскоре закрытой большевиками. В 1919 году он дважды арестован ЧК и выпущен на свободу. С 1920 г. Н. С. Арсеньев в эмиграции, профессор Кёнигсбергского, Варшавского университетов, Сорбонны, Св. Владимирской духовной семинарии (США).

28 сентября. Ректором Саратовского университета избран профессор **Владимир Дмитриевич Зёрнов** (специальность – физика) (*Саратовский университет, 1909–1959. Саратов, 1959. С. 269*). См.: *Зёрнов В.* Записки русского интеллигента / В. Зёрнов; предисл., подгот. текста к публ. и коммент. В. А. Соломонова // *Волга. 1993. № 7–11; 1994. № 2–7.*

5 октября. *Из письма С. Л. Франка М. О. Гершензону, Саратов, 5 октября 1918:* «Разгром, которому мы подверглись, состоит в том, что власть здесь выселила чуть не полгорода <людей> из квартир и вселила их в

другие. К нам перебрались выселенные родственники Татьяны Сергеевны (жена Франка. – А.Г.) в количестве 10 чел<овек>, и кроме того семья Н.В. Болдырева (профессора кафедры энциклопедии права Саратовского университета. – А.Г.) (5 чел<овек>), итого с нами и прислугами 23 чел<овека>. Квартира представляет собой соединение постоянного двора с мебельным магазином. К этому присоединяется возможность быть выселенными и из этой квартиры, из-за чего приходится жить на бивуаках, не раскладываясь» (С.Л. Франк. *Из писем М.О. Гершензону (1912–1919) // De visu. 1994. № 3/4. С. 29–30.*

9 октября «начались занятия на историко-филологическом факультете. Лекции читаются в утреннее время, отчего многие слушатели – при всем желании – не могут посещать их. На собрании слушателей факультета решено было обратиться к профессуре с просьбой производить занятия от 4 до 8 ч вечера, а практические занятия производить по возможности в воскресные дни. Вечерние занятия на историко-филологическом факультете начнутся не ранее понедельника, так как просьба слушателей будет рассматриваться профессорами факультета» (*Саратовские Известия. 1918. 11 октября (№ 212). С. 3.*

16 октября. На заседании Философско-исторического общества приват-доцентом Петроградского университета Б.М. Эйхенбаумом сделан доклад «О мелодике русского лирического стиха» (См.: *Отчет о деятельности... С. 23.*

19 октября. Газета «Саратовские Известия» с 19 октября 1918 г. (№ 219) печатается по новой орфографии.

22 октября. Приглашен преподавателем латинского языка Сергей Павлович Знаменский (*Отчет о деятельности... С.18.*

2 ноября. «Среди белоподкладчиков. На общем собрании слушателей первого курса историко-филологического факультета 31 октября поднимался вопрос о празднестве годовщины октябрьской революции. Этот вопрос вызвал массу прений и в результате большинством голосов (59) было постановлено: празднество годовщины октябрьской революции признать необязательным. Только десять человек голосовало за обязательное участие в празднестве. Этим фактом уже на-

чинает выясняться физиономия молодых студентов, по-видимому, сытых сынков мещан. После всего этого очень мало надежды на то, что они будут идейными борцами за власть труда и рабочих» (*Саратовские Известия. 1918. 2 ноября (№ 231). С. 3.*

В библиотеку Саратовского университета поступило принесенное в дар книжное и рукописное собрание (свыше 40 тысяч томов) петроградского профессора И.А. Шляпкина (завещано в 1915 г.). В доставке и разборке книг принимали участие студенты историко-филологического факультета. Кроме того, в университетскую библиотеку ранее поступили: библиотека классиков из Саратовской первой мужской гимназии, книги Саратовской духовной семинарии, дубликаты из библиотеки Петроградского педагогического института, частные книжные собрания братьев Барсуковых, гр. Попова, Ф. Батюшкова, Мусселиуса, Куракиных и др. (*Отчет о деятельности... С. 20–21.*

3 ноября «состоялось собрание студентов в первом корпусе университета, стоящих на платформе Советской власти» (*Саратовские Известия. 1918. 7 ноября (№ 235). С. 8.*

13 ноября. «Пустая аудитория. Профессора университета еще до сих пор не хотят считаться с декретом о начале занятий в высших учебных заведениях с 5 часов вечера, а назначают лекции раньше: от 2–3; 3–4. И результаты получаются плачевные. Лектор английского языка Бабин назначил свою лекцию на 11-е ноября от 3–4 часов дня и имел только одного слушателя, да и то случайно зашедшего в аудиторию из любопытства. Лекции же, которые читаются вечером, собирают массу слушателей» (*Саратовские Известия. 1918. 13 ноября (№ 239). С. 3.*

19 ноября. «Курсы журналистики. 19 ноября на заседании комитета союза журналистов обсуждался вопрос о желательности открытия при Саратовском университете факультета журналистики. По детальному обсуждению вопроса, комитет пришел к заключению, что факультет журналистики в Саратове открыт быть не может: такой факультет может существовать только в центре» (*Саратовские Известия. 1918. 23 ноября (№ 248). С. 3.*

26 ноября. Лектором немецкого языка приглашен Георгий Гейнрихович Дингес,

оставленный еще в 1917 г. для подготовки к профессорскому званию при Московском университете по кафедре сравнительного языкознания. «В марте 1921 г. Дингес становится доцентом на кафедре германской филологии Саратовского университета, в мае 1923 г. назначен профессором по кафедре западноевропейских языков и литературы» (см.: Ерина Е. М. Г. Г. Дингес / Е. М. Ерина, В. Манькин // Ерина Е. М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге. Саратов, 1994. С. 81–82).

13 декабря. «*Дискуссионная система преподавания в университете.* Коллегия отдела народного образования решила заменить лекционную систему преподавания в университете на дискуссионную, ввиду контрреволюционного направления профессорских лекций и рекомендуемых ими пособий, с отрицательной оценкой деятельности и личности тех лиц, которым в настоящее время ставятся памятники. Дискуссионный метод образования дает возможность инакомыслящим студентам выступать в качестве оппонентов профессорам. Кроме того, коллегия отдела народного образования постановила сорганизовать научные марксистские силы комитета партии для оппонирования профессорам» (*Саратовские Известия.* 1918. 13 декабря (№ 265). С. 3).

«*Ликвидация бывших студенческих организаций.* Все экономические студенческие организации, созданные раньше – землячества, кассы взаимопомощи – ликвидируются, вследствие организации комиссии социального обеспечения и принимаются на учет студенческим советом коммунистического союза совместно с представителями государственного контроля» (*Там же*).

14 декабря. «*Старые порядки.* Доступ в университет открыт всем, казалось, что старое студенчество не будет пользоваться никакими привилегиями. Но дело обстоит совсем не так, «студенты» в отличие от «слушателей» (?) пользуются в стенах университета некоторыми привилегиями и привилегиями весьма важными в наше бескнижное время. Дело в том, что из университетской библиотеки «новому студенчеству», как поступившему по декрету, книг не дают. Чем руководствуются заведующие библиотекой – это тайна, но барышня-библиотекарша, отка-

зав «новому студенту» в книге, любезно утешает, – «вот порастрясут вас немного, просеят, тогда и книги будут давать» (*Саратовские Известия.* 1918. 14 декабря (№ 266). С. 4).

15 декабря. «*Библиотека филологического факультета.* Отделом народного образования разрешено лекторам Пролеткульта пользоваться библиотекой историко-филологического факультета университета на общих с профессорами основаниях. Нужно заметить, что гг. профессора разрешили лекторам Пролеткульта пользоваться библиотекой... наравне со студентами, что не особенно благоприятно первым» (*Саратовские Известия.* 1918. 15 декабря (№ 267). С. 2).

24 декабря. Профессором на кафедре классической филологии избран приватдоцент Петроградского университета **Василий Яковлевич Каплинский** (специальность – классическая филология, латинист) (*Отчет о деятельности... С. 17*). В. Я. Каплинский (1892–1938) в 1919–1920 гг. являлся секретарем историко-филологического факультета. Заведовал кафедрой всеобщей литературы в 1922–1931 гг. Адрес ученого в Саратове: Казарменная (ныне – Университетская) ул., 43, кв. 1.

Избран преподавателем по древней истории **А. А. Захаров** (*Отчет о деятельности... С. 18*).

1919

29 января. «*Сыпной тиф в г. Саратове.* В октябре месяце 1918 г. в г. Саратове вспыхнула эпидемия сыпного тифа. <...> Настоящая же эпидемия, давшая в октябре 284, в ноябре уже даёт 722 случая, в декабре 1740, из 14 дней января текущего года 1127 случаев, всего, следовательно, с начала эпидемии, т.е. за 3 с половиной месяца, зарегистрировано 3923 заболеваний и 274 смертных случая» (*Саратовские Известия.* 1919. 29 января (№ 21). С. 1).

31 января. «При историко-филологическом факультете университета организуется отделение новых языков» (*Саратовские Известия.* 1919. 31 января (№ 23). С. 3).

1 февраля. «В огромной залитой электричеством аудитории читает свою лекцию «батюшка-профессор» Преображенский. – «Философия религии». По залу ползёт одно-

образный голос «профессора – м... мм... мм...», – в контакте с ученым пальцем, который ползёт уже не по зале, а по написанной заранее лекции. Присутствуют 6 студентов, из них 2 попа.

Я сошел вниз... Однако, что это?

– Товарищ, – обратился я к сторожу, что в этой аудитории покойник что ли, пономарь, кажись, читает. – Нет, – ухмылялся сторож, – это профессор Жирмунский изволят...

Я вошел. По аудитории летала мистика, забивалась в нос, ослепила глаза, делала из человеческих лиц какие-то несуразные рожи. – Страдалец за мир. Крест... три капли крови..., интуиция, – выбивали на барабанной перепонке частицы мистики. Я ушел из страха быть заваленным мистикой совсем... с головой. Шел и думал, – тратятся громадные народные деньги для того, чтобы проф. Жирмунский и Преображенский фабриковали олухов. Одно утешение – на их лекции никто не ходит. Тогда зачем их держать» (Каспийцев. Идиллия. Маленький фельетон / Каспийцев // *Саратовские Известия*. 1919. 1 февраля (№ 24). С. 2).

Алексей Феоктистович Преображенский (1875–1920) – протоиерей, магистр богословия, профессор православного богословия (1910–1918), кафедры философии Саратовского университета в 1918–1919 гг. Дейтельно работал в Комиссии по организации историко-филологического факультета в 1917 году.

4 февраля. «Профессор по недоразумению. Отдел народного образования запросил центратом, – возможно ли оставлять проф. Преображенского в Саратовском университете по кафедре «философии религии». Преображенский – черносотенец, деятельность которого развилась особенно ярко в последние годы. Все студенты, имевшие несчастье слушать Преображенского, хорошо помнят его. Мы недоумеваем, почему терпят его в университете до сего времени» (*Саратовские Известия*. 1919. 4 февраля (№ 26). С. 3).

10 февраля. Избран штатным преподавателем по романо-германской филологии **В. А. Розанов** (*Отчет о деятельности...*, С. 18).

12 февраля. «Правление университета. До последнего времени правление универси-

тета состояло из 11 человек, в это число входили представители от студенчества, служителей и фельдшеро́в. Но правом решающего голоса пользовались только профессора. В настоящее время союз коммунистического студенчества предложил губобнадзору изменить конструкцию правления университета с тем, чтобы в него вошли представители студенчества и служителей на паритетных с профессорами началах с правом решающего голоса» (*Саратовские Известия*. 1919. 12 февраля (№ 33). С. 3). «В результате реорганизации в правление университета вошли с правом решающего голоса 7 представителей от преподавателей и служащих и 7 человек от студентов» (*Саратовский университет, 1909–1959. Саратов, 1959. С. 17*).

22 февраля. «22 февраля 1919 года при Саратовском педагогическом институте учреждено Общество русской филологии и этнографии, которое ставит своей задачей разработку научных вопросов в пределах истории русской литературы, народной словесности, истории русского языка и диалектологии и этнографии. Одной из задач молодого общества является изучение местного края со стороны языка, народной поэзии, народного искусства и этнографии с широким привлечением к этому делу местных культурных сил, как то студенчества, учителей, деятелей просвещения... Согласно уставу общества действительными членами его могут быть лица, имеющие научные работы или представившие обществу научный доклад; членами-сопернователями могут быть студенты высших учебных заведений и лица, сочувствующие целям общества. Членами-учредителями нового научного общества являются: проф. Н. К. Пиксанов <председатель>, проф. Н. Н. Дурново, Г. Г. Дингес, С. П. Знаменский, Н. Ф. Яковлев <секретарь>, А. П. Скафтымов <казначей>, А. Д. Суздальев и С. И. Савельев. Общество помещается в здании Саратовского педагогического института, Приютская ул., 45 (ныне – ул. Комсомольская)» (*Саратовские Известия*. 1919. 4 марта (№ 49). С. 3). В Обществе русской филологии и этнографии на открытых заседаниях были заслушаны доклады Н. Ф. Яковлева, Н. К. Пиксанова, А. Н. Сиротинина, В. М. Жирмунского, Н. Н. Дурново, Б. М. Соколова, В. Я. Каплинского, М. Н. Чернышевского,

А.М.Смирнова. В прениях выступали: Г.Г.Дингес, А.П.Скафтымов, С.П.Знаменский, Н.С.Арсеньев и др. (см. обзор: *Научные известия Акад. центра Наркомпроса. М., 1922. Сб. 2. С. 302–307*).

22–23 февраля. Учреждены историческая и лингвистическая секции (председатель проф. Н. Н. Дурново, секретарь Г. Г. Дингес) Философско-исторического общества при Саратовском университете (*Отчет о деятельности... С. 23; Научные известия Акад. центра Наркомпроса. М., 1922. Сб. 2. С. 300–301*).

9 марта. Учреждена историко-литературная секция (председатель проф. В.М. Жирмунский, секретарь проф. В. Я. Каплинский) Философско-исторического общества при Саратовском университете. В дальнейшем секция имела 8 собраний, на которых заслушано 11 докладов и сообщений: В. М. Жирмунского, В. Я. Каплинского, Н. Н. Дурново, Н. К. Пиксанова, Н. С. Арсеньева, Б. М. Соколова, М. Е. Сергеенко (*Там же*).

16 марта. Профессором на кафедру русского языка и литературы избран проф. Костромского университета **Борис Матвеевич Соколов** (специалист по народной словесности и этнографии) (*Отчет о деятельности... С. 23*). О научной (фольклористической и этнографической), общественной деятельности Б.М. Соколова (1889–1930) в Саратове в 1919–1923 гг. см.: *Акимова Т.М. Б.М. Соколов / Т. М. Акимова, В. К. Архангельская, В. А. Бахтина // Методология и методика... С. 54–84; Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинство и превратности научного знания). М., 2000 и др.*

Кабинеты по отдельным кафедрам со своими библиотеками преобразованы в самостоятельные учебно-вспомогательные учреждения. Их число возросло до 12 (без исторического отделения – 10). К старым шести прибавились: кабинет новых языков, истории искусств, кабинет русской истории, славяноведения, этнографии, общефакультетский со справочной литературой (*Отчет о деятельности... С. 21*).

21 марта. Из письма С.Л. Франка М.О. Гершензону, Саратов, 21 марта 1919, *Аничковская (ныне – Рабочая), 14*: «При здешней организации кооперативов («Союз потреби-

тельских обществ Саратовского края») имеется большое и материально хорошо обеспеченное издательство, которое теперь приступает к изданию серии избранных произведений «Классиков политической мысли». Редакцией этого издания заведует проф<ессор> Юровский (экономист, б<ывший> сотрудник «Русск<их> Ведомостей») и я. <...> Не согласились ли бы Вы принять участие в этом предприятии, обработав для него Чаадаева (издание сочинений Чаадаева и книгу о нём Гершензона. – А.Г.)? <...> У кооперативов денег много, и они считают выгодным превращать керенки в рукописи. <...> Издание совершенно беспартийное и имеет задачей ознакомить широкую публику (среднеинтеллигентную) с классиками общественной мысли всех направлений, русскими и иностранными. В ближайшую очередь намечены и уже готовятся к печати: Роб. Оуэн, Кабэ, Токвиль, Бенж. Констан, Ренан, Шатобриан, сборник греч<еских> полит<ических> мыслителей, Самарин (подготавливается Скалдиным, который живет здесь), Бердяева я просил о Хомякове или К. Леонтьеве. К делу привлечены лучшие из наших здешних профессорских сил, а если не откажутся принять участие и столичные товарищи, то мы поставим предприятие в литературном отношении очень высоко» (С. Л. Франк. Из писем М.О. Гершензону (1912–1919) // *De visu. 1994. № 3/4. С. 30*).

«Педагогический музей отдал на днях в печать исторический очерк г. Саратова профессора Гераклитова. За отсутствием белой бумаги, очерк печатается на оберточной желтой бумаге и будет выпущен в количестве 5000 экземпляров» (*Саратовские Известия. 1919. 21 марта. С. 2*).

1 апреля. Новым деканом историко-филологического факультета Саратовского университета избран проф. Ф.В. Баллод.

9 апреля. «При Саратовском университете создается новый факультет общественных наук, взамен упраздненного юридического факультета и исторического отделения историко-филологического факультета. Преподавание на факультете общественных наук построено по новому принципу: в течение двух лет слушателям будет прочитан курс общественных наук и общих предметов, и только с третьего года слушатели начнут

специализироваться на отделениях факультета: экономическом, историческом и юридико-политическом. Каждое отделение будет разбито на несколько групп, где, в свою очередь, будет происходить еще более узкая специализация. Для организации научно-последовательных работ в разных областях науки при факультете учреждаются научные институты и семинарии новейшего типа. Из новых предметов вводится преподавание советского права и истории экономических учений» (*Саратовские Известия*. 1919. 9 апреля (№ 75). С. 3). Таким образом, историческое отделение было исключено из состава историко-филологического факультета и присоединено к факультету общественных наук (ФОН). Исторические дисциплины студенты-филологи слушали на факультете общественных наук, предметами филологическими студенты-общественники занимались на историко-филологическом факультете. Реформирование университетского образования продолжилось. Вскоре историко-филологический факультет был преобразован в словесное отделение факультета общественных наук, а в мае 1921 года оно слилось с историческим и стало словесно-историческим. На его основе в начале 1922 года был образован педагогический факультет Саратовского университета.

11 апреля. Преподавателем по кафедре философии избран приват-доцент Петроградского университета (1913–1917), преподаватель Вятского пединститута **Василий Эмильевич Сеземан** (специальность – эстетика) (*Отчет о деятельности... С. 18*). Философ В. Э. Сеземан (1884–1963) преподавал в Саратове в 1919–1921 гг. Эмигрировал из Советской России, из Хельсинки переехал в Берлин. С 1923 г. профессор Каунасского и Вильнюсского университетов. Основные работы Сеземана написаны на немецком и литовском языках.

7 мая. Из письма С. Л. Франка М. О. Гершензону, Саратов, 7 мая 1919: «Мы прожили несколько очень тяжелых недель, без прислуги, все работали по хозяйству, продовольственное наше положение очень близко к московскому, приходилось ходить за молоком для детей за 5 верст и проч. <...> Все мы здесь, и редактор, и издатель (серии «Классиков политической мысли». – А. Г.), скорбим

о Вашем отказе (готовить сборник сочинений Чаадаева. – А. Г.) и находим его основания недостаточными. <...> я сам хотел бы взяться за Герцена (но с ним есть трудность – он национализирован). <...> Из иностранных политических классиков заняты: Токвиль, Б. Констан, Р. Оуэн, сборник политич<еских> идей романтиков (Жирмунский), Шатобриан, Ж. де Местр, Ренан» (С. Л. Франк. *Из писем М. О. Гершензону... С. 31*).

11 мая. «Музейный подотдел в культурно-просветительных целях устраивает три цикла общедоступных и бесплатных лекций по вопросам археологии, искусства и истории культуры. В воскресенье, 11 мая, была прочитана вводная лекция в первую серию по русскому искусству. В воскресенье, 25 мая, в 7 часов вечера в помещении университета (I корпус, верхняя аудитория) тов. В. И. Веретенников прочтет лекцию на тему: «Древнерусское искусство»» (*Саратовские Известия*. 1919. 23 мая (№ 107). С. 3).

13 мая. На кафедру философии избран профессор 2-го Петроградского университета **Август Адольфович Крогиус** (специальность – экспериментальная психология) (*Отчет о деятельности... С. 17*). А. А. Крогиус (1871–1932) – профессор, зав. кафедрой философии и психологии, затем истории мировоззрений и психологии в 1919–1932 гг. Под его председательством было открыто «Общество педагогики и психологии» при Саратовском институте народного образования

14 мая. Советом профессоров Саратовского университета организован университетский музей с материалами по истории науки и истории искусства. Вещи, найденные во время раскопок на Увеке, помещены в музей, открытый для публики два раза в неделю (*Отчет о деятельности... С. 22, 25*).

Май. Окончательное введение предметной системы образования.

1 июля. «Проректор Саратовского университета объявляет, что приём прошений о зачислении в студенты университета на 1919/20 учебный год назначен с 1-го июля по 1 сентября и производится в канцелярии по студенческим делам (здание университета, канцелярия, уг. Московской и Астраханской) по понедельникам, средам и пятницами с 11 часов утра до 3 часов дня» (*Саратовские*

Известия 1919. . 1 июля (№ 138). Приложение: Листок объявлений. С. 1).

3 июля. «Постановлением губисполкома и горисполкома и соглашением с Советом Укрепленного района и Революционного совета N-й армии, с 3 часов утра 3 июля с. г. г. Саратов, Саратовская губерния и Саратовский укрепленный район объявляются на осадном положении» (*Саратовские Известия. 1919. 3 июля (№ 140). Приложение: Листок объявлений. С. 1).*

4 июля. Утверждена в заседании историко-филологического факультета программа обучения «Студентам, желающим получить законченное образование по одному из отделений факультета» (подписана деканом проф. Ф.В. Баллодом и секретарем проф. В.Я. Каплинским): «Какого-либо обязательного распределения предметов по годам обучения (курсам) не имеется. Причина этому, а также тому, что срок пребывания в университете <...> строго не определен, та, что система преподавания на факультете *предметная*, а не курсовая, т.е. не указывается, какие и сколько испытаний сдает студент в первый год обучения, во второй и т.д., а ему предоставляется возможность выполнять учебный план совершенно свободно, и в смысле последовательности в сдаче испытаний и в смысле распределения испытаний по годам обучения. <...> Для зачета сданных испытаний и выполненных семинариев при переходе с одного отделения факультета на другое согласия факультета не требуется. Переходить с одного отделения на другое студент может когда угодно; достаточно лишь заявить об этом канцелярии. <...> Следует всегда твердо помнить, что целью университетских занятий является не усвоение, часто механическое, пособий и лекций по предметам избранного отделения, а самостоятельная научная работа в избранной совершенно свободно области» (*Историко-филологический факультет Саратовского университета. Саратов, 1919.*).

5 июля. «Царицын пал. Враг у ворот. Все на защиту Саратова! Бейте в набат! Все к оружию!» (*Саратовские Известия. 1919. 5 июля (№ 142). С. 1).*

20 июля. В «Саратовских Известиях» опубликован «Список студентов-ток, не явившихся на окопные работы» (*Саратов-*

ские Известия. 1919. 20 июля (№ 156). С. 4). Принудительные работы активно использовались новой властью. Студентов отправляли ещё и на заготовку дров, различные «субботники» и «воскресники».

Сентябрь. С.Л. Франк с семьёй переселется в немецкую колонию Ровное (Зельман) в 100 верстах от Саратова на левом берегу Волги «под видом организации педагогического института для немцев, на самом деле – чтобы в деревне прокормить семью (из трёх детей; четвертый, Василий, родился в июле 1920 г.)» (*Франк С.Л. Предсмертное. С. 50).* Для чтения лекций Франк два раза в неделю приезжал в Саратов.

4–8 октября. Работа общегородской студенческой конференции в III корпусе университета (*Саратовский университет, 1909–1959. Саратов, 1959. С. 18–19; Саратовские Известия. 1919. 11 октября (№ 224); 16 октября (№ 225). С. 4).* Её созыв ускорил разрыв со старой системой преподавания.

30 ноября. Состоялось открытие студенческого клуба имени Чернышевского при Саратовском университете (*Саратовские Известия. 1919. 2 декабря (№ 268). С. 2).*

6 декабря. День десятилетия открытия Саратовского университета. «В 1919 г. при праздновании десятилетия нашего университета ректор Зёрнов держал торжественную речь во фраке и... в серых валенках. Правда, в нетопленной аудитории был адский холод, и я, например, сидел в старом, ещё деревенском полушубке. Но всё же фигура почтенного ректора была довольно комичной» (*Герасимов А.А. Воспоминания. Саратов, 2004. С. 111).*

11 декабря. «Новый учебный год в университете, с поступлением в него революционно настроенного элемента, влил новых работников в ряды небольшой группы коммунистического студенческого союза, и жизнь в университете во всех ее отраслях значительно подвинулась вперед. Первым фактом, заслуживающим внимания и принесшим пользу всему саратовскому студенчеству, является созыв студенческой конференции. Эта конференция как бы сблизила студенчество, помогла некоторым проснуться от русской врожденной спячки и заставила его думать, чувствовать и выйти из обывательской колеи, в которой большинство погрязло бла-

годаря настоящим условиям жизни. На этой же конференции выяснилось, что возможно совместная работа лиц с различными политическими взглядами. И вот результаты этой совместной работы студенчества. Во-первых, академическая жизнь в университете стала постепенно входить в нормальное состояние, – создавались на каждом факультете курскомы и факульткомы. Первые – из членов курсовой комиссии, которых выбирало само студенчество на общем собрании, а факультеты по одному из представителей от всех курскомов. На обязанности членов курсовой комиссии состоят исключительно академические дела – связь между профессурой и студентами. Факультеты же являются как бы посредниками между курскомами и членами коммунистического союза (студенческий союз, созданный 20 октября 1918 г. – А.Г.)» (*Саратовские Известия*. 1919. 11 декабря (№ 276). С. 3).

14 декабря. «Эпидемия сыпного тифа достигает все большего размера. Для борьбы с ней губотздравом приняты энергичные меры. Постановлено: <...> 14) Мобилизовать всех студентов и студенток 3-го и 4-го курсов для работы по борьбе с сыпным тифом» (*Саратовские Известия*. 1919. 14 декабря (№ 279). С. 3). К той напасти добавлялись борьба с холодом, топливный (дровяной) кризис, голод.

«14 декабря в здании университета состоялось торжественное открытие просвети-

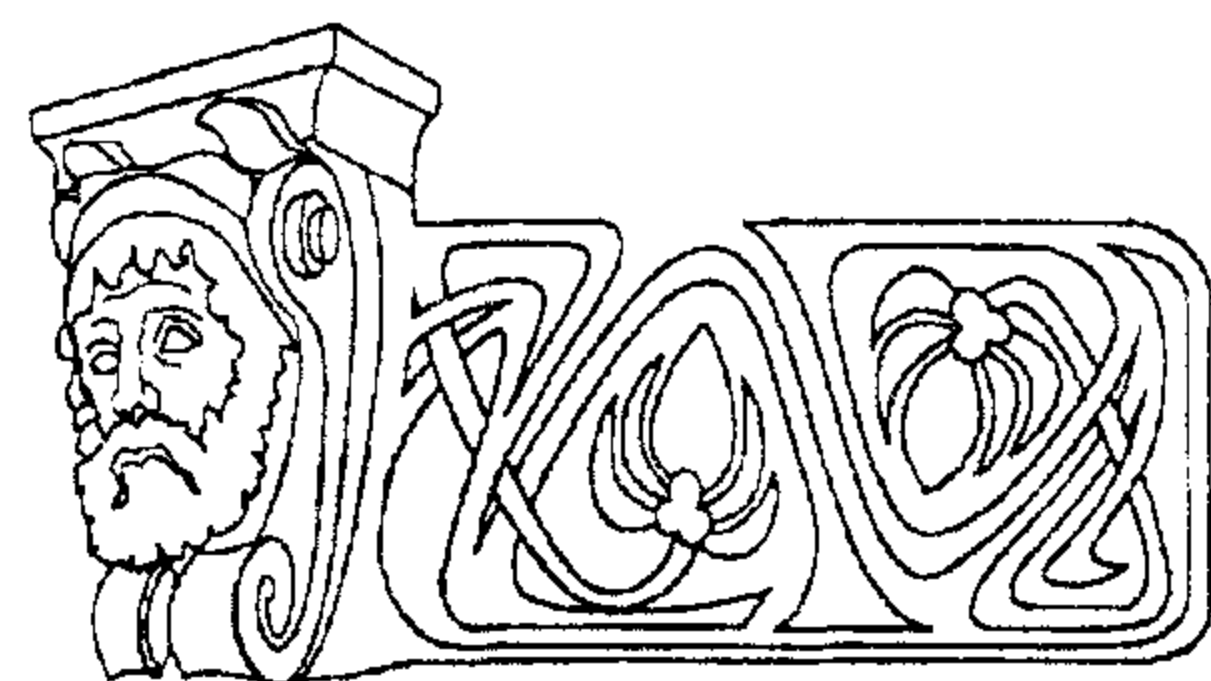
тельной ассоциации при высшей школе. На собрании присутствовали профессора и студенты... Задача ассоциации – возможно шире познакомить широкие слои населения с научными дисциплинами» (*Саратовские Известия*. 1919. 17 декабря (№ 281). С. 3).

28 декабря. «На днях состоялось открытие этнографического отдела общества истории, археологии и этнографии (бывшей архивной комиссии). Председатель отдела профессор Б.М. Соколов в своей речи изложил разнообразные задачи изучения этнографии Саратовского края, столь пёстрого по этническому составу населения и крайне интересного для этнографа, он горячо настаивал на необходимости открытия в Саратове научного и вместе народного этнографического музея. Студентка университета Земскова прочитала обширный доклад о свободном обряде и песнях Балашовского уезда и иллюстрировала доклад исполнением песен» (*Саратовские Известия*. 1919. 28 декабря (№ 291). С. 2).

«Подвести итоги сделанного факультетом за отчетный период, оценить произведенную работу факультет сам не может, но он рассчитывает, что имеет право на признание хоть некоторой успешности его трудов» (*Отчет о деятельности историко-филологического факультета Саратовского университета за 1917–1919 гг. // Известия Саратовского университета*. 2001. № 1. С. 29).

УДК 378.4(470.44-25)«1917/1920»

ОБОЗРЕНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ НА ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА в 1917–1920 гг.

Традиционный в России XIX – начала XX века жанр «Обозрения преподавания» в чистом виде забыт в наше суетное время образовательных перестроек, реформ и инноваций. Между тем этот своеобразный путеводитель по факультетской системе обучения преследовал несколько практических целей. По этому источнику любой студент, вольнослушатель или преподаватель мог подробно обозреть весь учебный процесс на

факультете, т.е. составить представление о кафедрах, ведущих профессорах, предметах, курсах и практических занятиях, семинариях, узнать о рекомендуемых пособиях. При существовавшем на историко-филологическом факультете свободном выборе предметов, возможности перехода с одного отделения на другое (с набором обязательно сданных испытаний), наличие «обозрения» приобретало ещё больший смысл.

Кроме того, оно выполняло функцию расписания занятий. В скобках после фамилии профессора указано общее количество часов его нагрузки в неделю, и к каждому лекционному курсу и семинарию даётся точное время их проведения в течение целого семестра. Отмечен и «совещательный час» – время свободного общения с профессором, ответов на вопросы студентов (чаще всего после лекции). Предложено и место такой встречи (в университете или, как у проф. М. Р. Фасмера, «на дому»).

Судя по публикуемым текстам, каждый учебный год многие профессора кардинально обновляли набор курсов по своей кафедре, предлагали и новые темы семинариев. Нетрудно заметить, как расширялся состав занятий с увеличением числа преподавателей в 1918/19 учеб. году. Републикация «Обзорный преподавания» за три учебных года существования историко-филологического факультета позволяет непредвзято оценить сделанное в то время в университете выдающимися учеными-гуманитариями.

ОБОЗРЕНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917/18 учебном году

I. Философия

Ординарный профессор С. Л. Франк (6).

1. Логика. 2 часа, суббота, 1–3 ч.

Пособие: В в е д е н с к и й. Логика как часть теории познания.

2. Введение в философию. 2 часа, среда 11–1 ч.

Пособия: Ч е л п а н о в. Введение в философию. – Л о с с к и й. Введение в философию. – П а у л ь с е н. Введение в философию.

3. Семинарий: Чтение и толкование «Prolegomena ко всякой будущей метафизике» К а н т а. 2 часа, понедельник, 3–5 ч.

Совещательный час: после лекций в университете.

II. Классическая филология

Экстраординарный профессор С. В. Меликова (8).

1. История греческой литературы. Общий курс. 2 часа, среда, 9–11 ч.

Пособие: А. и М. К р у а з е. История греческой литературы. Пер. с фр. В. С. Елисеевой. Под ред. С. А. Жебелева. 2-е изд. Петроград, 1916.

2. Пропедевтический курс греческого языка: Софокл. Царь Эдип. 2 часа, среда, 1–3 ч.

Пособия: С о ф о к л. Царь Эдип. Объяснил Зелинский. Изд. Георгиевского и Манштейна. – И. С т р а х о в. Краткий синтаксис греческого языка. Москва, 1907, или Э. Ч е р н ы й. Краткое руководство по греческому синтаксису. М., 1898.

3. Пропедевтический курс латинского языка.

а) В осеннем полугодии: Цицерон. 5-я речь против Верреса. 2 часа, суббота, 9–11 ч.

б) В весеннем полугодии: Избранные эподы и оды Горация. 2 часа, суббота, 9–11 ч.

Пособия: М. Т у л л и й Ц и ц е р о н. Речь против Верреса. V кн., объясн. Зелинский. СПб., 1912. Изд. Георгиевского и Манштейна. – С а н ч у р с к и й. Грамматика латинского языка. Часть II. Синтаксис. СПб., 1912.

4. Необязательные практические занятия (рефераты) по истории римской литературы. 2 ч, по соглашению со слушателями.

Совещательный час: суббота, 11 ч, в университете.

Преподаватель М. Е. Сергеев (2).

1. Элементарный курс греческого языка. 2 часа, четверг, 9–11 ч.

Пособия будут указаны на лекциях.

III. Сравнительное языкознание

Ординарный профессор М. Р. Фасмер (8).

1. Введение в языкознание. 2 часа, пятница, 9–11 ч.

Пособия: Н. Р а u l. Prinzipien der Sprachgeschichte. 4-е изд. Halle a. S. 1909. – W. W u n d t. Völkerpsychologie. Die Sprache, 2 тома. 2-е изд. Leipzig, 1904. – А. Т о м с о н. Общее языковедение. 2-е изд. Одесса, 1910.

2. Старославянский язык. 2 часа, понедельник, 9–11 ч.

Пособия: V. V o n d r à k. Altkirahenslavische Grammatik. 2-е изд. Berlin, 1912. – А. L e s k i e n. Handbuch der altbulgarischen Sprache. 5-е изд. Weimar, 1910. – А. L e s k i e n. Grammatik der altbulgarischen Sprache. Heidelberg, 1909. – С. К у л ь б а к и н. Древний

церковнославянский язык. 3-е изд. Харьков, 1917.

3. Польский язык. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия будут указаны во время лекций.

4. Практические занятия по старославянскому языку. 2 часа, воскресенье, 10-12 ч.

Пособия: Н. Каринский. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языку. 2-е изд. СПб. — E. Verneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908.

Совещательный час: после лекций в университете и на дому по соглашению со слушателями.

IV. Русский язык и словесность

Экстраординарный профессор Н. К. Пиксанов (6).

1. Общий курс русской литературы. 2 часа, суббота, 11-1 ч.

Пособия: М. Н. Сперанский. Русская устная словесность. — Е. Г. Желе. История древней русской литературы. Или: Е. В. Петухов. Русская литература. — Хрестоматия по народной словесности и древней литературе (Саводника, Бродского-Сидорова или Алферова-Грузинского). — Н. К. Пиксанов. Хронология русской литературы.

2. Практические занятия: Старорусская повесть. 2 часа, вторник, 11-1 ч.

3. Практические занятия: Тургенев. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Совещательный час: в университете, после лекций.

V. Всеобщая история

Ординарный профессор В. А. Бутенко (6).

1. Общий курс новой истории. 4 часа, вторник, 9-11 ч., пятница, 11-1 ч.

Пособия: В. Бутенко. Курс новой истории. — Н. Кареев. История Западной Европы в новое время. — М. Петров. Лекции по всемирной истории.

2. Практические занятия: Изучение главных моментов истории Франции в XVIII веке. 2 часа, понедельник, 9-11 ч.

Пособия: Токвиль. Старый порядок и революция. — Тэн. Происхождение современной Франции.

Совещательный час: в университете, после лекций.

VI. Русская история

Ординарный профессор В. И. Веренинников (8).

1. Общий курс русской истории. 4 часа, четверг, 1-3 ч., пятница, 1-3 ч.

Пособия: Платонов. Лекции по русской истории. Петроград, 1917. — Ключевский. Курс русской истории. Т. I-IV.

2. Практические занятия по историографии основных вопросов русского исторического процесса. 2 часа, четверг, 6-8 ч.

3. Практические занятия по древнерусским актам (служилые жалобы) в связи с вопросами общеисторической методологии. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Совещательный час: в университете, после лекций.

Приват-доцент С. Н. Чернов (4).

1. История Литовско-русского государства до Люблинской Унии. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия: М. К. Любавский. Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской Унии включительно, в «Чтениях Моск. Общества Истории и Древностей Российских», 1911, I, и отдельно: Москва, 1910. 2-е изд., без существенных изменений, 1914.

2. История Среднего и Нижнего Поволжья до конца XVII в. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия будут указаны на лекциях.

Совещательный час: в университете, после лекций.

VII. Романо-германская филология

Экстраординарный профессор В. М. Жирмунский (8).

1. История западных литератур в XVIII и XIX веке (общий курс). 4 часа, вторник, 1-3 ч., четверг, 11-1 ч.

Пособия: История западных литератур XIX века. Под ред. проф. Ф. Батюшкова. Т. I-III. Изд. «Мир». — Делла Барт. Литературное движение на западе в первой трети XIX в. — Шахов. Очерки литературного движения в первую половину XIX века. Подробный список пособий будет указан на лекциях.

2. Практические занятия: Байрон и его литературные современники. 2 часа, среда, 1–3 ч.

Пособия будут указаны на лекциях.

3. Практические занятия по средневековой немецкой лирике (чтение текстов с историко-литературным и лингвистическим комментарием). 2 часа, вторник, 3–5 ч.

Пособия: В а r t s s h. Deutsche Liederdichte des XII—XIV Jahrhunderts. – Н. Р а u l или V. М i c h e l s. Mittelhochdeutsche Grammatik.

Совещательный час: в университете после лекций.

Внефакультетские предметы

НОВЫЕ ЯЗЫКИ

I. Французский язык

Лектор Л. П. М и л и ц и н а (4).

1. Упражнения в устной речи, в изложении законов языка (курса синтаксиса глагола, местоимения, члена и предлога), в чтении текстов научного и художественного характера. 4 ч., вторник, пятница, 5–7 ч. вечера. Учащиеся распределены на 2 группы: 1) слабо владеющих языком и 2) более подвинувшихся в знании языка.

Пособия: Для I группы: S i m o n n o t. Méthode directe pour l'enseignement du français. Изд. Armand Colin (Paris). 1913. Чтение легких текстов школьного издания З и х м а н а и др.

Для II группы: Crainquebille – An. France. Изд. Зихмана. М., 1914. Déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Изд. Cornely (Paris).

Чтение стихотворений периода романтизма.

II. Немецкий язык

И. д. лектора М. Р. Ф а с м е р (4).

1. Младшая группа, немецкий язык для начинающих: Легкие тексты из книги Р. G l a e s e r und E. P e t z o l d. Lehrbuch der deutschen Sprache. Teil I, 19-te Auflage. Petrograd, 1916, и разговоры, а также грамматические объяснения в связи с прочитанным. 2 часа, понедельник, 4–6 ч.

2. Старшая группа: немецкий язык для желающих усовершенствоваться в знании немецкого языка. Чтение Chamisso, Peter

Schlemihl, и разговоры в связи с пройденным. 2 часа, четверг, 4–6 ч.

III. Английский язык

Лектор А. В. Б а б и н (4).

1. Младшая группа: для начинающих. Чтение литературных текстов. Ознакомление учащихся с частями речи, этимологическими, синтаксическими и морфологическими явлениями языка. Историческая связь английского с континентальными языками. Произношение и устная речь. 2 часа, среда, 3–5 ч.

Пособия: П. М. Н у р о к. Практическая грамматика английского языка. – Cinderella. Сказка. Изд. Е. Я. Кестер.

2. Старшая группа: для продолжающих. Чтение научных и художественных текстов. Систематический обзор главнейших морфологических, этимологических и синтаксических явлений языка. Словопроизводство в целях облегчения понимания и запоминания слов. Устная речь. 2 часа, суббота, 3–5 ч.

Пособие: П. М. Н у р о к. Практическая грамматика английского языка. – В и г - n e t t I. H. Little Lord Fauntleroy.

Совещательный час: после лекций в университете.

ОБОЗРЕНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1918/19 учебном году

I. Философия

Профессор С. Л. Ф р а н к (6).

1. Психология. 2 часа, суббота, 6 ч 40 м. – 8 ч 10 м.

Пособия: Д ж е м с. Психология. – Г е ф - ф д и н г. Очерки психологии. – В в е д е н - с к и й. Психология без всякой метафизики.

2. Социальная философия. 2 часа, четверг, 6 ч 40 мин. – 8 ч 10 мин.

Пособия: З и м м е л ь. Социальная дифференциация. – Е г о ж е. Проблемы философии истории. – В и п п е р. Очерки по теории исторического познания.

3. Семинарий по основным вопросам психологии, 2 часа, по соглашению со слушателями.

Совещательный час: после лекций, в университете.

Профессор А. Ф. Преображенский (2).

1. Основные проблемы философии религии. 2 часа, вторник, 6 ч 40 мин. – 8 ч 10 мин.

Пособия: Р. Эйкен. Основные проблемы современной философии религии. СПб., 1907. – Г. Геффдинг. Философия религии. Пер. с нем. Базарова и Степанова. – Проф. Н. М. Боголюбов. Философия религии. Часть I. Киев, 1915.

II. Классическая филология

Профессор С. В. Меликова (6).

В осеннем полугодии:

1. История греческого эпоса и чтение «Одиссеи», XI. 2 часа, суббота, 5 ч – 6 ч 30 мин.

2. История римской литературы в век Августа и чтение «Буколик» Вергилия. 2 часа, пятница, 5 ч – 6 ч 30 мин.

3. Пропедевтический курс древних языков: сравнительный синтаксис греческого и латинского языков. 2 часа, среда, 5 ч – 6 ч 30 мин.

Пособия будут указаны на лекциях.

Совещательный час: после лекций, в университете.

Преподаватель М. Е. Сергеев (4).

1. Элементарный курс греческого языка. 2 часа, по соглашению со слушателями.

2. Пропедевтический курс греческого языка. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия будут указаны на лекциях.

Преподаватель С. П. Знаменский (4).

1. Элементарный курс латинского языка. 2 часа, понедельник, 8 ч 20 мин. – 9 ч 50 мин.

2. Пропедевтический курс латинского языка. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия будут указаны на лекциях.

III. Сравнительное языкознание

Кафедра не замещена

IV. Русский язык и словесность

Профессор Н. К. Пиксанов (8).

1. Общий курс истории русской литературы (древняя письменность и новая литература XVIII – XIX вв.). 4 часа, понедельник, 5 ч – 6 ч 30 мин. и четверг, 5 ч – 6 ч 30 мин.

Пособия: Проф. М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. – Проф. Е. В. Петухов. Русская литература. Два выпуска. – Академ. А. Н. Пыпин. История русской литературы. Т. 4. – Хрестоматии историко-литературные: Саводника, Бродского–Сидорова, Алферова–Грузинского, Галахова, Буслаева или другие. – Проф. Н. К. Пиксанов. Хронология русской литературы для учащихся (для справок).

2. Семинарий: Тургенев. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия перечислены в кн. проф. Н. К. Пиксанова: Три эпохи. 2-е изд.

3. Семинарий: Некрасов. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия перечислены в кн. И. В. Владиславлева: Русские писатели XIX–XX столетия. 3-е изд. 1918.

Совещательный час: после лекций в университете.

Профессор Н. Н. Дурново (8).

1. Старославянский язык. 2 часа, понедельник, 6 ч 40 мин. – 8 ч 10 мин.

Пособия: Кульбакин. Древнецерковнославянский язык. Или: Лескин. Грамматика старославянского языка, с дополнением по языку Остромирова Евангелия. М., 1890. Или: Лескин. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Пер. Петровского. Или: Щепкин. Конспект к лекциям по старославянскому языку. Или немецкие издания грамматики Лескина.

2. История русского языка. 2 часа, среда, 6 ч 40 мин. – 8 ч 10 мин.

Пособия: Поржезинский. Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка. – Дурново, Соколов и Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка. – Соболевский. Лекции по истории русского языка.

3. Семинарий по русскому языку. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия: Ушаков. Русское правописание. – Дурново и Ушаков. Хрестоматия по великорусской диалектологии. – Дурново. Хрестоматия по малорусской диалектологии. – Дурново. Хрестоматия по истории русского языка.

4. Семинарий по русской литературе: «Слово о Полку Игореве». 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия: Издания «Слова о Полку Игореве» Ш а м б и н а г о, Петроградского студенческого издательства, Т и х о н р а в о в а (2-е), К о р ш а (в «Исследованиях по русскому языку», издававшихся Отделением русского языка и словесности Акад. Наук), Ч у д и н о в а («Классная библиотека»), в хрестоматиях С а в о д н и к а или Б р о д с к о г о, М е н д е л ь с о н а и С и д о р о в а.

Совещательный час: после лекции, в университете.

V. Славянская филология

Профессор Г. А. И л ь и н с к и й (6).

1. История польской литературы. 2 часа, по соглашению со слушателями.

2. Сербский язык. 2 часа, по соглашению со слушателями.

3. Практические занятия по славянским наречиям. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия будут указаны на лекциях.

Профессор Н. Н. Д у р н о в о (2).

1. Введение в славяноведение. 2 часа, вторник, 5 ч – 6 ч 30 мин.

Пособия: Н и д е р л е. Обзорное современное славянство. – Статьи о славянах в «Книге для чтения по истории средних веков». Под ред. В и н о г р а д о в а. – Щ е п к и н. Введение в славяноведение. Краткий очерк истории славянских литератур и языков. Карты славянского мира Нидерле, Иохимовича, Флоринского.

Совещательный час: после лекций, в университете.

VI. Всеобщая история

Профессор В. А. Б у т е н к о (6).

1. История Западной Европы в XVIII и XIX вв., 4 часа, понедельник и пятница, 6 ч 40 мин. – 8 ч 10 мин.

Пособия: Н. И. К а р е е в. История Западной Европы в новое время. Т. III – VI. – Г е т т н е р. История всеобщей литературы XVIII века. – О л а р. Политическая история французской революции. – С е н ь о б о с. Политическая история современной Европы.

2. Семинарий: Чтение и разбор французских конституций эпохи революции.

Пособия: L. D u g u i t e t H. M o n n i e r. Les Constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789. 2-eme éd. Paris, 1908.

Совещательный час: по пятницам, 5 ч 30 мин. – 6 ч 30 мин. в университете.

Профессор П. М. Б и ц и л л и.

(Сведения не доставлены).

Профессор Ф. В. Б а л л о д (4).

1. История древнего Востока. 2 часа, вторник, 5 ч – 6 ч 30 мин.

Пособия: Р. В и п п е р. Древний Восток и эгейская культура. М., 1916. – Б. Т у р а е в. История древнего Востока. Курс, читанный в СПб. университете. Петроград, 1912. – М. Х в о с т о в. История древнего Востока. Курс, читанный в Казанском университете. Казань, 1909.

2. Древнеегипетский язык и чтение иероглифических текстов (просеминарий по истории древнего Востока). 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия: A d o l f E r m a n. Aegyptische Grammatik. Berlin, 1911. – A. E r m a n. Aegyptisches Glossar. Berlin, 1914. – K u r t S e h t h e. Urkunden des Alten Reichs, II. Leipzig.

Совещательный час: после лекций, в университете.

Преподаватель Е. Н. П е т р о в (6).

1. Феодализм и сословно-представительная монархия в Западной Европе в XIII – XV вв. 2 часа, суббота, 5 ч – 6 ч 30 мин.

Пособия: Н. И. К а р е е в. Поместье-государство и сословная монархия. – Общий курс по истории средних веков проф. М. Н. П е т р о в а в обработке проф. В я з и г и н а.

2. Семинарий: Политическое учение Монтескье. 2 часа, по соглашению со слушателями.

3. Семинарий: Деятели Национального Учредительного Собрания 1789–1791 гг.

Пособие: О л а р. Ораторы революции. Т. 1.

Совещательный час: после лекций и занятий в университете.

VII. Русская история

Профессор В. И. В е р е т е н н и к о в (6).

1. История России, императорский период. 4 часа, по соглашению со слушателями.

2. Семинарий по истории государственных учреждений императорского периода. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия будут указаны на лекциях.

Профессор С. Н. Ч е р н о в (6).

1. Московское государство в XV и XVI вв. 2 часа, среда, 6 ч. 40 мин. – 8 ч. 10 мин.

Пособия будут указаны на лекциях.

2. Семинарий: Церковно-политические отношения в Московском Государстве конца XV – начала XVI в. 2 часа, по соглашению со слушателями.

3. Семинарий: Русские “воспоминания” о второй половине царствования императора Александра I. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Совещательный час: после лекций, в университете.

Преподаватель А. А. Г е р а к л и т о в (2).

1. Практические занятия: Чтение русских рукописей XVI – XVIII вв. 2 часа, воскресенье, 12–2 ч.

Пособия: Е. О. К а р с к и й. Очерк славянской кирилловской палеографии. – И. С. Б е л я е в. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV – XVIII столетий. 2-е изд. М., 1911. – Ред. И. Ф. К о л е с н и к о в а. Сборник снимков с русского письма XI – XVIII в. 2-е изд. М., 1913. – Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.

Совещательный час: по окончании практических занятий в университете.

VIII. Романо-германская филология

Профессор В. М. Ж и р м у н с к и й (8).

1. Общий курс истории западных литератур (история эпоса). 2 часа, вторник, 6 ч 40 мин. – 8 ч 10 мин.

2. Семинарий: Гете в эпоху “бури и натиска”. 2 часа, вторник, 8 ч 20 мин. – 9 ч 50 мин.

3. Семинарий: Средневековый немецкий эпос. Чтение и разбор «Песни о Нибелунгах» и «Тристана» Готфрида Страсбургского. 2 часа, понедельник, 6 ч 40 мин. – 8 ч 10 мин.

4. Практические занятия по древневерхненемецкому языку. 2 часа, понедельник, 8 ч 20 мин. – 9 ч 50 мин.

Пособия будут указаны на лекциях.

Совещательный час: после лекций в университете.

Профессор Н. С. А р с е н ь е в (8).

1. История итальянской литературы в XIII – XVI вв. 2 часа, по соглашению со слушателями.

2. Семинарий: Итальянская литература эпохи Возрождения. 2 часа, по соглашению со слушателями.

3. Семинарий: Старо-французский язык. Чтение старейших памятников и «Песни о Роланде». 2 часа, по соглашению со слушателями.

4. Просеминарий по истории религии (тема будет указана особо).

Пособия будут указаны на лекциях.

IX. Теория и история искусств

Профессор Ф. В. Б а л л о д (4).

1. История египетского искусства. 2 часа, среда, 5 ч – 6 ч 30 мин.

Пособия: Г. М а с п е р о. Всеобщая история искусства. Египет. М., 1915. – S p r i e - g e l b e r g. Geschichte der ägyptischen Kunst. Leipzig, 1903. – В i s s i n g. Einführung in die Geschichte der ägyptischen Kunst. Berlin, 1908. – F l i n d e r s - P e t r i e. Les arts et métiers de l'ancien Égypte. Paris, 1912.

2. Семинарий по египетскому искусству. 2 часа, по соглашению со слушателями.

Пособия: С а р а r t. L'art égyptien. I, 1909; II, 1911. – В i s s i n g. Denk-mäler ägyptischer Skulptur. München, 1914. – F e s c h h e i - m e r. Die Plastik der Aegypter. Berlin, 1914. – Publications of the Egypt exploration fund and Publications of the Archaeological survey of Egypt.

Совещательный час: после лекций, в университете.

Внефакультетские предметы

НОВЫЕ ЯЗЫКИ

I. Французский язык

Лектор Л. П. М и л и ц и н а (4).

1. Младшая группа: для начинающих. Изучение языка. Практические занятия. Чтение легких текстов. Изучение элементарных форм языка. 2 часа, пятница, 5 – 7 ч.

Пособия: S i m o n n o t. Méthode directe pour l'enseignement de la langue française. Книги для чтения из серии «Le français pour tous».

2. Старшие группы: для продолжающих. Чтение текстов научного и художественного характера. Разбор синтаксических, морфологических и словарных явлений языка. 2-я группа – 3 часа, вторник, четверг, пятница, 8 ч 30 мин. – 9 ч 30 мин. 3-я группа – 2 часа, понедельник, четверг, 7–8 ч.

Пособия: Грамматика Л а н ц е в а (изд. Казань. Кн. маг. Маркелова и Шарапова). – G a s t o n P a r i s. La poesie du moyen âge. V. H u g o. Quatre-vingt-treize. 1-ier livre. éd. Rouff. Paris. – M a u p r a s s a n t. Изд. Зихмана, Москва. – A n F r a n c e. Le livre de mon ami.

Совещательный час: после лекций, в университете.

II. Немецкий язык

Преподаватель Г. Г. Д и н г е с вступит в исполнение обязанностей с начала весеннего полугодия 1919 года.

III. Английский язык

Преподаватель А. В. Б а б и н (6).

1. Младшая группа, 4 часа, вторник, среда 8 ч 20 мин. – 9 ч 50 мин. вечера.

Пособие: E. G o f f e. Object lessons in English for beginners.

2. Старшая группа, 2 часа, понедельник, 8 ч 20 мин. – 9 ч 50 мин. вечера.

Пособие: П. М. Н у р о к. Практическая грамматика английского языка.

Совещательный час: после лекций, в университете.

(Известия Саратовского университета. Историко-филологический факультет. Саратов, 1918. Вып. 1. Отд. паг. С.1–6; 1–7).

ОБОЗРЕНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1919/20 учебном году

Философия

Проф. С. Л. Ф р а н к. В обоих полугодиях: 1) История древней философии, 4 ч; 2) семинарий (совместно с проф. С. В. Меликовой): Чтение и обсуждение фрагментов досократовских мыслителей, 2 ч.

Проф. А. А. К р о г и у с. В обоих полугодиях: 1) Психология, 4 ч; 2) Введение в экспериментальную психологию (курс с прак-

тическими занятиями), 2 ч; 4) семинарий по педагогике, 2 ч.

Проф. Н. С. А р с е н ь е в. В обоих полугодиях: 1) Раннее христианство и гностицизм, 2 ч; в весеннем полугодии: 2) Позднейшие религиозные образования Переднего Востока: манихейство и ислам, 2 ч.

Преп. В. Э. С е з е м а н. В обоих полугодиях: 1) Общий курс логики, 2 ч; 2) семинарий по логике (для начинающих), 2 ч.

Классическая филология

Проф. С. В. М е л и к о в а. В обоих полугодиях: 1) Историческая грамматика греческого языка, 2 ч; 2) Греческая стилистика, 2 ч; 3) семинарий: Комедии Менандра, 2 ч; 4) семинарий (совместно с проф. С. Л. Франком): Чтение и обсуждение фрагментов досократовских мыслителей, 2 ч; 5) Практические упражнения в переводе с греческого языка на русский, 2 ч.

Проф. В. Я. К а п л и н с к и й. В обоих полугодиях: 1) История римской литературы, 2 ч; 2) курс по интерпретации латинского автора: Гораций, 2-я книга од, 2 ч; 3) Латинская стилистика, 2 ч; 4) семинарий по эпикурейской философии: Чтение и разбор поэмы Лукреция de rerum natura, 2 ч; 5) Практические упражнения в переводе с латинского языка на русский, 2 ч.

Проф. Н. С. А р с е н ь е в. В обоих полугодиях: 1) Семинарий по античной религии, 2 ч.

Сравнительное языковедение и санскрит

Проф. Д. Н. К у д р я в с к и й. Сведения не доставлены.

Русский язык и литература

Проф. Н. Н. Д у р н о в о. В осеннем полугодии: 1) Историческая диалектология русского языка в связи с историей русских народностей, 4 ч; 2) семинарий по истории и диалектологии русского языка, 4 ч. В весеннем полугодии: 3) Историческая морфология и синтаксис русского языка, 4 ч; 4) семинарий по вопросам школьной грамматики русского языка, 4 ч.

Проф. Н. К. П и к с а н о в. В обоих полугодиях: 1) Грибоедов и его время, 2 ч; 2) Русская литературная историография, 2 ч; 3) семинарий: Гончаров, 2 ч; 4) семинарий: Русская драма XVIII в., 2 ч.

Проф. Б. М. С о к о л о в. В обоих полугодиях: 1) Общий курс истории русской литературы, 4 ч; 2) семинарий по русской народной словесности, 2 ч; 3) семинарий по древней русской литературе (религиозные сказания, жития, повести и легенды), 2 ч; 4) семинарий по этнографии местного края, 2 ч.

Славянская филология

Проф. Г. А. И л ь и н с к и й. В обоих полугодиях: 1) История болгарской литературы, 2 ч; 2) Болгарский язык, 2 ч; 3) семинарий: Чтение и разбор избранных произведений болгарской литературы, 2 ч.

Романо-германская филология

Проф. В. М. Ж и р м у н с к и й. В обоих полугодиях: 1) Теория поэзии (основы исторической и систематической поэтики), 2 ч; 2) История немецкого языка, 2 ч; 3) семинарий по немецкому романтизму, 2 ч; 4) семинарий по истории немецкого языка (для начинающих), 2 ч.

Проф. Н. С. А р с е н ь е в. В обоих полугодиях: 1) Литература и культура Италии средних веков и начала Возрождения, 2 ч. В осеннем полугодии: 2) семинарий по Данте, 2 ч; 3) семинарий по старо-французскому языку (чтение литературных памятников), 2 ч. В весеннем полугодии: 4) семинарий по истории западноевропейских литератур, 4 ч.

Преп. Г. Г. Д и н г е с. В обоих полугодиях: 1) Семинарий по средневерхненемецкому языку (для начинающих), 2 ч.

Теория и история искусств

Проф. Ф. В. Б а л л о д. В обоих полугодиях: 1) История античного искусства, 2 ч; 2) История итальянского искусства в эпоху Возрождения, 2 ч; 3) семинарий: Древневосточные мотивы в античном и христианском искусстве, 2 ч.

Проф. В. И. В е р е т е н н и к о в. В обоих полугодиях: 1) Введение в историю русского искусства (основные моменты в эволюции русского искусства), 2 ч; 2) семинарий по истории русского орнамента, 2 ч.

Преп. В. Э. С е з е м а н. В обоих полугодиях: 1) Введение в эстетику (обзор главных эстетических учений), 2 ч; 2) семинарий по эстетике: Чтение и разбор «Критики способности суждения» Канта в связи с новейшими эстетическими теориями, 2 ч.

Курсы по историческим дисциплинам студенты историко-филологического факультета слушают на историческом отделении факультета общественных наук.

В 1919/20 учеб. г. на указанном отделении будут читаться и вестись следующие курсы и практические занятия:

Проф. В. А. Б у т е н к о. В обоих полугодиях: 1) Эпоха Возрождения, 2 ч; 2) семинарий: Изучение материалов по истории французских политических партий конца XVIII в., 2 ч; 3) Изучение главнейших моментов итальянского Возрождения, 2 ч.

Проф. В. И. В е р е т е н н и к о в. В обоих полугодиях: 1) История России в XIX в., 2 ч; 2) Архивоведение (курс с практическими занятиями), 2 ч; 3) семинарий по истории России в XIX в., 2 ч.

Проф. С. Н. Ч е р н о в. В обоих полугодиях: 1) Историческая география России до конца XVII в., 2 ч; 2) Митрополит Даниил и преп. Максим Грек, 2 ч; 3) семинарий: Разбор донесения следственной комиссии о злоумышленных обществах, 2 ч; 4) семинарий: Записка о Московии Герберштейна как исторический источник, 2 ч.

Преп. А. А. Г е р а к л и т о в. В обоих полугодиях: 1) Колонизация Саратовского края, 2 ч; 2) Кирилловская палеография, 2 ч; 3) семинарий: «Пугачевские» документы Саратовского исторического архива, 2 ч.

Преп. Е. Н. П е т р о в. В обоих полугодиях: 1) История Англии в XVIII – XIX вв., 2 ч; 2) семинарий: Французские политические философы XVIII в., 2 ч.

Подробное расписание занятий по указанному в настоящем Обозрении предметам, а также по древним (греческий, латинский) и новым (английский, немецкий, французский) языкам будет объявлено перед началом осеннего семестра.

Утверждено в заседании историко-филологического факультета 20 июня 1919 года.

Декан, проф. Ф. В. Баллод

Секретарь, проф. В. Я. Каплинский

(Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1919/20 учеб. году. Саратов, 1919)

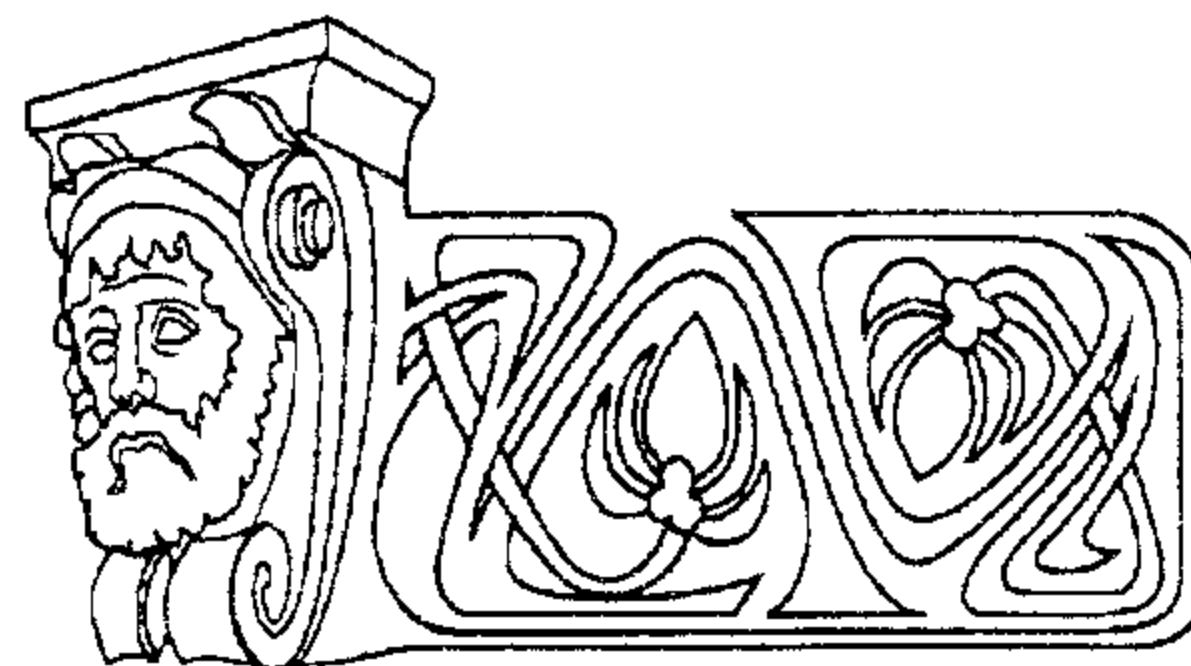
Вступительная заметка и подготовка текста к публикации А. А. Гапоненкова

А. П. СКАФТЫМОВ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 882.09 + 929 Скафтымов

А. П. СКАФТЫМОВ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

В. В. Прозоров

Прикосновение к частной жизни замечательного человека, обнаружение его заветных дневников и сугубо личных, интимных писем – часто трудное испытание для публикаторов. Тот самый случай, когда над печатным текстом так и хочется прикрепить лаконичное и строгое предостережение: «Вход посторонним воспрещен»... Но правда заключается и в том, что заинтересованные потомки имеют всё-таки своё право на пристальное знакомство с личностью человека, оставившего исключительно глубокий и самобытный след в истории мировой и отечественной культуры.

Александр Павлович Скафтымов – выдающийся ученый-литературовед, которому дано было в драматически сложном советском XX веке жить по совести, хранить верность непреходящим нравственным ценностям, создать свою признанную гуманитарным миром научную школу, внести мудрый вклад в осмысление важнейших проблем истории и теории художественной словесности, в изучение творческого наследия русских классиков – А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. Н. Радищева, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского.

Автор письма (от 5 мая 1910 г.), фрагмент которого приведен ниже, остается для нас неизвестен. Но сам характер его лирической аттестации точно определяет натуру Скафтымова. Перед нами строки, написанные, предположительно, одним из друзей Скафтымова по духовной семинарии (подпись: «Твой Андрей»): «Ты не можешь себе представить, как я по тебе соскучился; чем ты меня приворожил к себе, я теперь доподлинно объяснить не смогу: вероятно уж натура у тебя такая, располагать к себе; нравится твоя простота и задушевность и отклик на чужие беды»¹.

А. П. Скафтымов родился 11 октября 1890 г. в селе Столыпино Балтайской волости Вольского уезда Саратовской губернии в семье священнослужителя. Не стало его 26 января 1968 г. Похоронен Скафтымов на Воскресенском кладбище Саратова – города, с которым тесно связаны жизнь и судьба ученого-педагога. Его путь – это и незавершенный курс духовной семинарии, и учеба на историко-филологическом факультете Варшавского университета (1909–1913), и преподавательская работа в гимназиях Астрахани и Саратова... С 1922 г. Скафтымов – доцент, а затем и профессор, заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Саратовского университета и пединститута.

Его не обошли стороной ни трагедии 1930-х годов, ни жизненные и житейские боли и напасти. Одна из учениц А. П. Скафтымова, профессор Е. П. Никитина напишет позднее: «Много накопилось обид и горечи от прямых политических наскоков и скрытых интриг <...> В послевоенные годы всё это как-то сглаживается и как бы официально отменяется: присуждением звания заслуженного деятеля науки РСФСР, он награжден орденом Ленина. Хотя кто-то все еще не забывает о «бдительности», да и выбитую из колеи личную жизнь не так просто ввести в благополучное русло...»².

Все, кто имел счастье знать Скафтымова, говорят о его стойкости духа, о деликатности и способности располагать к себе других, о подлинном демократизме и нравственной безупречности. И ещё – о хорошем, интуитивно данном практическом знании сложной человеческой психологии.

Вспоминает его ученик и преданный друг, преподаватель филологического факультета Саратовского университета А. П. Медведев: «В нём восхищали два свойства: никогда ни-

кто с ним не говорил резко, грубо, повышенным тоном, неуважительно. Это касалось всех, будь то давно знакомый ему человек или недавно знакомый, будь то люди высокой культуры или «простые» люди. Точно какое-то магнитное поле окружало его и разрушало злые стрелы, злые слова, злые мысли. Второе свойство объясняло это: Скафтымов не только всегда был очень внимателен к людям, но и умел разглядеть то, что в них было хорошего, ценного. Поэтому в своих отношениях с людьми он обращался именно к этой, хорошей стороне человека. Своим уважением он поднимал человека, с которым общался, помогал ему ощущать в себе то хорошее, что в нём было»³.

Учитель Скафтымова по Варшавскому университету профессор А. М. Евлахов в письме от 8 октября 1933 г. обратит своему ученику и другу много стоящие слова: «Хотя мы расстались более двадцати лет назад <...> – какая-то непрерывная нить тянется между нами все эти годы, не порываясь. <...> Вы были бы, пожалуй, единственным из моих «учеников», кому хотел бы я довериться после смерти, когда уже защититься нельзя; Вы бы один как следует меня поняли и объяснили со всеми моими недостатками и достоинствами»⁴.

Дневник А. П. Скафтымова 1916 г. посвящен истории любви Александра Павловича к Ольге Александровне Знаменской-Ворошиловой. В этом глубоко личном документе запечатлены светлые и тревожные состояния его души, страстные переживания, связанные с крепнувшим день ото дня проникновенным чувством к его будущей жене.

В 1916 г. А. П. Скафтымов – преподаватель русской словесности и коллега Ольги Александровны по саратовской гимназии А. М. Добровольского. В эту же пору он интенсивно работает над исследовательскими сюжетами, посвященными творчеству М. Ю. Лермонтова. Основательная погруженность в лермонтовские тексты ощутимо обнаруживает себя в скафтымовских дневниковых «вибрациях души»...

Дневник А. П. Скафтымова 1937 г. – исполненная невыразимой боли и душевных страданий, трагическая исповедь, вызванная

смертельной болезнью единственного сына и адресованная жене, преподавателю французского языка в Саратовском педагогическом институте О. А. Знаменской-Скафтымовой.

В это время Ольга Александровна, арестованная по диковинно циничному (и столь привычному для сталинского времени) обвинению «в связи с иностранной разведкой», осужденная на 8 лет, после тюремного заключения отбывала свой тяжкий срок в карагандинских лагерях. Ей разрешена была переписка с мужем. Однажды А. П. Скафтымову довелось даже посетить её в карагандинском лагере. Об этом тоже идет речь в скафтымовских записях.

Безысходность ситуации заключалась ещё и в том, что по мере развития страшной болезни сына крепло убеждение: будь Ольга Александровна дома, вместе с ними, не случись этой насильственной трагической разлуки, – уберегла бы она Павлушу. Александр Павлович так и запишет: «ты своими умелыми заботами дала бы ему здоровье. Был бы он с тобою всё время. <...> Но говорить о тебе, о далёкой, недоступной для нас, мы не могли, мы оба разревелись бы»... В марте 1937 года их сын Павел от скоротечного туберкулеза угас...

Известный русский фольклорист Ю. М. Соколов пробует утешить Скафтымова по поводу трагических событий его жизни, пришедшихся на 1930-е годы: «Вы несете такую огромную и ответственную работу, работаете с признанным всеми успехом, тут бы и развернуть все свои силы и проявить себя во всю ширь в творческой работе, а личные горя одно за другим падают на Вашу голову <...>. Такой жестокости судьбы никак не осмыслишь, не оправдаешь»⁵.

Публикуемые дневниковые записи А. П. Скафтымова бережно хранились Ольгой Александровной Скафтымовой до самой её смерти в 1978 г. В 2001 г. тексты дневников 1916 и 1937 гг. были подарены нашему факультету Ингой Ивановной Самусь (хранителем квартиры О. А. и А. П. Скафтымовых после их кончины).

Тексты дневников публикуются впервые и без купюр, с сохранением авторского правописания и стиля. Орфография и пунктуация в основном приведены к современ-

ным нормам. Подчеркнутые слова выделены курсивом, недописанные взяты в угловые скобки.

Примечания

¹ Цит. по: Коллекция книг и эпистолярный архив в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1981. С. 55.

² Никитина Е. П. Умом и сердцем / Е. П. Никитина // Филология. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 114.

³ Медведев А. П. Школа нравственного воспитания / А. П. Медведев // Методология и методика изучения рус-

ской литературы и фольклора. Ученые-педагоги саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 194.

⁴ Медведев А. П. Школа нравственного воспитания / А. П. Медведев // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 194.

⁵ Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич Саратовского госуниверситета. Ф. 1. Оп. 1. № 49.

⁶ Там же. № 137.

УДК 882-94 + 929 Скафтымов

ДНЕВНИКИ 1916 и 1937 гг.

А. П. Скафтымов

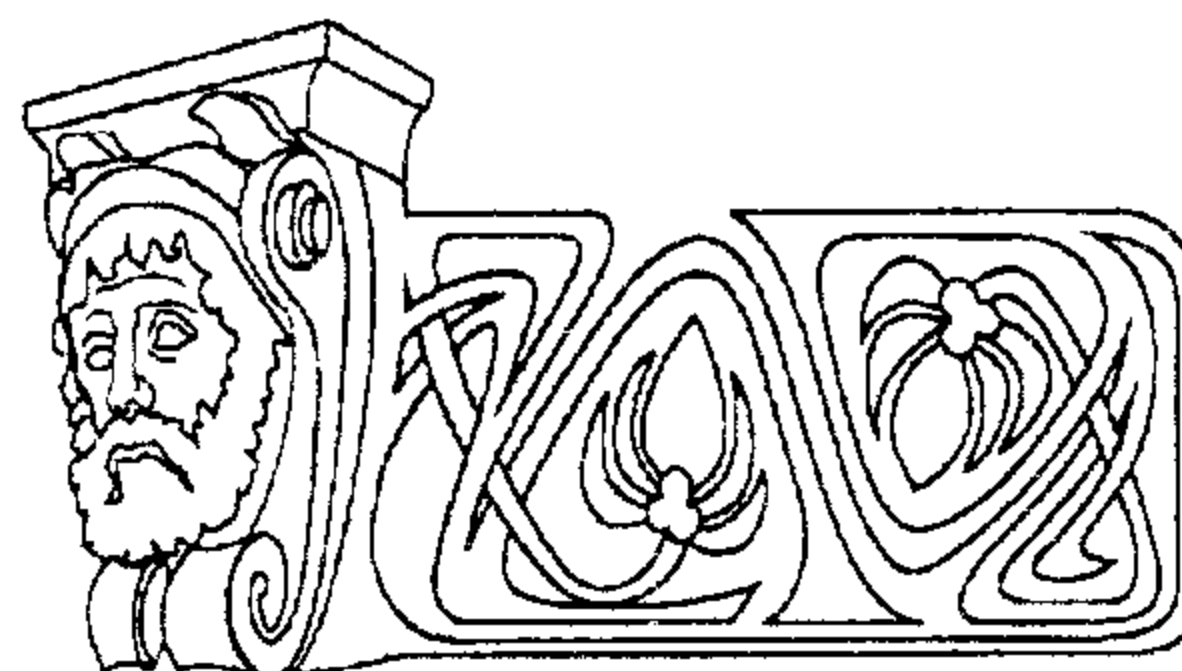
«Быть пред собой честным...»
Дневник 1916 года*

18 ф<евраля> 1916 г. Ночь.

«Если бы Вы¹ были мужчиной, мы могли бы быть друзьями», – приблизительно так я написал. Значит тогда уже почувствовалось близкое. Когда же и это и как началось. Вот вспоминаю ее за все время. Правда, была она всегда симпатична, располагала к непринужденности. Свежестью веяло. Она – форточка, которая всегда утешала и оживляла меня в учительской². Но ведь это было так незаметно. Я никогда о ней не вспоминал. Только среди других школьных впечатлений упомянул в письме к Ш.³ о ней. «Иногда, – писал я, – и в нашей учительской рождается игривое слово. Учит<ельница> фр<анцузского> яз<ыка>, молодая интеллигентная женщина дает к этому настроение и освежает собою атмосферу общего самоудовлетворенного педантизма». Это было так, к слову. Никогда не мог предположить, что она меня может так волновать, как теперь в последние дни. Как это началось? Когда?

У ней ласковый взгляд, чистый смех, нежная улыбка. Улыбается с ямочками. В ямочках и чистота, и нежность, и детство.

* *Позднейшая притиска*: Это писалось только для себя: строгая тайна (совестно было показать даже Вам). Думал, никогда об этом с Вами говорить не буду. И скрывать не хотел, но говорить самому, самому указывать на себя было не под силу.

Да, детство. Что-то ребяческое в ней есть. Может быть, это и есть чистота душевная, светлая непосредственность... А самое странное впереди. Детское в ней есть, но что это? Это не наивность, не незнание жизни и горечи. Что же тогда? Вот я и не понимаю. Это, пожалуй, не что иное, как отсутствие неприязненности к окружающему, симпатическое отношение ко всему живущему. Это, конечно, не есть довольство всем и благословение всему. Нет. Это не исключает негодования. Однако это – симпатическое негодование, оно лишено элемента упоения собственным превосходством. Бывает разное негодование. Одно, самое частое, соединяется всегда у негодующего с чувством своей исключительной пронизательности и порядочности: «а я, мол, не таков». Вспоминаю негодующую фигуру А. П.⁴ Всё он знает, понимает и сам выше всего. Негодует, как будто себя хвалит. У ней не такое негодование, оно лишено эгоистических примесей.

Однако, как же это произошло, что вот я сейчас почти в 2 часа не сплю и думаю о ней. И вчера не спал и думал о ней. Хотя о Лермонтове писал⁵, а думал о ней. Ищу встреч, даже, кажется, смущаюсь. Скучаю. Огорчаюсь неожиданным ее отсутствием. Что со мной сегодня было на концерте?! Она не придет, она ушла домой! И это было несча-

© В. В. Прозоров, публикация, 2005

© А. А. Гапоненков, подгот. текста, примеч., 2005

стием. Шальной ходил по коридору, вытягивал шею, оглядывался по сторонам. С какой-то жутью встречал каждого пришедшего, больно было ошибаться и разочаровываться, приняв за нее сходную издали фигуру. Что со мной? Ведь это собраны все смешные признаки влюбленности. А мне не смешно. Убеждаюсь, как искреннее чувство дурачит нас в глазах других. В антракте я кусал себе пальцы с досады. Мне показалось, она ушла домой после первого отделения. Я вслух с собой произносил какие-то восклицания. Заметил два-три взгляда на себе удивленных. Мне было все нипочем... Мелькнуло ее лицо, и отошло все. Я уже спокоен. Она здесь. Мне уже достаточно. Не это ли называют любовью? Я хотел бы, чтобы это дольше со мной продолжалось, а лучше всего совсем бы не прекращалось. Мучительно, но хорошо. Что хорошего? Не знаю. Подумаю после. А теперь вот о чем. Мое самолюбие. Обнаружить пред ней свое расположение мне несколько не унижительно в ее глазах. Я помню, мне всегда казалось и чувствовалось унижение в своих признаниях исключительного отношения к какой-нибудь особе. Особенно вначале. Сейчас этого, будто, нет. Я ей сегодня говорил о потере самообладания, и мне не было совестно и обидно. Я, значит, не боялся, что, мол, зазнается, свысока будет смотреть после. Впрочем, иногда и теперь пробегает несколько похожее на уязвленную гордость чувство, — это при мысли, что на меня могут посмотреть, как на славного, доброго, хорошего малого, сентиментального юношу, наивного и простоватого в своей незрелости. Основания к этому налицо. Я не хотел бы, чтоб на меня смотрели, как я смотрю на своих, хотя и славных, хороших, учеников. По аналогии сужу и считаю возможным именно такой взгляд. Однако в этом случае меня не подпустили бы к своей душе, как я не подпускаю... Впрочем все это, по сравнению с грустью и только что рассказанными волнениями, пустяки.

Я ее спросил: «Вы за обоих нас ручаетесь, что сдержанности не понадобится ни с той, ни с другой стороны». Ответила: «Ручаюсь». — «И за меня?» — еще раз я спросил. «Без сомнения», — был ответ. «Осторожно», — написал я.

19 февраля, день.

Спал я плохо. И все она. И утром проснулся с мыслью о ней. Вот и сейчас потянуло думать и писать о ней. Мне очень некогда. Я это знаю и все-таки вот сейчас сижу и опять пишу.

Ночью думал... Надо сказать ей обо всем, что со мной происходит, пусть знает. Что дальше? Ну а потом? Обычные мои вопросы. Не думаю я о них теперь. Мне ничего не нужно. Я хочу только не быть чужим. Ведь я и о себе-то не ясно всё представляю. Она тем более. Тут вот и есть, кажется, самое главное, самое странное. Думаю ли я о ней как о женщине (в девическом смысле). Нет. Однако это и не просто дружеское расположение. Я о своих друзьях так не скучал и за них не волновался, своих чувств к ним не записывал, не тянуло думать о них. Следовательно, тут не простые отношения. Это не дружба. А сон? Руки целовал. Ну-ка, поцелую ли я руку хоть у самого близкого друга? Никогда, спаси Боже. Это забавно. Да, тут не так просто. Однако, что же тут необыкновенного, о чем думать, что особенного, что я ее и стал любить, вот теперь, может быть, это и началось. Разница лет. Да, поставить нас рядом, будет несоответствие. Но ведь это только для других, для наблюдающих, для посторонних, для внешних отношений в жизни среди людей — несоответствие. А внутренне ведь мы во многом понимаем друг друга, так близко можем касаться интимного, что может ли быть речь о несоответствии. Конечно, у ней иная жизнь, чем у меня, иные дорогие мелочи облекают её душу, у ней иные страдания, у ней столько ценного в прошлом, такого близкого, дорогого, вся душа полна милым прошлым. Где же, в чем же могут быть общие точки. Могу ли я быть нужен ей. Фу, как глупо! Она и я!.. Могу ли я духовное удовлетворение давать. Для кого! Для нее. Вот она пропасть-то, вот когда я добрался до главного. Тут вся завязка моего узла.

23 февр<аля>.

Время идет... но не лечит. Скучаю так же, даже, пожалуй, больше. Идут занятия. срочная работа давит. Много усилий стоит каждое очередное дело. Внимание непрерывно отвлекается. Что же это такое? Так хочется ее общества, быть и говорить.

24 ф<еврля>. Ночь.

«С княжной Марьей нельзя было (Ростов) себе представить будущей жизни, потому что он не понимал её, а только любил»⁶.

Это ко мне относится, кое-что объясняет во мне самом. Однако именно *кое-что*, не больше. Думаю, что в нас понимание взаимное есть и очень яркое. Кое-что все-таки остается. Вот тут...

Вложено было ею случайно в книгу Лермонтова: «Боже мой! Что на свете не забывается! И если считать ни во что минутный успех, то где же счастье? Если б меня спросили, чего я хочу: минуту полного блаженства или годы двусмысленного счастья, я бы скорей решила сосредоточить все свои чувства и страсти на одно божественное мгновение... Есть вещи, которых забыть невозможно». (На другой стороне: «Радости забываются, а печали никогда... – Уж не молодость ли с своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять, или это только ее прощальный взгляд, последний подарок – на память?...»). Последнее – выписка из «Героя наш<его> вр<емени>»⁷. Первое – из «Кн<ягини> Лиговской»⁸.

27 февр<аля>*

Зачеркнуто. 28 февр<аля>. Сюда пишу только о ней.

5 марта. Ночь.

В душе ужасная сумятица. И надо же было так случиться: полюбили, кажется, так как-то необыкновенно, странно и неудачно нужно было сложиться внешним обстоятельствам. Она старше меня, вдова. И в этом вся «неестественность» и затруднения. Если она меня любит, можно всем этим пожертвовать. Побольше твердости, ясности, нужно это в скором же времени определенно установить и определить дальнейшие отношения. Или ближе с ней, или далеко от неё. Иначе, какая эта мучительная тянучка, тоска и загадки, темное будущее.

6 марта.

Тоска, нудность, растерянность в настроении от остановки личной жизни. Моя собственная жизнь, интересы без отношения

к ней в это время отошли, забылись. В то же время не завязалось ничего в будущем и с ней общего. Я полон ею, мыслию о ней, но все без будущего. Естественно, охота к всякой деятельности исчезла, ведь деятельность – это приготовление будущего. Нет будущего, нет деятельности. Отсюда решение: надо теперь всё выяснить, может ли у нас быть общая жизнь, с предвидением общего в будущем для работы в настоящем. Жить кропательством в душах друг друга, жить только этим нельзя. Надо иметь стремления и действовать, желать их осуществления. Жизнь – ожидание, жизнь – бесконечные планы на будущее. И планы должны быть. Они и есть, но мы боимся их. Что-то шепчет, что не может у нас быть общей жизни, общих интересов в будущем, мы годимся друг для друга лишь как складочное место, приемник для личных интимных мыслей и выстраданных где-то, с кем-то, когда-то, в чем-то чувств, очарований и разочарований. Живет один, обособленно, получает и ждет и лишь, осмысливая текущее, идет к другому для сочувствия. Надо чего-нибудь желать вместе. Тогда будем вместе делать предположения, строить планы, огорчаться и радоваться двое об одном одинаково лично.

Обо всем этом при первой возможности серьезно переговорить.

Мне себя надо взять в руки. Я без нее не живу и с ней не живу. Я в пустоте. Отсюда тоска, нудность жизни, бесцветность, равнодушие ко всему. Надо вернуть свое личное, чем я жил прежде, что мне давало уверенность. Правда, оно потускнело. Однако неужели кончать жизнь? Далеко нет. Найдётся, чем жить. Постараюсь найти своё, безотносительно к ней. Это уже разъединение. Да. Жаль. Мне жаль своего хорошего чувства. Но ведь единения-то нет, оно только в мечтах. А жить-то ведь каждый день надо, нельзя жить без реального осуществления мечты, и особенно без надежды на осуществление. Поэтому или теперь же реализовать в представлении о будущем мечту свою и стремиться к ней, сейчас начать осуществление ее, или, если окажется невозможным это, сейчас же раздавить моё тяготение к ней как химеру, как всякую несбыточность. Опять тот же вывод: надо все теперь же выяснить. Иначе мука, растерянность, беспочвенность во всем текущем.

* Зачеркнуто несколько слов.

Сначала мне казалось, что если я открою ей свое к ней отношение, уже этим достигну ясности настроения. Ошибся. Этого мало. Ясность настроения и твердость духа зависят от отчетливости наших желаний и веры в их осуществление. Чем яснее мыслится реальность мечты, тем бодрее дух и живее энергия. — А у нас с ней ни слова о будущем. Мы и не пытаемся, даже как будто избегаем выяснять возможность мечты. Надо открыто с этого начать. Пусть она откровенно скажет своё. Все зависит от чувства. Находит она его в себе. Ценен ли я ей? Это определит дальнейшее. О сомнениях поговорим тоже открыто. Туман будущего рассеется. Будем знать, чего мы хотим — на завтрашний день.

7 марта.

Сегодня не была в гимназии. Я после уроков зашел к ней. Больна. Сердечные припадки. Разговорились. Сначала не хотел говорить о своих планах, откладывал. Все высказал о «театральных» мечтах.

Много ей приходится переживать. Колеблется. Страдает. Милая.

12 марта.

Гуляли. Много говорили, много стало ясней. Я уже спокойней. Будущее ясней, милей. Люблю по-прежнему сильно, печально и как бы робко. Последнее, кажется, признак истинности чувства.

16 марта.

Чувство у меня сильное, чистое абсолютно. Только зная свою подлую натуру, я иногда невольно боюсь будущего.

25 <марта>.

Изнервничался. Готовлюсь к речи о Лермонтове. Стихи: «Моя мать — степь широкая, мой отец — небо далекое...»⁹. Слезы брызнули из глаз. Сейчас не могу успокоиться.

30 марта.

Хочется записать: Иногда, моментально хочется скрыться от людей, от жизни, от себя. Приливы какого-то омерзения ко всему, сам себе противен, стыдно, гадко на душе, убожество. Однако живу, хожу в гимназию, тетради читаю и записываю неуспевающих. Одна она — милая. Но и здесь, будто я обманщик, вор, призрак.

31 марта.

Все течет. Пройдет и то, что сейчас со мной творится. Так долго продолжаться не может. Ясно, что это время надрывное, нервное, переходное. Хотелось бы всего себя сейчас записать. Безусловно, сейчас, полоса у меня захватывающая, не похожее ни на что прошлое.

Живу ли я сейчас. Счастлив ли я. С виду, д<олжно> б<ыть>, я похож сейчас на побитую собаку. Уныло двигаюсь и делаю самое необходимое. Физиономия, д<олжно> б<ыть>, всегда несчастна, жалка.

И физически ослаблен <нрзб>, и внутри меня все мертво. Ничего не влечет. К гимназии отвращение. Тут даже равнодушия нет, а прямо омерзение к лестнице, стенам коридоров, физиономиям учеников и учителей. А вот хожу и занимаю, да еще должен бы увлекать учеников. Знаю, что этого не могу, да и не хочу, а все-таки в классе бывает как-то не по себе, когда очень скучно. И все ради денег. И вся жизнь будет надрывом ради денег, раз нет увлечения. Надо найти место с деньгами «без идеализма», без претензий к себе, отсидел и давай денежки. Безобидно и для других и для себя. На невидном месте лучше, подальше от людей. А все-таки жить собираюсь. Чем же жить? Сейчас не могу серьезно вникнуть, не лучше ль кончить с жизнью. Сейчас хочется к ней. Около неё покой. Да, удивительное чувство. Логики ни йоты. Наперекор всякому объяснению. Вот хочется к ней и только. Быть, сидеть, разговаривать (о чем, не важно), ласкать, грустить. В сущности, это глупо, а со стороны смешно. Но здесь вносит смысл самый полный и окончательный. Удовлетворение дается взаимной лаской и присутствием само собою, без всяких соображений для иных целей. Все у нас в жизни и цель и одновременно — средство. А это само по себе. Хочется быть с ней, не ради чего-нибудь впереди, а только это, только вот сейчас быть с ней, больше ничего, будущего нет. Мысль о будущем не только поддерживает настроение настоящего (как это всегда бывает во всех случаях жизни, делаем ради будущего), но, наоборот, она отравляет, разрушает настоящее, напоминая о его конце. Маленькая самоцель. Маленькая, — а почему не большая. Может быть, и большая.

Будущее не представляю отрадным. Не верю. В себя не верю. Удовлетворение может быть только при успешности делаемого дела. У меня будет только бессилие и собиравание. Как теперь, как было раньше. Всегда и везде. Круг, поддающийся моему влиянию, не широк. Иногда бывали иллюзии (конец университета), но только иллюзии, это обнаруживалось скоро. Я – призрак, мною можно обмануться. И обманываются. До поры до времени, конечно. Сам-то не обманываюсь и не могу привыкнуть к этому, пора бы. Пора бы оставить всякие помыслы. Тем более ведь и по существу это глупо. Мучиться и совеститься, что ты родился не таким, а этаким. Всё самолюбие. А убить самолюбие, всё будет убито. Всё ли? – А она? Хочется к ней. – Деятельность будет убита. Ради неё, ради её сочувствия буду делать всё. Самолюбие сохранится, только всё остановится на одной точке, на ней. Значит, ничтожество – мучиться не перестану. Всегда будет мучительно совести и только. Нет памяти... Нет воображения... Нет быстроты соображения... Нет находчивости... Нет остроумия... Нет силы, энергии, умения делать дело. Мало мужских качеств. Много нежности, слюнявости. У кого её нет.

Таким быть на людях значит быть или смешным или противным. Надо себя прятать, казаться. Это самому противно.

От себя не уйдешь. Так было, так будет. Уйти от людей. Не могу этого. Затоскую о человеке. К человеку идут мои мысли, мои вопросы, моя жалость и тоска. Хочется быть понятым и разделить свою слабость... Быть с человеком и не прятаться – вот естественность жизни. Возможна ли она? Всегда и во всех ли случаях возможна?

– Если мне тяжелы люди и их жизнь, а сам взамен этого желать от них ничего не могу, потому что сам не знаю, что лучше, но естественно желание невмешательства, желание уйти, стать в стороне. Какая нелепость: сам ни во что не верю, ничего живого впереди не вижу ни для себя, ни для человека вообще, сам не понимаю сердцем идеи общего человеческого блага, смеюсь над словом «прогресс», сам узко хоронюсь от людей, отстраняюсь, исповедую невмешательство, – и в это же время я – педагог, словесник, будитель общественной совести,

проповедник просвещения. У самого все изъедено аморальной беспочвенностью, а должен вливать «идеалы» в души других. Не комедия ли!.. Смейся, паяц!..

5 апреля.

Кроме дряблости ничего в себе не вижу. Я ленив, ленив во всем. Отстраняюсь от мыслей. Усилия соображения – это уже тяжесть. Так нирвана, покой, поток вялого сознания, то одно всплывет, пройдешь, другое задержится, но лишь до первого затруднения и дальше и дальше. Лишь бы ничего не соображать. Вот и сейчас связно говорить уже трудно, лучше бы само писалось. Абулянт¹⁰ от вялости головы. Пусть делается всё само. Мне лишь бы не вмешиваться, ведь для этого нужно соображение. Это признак или усталости, или духовной пустоты, безразличия, или просто инертности головного аппарата, глупости, дряблости ума. Должно быть, от всего есть своя доля, а от последнего больше всего – как говорят – «неспособный»... – Что такое моя нежность и сентиментальность, как не беспомощная инерция постоянного ощущения духовной слабости и лени. Недостаток жизненной энергии – так, кажется, выражаются о таких. Но что такое жизненная энергия, если мне ничего не хочется, если у меня ничего нет, кроме самолюбия, если этому самолюбию нет удовлетворения, если оно осознано мною самим, лишь как нечто жалкое и смешное, нелепое и унижительное по самому своему существу, если такое осознанное самолюбие уже не может быть длительным импульсом для воли. Во имя чего же я буду работать над собой, над своим делом? Сознание «общественной стоимости», сознание себя «общественной единицей» – это честолюбие. Неопровержимая мысль. (Ср. у Овс<янико>-Кулик<овского>¹¹ – ссылаюсь на авторитет, иначе собственное подозрение в моем недомыслии.) Наконец вся нравственность – честолюбие, если нет Бога. Ведь это так ясно. Во имя какой же нравственности я буду принуждать себя к труду и лишениям, к энергии. Только чувство может меня заставить, но никак не идея. А чувства мои так вялы; теплы, но не горячи.

«Мы ленивы и нелюбопытны», – сказал Пушкин. Не в бровь, а в глаз.

Можно ли такого любить?!

Суббота. 16 апр<еля>.

Две недели ждал этого дня. Не приехала. Я дома. Томительно скучно.

16 апр<еля>.

Чем жить и как жить?¹²

Чем жить? Живу, значит, что-то держит жизнь. Откуда же вопрос? Чего же не хватает? Ведь живу. Встаю с постели, одеваюсь, умываюсь, иду в гимназию, там «поддерживаю своё достоинство», потом обедаю, сплю и т.д. Что же меня заставляет это делать? Сам заставляю. А не хочется? – Не хочется. Зачем же делаю? Гимназия дает деньги, чтобы *жить*: одеваться, быть сытым, входить в круг общества, сама по себе «поддерживает моё достоинство». Довольно быть средним в гимназии, лишь бы не выгнали. Но тут опять «достоинство». Нужно поддерживать своё достоинство, нужно быть *честным* – честь – честолюбие, людское мнение, любовь к *чести* от людей, чтоб тебя люди чтили – честность. Нет людей – нет честности. Жить без людей – не нуждаться в честности. А для самого себя нужна ли *честность*? Нет, тут нужна только искренность. Быть пред собой честным значит быть пред собой *искренним*, не лукавить духом. Совершенно иное с людьми. Честность пред людьми далеко не то, что искренность пред ними же. Честность пред людьми – это один из громадных плюсов в общем составе нашего «*достоинства*». Для себя самого моего достоинства нет. Оно дано. Каков есть. Плох ли, хорош ли – для себя самого достоинства – степени стоимости, ценности – я не потеряю. Для себя я ценен и плохой и хороший. Болею, что не хороший или недостаточно хороший, лучше бы было, если бы был хороший, желаю для себя «хорошести», но от этого не меньше для себя «стою». Для матери лучше иметь ребенка «хорошим» (в её смысле – это не важно, в каком), но это её желание, а ребенка она любит и таким, каков он есть, и хорошесть-то ему потому и желает, что любит, он для неё «стоит» и плохой, плохого любит и от любви желает ему «хорошести», достоинств. Прежде любовь, потом заинтересованность в достоинствах – такова любовь к себе (если можно ощущение себя самого дорогим для себя назвать любовью), такова любовь матери к ребенку, такова вся-

кая органическая любовь, непосредственная, незаинтересованная в своем источнике в достоинствах любимого. Для любящего такой любовью нет в любимом *достоинств* и *недостатков*. Достоинства и недостатки – это только на людях и для людей, а *интимно* нет этого разделения, все одинаково, всего люблю. «Всего люблю» не значит, конечно, все принимаю как есть и никаких перемен не желал бы. Лучше бы было, кое-что исправить, изменить, улучшить, развить – такое желание всегда возможно и бывает у любящего. Но то, что желается для исправления, не влияет на степень любви. Мать не будет ребенка *больше* любить оттого, что он стал видеть обоими глазами, а раньше видел только одним, хотя бы она раньше и болела о его «недостатке» («кривой» ребенок). Она любила и «кривого» не меньше, по любви и страдала его «недостатком».

Итак, для себя самого моего «достоинства» нет. Я – это я и только. Какой «я» – можно этим болеть, но нисколько при этом не затрагивается степень моей стоимости для себя самого.

Ну и что же? Пока ясно только, что «я» себе ценен всякий. Однако почему же мы желаем одних качеств и не желаем других? Неужели только для «вида», для наблюдателя, для хороших мнений? Я стремлюсь себя улучшать – «самоусовершенствование». Для чего, для кого это нужно? Кому нужно моё совершенство? Прежде всего, – нужно ли оно мне самому? Для чего? Зачем оно? Почему хочется быть «совершенным»? Интимно, интимно, спрашиваю, т. е. совершенным для себя самого, а не пред другими. Что значит быть «совершенным», более хорошим, чем есть? Спрашиваю безотносительно, без сравнения с другими людьми. Трудно даже мыслить о совершенствах безотносительно. Для самого себя нужно только одно совершенство: понимание мира и себя, понимание жизни и смерти. Только это интимно, остальные тревоги без удовлетворения этой – подозрительны, едва ли они органичны, в них корень уже на людях.

Теперь о себе. Я не понимаю мира и жизни... И не пойму никогда. Человеку это не дано. Умру. И я умру, кончу. И я, бегающий мальчик, умру, не будет меня. Я, сидящий за столом, пишущий, думающий, ум-

ру... Только это и знаю. Могу ли я думать *далее* о совершенствах своих. Зачем совершенствоваться, когда я умру? Зачем достигать чего-то, *напрягать себя* – ведь я умру. Жить, как живется, – естественно. Живется – страдательная форма, пассивно отдаются жизни. Для напряжения нужен смысл. А без ответа на тот, главный вопрос остается только опять лишь в себе искать смысла для напряжений. И смысл этот единственный – *хочется*. Хочется – делай, и не могу не делать, потому что хочется. Не хочется, не делай, – было бы иначе бессмысленно, нелепо. Иду в театр, потому что *хочется* посмотреть артистов и пьесу. Иду в концерт – *хочется* слушать музыку. Иду на Волгу – *хочется*... Иду, жду – это *напряжение*. Не хотелось бы – не пошел бы. Обломову никуда не хотелось, и он лежал. (Умный и не честолюбивый человек. Ради честолюбия горы воротят иные – это глупо и недостойно.) Когда и у меня не будет желаний, и я буду лежать. В самом деле, ведь без смысла и руки не поднимаем! И не буду поднимать. *Захотелось* – подниму, и только в этом случае. Не ради «совершенства», а только по непосредственному хотению всякое напряжение. Деятельность – напряжение. Мой идеал – деятельность только по непосредственному хотению. «Цветы удовольствия» – пошлость, Хлестаков. Но разные бывают цветы: у Хлестакова одни, а у меня, у другого – иные. – Всё к тому же, всё к тому же, с чего ни начну. Много написал, а чего выяснил? Ничего. Всё на одном месте топчусь. Давно одно.

Если бы люди вдруг лишились честолюбия, как сильно бы сократилась деятельность. Не остановилась, а сократилась. Не было бы такой ужасной путаницы. Были бы искренни. Как сразу облегчилась бы жизнь «в людях». Исчезла бы забота о «достоинстве» и о чужом, а главное, о своём. Большущая гора с плеч.

17 апр<еля>. Ночь. Отд<ельные> страницы «Уединенного»¹³.

Мне ничего *не хочется делать*, «напрягаться». «Просто – сидеть на стуле и смотреть вдаль» (Розанов)¹⁴. Именно так. Что же меня движет? 1) Нужда (материальная). 2) Иногда честолюбие. Честолюбие – нуль, ничто.

Нужда – круг, нелепость. Двигаюсь, работаю, напрягаюсь, живу – из-за нужды, ради заработка, *денег*. Деньги нужны, чтобы жить, двигаться... и т.д. А ради чего двигаться, напрягаться? – Чтоб иметь деньги на продление ненужности, надрыва, утомления, нудности, иногда нервной трёпки, иногда тупой скуки и пр. Что лучше: скука или надрыв, вынужденное напряжение?

И то и другое нелепо. Только этим жить нельзя. Чем же, однако, живу? Есть какие-то просветы. *Она*. Волнуюсь, двигаюсь, забочусь. Что это значит? Можно ли этим жить? Ради радости с ней жить? Можно ли?

Я ишу *покоя без скуки*. Покоя души... Сначала показалась мысль удачной. Но правда ли это? Покой – ни радость, ни горе, ни страдание, ни наслаждение – ничто – небытие – смерть. Нет, смерти не хочу. Что же я хочу? Бесперывной радости, наслаждения, приятного покоя. И чтоб не надоедало. Ну, можно ли этим жить? Ведь тоже ничто, мечты, инерции. В нашем мире, с нашим устройством души скучающей – нелепая мечта. Чем же жить? Жить здесь, вот сейчас, каждую минуту. На что опереться, чтоб толкнуть себя?

Мне сейчас себя жалко.

«И я пишу к тебе. Пусть хоть это останется»
Дневник 1937 года¹⁵

2 / I 1937. Ночь.

Милая Олечка! Сейчас ночь. Тихо. Павлушеньку¹⁶ и бабушку¹⁷ не слышно. Должно быть, спят. Я в постели. Мне не спится. Тоскую я. Болит душа. Мне опять становится страшно. Павлуша теперь дома¹⁸. Сначала, в первые дни, когда мы стали опять вместе, я как-то забылся. Хорошо его опять видеть, слышать, чувствовать около себя. Мы четыре месяца друг друга не видали, четыре месяца оба страдали. Были и в эти месяцы страшные дни. Письма его шли ко мне каждый день; и я видел, чувствовал, что облегчения ему нет, порою надеялся, порою сомневался, падал духом. Когда высоко поднималась температура, были отчаяние и ужас. Должно быть, и у него это было, хотя внешне он всегда ровный, говорит о своей болезни, как будто она

не его, а какая-то посторонняя, и он ей посторонний. Но это только его сдержанность, а внутри у него болит, болит. Я это знаю, чувствую, вижу по его доброй, милой, нежной и со мною жалостливой (к себе и ко мне) улыбке.

Олечка, милая, тебе это совсем пока неизвестно¹⁹. Больше всего за тебя боюсь, чтобы ты, пока там, не узнала нашего ужаса. Внешне Павлушенька будто не страдает. Увидишь его, улыбается. Но кротость его улыбки говорит, как он несчастен. Вспоминаю, как я в первый раз увидел его в Сар<атовском> тубинституте²⁰. Вышел он ко мне в халате старом, застиранном, полинявшем, без пуговиц, без застежек, запахивается, белые штанишки из-под халата на ногах болтаются, воротник рубашки открыт (и у рубашки пуговиц нет), рукава халата ему коротки. Он сам большой такой. Идет ко мне, улыбается, ямки-ямки, черными глазиками смотрит, мальчик... Говорим о болезни. Будто нам и не страшно, будто она не наша, и завтра мы ее забудем. Так пошли дни.

Бегу к нему, сердце стучит, жадно глажу, жадно (но внешне спокойно, будто равнодушно) спрашиваю температуру. Температура по-прежнему высокая, а мне будто это пустяки, и говорим опять, конечно, о болезни, но опять как о чём-то безусловно коротком и постороннем. Ухожу, и остаемся опять он один и я один. А потом наступили эти страшные июльские дни. О них и вспоминать жутко. Не буду и сейчас говорить. Чуть-чуть поднялся он с кровати. В первый раз пошел в уборную сам, я его проводил. А дня через два-три я уехал к тебе²¹. Ты помнишь, Олечка, как мы встретились. Я долго готовился к встрече с тобою, боялся заранее, что не выдержу и выдам тайну, хотелось, чтоб и догадка у тебя не мелькнула. А тут дни тяжелых ожиданий, меня к тебе не пускали. Ряд ночей без сна. Увидел тебя и не овладел собою. Плакал, плакал. И все дни, какие был с тобою, был какой-то двойной. Ведь я его оставил, правда, с бабушкой, но совсем, совсем больного. Я это видел.

Потом поехали мы с ним в Крым. За месяц моего отсутствия (пока я к тебе ездил) ему не стало лучше. Процесс пошел на правое легкое. А левая половина вся затоплена жидкостью. Пока ехали туда, думалось:

мальчик будет отдыхать, будет <нрзб> режим, хороший воздух, неужели мальчику не будет лучше. Хотелось верить и верилось в лучшее. Приехали. Первые два дня шли хорошо. Было грустно, но надежда все побеждала. На третий день почувствовал он тошноту. Отчего? Теперь мы знаем, что у больных с экссудатом²² это периодически бывает. А тогда не знали, что подумать. Дмитриев (врач) подсказал распространение на кишечник. А мы оба уже и тогда знали, что значит заражение кишечника этой болезнью. Вышел он ко мне утром. Стал мне рассказывать, как его стошнило. Сначала опять со своей улыбкой с ямками и кроткими глазами, сказал слова два-три и заплакал. Это в первый раз за всю болезнь он при мне плакал. Раньше я раза два-три замечал слёзы на его глазах, но он тогда, таясь, отвернувшись, будто незаметно подавлял их, и я делал вид, что не замечаю. И мы опять улыбались и говорили спокойно. А теперь он не мог остановить рыданий. Было утро, 10–11 часов, солнце, перед нами море, бесконечное, голубое, мы на скамейке, на горе, среди кипарисов. Вижу перед собою сейчас и эту скамеечку и Павлушеньку передо мною, в белом чистом костюме, глаза полны слёз, рыдания рвутся через его усилия остановить их. Недолго это было. Он успокоился. Прожил я там еще три дня. Бегу с утра скорее к нему, еле дождавшись часа, когда его можно увидеть. И целые дни с ним вместе. Ему стало лучше. Тошнота стала проходить. Ему откачали немало экссудата. Переносил он эту операцию совсем незаметно. Мы гуляли немножко, сидели, смотрели на море. Прошли эти дни. Уехал я, остался он один. Плохо ему, должно быть, было. Расставались мы трудно. Очень больно и плохо было обоим. Сидим, бывало, на камушке, вдруг он ко мне прижался – руку мою возьмёт, по своей щеке водит, трется мне головой о грудь и плечо, поцеловать боится и мне целовать себя не велит.

Олечка, милая... Оба мы тогда думали, была бы ты с нами, навек это было бы счастье. Не оставался бы Павлуша один. А я и теперь уверен: ты своими умелыми заботами дала бы ему здоровье. Был бы он с тобою всё время. Мы об этом молча думали тогда, но боялись говорить, боялись выговаривать слова об этом. Так прорывались отдельные

намёки, мы оба их понимали, но говорить о тебе, о далёкой, недоступной для нас, мы не могли, мы оба разревелись бы. Все дорогое, далекое, ушедшее и недоступное оба загоняли в глубину, чтобы не вырывалось. Потом пошли эти четыре месяца. Ты о них узнаешь по письмам его и моим.

И вот теперь опять мы вместе. Первые дни будто и болезнь отошла в сторону. Павлуша всё-таки (хоть очень немного) поправился. Но положение его прежнее. Двусторонний процесс, осложненный плевритом. Оживлялись оба надеждой. Может быть, поможет Ковалев. Все знакомые посылают к этому травнику. И, правда, примеры излечений на глазах: Лаврищев, Скибицкая²³, – ты их знаешь. Их вылечил Ковалев. Рассказывают десятки и других примеров. Надежда оживляла, до известной степени оживляет и теперь. Но вот я уже опять сомневаюсь. Сделано, правда, только начало. Но пока облегчения еще никакого не замечается. Температура держится. И вижу я сам, Павлушечка облегчения не чувствует, хотя и не говорит об этом. Оба еще надеемся. Но тень становится мрачной. А вдруг и это опять не поможет.

Олечка, хватаемся, хватаемся. Что нас ждет.

Правда, не одно это лечение. Будет и другое. Но мне страшно. Увидишь ли ты нас когда-нибудь? И я пишу тебе. Пусть хоть это останется.

23 / II. Ночь.

Милая Олечка! Уже с неделю тому назад получили твоё письмо. Давно надо бы написать тебе. А мы опять не можем. Павлушенька опять в постели в тяжелом, очень тяжелом состоянии. Болезнь его ужасная сама по себе, кроме того, проходит с бесчисленными и самыми тяжелыми осложнениями. В конце декабря мы с ним приехали из Ялты (я за ним ездил). Мальчик там не очень поправился, но, во всяком случае, ухудшения все же не замечалось. Я тебе рассказывал, в каком он состоянии был, уезжая отсюда. Левая сторона залита жидкостью (после спонтана²⁴ и плеврита), тут легкое совсем не работало тогда уже.

Нельзя было написать, как я хотел: полнее расскажем, с подробностями.

Павлушеньке плохо. Одышка такая, что не находит места. Меняет положение через каждые пять–десять минут, и все плохо. Нечем, очевидно, дышать. То ему надо лечь, то посидеть, или прислониться как-нибудь. Нормально лежать не может. Да и нет такого положения, нет спасенья от одышки.

25 / II 1937.

Павлушенька опять в Тубинституте. Положение его в такой опасности, какой, кажется, не было и в июне при спонтане. Что будет дальше? Сейчас он очень слаб, слаб до последней крайности. Всё может случиться в эти дни. Всё это было так. Конец декабря. Мы приехали из Крыма. Мальчик ходил, гулял. Был в Тубинституте (за справкой), в пединституте (к врачу), выходил в магазин, купил домино. По вечерам мы втроём или вдвоём играли в это домино, в карты, про себя мечтает о дальнейшей поправке. Трава, лимон, сало. И аппетит был, и сон. Через несколько дней стал температурить, чуть-чуть, но t° поднималась выше его обычной. Колембались, куда направить его: в Москву, к Борису (в Обллубинститут), в И<нститу>т к Бадмаеву. Зашел <нрзб>, рассказал об Антиохе в г. Орджоникидзе, стали думать об Орджоникидзе, <о поездке> к Антиоху. А t° тем временем не только не падает, а легонько тянет выше. Бабушку направили в Москву к Борису, попробовать там его устроить, а перед тем съездить нам к Антиоху. Бабушка уехала. Мы запаслись билетами. Всё было наготове и нам поехать. Тут вдруг t° <нрзб> до 39° . Пришлось отменить <отъезд>. Разъяснялись телеграммами, отменили, стали ждать лучшего. Через несколько дней положение улучшилось, заказали опять билет. Получили. И вот тут, в тот день, когда получили билет, открылось кровотечение. Поездку, конечно, опять отменили. А Павлушенька застрял совсем у постели. После первого кровотечения играл на пианино, играл бурно. Может быть, от усилий кровотечение опять повторилось, на этот раз гораздо сильнее. Дня через два (нет больше) кровотечение остановилось. И t° упала до обычной нормы ($37,2^{\circ}$). Всё это было уже в числах 10–19. 14 <февраля> кровотечение опять повторилось сильно. Меня вызвали из Института, прибежала Надежда Андреевна. Потом чу-

точку опять успокоилось. 19 я вышел на работу, был там и 20. 21 / II вернулся из Института в 5 часов. Павлушенька в постели и жалуются: бок болит. При мне, пока я был около него, в этот час поднялись такие боли, что Павлуша стонал и даже вскрикивал... Я <свою> тревогу к Григорию Павловичу¹. t° в этот вечер 40,5°.

Пришла Грибова. (Тут я, кажется, пугаю дни.) Грибова констатировала воспаление. t° у Павлуши и утром 40°. Почти такая 22-го, потом 23, 24. 24 приехала бабушка. Грибова приходила каждый день, пирамидон снижал t°. Откачивала левосторонний экссудат шприцами. Не помогло. 24 вечером заходил Талер. Решительно за Тубинститут. Сегодня Павлушу отправили.

Сегодняшний день по порядку. С утра я в Тубинститут к директору, потом к Апте. Нашли место с трудом. Заказал карету. Вернулся домой. Павлушенька лежит, дышит урывками, зелено-бледный, страдающий. Карета замедлилась. Бабушка пошла потелефонить еще раз. В её отсутствие у Павлуши опять кровь. А тут подошла карета. Ехать было нельзя. Карету <отпустили> обратно. Часа через полтора вызвал опять карету. Одели Павлушу, подняли, донесли на площадку лестницы, положили на носилки, затем до кареты и в Тубинститут. Когда Павлушу опять раздели и положили на кровать, состояние его было ужасное, он задыхался, озноб. Врача пришлось ждать, послали за ним сестру. Чернышев послушал, велел дать кислороду. Павлуше стало полегче. Мальчик страдал очень. С Чернышевым в дежурке о мальчике. Потом домой, с Феней²⁶ за вещами. Там договорился о дополнительном уходе ночью с Евгенией Александровной. Опять домой. В 9 часов вечера к Григорию Павловичу. Тот говорит, что Павлуше стало лучше, он бодрый, дышит с одышкой, но легче. Не знаю, как.

Нельзя всего рассказать даже по фактам. Пропустил о лекарствах, оставшихся после Павлуши и выбранных из нашего медицинского ящика с остатками.

Павлуша сказал мне сегодня ночью: «Хотелось мне поправиться, чтобы пожить хоть немножко с «братиками», но, видно, не судьба». Сказал он то, о чем страшно думать.

Не говорили об этом. Но оба мы, конечно, знали, что эта мысль у нас общая.

Да, жили-были три братика...

Вот и всё.

26 / II. 11 ч. д<ня>.

Вернулся от Павлуши. Плохо. Только с кислородом. Лежит, задыхается. Дышит коротко, рывками. Личико маленькое на подушках.

26 / II. Пятница. 3 ч.

Пришел от Павлуши. Лежит маленький, желто-зеленый, с большими серьезными умными глазками. Стал развязывать я свою корзиночку. Отрицательно закивал сердитыми глазами (т.е. не надо этого делать), глазами подманил к себе поближе и шепотом сказал: «Я не могу... Пойди, тебе все расскажет Григорий Павлович». Я в дежурку. Там Бегучев. У Павлуши опять, как в июне, помимо всего, еще раз спонтанный пневмоторакс (самонабирание воздуха, вследствие разрыва легкого в какой-нибудь точке). Теперь с правой стороны. В июне было слева. Теперь пока важно, будет ли после откачивания воздуха (откачали больше 1000 кубиков) снова он набираться. Остальное мне всё самому ясно. Будет набираться, значит теперь же все кончено. Не будет, – конец будет отложен. На какое время? После спонтана набирается жидкость. Будет, стало быть, также залито <правое легкое>, как и левое. Чем дышать? Откачают жидкость. Она опять наберется. Теперь это уже с обеих сторон. Только и дышать, стало быть, пока откачают. А тем временем процесс будет быстро развиваться. Вот как.

Прости меня, дорогая Олечка, что не уберег я сына. Нельзя этого простить себе.

Уговорились с Григорием Павловичем, что я зайду к нему в 7 ч. К тому времени определится, набирается воздух или нет. Жду 7 часов.

Олечка, мы с Павлушей мало говорили о тебе. Нам нельзя было. Слишком это больно обоим. Надо было твой образ держать всеми силами в «нижнем этаже»²⁷. И мы в разговоре как-то молча обходили это больное место. А там всегда болело, болит-болит. И письма твои я не посылал ему в Крым, не давал читать. Я знал, как ему это больно. Последнее

твое письмо пришло при нём, на его глазах. И он его прочитал в постели. Зашел я к нему. Мальчик отвернулся к стенке, и слёзы у него льются, льются. Молчит мальчик. Потом тихонько взял меня за руку и прошептал, не глядя на меня: «А ты всё-таки Ермолай²⁸». Мальчик, мальчик, откуда у тебя у маленького столько деликатности, сдержанности, внутренней глубокой понятливости. Милый Павлушенька, друг мой незаменимый.

27 / II

Утро. Был у Павлуши. Дышит легче. Одышка все же есть и, на мой взгляд, довольно значительная. Вчера у него взяли с правой стороны 1000 куб. воздуха и с левой стороны 6000 куб. жидкости. Ночью спал, хотя не все время. Сегодня утром при мне немножко поел: 1/2 чашки кислого молока, 2 яйца (проглотил), каши чайных ложек 5. И это хорошо. Желе не стал есть: густо и сладко слишком. Слабый. Температура высокая – 39°. Возможно, что воздух, хоть и понемногу, но все же опять набирается. Это и Чернышев, видимо, предполагает (он дежурил сегодня ночью). Возможно, мне думается, что и процесс разыгрывается теперь на свободе. Положение, хоть и несколько легче, но всё же остаётся страшным.

2 / III

Идут дни. Павлуше не легче. Сначала и он, и мы были возбуждены некоторым облегчением, которое наступило после выкачивания воздуха и эксудата. Павлушенька стал ровнее дышать, хотя дыхание оставалось частым и несколько затрудненным. Павлушенька немного стал кушать. Температура все время остается высокой, хотя и снижают ее салициловой и пирамидоном. Теперь Павлуша стал опять явно уставать. Вчера и сегодня жалуется на усталость, очень большую слабость. Настроение его упало. Температура несколько не снижается, а дыхание, по-видимому, стало затруднительней. Он это чувствует, и я замечаю, хотя и стараюсь для него это сделать незаметным. Всякое новое нагромождение на его постели меня пугает. Это признак, что ему стало хуже, и он ищет новых положений. Я вижу при каждом новом посещении эти нехорошие перемены: подушки становятся все выше и выше, в ногах новые нагромождения, появились какие-то

дополнительные подкладки под бока. Горловое яблоко опять начинает ходить, хотя, конечно, не так напряженно страшно, как было тогда. И сам он опять приуныл. Есть стал меньше. Сегодня и утром и вечером ел без хлеба и очень немного молока, и обычные два яйца, и только. На этот раз не взял ни куска хлеба, не попросил ни шоколаду, ни киселя. Заметно, что он внутренне напряжен, раздраженность опять несколько проявляется. Он очень страдает и от температуры (все время выше 39°), и от тяжелых ожиданий. – Врачи, по-видимому, мало ждут хорошего. Апте сегодня остановил меня при выходе из Тубинститута: «Трудно сказать что-нибудь хорошее». – Этот, по-видимому, совсем не верит в облегчение.

6 / III

Олечка, услышишь ли ты нас когда-нибудь? Вчера с утра будто бы показались какие-то просветы на облегчение. Температура хоть капельку, – все-таки была пониже – 38,9°. Говорил, что ночь спал сравнительно спокойно и хорошо. А вечером вчера же, я заметил опять признаки ухудшения. Температура 39,1°, при мне уже начался озноб, стало быть, и повышение t°, и одышка будто усилилась. Вернулся домой опять встревоженный. И утром сегодня подтвердилось. Ночью, наверное, была t° от 40°, а может быть, и выше. Спал плохо. Войдя к нему сегодня утром, я сразу личико его увидел еще более похудевшим и позеленевшим. Лежал он потный. До меня ему уже два раза меняли рубашку. Температура 39,3° (утром!). Опять он слабый и грустный. Кушал, как всегда в эти дни, очень немного. Сейчас сижу один. Бабушка пошла на базар искать яиц. Топится печка. Тихо. На столе ждет меня присланная «Автобиография» и «Алферьев» Чернышевского²⁹. Надо это как-нибудь двигать. Не могу.

6 / III. Ночь.

Вечернее посещение Павлуши опять было грустное. Усилилась одышка. При мне лег опять высоко, так высоко, что голова клонилась на грудь, при малейшем забытье голова падала на грудь, и он пробуждался.

Рассказывал, что в обеденное время испытывал большой приступ слабости. Вызы-

вал сестру, ему сверх положенного впрыснули камфару. При мне чувствовал себя спокойней. Кушал, пробовал икру с маслом. Но, видимо, разочаровался, не так понравилось, как предполагал сам. И мне теперь кажется, что эта еда ему пока еще тяжела. Говорил об усилении одышки. Догадывается, что это все следствия нового поднятия жидкости. Предположение, очевидно, правильное. — Желудок слабо действует. Принял слабительное (английскую соль). Говорили о том, что можно еще надеяться на последнее средство — дренаж. Но можно ли? Спасёт ли это? Завтра спрошу Бегучева. Олечка, голубчик мой.

9 / III. Утро. 8 ч.

Еще не был у Павлуши. Позавчера ему отлили эксудат с правой стороны. Вместо облегчения после этого t° $40,5^{\circ}$ и страшная одышка. Пришел я к нему в 5.30. У него опять кислород. А одышка все сильнее. Часов около восьми потребовал кислород, жадно прильнул к трубке, но и он не давал ему, по-видимому, облегчения. Его душило. Опять открылся спонтан. Чернышев откачал воздух. Несколько успокоился. Я ушел в 9 часов. Ночевал у Григория Павловича. Вчера с утра спокойней, но одышка была опять. Днем Бегучев откачал жидкость с левой стороны и воздух с правой. Я заходил, узнал об этом в 3 ч. Павлушу тогда не видел. Пришел в 6 часов, а Павлушина t° опять 40° . Ушел в половине десятого. Павлуша стал потеть, может быть, t° стала понижаться.

Думаю, что t° набирается вместе с удалением нового эксудата. А тогда, где же надежда: не откачивать нельзя, а откачивание вызывает вместе с новым эксудатом новое обострение t° . Можно ли думать, что при этом положении упадет t° ? Сейчас иду. Как дышит мальчик? Не набрался ли еще воздух?

9 / III.

Был у мальчика. Опять плохо. Температура за ночь не только не снижается, но ещё выше поднялась. Сейчас $40,2^{\circ}$. Мальчик очень изнурён. Ночь совсем не спал. Поел, при мне меняли рубашку два раза. Но он и вчера потел, однако это для температуры не имело никаких облегчений.

Жизнь позади. Были три братика. Какое счастье тогда в коллапсе. И мальчик сегодня,

по-видимому, сосредоточен на этом. Не ждет хорошего и жалеет жизнь. Шепчет мне: «Вот ночью всё думаешь, пожить всё-таки хочется...». Ах, мальчик, мальчик... Олечка, милая, что же будет с тобою. Бедная.

Да чего теперь можно ждать? Чуда? А если не чуда, то, очевидно, так пойдёт. Сейчас температура. Это набирается эксудат и справа, и слева. Наберётся (может быть, за эти часы уже набрался), будет мальчик опять задыхаться. Надо будет откачивать. Откачают... Опять будет набираться и опять поднимется температура еще выше. Не вижу выхода. Боже мой. Мальчик мой милый, мартышик дорогой.

9 / III. 3 ч. 30 <м>.

Был опять у Павлушеньки. Носили его на рентген. Я говорил с Бегучевым. Рентген нового ничего не обнаружил. Эксудата пока немного (вчера откачивали). Воздух тоже не набирается. Бегучев тоже обеспокоен теперь сердцем. Утомилось и работает уже не совсем исправно. Возможно, уже неисправности сердца сами по себе дают одышку. Посидел с Павлушей. Он утомлен. Маленький, слабенький. Лежит высоко. Чувствует одышку. Я замечаю, что одышка действительно есть и довольно значительная. Пришла няня Шура. Я ушел. Теперь думаю, прибавится одышка или нет. Неужели сегодня опять придётся откачивать. Опять ужас. Бегучев сказал, что острый период выделения эксудата продолжается от 3-х до 6 недель. А Павлуша уже теперь такой слабый. Впереди много ещё.

9 / III. Ночь.

Вечером был у Павлушеньки с 6 до 8 ч. Одышка имеется, но без увеличения. Боюсь, не усилилась бы ночью. Одышка его всё-таки меня смущает, хотя Бегучев и говорит, что не от чего быть одышке: эксудата мало и воздух не прибавляется. Тем не менее, он дышит напряженно. Даже в шейных мышцах и горловом яблоке заметно напряжение, хотя и не такое, как было тогда. Но это — не предвестие ли? Один раз (перед вторым спонтаном) я уже заметил, это привело к кислороду. Но хочется надеяться, может быть, на этот раз не будет этого ужаса. Температура чуточку понизилась ($39,4^{\circ}$). — Лежит сейчас мальчик.

Спит ли? Или опять слушает тишину ночи и бой часов? – как он мне об этом сегодня рассказывал. Лежит высоко. Задремал чуть, и голова падает, свешивается на грудь. И опять смотрит, смотрит. В глазах грустное терпение. Мальчик мой, братик мой маленький.

10 / III. Ночь.

День нехороший. Утром у Павлуши слабость. Ночь опять совсем не спал. Пот, изнеможение, одышка. Взволнованность своей слабостью. Ел плохо, нехотя и немного. Был у него еще в 3 часа. Слабость прежняя, не спал. Был с 6 до 7. Слабость, одышка, пот. Нервное состояние. Внутренно непрерывно прислушивается к своему состоянию. Сознание своей слабости его окончательно угнетает. Уснуть не может. Ел очень плохо. Два яйца проглотил с большими перерывами. Ищет положений, ни одно его не успокаивает. Всё устало, и спина, и ноги, и руки. Внутренняя напряженность и беспокойство. Спать не может. Ушел я в 9 ч. Впрыснули камфару. Я у Григория Павловича. Григорий Павлович ходил к нему в 12 часов. Павлуша не спит. Значит, не действуют ни бром, ни многое другое, что в него сегодня вливали (дигитивил, <нрзб>). Неужели опять не уснет. Мальчик, мальчик³⁰.

На случай моей смерти

Олечка, прости меня, что я тебя оставил одну. Если это случилось, то, видно, я не смог дождаться, чтобы быть с тобою. Вместе мы и решили бы, что делать нам с нашей жизнью. Я предвижу, что при долгой проволочке я не справлюсь с собою и решу один. Тогда ты прости меня. Мне хочется, чтобы сердцем своим ты знала, что последние мои мысли и чувства были с тобою, что с чувством к тебе у меня всегда соединялось самое чистое, светлое, детское, что во мне было. Встреча и жизнь с тобою была самым величайшим счастьем моим. Сначала ты одна, потом с Павлушей, всегда вы были самой дорогой, нежной и величайшей святыней моей души. С вами и около вас я находил счастье и сам быть светлее, выше и чище. Прощай. Целую тебя, мой бедный голубчик.

Примечания

¹ Речь идет об Ольге Александровне Скафтымовой (урожд. Знаменской) (1884–1978). Родилась в г. Егорьевске Рязанской губернии в семье земского врача на мануфактурной фабрике братьев Хлудовых, по окончании гимназии училась в Сорбонне. С первым мужем инженером-технологом М. М. Ворошиловым жила в городе Гусь-Хрустальный Владимирской губернии (фабрика Нечаева–Мальцева). После смерти мужа переехала в Саратов. В 1916 г. О. А. Ворошилова преподаёт французский язык в гимназии А. М. Добровольского. В этой же гимназии она познакомилась со своим будущим мужем А. П. Скафтымовым, учителем русской словесности. В 1918 г. у них родился сын Павел (умер от туберкулеза в 1937 г.). В 1935 г. будучи преподавателем французского языка в Педагогическом институте, О. А. Скафтымова арестована по ложному обвинению и осуждена на 5 лет. После тюремного заключения находилась в ссылке в Карагандинских лагерях. В 1939 г. возвратилась сначала в г. Энгельс (прописка в областном центре не была разрешена), преподавала в Энгельском педагогическом институте (1939–1941), в средних школах. О. А. Скафтымова работала в Саратовском педагогическом институте с 1946 до 1954 г. Реабилитирована в 1959 г. Скончалась в 1978 г., пережив А. П. Скафтымова на девять лет.

² Упомянута мужская гимназия А. М. Добровольского на Никольской улице (ныне – Педагогический колледж на ул. Радищева) в Саратове. А. П. Скафтымов преподавал здесь в 1915–1918 гг. Квартира, в которой он жил, располагалась недалеко от гимназии: Крапивная ул. (ныне – Шевченко), д. 12, кв. 5.

³ Имеется в виду Григорий Никитич Широков, преподаватель Первой мужской гимназии в Перми, знакомый А. П. Скафтымова по работе в Первой мужской гимназии в Астрахани (до переезда в Саратов в 1915 г.). Сохранилось пять писем Широкова к Скафтымову (Коллекция книг и эпистолярный архив А. П. Скафтымова в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1981. С. 56).

⁴ Лицо не установлено.

⁵ См.: Скафтымов А. П. Лермонтов и Достоевский // А. П. Скафтымов // Вестник образования и воспитания. Казань, 1916. Январь–февраль. С. 3–29.

⁶ См.: Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 4, ч. 1, гл. VII.

⁷ Слова Печорина из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (повесть «Княжна Мери»).

⁸ Слова княгини Веры из неоконченного романа М. Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская» (гл. VIII).

⁹ Источник цитаты не установлен.

¹⁰ Абулия (греч.) – отсутствие воли, обычно наблюдаемое у душевнобольных и меланхоликов.

¹¹ Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920) – филолог, психолог, историк культуры, профессор Харьковского университета.

¹² Ср. с размышлениями в письме к Скафтымову близкого его приятеля Георгия (Юрия) Покровского из германского плена (Инстербург, 15 мая 1916 г.): «Ведь ты три года уже живешь самостоятельно! Что с тобой? Растешь? Прямо или в сук?! Удовлетворен ли? Не было ли какого внутреннего переворота? Ты понимаешь, как всё это для меня, стремящегося встать на ту же дорогу, важно узнать сейчас же, не дожидаясь конца войны. А передо мной теперь опять старый вопрос: "Как жить?". На позициях его не было, и я себя хорошо чувствовал. Но пуля

попала в верхнюю часть ноги, ошиблась на несколько вершков, и теперь опять надо жить. Война и плен не оказали на меня почти никакого влияния. Только заметно постарел. По-прежнему недоволен собой, по-прежнему всё собираюсь зажить новую, другую жизнью, круто измениться. Но уже не верю, как прежде, в возможность этого. Главное, я теперь убедился, что внешние обстоятельства мало имеют на нас влияния. А какие надежды были на них!» (Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ. Фонд А. П. Скафтымова).

¹³ Речь идет о книге В. В. Розанова «Уединенное» (СПб., 1912; 2-е изд. СПб., 1916).

¹⁴ См.: Розанов В. В. Несовместимые контрасты жизни: Литературно-эстетические работы разных лет / В. В. Розанов. М., 1990. С. 501.

¹⁵ На обложке школьной тетради, в которой писался дневник, рукой А. П. Скафтымова написаны слова: «Передать Олечке».

¹⁶ Сын А. П. Скафтымова Павлуша (25 сентября 1918 – 11 марта 1937) окончил в Саратове среднюю школу № 43, был увлечен музыкой, поступил на механико-математический факультет Саратовского университета. Будучи студентом первого курса, он неожиданно заболел туберкулезом (заразился от товарища, с которым вместе готовились к экзаменам) (Сообщено К. Е. Павловской).

¹⁷ Имеется в виду бабушка Павлуши, мать О. А. Скафтымовой – Юлия Михайловна Знаменская (урожд. Сахарова).

¹⁸ Павлуша лечился от туберкулеза в санатории в Крыму. Адрес Скафтымовых в Саратове: Камышинская (ныне – Рахова), 111, кв. 4.

¹⁹ О. А. Скафтымова в это время отбывала срок в Карагандинских лагерях.

²⁰ Ныне тубдиспансер, находится на углу ул. Вольской и Мичурина в бывшем губернаторском доме.

²¹ А. П. Скафтымов ездил к жене в Караганду летом 1936 г.

²² Экссудат – патологическая жидкость, образующаяся в легком.

²³ Лаврищев – работник облздравотдела. М. М. Скибицкая – преподаватель вокала в Саратовской консерватории (Сообщено К. Е. Павловской).

²⁴ Речь идет о спонтанном пневмотораксе, о самопроизвольном патологическом скоплении воздуха в плевральной полости без нарушения герметичности грудной клетки. Основная причина этого процесса – туберкулез легких. Скоротечная болезнь Павлуши считалась в то время неизлечимой.

²⁵ Григорий Павлович Воскресенский – врач, муж сестры А. П. Скафтымова Александры Павловны.

²⁶ Феня – Ф. П. Драганова, домработница Скафтымовых.

²⁷ Ср.: «Каждое лицо имеет свою неудовлетворенность, свой круг индивидуально-внутренней сосредоточенности, не разделяемой окружающими и чуждой для них. Поэтому жизнь каждого протекает как бы в двойном процессе. Каждый, общаясь с другими, живет только вполнину и в общей жизни участвует лишь частью, и притом наиболее верхней частью своей души, а то, что внутренне для каждого является наиболее дорогим и важным, оказывается лишним, никому не нужным и неосуществленным» (Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей / А. П. Скафтымов. М., 1972. С. 357).

²⁸ Имеется в виду Ермолай Лопухин, персонаж комедии А. П. Чехова «Вишневый сад».

²⁹ А. П. Скафтымов принимал участие в подготовке издания: Чернышевский П. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1939. Т. 11; М., 1949. Т. 12 и 13.

³⁰ К дневнику приложена вырезка «Письмо в редакцию» из саратовской газеты «Коммунист»: «Приношу глубокую благодарность всем учреждениям, общественным организациям, друзьям и знакомым, выразившим мне и моей семье внимание и сочувствие по поводу постигшего меня горя – смерти сына, А. П. Скафтымова».

Публикация В. В. Прозорова,
подготовка текста и примечания А. А. Гапоненкова

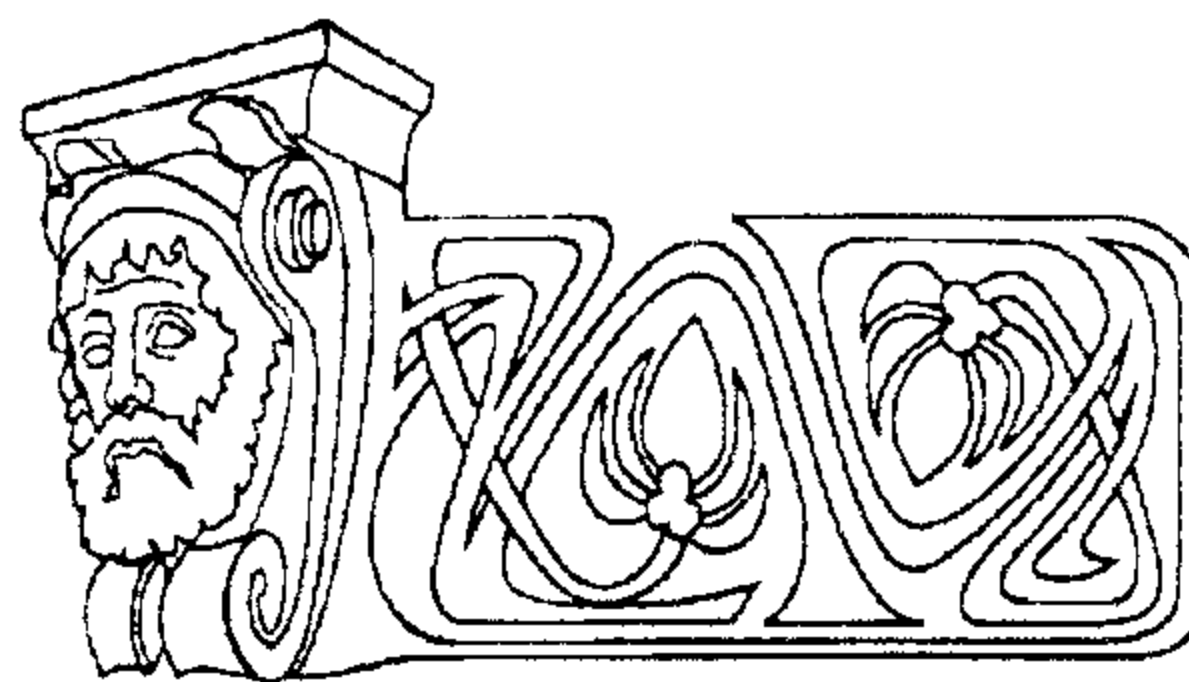
УДК 882.09+929 Скафтымов

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К. Е. Павловская

«Тоскую я. Болит душа», – так кратко определил своё состояние автор дневника, запечатлевшего трагические события, происшедшие в его семье в течение двух лет: 1935 г. – неожиданный арест Ольги Александровны, вслед за этим тяжелая болезнь их сына Павлуши, а в 1937 г. его смерть. Сразу оговоримся об условности названия публикуемого материала: это не дневник в при-

вычном понимании этого термина, а неотправленные письма жене, отбывавшей пятилетний срок ссылки в Карагандинском лагере. Каждое письмо датировано с точностью до часа написания, в каждом – отчет о состоянии Павлуши после очередной встречи с ним. Эти трагические письма не должны были быть отправлены Ольге Александровне, и муж и сын тщательно скрывали от неё

страшную правду. Александр Павлович писал их для себя – нельзя было держать в себе столько боли и отчаяния.

Весь дневник уместился на 12 листах тонкой школьной тетради. Записи делались карандашом после каждого свидания с сыном. На обложке тетради: «Передать Олечке». Почему «передать» и когда? Ответ на последней странице – «На случай моей смерти» – и даже последнее письмо адресовано ей.

Первые три листа в форме единого текста датированы 2/1 1937 г. Это рассказ о состоянии Павлуши после четырехмесячного пребывания его в Крыму (Ялте), где он проходил курс лечения, а далее, начиная с 23 февраля, почти ежедневные записи (их 13), а в некоторые дни – по 2–3 с указанием часов, которые Александр Павлович провел с Павлушей. Шаг за шагом отец вместе с сыном проходил его крестный путь. И последняя запись – 10 / III, ночь: на рассвете Павлуши не стало.

Казалось, ничто не предвещало трагического поворота в жизни семьи Скафтымовых до 1935 г.: от полного благополучия, прежде всего душевного, до непередаваемых страданий, безысходности, беспомощности всех её членов перед обрушившимися на них испытаниями. Ольга Александровна, преподававшая французский язык в пединституте и пользовавшаяся в коллективе любовью и уважением (её портрет висел на Доске почёта), неожиданно в марте 1935 г. была арестована и «осуждена за участие в контрреволюционной группе и заключена в Карагандинском исправительно-трудовом лагере на 5 лет»¹. Повод – донос одной из её коллег в органы о том, что Ольга Александровна в молодости жила в Париже, где окончила Сорбоннский университет. И этого в те времена было достаточно для принятия «соответствующих мер»!

Буквально за несколько дней до ареста Ольга Александровна пришла к моим родителям М. С. и Е. Т. Павловским (наши семьи уже много лет были дружны и очень часто общались) и сказала, что она предчувствует, что с ней должно произойти что-то плохое, и просила «присмотреть за Павлушей».

Вскоре после её ареста он заболел туберкулёзом, заразившись от своего универ-

ситетского товарища (Макарова). Психологический стресс, вызванный непониманием и категорическим неприятием того, что произошло с его мамой, способствовал быстрому развитию болезни и, несмотря на все усилия близких и врачей, он буквально «сгорел» за два года. На рассвете 11 марта Павлуши не стало. В эти же часы Ольга Александровна, ничего не зная о его болезни, идя по далёкой казахстанской степи на очередную дойку коров (в лагере она работала на ферме учетчицей), вдруг услышала голос сына, звавшего её, увидела его, бегущего ей навстречу... Шедшие вслед за ней доярки (тоже заключенные) нашли её распростёртую на земле, без сознания, ослепшую. На руках они отнесли её в лагерь². Так она «узнала» о смерти сына.

Хоронили Павлушу в холодный мартовский день. Траурная процессия прошла через весь город, его школьные и студенческие товарищи несли гроб всю дорогу на руках. Похоронили рядом с могилой его университетского товарища, от которого он и заразился туберкулёзом. В газетах были опубликованы траурные сообщения о смерти Павла Скафтымова, выражалось сочувствие Александру Павловичу, а в его дневнике появилось последнее письмо Ольге Александровне.

Дневник Александра Павловича трудно читать, еще труднее о нём писать... Тут и чувство вины – не спас сына, вины перед его матерью, которой он даже не имел права рассказать о драме, стремительно развивавшейся в их семье. Ощущение полной беспомощности при осознании неизбежности трагической развязки.

В дневнике живут три человека: Ольга Александровна незримо присутствует рядом с мужем и сыном. Ей адресованы неотправленные письма, но были и другие, в которых была «святая ложь». Об Ольге Александровне писал Александр Павлович как о «самой дорогой, нежной и величайшей святыне» его души. Но она была далеко и ничего не знала. Её щадили, но оба были уверены, что если бы она была с ними, то «дала бы сыну здоровье».

Об этом оба «молча думали..., но боялись говорить... Так прорывались отдельные намёки... оба их понимали, но говорить» о

ней, «далёкой, недоступной», «не могли...». Говорить о ней они не разрешали себе: «Нам нельзя было. Слишком это больно обоим. Надо было твой образ держать всеми силами в «нижнем этаже». И мы в разговоре как-то молча обходили это больное место».

«Больных мест» в разговоре отца с сыном было много и их «обходили». Александр Павлович называл это «двойным существованием». Отец понимает безысходность положения сына, но скрывает это от него, а тот знает не только правду о своём состоянии, но и то, что и отец это знает, но тоже скрывает от него. Эта «страшная игра» происходит постоянно, и невольно возникает второй план в разговорах, усиливающий трагизм происходящего.

Какими душевными силами надо было обладать обоим! И как надо было любить друг друга, чтобы говорить о болезни и делать вид, что будто им и не страшно, будто она не их и завтра они её забудут...

Нельзя без содрогания читать такие строчки: «Сидим, бывало, на камушке (в Ялте. — К. П.), вдруг он ко мне прижался — руку мою возьмёт, по своей щеке водит, трётся мне головой о грудь и плечо, поцеловать боится и мне целовать себя не велит». Или: «Бегу к нему, сердце стучит, жадно глажу, жадно (но внешне спокойно, будто равнодушно) спрашиваю температуру. Температура по-прежнему высокая, а мне будто это пустяки...». И после этого: «Ухожу, и остаёмся опять он один и я один».

А что же Павлуша? Принял условия этой «страшной игры» в «двойственность»? «Внешне он всегда ровный, говорит о своей болезни, как будто она не его, а какая-то посторонняя, и он ей посторонний». Но это внешне, отец знает, что «внутри у него болит, болит», он знает и чувствует, видит «по его доброй, милой, нежной и жалостливой» (к себе и к отцу) улыбке. Внешне он будто не страдает, но «кротость его улыбки говорит, как он несчастен». «Мальчик, мальчик. Откуда у тебя маленького столько деликатности, сдержанности, внутренней глубокой понятливости?», — мысленно спрашивает Александр Павлович сына после очередного, как обоим казалось, «удачного» ухода от жестокой правды.

В свою очередь, Павлуша говорит отцу: «А ты всё-таки Ермолай». Почему Ермолай? Лопехин из чеховского «Вишнёвого сада»? Почему Павлуша психологически сближает отца с литературным героем и именно с Лопехиным? Видимо, ответ надо искать в исследованиях Александра Павловича о Чехове, где идёт речь о сложности внутреннего мира человека с «тонкой, нежной душой».

Надо сказать, что часто предметом семейных обсуждений у Скафтымовых было что-то из творческих замыслов Александра Павловича, судьбы литературных героев, их место в реальной жизни. Некоторые персонажи постепенно приобретали образы живых людей и органически входили в сознание членов семьи. Павлуша неизменно участвовал в этих беседах и, вероятно, немало из них для себя извлёк. Вспоминаются мне и традиционные воскресные прогулки на Соколовую гору моего папы с Александром Павловичем. Они брали с собой и детей — меня со старшей сестрой Мурой и Павлушу. Конечно, в серьёзных разговорах взрослых мы участия не принимали, но нам всегда уделялось внимание, и поводов для привлечения нас к обсуждению интересных проблем было много. Может быть, и об Ермолае и ему *подобных* в литературе и жизни рассуждали?

«Неотправленные письма» отличаются друг от друга и по объёму, и по тональности, но все они пронизаны ощущением необыкновенной духовной близости отца и сына, когда взаимопонимание настолько глубоко, что не требует слов и объяснений. Особенно это проявилось в экстремальной ситуации, в которой они оказались.

Щемящее чувство тоски, душевной боли, страха в записях Александра Павловича сливается с необыкновенно трогательными, нежными обращениями к сыну. Восемнадцатилетний юноша для отца — «маленький мальчик», «друг мой незаменимый», «Павлушенька», «мальчик мой милый, мартышик дорогой», из его детства всплыло домашнее прозвище «ямкин-ямкин» — у него и у его мамы при улыбке на щеках возникали ямочки. (О ямочках на щеках у Ольги Александровны Александр Павлович вспоминает в дневнике 1916 г.). А вот «братик мой маленький» пришел из сказки, которую рассказывал Александр Павлович сыну на ночь.

А начинается она так: «Жили-были три братика...». На протяжении всего дневника в полном или сокращенном варианте этот зачин появляется много раз. Незадолго до смерти Павлуша сказал отцу: «Хотелось мне поправиться, чтобы пожить хоть немножко с братиками, но, видно, не судьба».

Заканчивается дневник последним письмом Ольге Александровне, написанным уже после смерти Павлуши. Всего 10 строк, но в них страшный приговор, который Александр Павлович вынес себе сам. Слишком жесток был удар, нанесенный ему судьбой. Единственный человек, который мог бы ему помочь, — жена — слишком далеко от него, а сам он не может решить: что ему теперь делать со своею жизнью?

Его самые близкие друзья — Е. Т. Павловский, Е. И. Покусаев и А. П. Медведев понимали возможность трагической развязки и прилагали все усилия, чтобы её предотвратить. Они не оставляли его в эти дни одного ни на один час, бесконечно бродили с ним по городу, о чём-то всё время беседовали. Очень много времени Александр Павлович проводил в нашем доме, и папа убеждал его в необходимости поехать к Ольге Александровне и самому рассказать ей то, о чём он писал в неотправленных письмах.

Александр Павлович принял это решение, но лишь через два месяца, пройдя через множество официальных преград. Он вместе с матерью Ольги Александровны Юлией Михайловной выехал в Караганду, месту ссылки жены. Необходимость дневника исчезла, и как происходила эта встреча, знали только трое.

Благодаря таланту автора дневника реальный жизненный материал, глубоко трагический в своей сути и предельно интимный по содержанию, придаёт этому документу высочайшую художественную и историче-

скую ценность. В нём есть сюжет, конфликтные ситуации, герои — реальные люди, определяющие свою тему и её драматическое развитие, но, главное, в нём есть Время и Личность автора; личность широко известная в литературном мире, никогда не раскрывавшаяся с такой полнотой в своей, вероятно, самой главной человеческой сущности. Здесь вы не найдёте Александра Павловича Скафтымова — учёного, педагога (об этом уже много написано), но вы узнаете его как Отца и Мужа, вы увидите его таким, каким он был в самые тяжелые, мучительные времена, каким его знали только очень близкие ему люди, друзья семьи.

Примечания

¹ Цит. по тексту справки № 103483 от 26 апреля 1939 г., выданной О. А. Скафтымовой начальником управления Карлага НКВД (осуждена 15 сентября 1935 г., начало срока — 13 марта 1935 г.).

Сохранился маленький листок из блокнота О. А. Скафтымовой с датами и маршрутом её поездки из тюрьмы до места ссылки: «6 / X уехали Погорелова и Заболотнова» (осужденные вместе с Ольгой Александровной преподаватели кафедры иностранных языков пединститута. — *К.П.*). 7 / X приговор. 10 / X перевели в I корпус <тюрьмы>. 12 / X свидание и Вера Абрамовна. 17 / X баня. 18 / X кино «Бомбист». Ужасно!!! 21 / X и 22 / X были на швейке. 22 / X взяты на этап, баня, спали на стульях. 23 / X амбулатория. последнее свидание. Кошмары. Ночь. 24 / X круг, шествие. берег. 25 / X выезд из Саратова на «Ломоносове» (волжский пароход. — *К.П.*). 26 / X Вольск. 28 / X Сызрань, 10 км. пешком, баня, посадка в поезд. 29 / X Батраки, Самара. 31 / X Уфа, 3 старухи, обмороки. 1 / XI Урал. Горные хребты. 2 / XI Челябинск, ушла Вера Абрамовна. 4 / XI стоянка в Кургане. сутки. 5 / XI Петропавловск, тюрьма. автомобилем. 6, 7, 8 / XI. 35 г. С 8 — параша. Ночь. чистка картофеля по 2 пуда на человека. 9 / XI баня на берегу Ишима. Кругом степь, часовые у ворот, в камере тепло».

2 сентября 1959 г. Саратовским областным судом О.А. Скафтымовой была выдана справка № 31ж377 о том, что «постановление Особого совещания НКВД СССР от 15 сентября 1935 года отменено, и дело в отношении Скафтымовой О. А. прекращено за недоказанностью предъявленных обвинений».

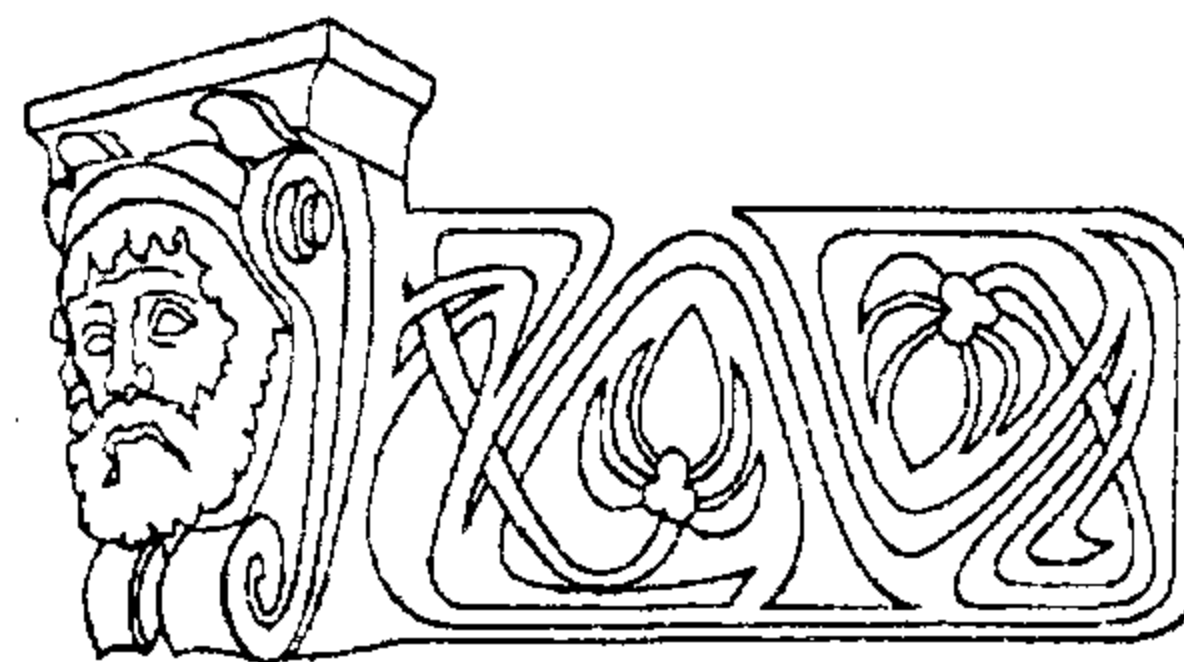
² Рассказ об этом страшном эпизоде был услышан мной от самой Ольги Александровны после её возвращения из ссылки.

УДК 882-6+929[Скафтымов+Чуприна]

ПИСЬМО А. П. СКАФТЫМОВА к И. В. ЧУПРИНЕ

Е.И. Криничка

Имя Александра Павловича Скафтымова широко известно в нашей стране и за рубежом. У него было очень много учеников, и

многие из них опубликовали воспоминания о нем. Его очень любили. Однако о жизни его известно далеко не все. Знавшие профессора

люди говорят о его сдержанности, о том, что внутренний мир своей души он не любил открывать.

Полностью душу свою он раскрыл только любимой женщине и ученице – моей маме Ирине Валериановне Чуприне. Судьбе было угодно, чтобы Александр Павлович на склоне лет полюбил молоденькую женщину, годящуюся ему в дочери, и она ответила ему взаимностью.

Среди записок и писем, написанных Александром Павловичем маме, есть одно письмо, которое не должно пропасть. В нем автор говорит о своем мироощущении, о «самом дорогом» в своей душе. Письмо имеет глубокий философский смысл.

Я долго думала, есть ли у меня право публиковать глубоко личное письмо. Наконец, решила, что должна это сделать. В нашем городе множество людей знают, что я – дочь Александра Павловича, а какой была любовь моих родителей, не знает никто. Я хочу, чтобы люди знали, что это была возвышенная, чистая, «святая», трагическая любовь, а не просто «роман».

На письме нет даты, но в нем говорится о горе, которое переживала мама в тот период, – смерти ее бабушки весной 1952 года. Тогда и было написано публикуемое письмо.

А.П. Скафтымов – И.В. Чуприне
1952 год

Милая Ирушенька! Я скучаю о тебе и хочу с тобой говорить. Нового я тебе ничего не скажу. Во мне все прежнее, тебе известное. Но я неудержимо хочу обращаться к тебе, чувствовать, что все слова, какие я сейчас напишу, ты прочтешь, и они отзовутся в твоей душе.

Расскажу тебе, дорогому, о самом дорогом. Я счастлив, что могу тебе об этом рассказать, рассказывать и говорить, говорить об этом без конца, пока тебе не надоест меня слушать. Встал я сегодня утром полон тобой (как это всегда бывает, хотя и по-разному). Мне надо было кое-что чуть-чуть продумать для сегодняшней лекции. И я сразу заметил, что не могу думать: ты заслоняешь все. Мысли рвутся, останавливаются, перебиваются: всюду, сквозь все просвечиваешь ты. Не знаю, почему и каким это образом пришло: мне захотелось тогда же написать тебе письмо. Показалось, будто бы то высокое, что теперь во мне всегда сливается с тобой, выскажется в письме лучше, возвышеннее и святее, чем сказать об этом просто так. Милая, я хочу, чтобы ты меня слышала именно в такие моменты, ко-

гда я благоговейно склоняюсь перед тобой и целую твои ноги. Целую не так, как это было, а так, чтобы ты стояла или сидела, а я пал бы на колени и плакал и целовал края твоих ног. В реальности так не сделаешь, реальность это чем-нибудь испортит. Разве само собой, жизнью самой когда-нибудь осуществится. Но такое представление в сердце моем всегда является образом, символом, зрительным выражением моей любви к тебе. Так я ее ощущаю, так она во мне живет. Ты неизменно всегда и непрерывно во мне, и большая, и маленькая, с заботами, делами, со всей человеческой трудностью жизни, и всюду я тебя люблю. Но ты же для меня и там, куда мы поднимаемся редко, где живет в нас вселенная: и небо, и облака, и звезды, и река, и лес, и даль степей, и все мысли о мире. Стоит чему-нибудь втолкнуть меня в этот воздух большой жизни, сейчас же являешься ты и все пронизывается тобой, твоими глазами, лицом твоим, твоими руками, твоею улыбкой, твоею милой душой, как я ее ощущаю, всем твоим существом, какое не определишь и не назовешь и только дышишь им и носишь его в себе. И падаю я перед тобой, и плачу, и целую землю, на какой ты стоишь. И если во мне есть что-нибудь достойное тебя, так только вот эта моя любовь к тебе. Человек – это звучит гордо, – может быть, это и так, когда человек строит корабли и аэропланы. Но это совсем не так, когда человек думает о себе и о мире, которому нет ни начала, ни конца, когда чувствует некое и равнодушное мерцание звезд, когда видит могилы, тоскует о неведомой красоте, путается в самом себе и, наконец, умирает. Для нашего сознания и радость грустна. И все, что создано человечеством великого в искусстве (этом вопле, всегда вопрошающем и простирающем), все в конце концов звучит страдальчески и трагически. Большая мысль и большое чувство непременно отзываются слезами. Оттого, Ирушенька, в моей любви к тебе так много плачущего. Бывают слезы и просто от жалости к себе. Ты знаешь, как во многом нам не может не быть нестерпимо больно, — и для меня и для тебя. Но не только от этого возникают мои слезы. Я люблю тебя оттуда, где во мне живет вся моя грусть и вся тоска перед лицом всего бытия, перед лицом всей затерянности человеческой. Твой милый образ неотделимо пробуждает во мне все святое, перед которым тоскует и страдает мое живое, неустроенное и немилое «я». Помню, — ты это заметила, — смотрел, смотрел я на твои руки и подступил клубок, и пришлось отвернуться и застыдиться. И я сам потом удивился, как это произошло. С твоими руками, с нежностью моей, дунуло на меня то, что в каждом из нас есть большого, трогательно-человеческого, всегда тоскующего и зовущего. Через тебя, через мою нежность к тебе подступило какое-то трудно определимое общее чувство человека в бытии. Так со мною часто бывает. С этого началось. Это и продолжается. И часто это захватывает врасплох, совсем неожиданно. Как-то на днях мне надо было в лекции студентам сказать несколько слов о

жизненно-синтезирующей силе Толстого. И вспомнил я, как это у него в романе «В. и м.» происходит. Вспомнил картины сражений, с треском ружей, дымом пушек, сначала где-то вдали, потом около, увидел падающих людей, услышал взвизгивающую раненую лошадь, поливающую своей кровью траву, увидел князя Андрея, шагающего по пыльной полусохшей траве, увидел, как он сразу упал, раненный в живот, как его унесли в какой-то гнилой лазаретик, и сейчас же увидел его же, Андрея, слушающего голос Наташи, раздающийся сверху из окна, когда ей хотелось лететь в лунной тихой весенней ночи, увидел и услышал взвизгивающую Наташу, кружащуюся в какой-то большой комнате, веером распускаяющую свое платье и потом весело сидящую на полу в кругу этого расстелившегося платья, вспомнил мороз, визг саней на святки, усы, наведенные жженой пробкой и пр. и пр. И вдруг сквозь все это явилась ты, милая, и меня схватило это чувство перекрестно-общей человеческой жизни, с капельками крови на траве под ярким солнцем, с суровостью и ужасом пороха и дыма, с мужеством и беззащитностью падающего солдата и с нежной тихостью домашних комнат и веселого, ожидающего детства. И я плакал, мысленно целуя твои руки, и долго не мог удержаться. Хорошо, что был один. На лекции, конечно, об этих картинках уже не пришлось говорить. Вот и сейчас у меня слезы на глазах. Не знаю, отчего.

Вот, Ирушенька, и все. Ты сейчас в горе, в большом горе, и я хочу, чтобы ты чувствовала твою правую руку в моей левой руке (как во сне). Прощай, мой дорогой. Целую твои маленькие, милые, кроткие и нежные руки.

С.

Перечитал письмо. Писалось все о слезах. Если бы не тебе писал, мне было бы стыдно. Но ты меня любишь и чувствуешь. Тебе говорю, все равно, что себе говорю, и мне радостно, что ты меня опять почувствуешь в том, о чем я бы никому не сказал.

Теперь я хочу рассказать о маме.

Моя мама, Ирина Валериановна Чуприна, родилась 16 мая 1924 года в г. Чернигове в семье военнослужащего. В 1931 г. поступила в черниговскую среднюю школу. В связи с переводом отца по службе училась затем в г. Пугачеве и г. Энгельсе Саратовской области. В 1941 г. окончила среднюю школу № 13 г. Энгельса. В том же году она поступила на филологический факультет Саратовского государственного университета. В связи с болезнью окончила его не в 1945, а в 1946 г. (В то время в университете учились 4 года.)

1 ноября 1946 г. мама была зачислена в аспирантуру при кафедре русской литературы СГУ. Окончила ее 1 ноября 1949 г. По

окончании аспирантуры была назначена на работу в Белорусский государственный университет. Однако при отсутствии вакантных мест, работать там не пришлось.

В течение 1949/50 учебного года и в 1952/53 учебном году работала в качестве внештатного преподавателя кафедры русской литературы. 22 сентября 1952 г. мама защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук, и 15 октября того же года Ученый совет Саратовского университета принял решение о присуждении ей ученой степени.

14 марта 1953 г. ей был выдан диплом кандидата филологических наук.

До 1 марта 1963 г. она работала старшим преподавателем, а в этот день ей был выдан аттестат доцента.

О маме как ученом и педагоге написал заведующий кафедрой истории русской литературы и фольклора профессор Ю. Н. Борисов в сопроводительном письме при рассылке ее книг в библиотеки зарубежных стран:

Ирина Валериановна Чуприна (1924–2000) – литературовед, историк русской литературы, исследователь творчества Л. Н. Толстого и его современников.

Вся жизнь И. В. Чуприны была связана с Саратовским государственным университетом им. Н. Г. Чернышевского. Здесь в благотворном окружении крупнейших русских филологов, профессоров Саратовского и Ленинградского университетов А. П. Скафтымова, Б. М. Эйхенбаума, М. П. Алексеева, Г. А. Гуковского протекли ее студенческие годы, пришедшиеся на время Второй мировой войны. Здесь под руководством своего учителя Александра Павловича Скафтымова, благодарную память о котором она хранила до последних дней, подготовила и защитила диссертацию, посвященную раннему творчеству Льва Толстого (позже по материалам диссертации была опубликована прекрасная книга: *Чуприна И. В.* Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1961). Здесь при поддержке А. П. Скафтымова, Е. И. Покусаева, Ю. Г. Оксмана началась ее научно-педагогическая деятельность, длившаяся более трех десятилетий.

Природа щедро одарила Ирину Валериановну редкостной красотой, пытливым умом и особой чуткостью к вопросам нравственного самоопределения человека. Все это придавало ее университетским лекциям и семинарам неповторимое обаяние. Несколько поколений студентов постигали глубины творческих откровений Льва Толстого, Достоевского, Чехова вослед проникновенной мысли и слову И. В. Чуприны.

В своих научных разысканиях И. В. Чуприна всегда оставалась верна заветам своего учителя: «Нужно честно читать» и «Только само произведение может говорить за себя». В художественных и публицистических текстах Л. Толстого она прослеживала целостное «сцепление мыслей», восстанавливая тем самым, вопреки распространенному противопоставлению Толстого-мыслителя Толстому-художнику, единство творческой личности писателя. Именно так прочитаны ею «главные книги» русского гения – «Война и мир» и «Анна Каренина» в фундаментальной монографии: *Чуприна И. В.* Нравственно-философские искания Л. Толстого в 60–70-е годы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974.

Уже по завершении своей педагогической карьеры И. В. Чуприна с увлечением разрабатывала выдвинутую ею гипотезу об общем прототипе героинь знаменитой картины Крамского «Неизвестная» и повестей Тургенева. В результате получилась увлекательная книга (*Чуприна И. В.* О реальной основе некоторых произведений И. Н. Крамского и И. С. Тургенева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994), в которой драматические события и лица реальной истории и осмысление процессов творчества слились в целостный повествовательно-исследовательский сюжет, интригующий и побуждающий к дальнейшему поискам.

А. П. Скафтымов и И. В. Чуприна увидели друг друга в 1941 г. Его любовь тогда же и зародилась. Мама же преклонялась перед ним, но слишком далеки они были друг от друга. В 1943 г. мама вышла замуж. Ее муж, Иван Максимович Криничка, был эвакуирован из Москвы, где он учился на историческом факультете МГУ. В Саратове он продолжал учебу в Ленинградском университете (который был в эвакуации в нашем городе). Брак оказался недолгим, так как к

концу войны Иван Максимович вернулся в Москву. Он хотел там завершить образование, затем обосноваться и перевезти туда свою жену. Однако всему этому не суждено было сбыться.

Взаимные чувства Александра Павловича и Ирины Валериановны возникли, когда она стала посещать его семинарские занятия. Еще более сблизил учителя и ученицу дипломная работа на тему «Н. Я. Соловьев в период сотрудничества с А. Н. Островским». Далее мама поступила в аспирантуру. Научным руководителем также стал Александр Павлович. Было поразительное взаимопонимание между ними. Редчайшая духовная близость. Они встречались и очень много говорили на самые разные темы. Без этих встреч не могли жить. Когда было тепло, они гуляли по улицам, по садику на улице Рахова, а когда было холодно, сидели в подъезде, на лестнице, ведущей на чердак.

После того, как мама сказала своему мужу, что она уже не жена ему, он перестал приезжать. Однако формально они не были разведены. Дело в том, что партия, со Сталиным во главе, в то время особенно «охраняла семью». Развестись было возможно, но не просто. Я родилась 27 марта 1953 г. Александр Павлович готов был дать мне свое имя, но мама формально считалась замужем. Кроме того, в это время, после защиты диссертации, начиналась ее работа в университете. Скандала никто не хотел. Поэтому, по совету маминих родителей, мне дано было имя Ивана Максимовича Кринички. Я никого не виню, все было очень сложно.

Любовь моих родителей трагична, потому что у нее не было будущего. Привожу цитату из ранее написанного письма Александра Павловича: «Милая, хорошая моя девочка, дорогая Ирушенька, люблю я тебя самой нежной и кроткой любовью, и когда я с тобою, кажется, что во мне нет и не может быть ничего, кроме нежности. И я опять ропщу. Боже мой, зачем же все это так ужасно получается? Зачем, кому нужна была такая грубая и такая жестокая насмешка? Может ли быть в этом хоть какой-нибудь смысл? Какая обида! И вместо счастья, которое вот-вот, так и чувствуется, нам обоим скоро предстоит такое большое несчастье... Смотрю на тебя, слушаю тебя, люблюсь то-

бою, твоею светлою головкой, твоею милою душою, радуюсь от твоего присутствия, ласково волнуясь каждым твоим жестом и думаю, думаю... О, мой возраст. Было бы иначе. Взял бы я тебя к себе, несмотря ни на что...»

Александр Павлович страдал до конца жизни, а мама не вышла замуж. Очень трудно, даже невозможно было найти человека, который заменил бы ей моего отца.

Всю свою любовь она отдала мне и любимому делу, которое являлось продолжением дела ее Учителя и Любимого человека.

21 января 2000 года мама умерла.

Один человек про нее сказал: «Светлая была женщина». Это сказано очень верно. Она верила в добро и свет, была сильным человеком притом, что ей были свойственны необычайная нежность и женственность.

Русская литература и, особенно, Лев Толстой были ее религией. Мама верила в будущее России, верила в русский народ, но к концу жизни верить приходилось все трудней. Она очень близко к сердцу принимала все, что творится вокруг, и постоянно волновалась. Ее глаза всегда смотрели ясно и правдиво, она не могла представить себе, до какой степени люди могут погрязнуть во лжи и прочих пороках. Такому человеку, как мама, трудно жить, организм заболевает, и приходит смерть.

Последнее, о чем я хочу сказать, это то, что, мама как натура поэтическая очень любила музыку, хотя сама не играла, поскольку ее не учили. Она, так же как и мой отец, хотела, чтобы я стала музыкантом. Их желание исполнилось. Но это уже моя биография.

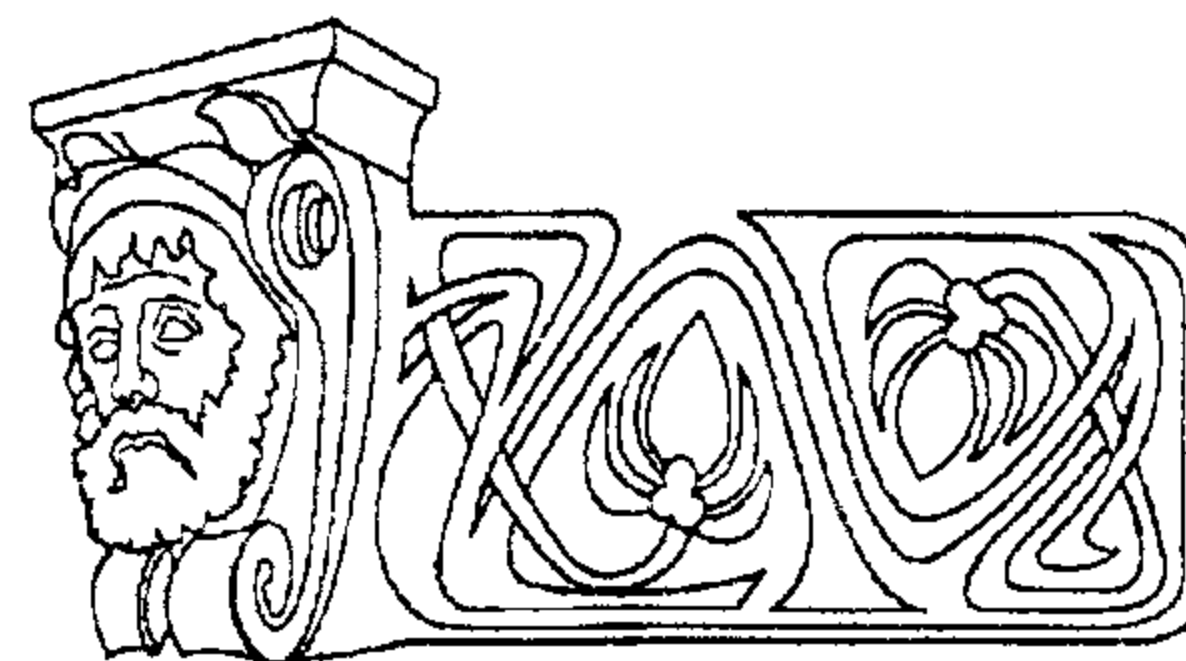
УДК 882.09+929 Скафтымов

УСТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ А. П. СКАФТЫМОВА 20-Х ГОДОВ (по архивным материалам)

В. К. Архангельская

Второе десятилетие XX века было временем необычайно интенсивной, напряженной научно-общественной деятельности профессоров и преподавателей университета, музеев, библиотек г. Саратова. Они входили в различные творческие объединения, работа которых была обращена не только к специалистам и студентам, но и к населению города и края.

Остановимся на некоторых материалах архива СУАК (Саратовской ученой архивной комиссии), а именно на заседаниях Отдела искусства и литературы Нижне-Волжского научного общества краеведения, относящихся к 1924 г., в которых активная роль принадлежала проф. А. П. Скафтымову. Разделение на отделы было следующим этапом в судьбе общества Истархет, объединявшего ученых и краеведов разных интересов. В 1919 г. действовала историко-филологическая секция при университете (совместно с обществом) и, как видно из отчета, было прочитано «особенно много докладов»; засе-

дания проходили публично в обширном зале так называемого старого университета, вход был свободным. Публичным лекциям «придавалось значение просветительное и также учебное» (Ф. 407. Ед. хр. 453. Л. 9). Действовали курсы по русской литературе проф. Н. К. Пиксанова, на них занимались «культурными гнездами Саратовского края, <...> с которым связаны такие имена, как Радищев, Чернышевский и др., изучение которых в Саратове приобретало особый смысл» (Там же. Л. 12). Традиции был дан ход, и в протоколе № 8-а от 7 июня 1924 года «административного заседания» Отдела искусства и литературы записано: «Признано желательным просить А. П. Скафтымова организовать изучение местных писателей и историков литературы (Чернышевского, Пыпина и др.), а Г. Г. Дингеса – немецкой местной литературы и поэзии» (Там же. Л. 13).

Жизнь и творчество Чернышевского в 20-е годы были в поле зрения многих членов обществ Истархет, и «Журнал учета докла-

дов, проводимых в обществе Истархет с 1918 по 1925 год» (Ф. 407. Ед. хр. 328) отразил этот интерес. Но не только «Журнал».

9 ноября 1924 г. на общее собрание членов общества «в память 35-летия со дня смерти Н. Г. Чернышевского» (Ф. 407. Ед. хр. 443) были вынесены доклады: А. П. Скафтымова «Архитектоника романа «Что делать?», В. А. Бельского «Вопросы теории кооперации в разработке Н. Г. Чернышевского», проф. Ю. А. Иванова «Падение Римской империи в понимании Н. Г. Чернышевского», Н. М. Чернышевской-Быстровой «Из литературных отношений Н. Г. Чернышевского к И. Н. Бырышеву-Мясницкому» и проф. С. Н. Чернова «Новые материалы о Н. Г. Чернышевском как учителе Саратовской гимназии»¹.

Помимо членов общества «присутствовало 17 человек гостей». Председательствовал С. Н. Чернов, секретарем был преподаватель-словесник А. А. Кротков. Он очень кратко записал в протоколе смысл выступления каждого из докладчиков. Так, о первом из них: «Докладчик А. П. Скафтымов рассматривает творение Н. Г. Чернышевского со стороны литературной его обработки, идеологической и публицистической. Тезисы доклада прилагаются». Однако их в архиве не оказалось.

Позднее Скафтымов отказался от этого названия своего первого труда о Чернышевском: в 1926 г. была опубликована его большая (почти в 50 страниц) статья под названием, частично отразившем запись секретаря заседания: «Роман Чернышевского «Что делать?» (Его идеологический состав и общественное воздействие)»². С нее начинается ряд его работ о знаменитом саратовце, позволивший Е. И. Покусаеву и А. А. Жук написать о Скафтымове-литературоведе: «самый большой пласт жизни ученого связан с именем великого демократа, им поставлены новые задачи по изучению художественного письма, выработаны оригинальные принципы и методики исследования»³.

На заседаниях Отдела искусства и литературы слушались и обсуждались доклады на разные темы: проф. Брюсовского института С. М. Соловьева «Трагедия Сенеки «Эдип»» (собственный перевод и статья), научно-технического сотрудника университета Е. И. Бобровой «Из наблюдений над стилем и компо-

зицией сонетов Петрарки», сообщение А. А. Лебедева «Лев Толстой и И. В. Шелгунов», В. В. Вормса «Титанизм Гете».

Для нас интерес представляют те заседания, на которых выступал Скафтымов, те протоколы, которые с большей или меньшей степенью подробностей отразили его высказывания-оценки, т.е. принадлежащие ему устные рецензии на исследования. Напомним, что к 1924 г. он уже заявил о себе как об ученом широких интересов. Миную его печатные работы, скажем о том, что на заседаниях членов общества Истархет он читал «Вечно новое в произведениях Достоевского» (1921 г.), «Новая русская литература в трудах А. Н. Сиротинина» (1923 г.), «Изучение былин за последние 20 лет», «О соотношении вымысла и действительности в былинах» (1923 г.). Два последних выступления вошли в качестве отдельных глав в известную монографию «Поэтика и генезис былин» (1924 г.). Он был автором статьи «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в теории литературы» (1923 г.). Положения ее достаточно отчетливо проступают не только в его оценках-рецензиях на доклады членов, но и во мнениях о докладах других членов Отдела искусства и литературы. Обратимся к материалам.

12 апреля 1924 г. был заслушан доклад С. П. Знаменского «История создания рассказа Чехова «Невеста»» (Ф. 407. Ед. хр. 443. Л. 4, 4 об.)⁴. Председательствовал проф. В. Я. Каплинский, секретарем была А. Н. Лозанова.

Сохранился так называемый «автореферат» исследования С. П. Знаменского (Л. 5, 5 об., 6 и 6 об.). Судя по нему, автор проследживает «несколько стадий» в работе Чехова над рассказом, привлекает черновую редакцию, наброски, письма, наблюдает изменения, внесенные писателем (главным образом, сокращения по отношению к второстепенным персонажам и несущественным деталям), сравнивает с другими произведениями Чехова («В родном углу» и «Случай из практики»), отмечает сходные переживания героинь, детали диалогов, пейзажных картин. Отличия от них «Невесты» видит в финале, мажорном по своему характеру, что связывает с фактами личных переживаний писателя и настроениями, «когда он всюду искал не

проявлений смуты, хмурости и сумеречности жизни, а фактов подъема и роста оппозиционных настроений».

Скафтымову, как обычно, было предоставлено слово первому. Отметив «законченность доклада», который «вводит нас в самую лабораторию человеческого творчества», он (в изложении секретаря) оценил следующим образом его аналитическую часть: «Однако наблюдается некоторая неточность в анализе текста и рукописи рассказа. Оппонент выражает пожелание более полного выяснения причин редакционных изменений (видимо, от черновика к печатному тексту. — В. А.). Что касается сопоставлений разбираемого рассказа с другими произведениями Чехова, то здесь хотелось бы более сопоставление целых персонажей, а не отдельных разговоров действующих лиц. В общем, заслушанная работа представляется весьма содержательной и полной».

Несмотря на краткость протокольной записи устного выступления, видно, что оно идет в русле тех принципов анализа художественного текста, которые заявлены Скафтымовым в названной статье 1923 г.: «Каждый из эстетических факторов данного произведения получает свою значимость лишь в соотношении с другими», с концепцией произведения в целом. Даже письма, «этот самый компетентный и, по-видимому, верный источник знания о смысле эстетических ингредиентов произведения, все же не может быть бесконтрольно и независимо от теоретического имманентного анализа самого произведения». И еще: изучение «черновых материалов, планов, последовательность редакционных изменений и пр., <...> без теоретического анализа не может привести к эстетическому осмыслению окончательной редакции»⁵.

Шаткость сравнений рассказа «Невеста» с другими произведениями Чехова была замечена и другими слушателями. В частности, А. Н. Лозанова сказала: «Если идти по этой линии сопоставлений, то их можно было бы найти весьма много в творческом наследии Чехова». И этого, одного из кардинальных историко-теоретических вопросов науки о литературе, касался Скафтымов в статье, когда предостерегал: даже безусловно доказанное влияние одного произведения на другое

«несколько не может свидетельствовать в пользу усвоения качеств одного произведения другому. И здесь только само произведение может свидетельствовать о своих свойствах»⁶.

Эти же требования к литературному анализу прозвучали и в выступлении Скафтымова по поводу доклада В. Н. Архангельского «В. М. Гаршин. Личность и творчество», слушанье которого растянулось на три заседания: 23 февраля — «Мироощущение писателя», 8 марта — «Мирозерцание писателя» и 29 марта — «Композиция и роль произведений Гаршина». Помимо литературоведов и этнографов, на заседаниях Отдела искусства и литературы присутствуют историки П. Г. Любомиров, П. Д. Степанов. И «гости» — от 16 до 33 человек в разные дни (Ф. 407. Ед. хр. 442).

В. Н. Архангельский, судя по справочнику «Весь Саратов в кармане» (1926 г.), заведовал библиотекой. К протоколам № 1–3 заседаний Отдела приложены авторские «Выводы доклада», также разделенные внутри, но не на три, а на четыре части. В первой — о психологии гаршинского героя, больного телом и духом человека, с преобладанием «интеллекта над атрофированной волей»: воспоминания и наблюдения вместо борьбы, жалость как основное чувство. «Проведенная параллель между психологией героя и психологией автора доказывает субъективность гаршинского творчества»; «психология героя воспиталась под воздействием больного тела и общего упадка дворянской культуры переходной эпохи от русского феодализма к капитализму». Во второй части рассматривается идеология героя и Гаршина как народническая, «преобладание в ней эпического чувства над политическим», этики непротivления злу насилем, что «вполне соответствует психологии уставшего героя и вместе с тем является продуктом общественной неорганизованности». Часть третья (большая) утверждает: «Поэтика в ее методах (композиция) и в ее манере выражаться (стиль) органически связана с психологией героя и эпохи»; «композиция гаршинского рассказа — композиция маленького городского рассказа, расчлененного на обрывки и главы», что связано с темпераментом Гаршина; «малоподвижность в развертывании сюжета», внешние условия

способствуют повышенной работе интеллекта и эмоций, субъективные образы преобладают над объективными; «в звуковых, зрительных и моторных образах – дисгармония, асимметрия и неритмичность характерны»; язык неоригинален, идет от готовых форм «тургеневского и толстовского рассказов»; эмоциональность, лиризм идут от тем, сравнения преимущественно из зоологического мира, «эксплуатируемые» животные, насекомые – «идеология отражается на поэтике» – непотворение злу; «литературная традиция шла у Гаршина» от Гюго, Достоевского, Тургенева и Эдгара По «и преимущественно носила идейный характер, идея непотворения злу – от Л. Толстого и Достоевского. Субъективность образов характерна для литературы 80–90-х гг., а также поздней (Л. Андреев, Вяч. Иванов, Ахматова и др.) с их преобладанием «серого» и «белого» – «типично для последнего периода капиталистической культуры». В четвертой части «Выводов» заявлено об органической связи в изучении поэтики и идеологии. У Гаршина «над всем власть наследственности и влияние общественной среды»; история не является предметом рассмотрения, «мы только на нее указываем», – заканчивает «Выводы» В. Н. Архангельский.

Как видим, в них многие положения лишь декларируются. Можно думать, их недоставало и в самой работе, хотя в ней были и достоинства, отмеченные Скафтымовым. Позволим привести его выступление полностью, пусть и в протокольном изложении. «Профессор А. П. Скафтымов указывает, что работа В. Н. Архангельского производит хорошее впечатление большой осведомленностью автора в его вопросе. Эпистолярная, мемуарная, критическая литература по Гаршину (в общем, правда, небольшая) использована почти в исчерпывающей полноте. Тщательная и кропотливая работа, очевидно, происходила и внутри текста произведений Гаршина. Благодаря небольшому объему и компактной собранности большей части материалов, относящихся к Гаршину (произведения и большинство писем и воспоминаний в первом томе), автору удалось быстро и свободно оперировать необходимыми ему справками и сопоставлениями, и в этом отношении работа его достигла почти полной

законченности. Что касается приемов и методов исследования, в этом отношении труд В. Н. Архангельского вызывает большие сомнения и возражения. Общий недостаток всей работы в целом и во всех ее частях – это оторванность и фрагментарность текстуальных данных, которые автору должны были служить опорой в разных суждениях его. В аналитическом дроблении и обособлении частей целого – дробление, конечно, необходимо при всяком анализе – автор обнаруживает отсутствие принципиальных обоснований в случайные, вербальные и потому искусственные сближения, обесмысливающие цитируемый текст и убивающие всякую долю его фактичности и убедительности. Суждения автора о мировоззрении, о мироощущении и о стилистических основных тенденциях Гаршина оказываются построенными на искусственном подборе отдельных слов и выражений без всякого контекста. Кроме того, те положения, которыми автор характеризует внутренний мир Гаршина и его историческое место в русской жизни и литературе, – недостаточно конкретизированы, слишком общие, мало индивидуализируют данную личность и творчество писателя и могут быть распространены на целые группы других эпох и общественных слоев. В этом отношении многие правильные наблюдения В. Н. требуют дальнейшей проработки в сторону установления внутренне дифференцирующих признаков личности и творчества Гаршина, отмежевывающих его писательскую индивидуальность от расплывающихся и слишком широких категорий, данных автором. В анализе художественной манеры Гаршина у автора, при наличии некоторых метких замечаний и отдельных наблюдений, замечается опять недостаток принципиальности в тех членениях, которые он устанавливает среди явлений стиля; кроме того, само понятие стиля, по-видимому, не получило у автора достаточно четкой квалификации и нередко смешивается с тематическими явлениями, заданными художником в данном произведении. Наиболее удачна часть о композиции гаршинских рассказов в работе В. Н. Архангельского, хотя эта часть не является законченной и требует дополнительных усложнений».

По сути, исследование В. Н. Архангельского скорее генетическое: о влияниях, реальных основах произведений Гаршина и его личности.

Скафтымов был знаком с изданиями произведений Гаршина, писем, мемуаров о нем. Полное собрание сочинений Гаршина в 3-х томах 1910 г. было в библиотеке университета (в личной – не было). Его устный отзыв о работе В. Н. Архангельского явился как бы «практическим подтверждением» обоснованной Скафтымовым методологии исследования, требующей новых путей развития науки о литературе, с выработкой навыков следования за автором и необходимостью личного эстетического опыта. Цитируем строки из его статьи, варьирующие смысл высказанной им неудовлетворенности докладом: «Компоненты даются и берутся во всей сложности контекста, льют свет друг на друга и через сопоставление частей, через целостный охват всего создания, неминуемо должна раскрываться центральная значимость и эстетический смысл как отдельных частей, так и всего целого»⁷.

Методологическая позиция Скафтымова убеждала, принималась. Участвовавший в обсуждении проф. В. Я. Каплинский считал, что В. Н. Архангельский стремится «добыть свои выводы путем отдельных выдержек без связи с контекстом», и такой метод не может быть приемлем; С. П. Знаменский «указывал на то, что оторванность от общего целого отдельных выражений (вербальность) произве-

ла на него впечатление сухости и схоластичности»; А. Н. Лозанова «отметила неубедительность аргументации отдельных цитат без связи с общим целым». О том же говорил Г. Г. Дингес.

20-е гг. – начало ведущих научных интересов А. П. Скафтымова (Чернышевский, Чехов). 20-е гг. – начало формирования школы Скафтымова. Несомненно его влияние на коллег. Он явится одной из ведущих фигур и Общества литературоведения (начало – 1928 год), в котором он станет председателем двух (русской и фольклора) из трех секций.

Примечания

¹ С. Н. Чернову выступить не удалось «за поздним временем», а Ю. И. Иванову – «за неприбытием на собрание», их доклады откладывались на следующее заседание (Л. 20).

² Н. Г. Чернышевский. Сборник. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания. Саратов, 1926. С. 92–140.

³ Покусаев Е. И. Александр Павлович Скафтымов / Е. И. Покусаев // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках / А. П. Скафтымов. М., 1972. С. 16.

⁴ Сергей Павлович Знаменский в прошлом доцент Московской духовной академии. В 1913 г. назначен преподавателем русского языка и словесности только что открытого в Саратове учительского института, в ноябре 1918 г. преобразованного в педагогический (Гос. архив Саратов. обл. Ф. 618. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–32).

⁵ Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы / А. П. Скафтымов // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. 1923. Т. 1, вып. 5. С. 56–57.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Там же. С. 59.

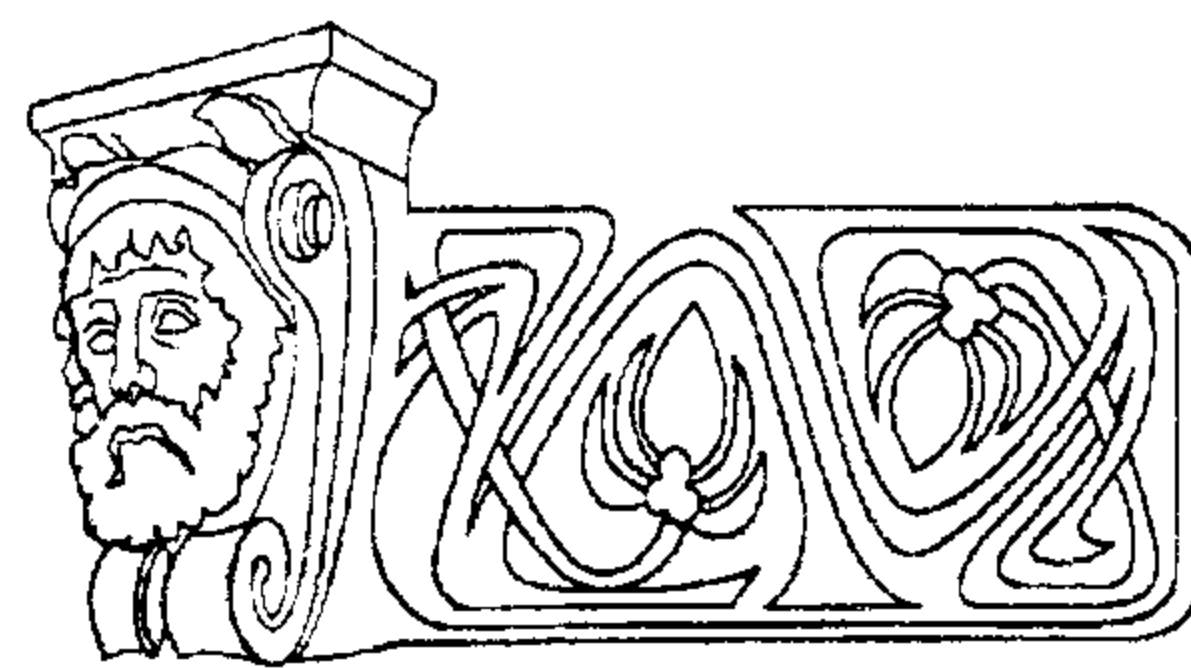
УДК 882.09-95+929 Скафтымов

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗМА В СТАТЬЯХ А. П. СКАФТЫМОВА

Н. М. Белова

А. П. Скафтымов не оставил специальных теоретических работ по вопросам реализма, но в его историко-литературных статьях вырисовывается определенная концепция реалистического искусства. Выделение ее и анализ составляют цель настоящей статьи.

В освещении реалистического метода до сих пор существуют большие разногласия.

А в то время, когда писал Скафтымов, господствовало упрощенное и вульгаризированное его понимание. Реализм отождествлялся с правдивостью, главным его признаком считалось бытовое правдоподобие, доказывалось, что этот метод прокладывал себе дорогу в изображении быта еще до утверждения реалистического направления и что

он даже существовал всегда в некоторых жанрах (комедии, фábль, плутовском романе и др.).

На понимании реализма сказалась обшая духовная атмосфера советской эпохи. Политизация литературы, пренебрежение к объективным законам действительности выразилось в подчинении всего богатства и многомерности содержания классических произведений социологическим схемам, в подмене метода идеологией. Искусственно конструировались различные социальные типы реализма: «буржуазный», революционно-демократический, социалистический. «Буржуазный» в дальнейшем сменил «просветительский реализм», но существо дела не изменилось, так как просветительство – это идеология, и свое воплощение она находила в различных художественных методах. Термин «критический» не выпадает из общего социологического русла, так как главной принадлежностью его считалось обличительное, оппозиционное содержание. Термин «революционно-демократический» реализм не удержался в литературоведении, тем не менее, демократической литературе в иерархии художественных ценностей отводилось лидирующее значение как предтече советского искусства.

А. П. Скафтымов (как и очень немногие литературоведы-классики) от такой вульгаризации был свободен. В последнее десятилетие определилась другая крайность. Сложилась тенденция рассматривать реализм как один из типов воспроизведения действительности, не обладающий всей полнотой художественного познания мира и человека. Художественный образ стал рассматриваться не как непосредственное отражение действительности, а опосредованно через архетипы, мифологическую, сказочную образность.

Методологические требования к изучению литературного направления Скафтымов высказал в статье «К постановке вопроса о романтизме Пушкина»¹. Исследователь возражает против отождествления метода и идеологии (романтизм в те годы сводился к противопоставлению двух его течений: революционного и реакционного). Он считает, что литературное направление должно рассматриваться как обшая принадлежность эпохи в единстве и взаимосвязи всех его тенденций и элементов.

Основополагающим в определении художественного метода для Скафтымова является тип мировоззрения. Для понимания скафтымовского определения сущности реализма важны не только статьи, анализирующие произведения реалистов, но и те, где рассматриваются явления им чуждые.

Прежде всего заслугой Скафтымова является отделение реализма от рационалистического искусства, позволяющее понять искусственность категории «просветительский реализм». Эстетика рационализма рассматривается в статье «О стиле “Путешествия из Петербурга в Москву” Радищева». Большинство литературоведов до последнего времени характеристику художественной природы книги Радищева строили на основе его идеологии. Анализ подменялся оценкой, констатация революционной позиции писателя автоматически влекла отнесение его к реалистам. При этом материал книги привлекался выборочно.

Для Скафтымова исходным является мировоззрение Радищева и идейная целеустремленность его книги. Считая автора «Путешествия» рационалистом, убежденным в верховенстве Разума, исследователь видит в его книге публицистическое задание: «... высказать ряд положений и назиданий к исправлению существующего устройства и порядка жизни»².

Писателем, по словам исследователя, руководило «вовсе не желание рассказать о некоем реальном путешествии, а желание теоретически высказаться по некоторым принципиальным вопросам» (с. 84). Представленные в книге картины жизни, персонажи, сюжеты, быт исследователь рассматривает в составе целого, в соотношении с идейным заданием писателя и устанавливает, что функции всех этих компонентов произведения не имеют ничего общего с реализмом. Они у Радищева не цель, а средство и выполняют иллюстративную роль, являясь лишь поводом для высказывания и доказательства мысли, дидактическим материалом. Отсюда – условность персонажей «Путешествия», часто являющихся лишь заместителями автора, значительная роль аллегорий и эмблематической иносказательности. То есть у Радищева мысль существует отдельно от художественного материала, и «писатель не

увлекается рисунком, стремительно направляясь к конечной цели, к нравоучительному выводу» (с. 84). Выражением иллюстративного, демонстрирующего значения художественного материала книги Скафтымов считает эстетическую иерархию предметов изображения: идеализацию на положительном полюсе и гротеск-карикатуру – на отрицательном. У Радищева изображение подменяется оценкой: рисунок персонажа определяется не его объективной сущностью, а авторским отношением к нему, трансформирующим этот рисунок.

Все эти определения рационалистической поэтики высвечивают основополагающий принцип реализма: самоценность и потому объективность изображения, слияние мысли и образа.

Другой принцип реализма, вырисовывающийся в статье о Радищеве, это целостность изображения, объективная мотивированность взаимосвязи представленных в произведении жизненных явлений. Для классициста Радищева существует сумма объектов, потому что он не ищет их объективной связи. Именно в таком виде предстает в «Путешествии» психологический рисунок персонажей. Скафтымов пишет: «Психические состояния у Радищева субстантивированы как самостоятельные, независимые и неразложимые инстанции-единицы. Они живут в человеке, как вещи, замкнутые и навсегда определенные» (с. 89). В такой же изоляции даны у Радищева быт, природа, не соотносимые с психикой и не выполняющие характеристической роли.

Третий признак реализма, определяемый по контрасту со стилем Радищева, – способ общения: общее существует в нем в индивидуальном. Радищева же отличает преимущественный интерес к общему в людях, его занимает природа чувства вообще, а не конкретное чувство индивида в данной ситуации.

И, наконец, Скафтымов отмечает у Радищева стереотипность в изображении природы, психики, в портретном рисунке, то есть традиционное у него поглощает наблюдение живой натуры. Реалист же непосредственно идет от изучения, наблюдения конкретной действительности, не нуждаясь в посредничестве традиционных литературных форм.

Заслугой Скафтымова является также четкое отграничение реализма от романтизма. В нашем литературоведении до сих пор не преодолено аморфное представление об этих принципиально различных художественных системах. Часто встречается странный симбиоз: синтез романтизма и реализма, реалистические тенденции в романтизме и, наоборот, даже романтический реализм.

В статьях Скафтымова о Л. Толстом («Идеи и формы в творчестве Толстого» и «О психологизме в творчестве Стендаля и Толстого») реалистический метод рассматривается через его сравнение с романтизмом. Скафтымов характеризует реализм как исторически сложившееся и развивающееся художественное явление. В процессе этого развития он отмечает все более полное выявление заложенных в реализме возможностей, потенций всестороннего и глубокого постижения природы человека, проникновения в глубины сознания и психики, недоступное прежним художественным системам.

Убедительность наблюдений и выводов Скафтымова достигается благодаря выделению коренного для реализма принципа в качестве предмета анализа, детерминизма. Обычно этот принцип рассматривается слишком обще и статично. Учитывается главным образом историческая и социальная детерминированность. Но социальная обусловленность характера открыта просветительской литературой XVIII века (Дидро), а начало историзма положено романтиками. Поэтому взятый в таком широком плане этот принцип недостаточен для определения специфики реализма. Да и связь характеров и обстоятельств в реалистической литературе часто понимается механистически, как прямое отражение, односторонняя зависимость субъекта от объекта. При таком понимании реализма нельзя объяснить те требования нравственной ответственности, которые предъявляли человеку русские реалисты. Конечно, есть в реализме и примеры механистического понимания связи среды и человека (физиологический очерк 40-х гг.), но, как показывает Скафтымов, это незрелый реализм, еще зависимый от рационалистической литературы XVIII века. Механистическое понимание детерминизма присуще именно просветительской литературе XVIII столе-

тия. Оно обусловлено метафизической природой материализма этой эпохи. Вот здесь и пролегает грань, отделяющая реализм от так называемого просветительского реализма. Эта грань отчетливо выявлена Скафтымовым благодаря тому, что он более глубоко осмысливает категорию детерминированности. За основу анализа он берет отношение психики и быта, что дает ему возможность проследить сам процесс становления и развития реалистического метода от ранней его ступени, на которой он еще сохраняет глубинную связь с романтизмом и традициями XVIII века, к его зрелой стадии.

Анализ Скафтымова начинается с творчества Стендаля. Приемы стэндалевского психологизма обычно сближались с толстовскими. Скафтымов же обнаруживает принципиальные различия в этом по видимости близком художественном материале. Исследователь отмечает, что Стендаль лишь в общем своем устремлении реалист. Созданные им характеры главных героев историчны, эпохальны по своему содержанию и значению. Но понимание личности связывает писателя с романтизмом. «Наиболее высокое обаяние для него составляет сила индивидуального характера, способность к пренебрежению опасностью, наслаждение риском и упоение радостью личных побед»³. И основной предмет изображения у него – страсти, которые доминируют в героях над их социально-историческими чертами и непосредственно направляют их поведение. Данью романтизму является у Стендаля эстетическая иерархия действующих лиц: выделенность, исключительность главных героев, их постоянная противопоставленность персонажам, составляющим среду. Эти две группы персонажей обрисованы разными приемами: первые изолированы от быта, повседневности, вторые являются лишь персонификацией обстоятельств (в традиции жанровых персонажей XVIII века). Сохраняющаяся связь с до-реалистическими системами объясняет наличие трафаретов в стэндалевском психологическом рисунке.

В творчестве Бальзака, Диккенса и Гоголя Скафтымов отмечает более тесную связь психики и быта. Но у них сохраняется еще эстетическая иерархия героев и поляризация стилей: патетика и риторика на идеа-

лизирующем полюсе и гротеск, карикатура в изображении носителей порока. Психологический рисунок у них тяготеет к одной лейтмотивной черте, а влияние быта на психику представлено статично, «как отслоившийся результат». Прямое, однозначное соотношение между психическим обликом и внешностью персонажа, а также вещным окружением говорит о типологической заданности характера, ассимилирующей его индивидуальные особенности.

Новый поворот в развитии реализма исследователь показывает у писателей гоголевского направления, которые сознательно отходят от гоголевской «однобокости» и обращаются к наблюдениям за бытовой конкретной сложностью каждого психического момента, то есть они преодолевают традиционную заданность идеальной нормы и идут от непосредственного изучения природы, чем достигается большая индивидуализированность психологического рисунка. Но у них еще сохраняется тяготение к исключительности.

Художественный метод Л. Толстого рассматривается Скафтымовым и как его индивидуальная принадлежность, и как отражение зрелой ступени реализма.

Принципиальное отличие Толстого от его предшественников, считает исследователь, коренится в том, что его творчество формировалось вне традиций романтизма и в своих мировоззренческих истоках ориентировалось на руссоизм с его идеей природного равенства людей, апелляцией к натуральному в человеке и изображением чувства в противоречиях и изменчивости.

Толстовское понимание личности, пишет Скафтымов, принципиально антиромантически. Писатель решительно отвергает любую претензию человека на исключительность. Для него не существуют не только социальные привилегии, но и привилегии ума и духовной сложности. «Каждый человек, по его (Толстого) словам, носит в себе зачатки всех свойств людских». Единственным универсальным критерием для него является нравственное содержание жизни человека. Демократическая концепция человека определяет структуру характера у Толстого. Писатель всюду борется с выделенностью персонажей. Его герои, превосходящие свое ок-

ружение силой ума, воли, страсти, творческих способностей, «не поставлены в эстетически привилегированное положение». «Каждая индивидуальность Толстого живет среди других индивидуальностей, в каждый момент столь же равноправных, самостоятельных, имеющих свой круг независимых качеств, мнений, пристрастий и влекущих интересов. <...> Помимо того особого положения, которое каждый персонаж занимает в силу своеобразия своей индивидуальности, Толстой не забывает той тысячи связей, которые на данный случай на данном месте уравнивают его с другими и в бегущем, непрерывно меняющемся потоке жизни делают его одним их многих, поворачивают его разными сторонами среди множества ответных оценок и отношений» [с. 172].

Другой основополагающий принцип Толстого – признание абсолютной власти законов бытия и связанный с этим антирационализм писателя. Логике разума, теории Толстой противопоставляет объективную логику действительности, самоценность жизни, что диктует новое понимание связи характеров и обстоятельств. Социальный фактор Толстой признает, но не считает его определяющим. Социально обусловленные качества в характерах толстовских героев существуют в ряду других многообразных воздействий реальности. Они составляют верхний слой души, который побеждается импульсами, идущими из коренных, природных основ души. «Диалектика души, – пишет Скафтымов, – состоит в том, что душа, по показу Толстого, как бы сама в конце концов выбрасывает ложное, прежде казавшееся столь значительным, и в свете открывшихся последних, коренных инстанций самоощущения, обнаруживает свою фальшивую иллюзорность» (с. 147). С этим связано исключительное внимание Толстого к произвольному проявлению в человеке его истинных побуждений через жесты, мимику, интонации речи и т.д.

Таким образом, метод «диалектики души» – это высшая форма объективности изображения, самообнаружения характера. Поэтому и детерминизм у Толстого имеет более широкое и дифференцированное проявление, чем в произведениях его предшественников, и осуществляется он на более высоком уровне. Диапазон этой детерминированнос-

ти – от самой широкой, исторической, социальной, до конкретных мотивировок поведения и психики героев под влиянием текущих, изменчивых явлений и фактов действительности, всей окружающей человека обстановки.

«Его изображение эмоционального состояния, – пишет Скафтымов, – всегда состоит, в сущности, из перечня тех воздействий, какие пришли из внешнего мира и прикоснулись к душе. Душа всегда звучит под бесчисленными, иногда незаметными, неслышными пальцами действительности данного момента» [с. 149]. Следовательно, у Толстого мотивированность проникает в глубины человеческой психики и определяет не только общую линию поведения героя, склад его мышления, но и психическое состояние в данный момент.

Такое понимание характера объясняет необычайно активную роль быта, бытовых мелочей, слитность психики и быта, а также особенное внимание Толстого к личному, неповторимому, к второстепенным и третьестепенным признакам в человеке, к таким чертам, которые несущественны для типа, так как в типе главное значение имеют родовые качества, прежде всего социальные, но необходимые для воссоздания индивидуальности.

Большая степень индивидуализации у Толстого связана также с тем, что внешние воздействия он понимает не как прямое отражение, а как взаимодействие внутреннего и внешнего. Обстоятельства вызывают не адекватную им, непредсказуемую реакцию человека, и их влияние выливается не в родовую, а в индивидуальную форму. «Внешние временные возбудители, – отмечает Скафтымов, – играют на инструменте индивидуальной психики, но могут извлечь оттуда только такие звуки и лишь в таком разнообразии тембра и диапазона, который задан данной индивидуальности и неизменно за ним сохраняется. Воздействие только актуализирует то, что потенциально где-то уже содержится и что уже просится к обнаружению» [с. 154].

На этой активности субъекта основана мысль Толстого о духовной автономии личности и ее способности противодействовать влиянию общества, господствующих в нем

представлений, предрассудков и всем формам внешнего диктата. А автономия предполагает нравственную ответственность человека за все им совершенное и способность к независимости мысли. «Толстой убежден, что постижению истины мешает отсутствие у человека самостоятельного отношения к жизни, его механическая, ленивая, духовно инертная и слепая подчиненность давлению окружающих установившихся привычек и предубеждений» [с. 159].

Социальный и нравственный подтекст этих суждений исследователя совершенно ясен. В обстановке обезличенности, оказывания мысли, подчинения морали политике, в которой жил наш народ в советскую эпоху, толстовская абсолютизация морали и защита духовной свободы человека звучали как протест против обезчеловечивания общества и насилия над живой жизнью. Традиции классиков были единственным чистым родником, который питал (и сейчас питает) засыхающую почву нашей культуры.

Рассматривая художественные открытия Толстого как его личное достижение, Скафтымов показывает и отражение общих тенденций развития реализма в его творчестве. Доказательность этого положения достигается не только тем, что творчество Толстого анализируется в контексте развития русской и европейской литературы, но и подкрепляется изучением романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Чернышевский принципиально отличается от Толстого складом мировоззрения, и роман его имеет совершенно иную художественную природу. Но он, как и Толстой, отражает общие тенденции демократизации и индивидуализации в изображении человека. Поэтому Скафтымов находит точки соприкосновения в художественных методах этих, казалось бы, во всем различных писателей. В этом плане особенно интересна статья исследователя «Чернышевский и Жорж Санд». В ней дается гораздо более убедительное, чем в других литературоведческих работах, определение художественной природы романа «Что делать?». Скафтымов отмечает у Чернышевского главенствующее значение социального фактора в изображении характеров, нормативность художественного мышления и стремление к воплощению должного, что диктует установ-

ку писателя на «идеальные» типы, пропагандистскую направленность его романа и сатирическое обличение. В этих устремлениях автор «Что делать?», по словам исследователя, опирался на опыт дидактической литературы Просвещения, воздействие которой сказалось также в ироническом стиле романа⁴.

Вместе с этим Скафтымов отмечает, что Чернышевский подчеркивает обыкновенность своих положительных героев, «новых людей», и как отражение этого включенность героев в быт, изображение их психики во взаимосвязи с бытом. Поэтому исследователь сосредоточивает свой анализ на роли детали в романе «Что делать?», принципиально отличающую его от тематически близкого ему романа Жорж Санд «Жак». В тяготении Чернышевского к детали исследователь видит присущее писателю понимание связанности «психики данного персонажа с конкретными бегущими событиями бытового обихода» [с. 236]. В литературоведении обращалось внимание на аксессуары, психологические частности в романе «Что делать?», но из сопоставления этих подробностей с типологическими свойствами героев делался вывод о несвязанности общего и индивидуального у писателя. Скафтымов же раскрывает единство этих компонентов. «Он (Чернышевский), – пишет исследователь, – отмечает не только черты, психически доминирующие в важных и ответственных моментах жизни человека, но и такие, которые, казалось бы, ничего не имеют значительного, однако, почти целиком составляют собою психику бытового текущего рядового дня...» [с. 236]. А такие подробности в реалистическом рисунке, как отмечает исследователь, «приобретают определяющую и создающую значимость, читатель именно через них и в них видит героя» [с. 236]. Значение таких частных состоит в том, что писатель не сводит характер к типу, а наделяет его и такими чертами, которые составляют его индивидуальную принадлежность, не заданную свойствами типа.

Общее назначение бытовых подробностей у Чернышевского, как считает исследователь, состоит в том, чтобы создать иллюзию подлинности в обрисовке отношений героев, воплощающих новые, идеальные нормы общежития. Именно это стремление до-

казать жизненность и исполнимость своих социальных идеалов объясняет тяготение Чернышевского к реализму. Таким образом, художественный метод Чернышевского в романе «Что делать?» определяется как соединение реалистических приемов и рационалистической поэтики просветительской литературы.

В статьях Скафтымова, написанных в 40-е гг., эволюция реализма прослеживается на драматургии в статьях «Белинский и драматургия Островского», «О принципах построения пьес Чехова» и «О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» Чехова».

В первой из названных статей Скафтымов более глубоко, чем в исследованиях о Толстом, раскрывает особенности русского реализма первой половины XIX века. Если при характеристике Толстого в творчестве Гоголя подчеркивались черты ранней стадии реализма, то теперь акцент делается на тех качествах художественного метода Гоголя, которыми положено новое направление в развитии реализма. Это «...внимание к обыкновенным, наиболее постоянным формам действительности, к быту, к человеческой ежедневности, к тем формам психики, которые являются принадлежностью людской массы. <...> Жизнь людей, их нравы, их бытовые привычки, образ поведения и содержание их стремлений представлены у Гоголя и его последователей в живой укорененности, в той общественной и бытовой обстановке, которая давалась условиями русской действительности и русскими бытовыми, историческими традициями, выроставшими на основе давних самодержавно-крепостнических отношений» [с. 469]. Следовательно, в гоголевском изображении отмечены социальный и исторический детерминизм, но не в первоначальном, общем выражении, а в более глубоком содержании. Подчеркивается, что обусловленность проникает вглубь гоголевских характеров и внутри их определяет, пересоздает их натуру. Поэтому пороки гоголевских персонажей представлены не как злодеяния, то есть результат сознательной воли, а как следствие общих нравственных понятий соответствующей социальной среды. Тем самым обличение у Гоголя направлялось на общие, привычные, ходовые моральные нормы. Эти оп-

ределения исследователя подчеркивают также действенную роль характеров у Гоголя. Обстоятельства выступают у него не как безликая сила вещей, а как следствие понятий и поведения персонажей. Отсюда становится понятным, почему Гоголь считал каждого человека ответственным за господствующие в обществе пороки, и изменение общественных отношений связывал с улучшением, оздоровлением нравственного сознания людей.

В дальнейшем развитии драматургии Скафтымов показывает усиление активности характеров и появление более динамичных соотношений их с обстоятельствами. Если в гоголевских характерах дается результат обуславливающего влияния среды, то у Островского – взаимодействие характеров и обстоятельств. Порок оценивается в пьесах Островского по его губительной роли в судьбе человека, конфликты слагаются из столкновения здоровых и честных человеческих желаний с темными и косными силами общественной среды. С этим связано возвращение на сцену положительных героев и любви как духовно возвышающей силы, предпосылки подлинно человеческих, нормальных отношений. И если отрицательные персонажи Островского слиты со своей средой, как и у Гоголя, то положительные герои даны уже в состоянии значительной духовной автономии.

Анализируя пьесы Чехова, Скафтымов полемизирует с вульгарно-социологическим методом исследования, который особенно грубо давал о себе знать в освещении «Вишневого сада». На этот текст накладывалась примитивная социологическая схема: уходящее дворянство, поднимающаяся буржуазия и смотрящая в будущее демократическая интеллигенция. Скафтымов показывает, что социальный фактор в «Вишневом саде» не имеет определяющего значения и порожденные им качества персонажей составляют одну из множества граней их характеров. Исторический детерминизм у Чехова лишь в конечном смысле определяет психическую жизнь героев, воссоздавая общую атмосферу жизни эпохи, в психологическом же складе персонажей он трансформирован в соответствии не только с социальной природой, но также и с индивидуальными особенностями каждой личности.

Раскрывая особенности чеховских конфликтов и психологизма, Скафтымов подчеркивает такие черты художественного метода писателя, которые делают его творчество позитивным итогом русского реализма XIX века. В отличие от Островского конфликт у Чехова строится не на борьбе интересов и целенаправленной злой воли, а на столкновении глубоких духовных запросов индивида со всем укладом жизни и является принадлежностью не отдельных личностей, а множества людей любой социальной среды, то есть осознанно или стихийно этот конфликт стал всеобщим, всеобщей стала и духовная автономия персонажей (каждый переживает свою драму), что, с одной стороны, обнаруживало кризис всего общественного российского уклада жизни, а с другой – возможности его преодоления, так как необходимость изменения действительности стала господствующей потребностью в обществе.

Обоснованные Скафтымовым методологические принципы в теоретических исследованиях о реализме получили творческое развитие в работах Л. Гинзбург «О психологической прозе» (Л., 1971, гл. 3) и о «О литературном герое» (Л., 1979), а также в монографии А. Карельского «От героя к человеку» (М., 1990).

Примечания

¹ Эта статья является извлечением из отзыва Скафтымова на кандидатскую диссертацию Г. И. Бондаренко «Южные поэмы Пушкина как этап в становлении его реализма». См.: Научный ежегодник СГУ за 1955 год. Филологический факультет. Саратов, 1958.

² Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе / А. П. Скафтымов. Саратов, 1958. С. 79. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

³ Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей / А. П. Скафтымов. М., 1972. С. 166. Далее ссылки на это издание даются в тексте в квадратных скобках.

⁴ Отражение поэтики просветительской литературы в стилистике романа «Что делать?» Скафтымов показывает в статье «Роман Чернышевского «Что делать?» (его идеологический состав и общественное воздействие)» (Н. Г. Чернышевский. Сборник. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания. Саратов, 1926.)

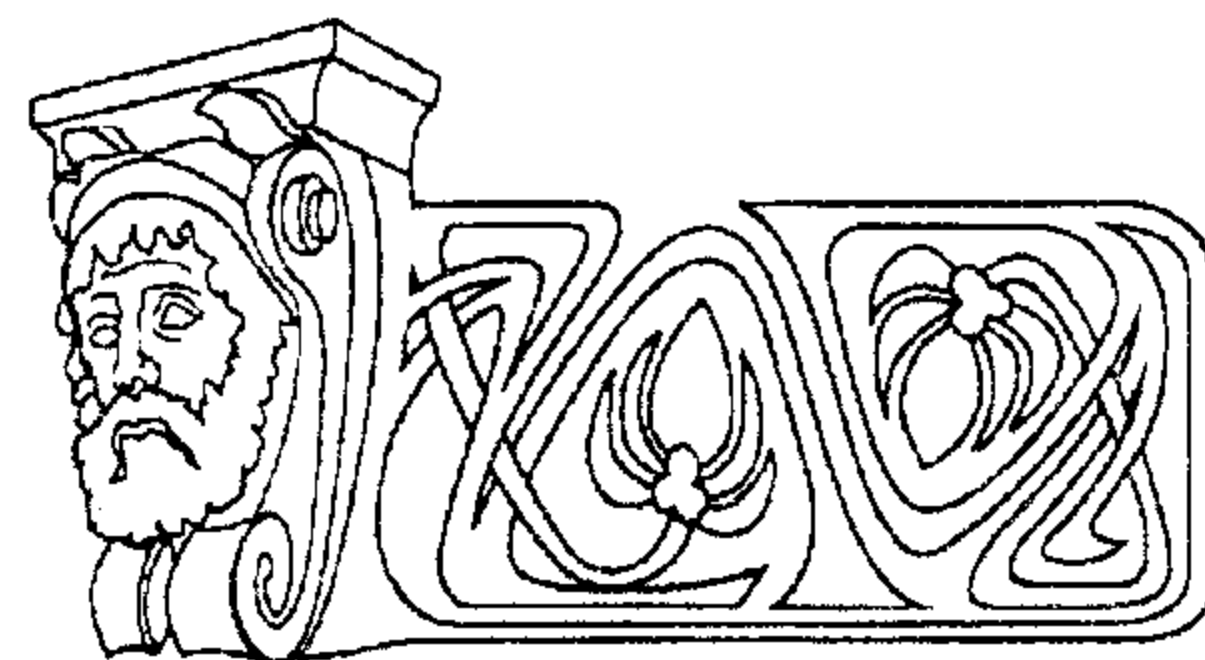
УДК 882.09+398(470)+929 Скафтымов

УРОКИ А. П. СКАФТЫМОВА

В. М. Вершинина

Своеобразие личности Александра Павловича Скафтымова как педагога проявилось во всех сферах его творчества, в общении с многочисленными учениками, коллегами и слушателями разных аудиторий. В процессе педагогической деятельности формировалось и отшлифовывалось его мастерство. Опираясь на собственные воспоминания и на воспоминания его учеников и коллег, мы попытаемся обратить внимание лишь на некоторые стороны педагогики Александра Павловича, сформулировав основные его уроки.

15 лет проработал Александр Павлович в Саратовском пединституте. Мне посчастливилось у него учиться. Это был последний выпуск, на котором он преподавал, переходя на работу в Университет, где открывался, а вернее сказать, восстанавливался при его горячем участии филологический факультет.

Время было трудное – военные и послевоенные годы. Для Александра Павловича трудности этих лет усугублялись большим личным горем: ссылкой жены Ольги Александровны и смертью единственного сына Павлуши.

Мы были покорены не только его мужеством, стойкостью, силой духа, но и его высокой внутренней культурой, интеллигентностью, которая проявлялась буквально во всем: в общении с коллегами, студентами, даже в его походке. Он был красив, обаятелен, и с годами эта красота не увядала. Мы все были чуть-чуть влюблены в своего учителя. Наперекор всем трудностям сурового времени нам всем очень хотелось учиться. Жажда знаний в те годы была необыкновенной, и такие личности, как Александр Павлович, поддерживали и укрепляли в каждом из нас стремление учиться.

Александр Павлович как лектор не обладал какими-то особенными артистическими данными, но он, несомненно, владел педагогическим мастерством. Лекции его были интересны, содержательны и оригинальны. Читал он их негромким задушевым голосом, в хорошем темпе, так что мы успевали записывать все главное.

Педагогические взгляды и интерес к педагогическим проблемам формировались у Александра еще в юности под влиянием семьи, в частности отца-священника, который был высокообразованным человеком (вспомним: семьи священников воспитали Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, физиолога И. П. Павлова и др.). В доме Скафтымовых была хорошая библиотека. По воспоминаниям брата Александра Павловича – Сергея Павловича, который работал в 1950-е гг. в Саратовском пединституте, в семье часто обсуждались произведения выдающихся педагогов прошлого, в частности отец любил повторять высказывания английского педагога Джона Локка, выступавшего против телесных наказаний и считавшего, что «рабская дисциплина создает и рабский характер» («Мысли о воспитании»).

Коллекция книг и эпистолярный архив А. П. Скафтымова в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета свидетельствуют о широте и разносторонности интересов Александра Павловича, о его энциклопедической образованности, на которую указывали все, кто писал о нем. Он был книголюб в хорошем смысле этого понятия. Среди книг, помимо книг по литературоведению, истории дипломатии, по музыке, логике, медицине, охране природы, значительное место занимали книги по психологии и педагогике, начиная с произведений античных мыслителей. В каталоге указаны сочинения таких выдающихся педагогов, как К. Гельвеций, Д. Дидро, М. Монтень, Д. Локк, Н. И. Новиков, С. Л. Рубинштейн. Много книг с дарственной надписью от проф. И. В. Стрехова (по проблемам педагогического такта, по психологии творчества), чл.-кор. проф. Н. Ф. Познанского («В. Г. Белинский о воспитании»), с которыми он был не только в дружеских отношениях, но и вместе сотрудничал в «Ученых записках», издаваемых пединститутом.

Занимаясь исследованием творчества Н. Г. Чернышевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Александр Павлович касался и проблем детства, воспитания, образования, подготовки учительских кадров, остро поставленных в произведениях этих выдающихся русских писателей и педагогов. Он анализирует внутренние монологи персонажей, изучает способы обрисовки их психики в художественных произведениях. Интерес к проблемам психологии и педагогики проходит через все творчество и выражен иногда даже в самих названиях его работ («О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого»). Таким образом, Александр Павлович, несомненно, был знаком с классической педагогической и психологической литературой, хотя, конечно, секреты педагогического мастерства постигал самостоятельно.

С годами у Александра Павловича складывалась своя система образования и воспитания, в которой доминирующую роль играло развитие интереса и любви к литературе. Пробуждая в нас потребность в глубоком осмысленном прочтении и изучении литературных произведений, он, часто используя нехитрые дидактические приемы, прерывал лекции на самом интересном: «Ну, а что было потом с героями, нашли ли они путь к правде и счастью, вы узнаете, прочитав до конца это великолепное произведение (“Дуэль”)), – заканчивал он.

В педагогической литературе такой прием некоторые педагоги определяют как прием Шахерезады. Внесение элементов таинственности, загадочности, неожиданности и сказочности придавало лекциям Александра Павловича особую прелесть и поэтичность.

Пожалуй, особенно значительным в методике читаемых им лекций было умение Александра Павловича устанавливать психологический контакт с аудиторией. Он как бы приглашал слушателей к совместному обсуждению важных проблем, проявляя большую личную заинтересованность в правильном понимании этих вопросов и озабоченность ими. Проблема счастья, проблема смысла жизни в творчестве писателей, в частности в произведениях Антона Павловича Чехова, представляли для Александра Павловича особый интерес в тот период. В трудное для

страны время Александр Павлович заставлял нас задуматься, как обрести жизнь достойную и счастливую.

На одном из занятий он предложил ряд тем для дальнейшего исследования. Мне показалась очень интересной тема «Дети в творчестве А. П. Чехова». Я обратилась к нему с просьбой помочь в составлении плана. Он пригласил меня домой, сказав при этом: «Здесь уж очень холодно. У меня, правда, тоже холодно, но все-таки потеплее». Множество книг, скромность домашней обстановки поразили меня. Он не только посоветовал, как составить план работы, но и обратил мое внимание на роль детей в семьях ссыльных на острове Сахалин. Очень хотелось оправдать его надежды и написать хорошую работу. Так, с легкой руки Александра Павловича определилась тема моего будущего исследования по психологии творчества и проблемам педагогики – «Психологический анализ в творчестве А. П. Чехова».

Лекции Александра Павловича, которым не было цены, нам приходилось записывать, к большому сожалению, даже на грубой оберточной бумаге.

Александр Павлович приучал нас к точности и аккуратности в работе. Вопрос о дисциплине в те годы не стоял, посещение лекций было почти стопроцентным, хотя многие студенты в то время совмещали учебу с работой на заводе, дежурством в госпиталях. Да и часты были отвлечения от занятий: то заготовка дров, то сельскохозяйственные работы. Но всегда стыдно было приходиться неподготовленными к семинарским занятиям, совестно было получать его даже очень деликатные замечания.

Одним из важных элементов педагогического мастерства и педагогической этики Александра Павловича было его желание сделать незаметным для собеседника свой воспитательный замысел. Так, присутствуя в период педпрактики на зачетном уроке у студентов, он, чтобы не смущать их, мог не записать ни одного замечания; при затруднении студентов на семинарских занятиях он иногда опускал глаза, переводил взгляд на посторонний предмет или слишком продолжительно «держал паузу», ограничивался коротким сочувствием или замечанием: «Не подготовились?».

На эмоциональную силу воздействия таких замечаний Александра Павловича обратила внимание в своих воспоминаниях об учителе проф. Евгения Павловна Никитина: «В его отношениях со студентами нет никакой назидательности, специальных воспитательных маневров, он умеет великодушно прощать, не заметить неловкость или лукавство. Его добрая снисходительность порожидала благодарное чувство и оказывалась незабываемым нравственным уроком».

В работе со студентами Александр Павлович проявлял глубокую личную заинтересованность. Складывалось впечатление, что от успешной работы каждого студента зависело физическое самочувствие и благополучие и обмануть его доверие было невозможно. Эта заинтересованность и вызывала повышенную требовательность и самоконтроль самих исполнителей-студентов.

Занятия Александра Павловича были не только уроками мужества, но и уроками доброты, человечности, уважительного отношения к нам, студентам, уважительного отношения к женщине.

Несмотря на то что занятия проводились в нетопленных аудиториях, где замерзали чернила, Александр Павлович никогда не позволял себе сидеть в шапке, только поднимал иногда воротник пальто. Он всегда замечал, что кто-то слишком утомлен, кто-то выглядит бледным. Нам до слез была приятна его наблюдательность, его педагогическая зоркость.

Знали студенты и о том, что Александр Павлович всегда готов прийти на помощь. Преподаватель Анастасия Гавриловна Пенцова рассказывала, как во время серьезной болезни ее дочери Александр Павлович пришел к ним домой и предложил денежную помощь на лечение. Знали мы и другие примеры доброты и сочувствия к бедам преподавателей и сотрудников института. Неоценимую помощь и моральную поддержку он оказывал моей однокласснице Белле Лазерсон, которая поступала, поступила, но не была принята в аспирантуру: время было очень сложное.

Умея спланировать коллектив преподавателей, Александр Павлович никогда не был одинок. Он всегда находился в кругу своих единомышленников, учеников. Особенно

крепкая многолетняя дружба связывала его с Ефимом Тимофеевичем Павловским. В перерыве между лекциями их часто можно было видеть вместе. О чем они говорили, мы не знали, но доброжелательность друг к другу, заинтересованный, даже какой-то интимный характер разговора мы могли наблюдать. И когда Ефим Тимофеевич умер, над гробом друга, тяжело переживая утрату, Александр Павлович сказал удивительно проникновенные слова: «Общение с таким человеком, как Ефим Тимофеевич, было для меня большой нравственной поддержкой, большой радостью и счастьем». И мы понимали, какое огромное значение имела настоящая мужская дружба в жизни этих двух близких по духу людей.

В те годы преподаватели трех вузов – университета, пединститута и эвакуированного в Саратов Ленинградского университета – жили одними общими интересами. На научных конференциях иногда допускались споры, которые учили нас, студентов, культуре дискуссии, или, как верно заметила

в своих воспоминаниях, проф. Алла Александровна Жук, учились ценить «моменты уважительного спора». Как нам сейчас не хватает этой культуры, тактичной стойкости в охране собственных позиций!

Великий русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский утверждал: «Личность воспитателя значит все в деле воспитания. Личность воспитывается личностью». Александр Павлович был личностью, личностью яркой, талантливой и обаятельной.

Уроки его незабываемы, как уроки высокого служения науке, великого гражданского мужества и доброты, профессионализма и интеллигентности, как уроки высокой культуры педагогического мастерства. Мы постоянно пользуемся ими в нашей повседневной работе со студентами, по возможности, пытаюсь им передавать этот бесценный скафтымовский дар.

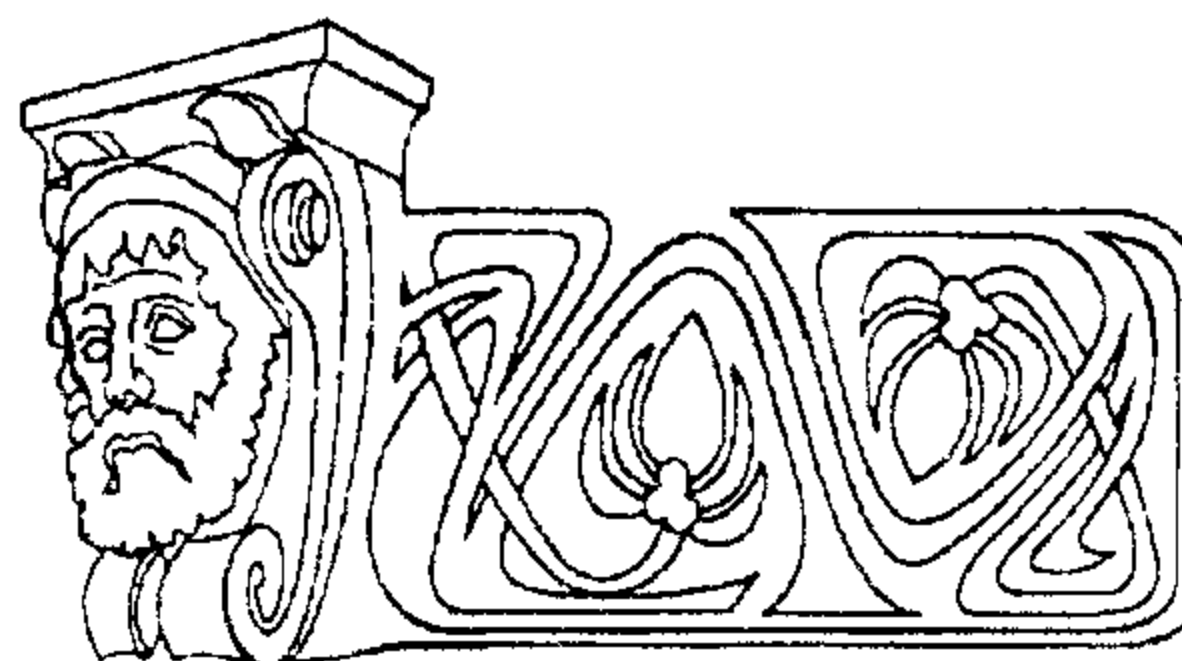
И я благодарна судьбе за то, что Учитель Скафтымов подобно огромной Синей птице – птице Счастья – коснулся и меня своим изящным, нежным и теплым крылом.

УДК 882.09+929[Скафтымов+Покусаев]

ШКОЛА А. П. СКАФТЫМОВА (заметки о литературной деятельности Евграфа Ивановича Покусаева)

Г. В. Краснов

Саратовская школа – одна из первых приоритетных региональных школ в отечественном литературоведении. В годы «оттепели» было отмечено, что «под руководством профессоров А. П. Скафтымова, Ю. Г. Оксмана, Е. И. Покусаева в стенах Саратовского университета сложился большой и сильный коллектив литературоведов, не уступающий по своим научным возможностям столичным исследовательским центрам»¹. Выделенный здесь по именам «триумvirат» не случаен. Родоначальник школы А. П. Скафтымов – и, с разной жизненной судьбой, его соратники, прямые преемники. Ю. Г. Оксман писал по поводу первого сборника статей А. П. Скафтымова (1958): «Велики заслуги А. П. Скафтымова и как многолетнего руководителя кафедры русской литературы Саратовского

университета, выдающегося лектора и педагога, воспитателя нескольких поколений преподавателей высшей и средней школы, многие из которых и сами уже пользуются заслуженной известностью»².

Е. И. Покусаев в связи с изданием упомянутой книги также отмечал: «А. П. Скафтымов сказал свое веское слово о великой русской литературе, слово ученого-патриота, гордящегося непревзойденными ее духовными ценностями, высокой художественной культурой русского народа»³. Кончина А. П. Скафтымова в январе 1968 г. была для него особенно тяжела. «Огромная, невосполнимая потеря, – писал он в мой адрес 2 февраля 1968 г. – Я потерял и друга, которому мог сказать все».

Благодаря Евгению Ивановичу (в дальнейшем – Е. И.) вышел посмертный сборник избранных трудов А. П. Скафтымова. В письме после пребывания в Доме творчества в Малеевке (январь 1969 г.) Е. И. с огорчением сообщил: «Очень трудно стало пробивать статьи и книжки в печать. Малеевские небожители много наговорили на этот счет, да и свой опыт еще красноречивее свидетельствует об этом же».

Сборники статей А. П. Скафтымова претерпевают ту же «участь». «Сов<етский> писатель» отказался издавать под благовидным предлогом издательских перегрузок. «Сов<етское> искусство» молчит (там драматургические работы А. П.), «Наука» не берет. Уговорил Г. А. Соловьева, и в план изд<ани>я Гослита обещают включить сб<орник> статей о Достоевском, Толстом, Чехове. Условно назвал его так: «О нравственных исканиях русских писателей».

Издание осуществилось в 1972 г. и было с одобрением встречено критикой – статьи П. А. Супоницкой в «Волге» (1973, № 9), И. Роднянской в «Новом мире» (1974, № 2).

Е. И. Покусаев унаследовал от А. П. Скафтымова широту своего литературоведческого кругозора. Основные его работы посвящены «шестидесятникам» XIX в., Н. Г. Чернышевскому, М. Е. Салтыкову-Щедрину.

Первая статья, часть кандидатской диссертации, защищенной в 1939 г., с дарственной надписью А. П. Скафтымову: «Дорогому учителю», называлась «"Губернские очерки" Салтыкова-Щедрина и обличительная беллетристика 50-х гг. в оценке Чернышевского и Добролюбова». В 1958 г. в Саратове под общей редакцией Е. И. Покусаева, уже доктора наук, при участии А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана выходит объемистый сборник «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» – целое событие в науке о Чернышевском, революционно-демократической мысли в России, свидетельство достижений саратовской школы, связанных с ней ученых. В рецензиях на коллективный труд отмечалось, что участники сборника «рагуют за объективность анализа и убедительно критикуют некоторые односторонние взгляды и субъективные концепции. Особенно решительно авторы сборника выступают против прямолинейности и упрощенчества в реше-

нии историко-литературных и эстетических проблем»⁴, что в материалах сборника «решается целый ряд новых и важных проблем, связанных и с изучением личности Чернышевского, и с изучением истории русской литературы и общественно-политической мысли XIX века вообще»⁵.

Под редакцией Е. И. Покусаева вышло восемь выпусков «Статей, исследований и материалов». Последний из них – в 1978 г. Все они получили в научных кругах авторитетную поддержку⁶. Состав авторов обновлялся молодыми исследователями саратовской школы. Главный редактор не пренебрегал соучастием и «киноземцев». Приглашение в одном из писем 1963 г.: «Сообщение «Чернышевский – биограф Добролюбова», разумеется, подойдет вполне для нашей конференции о шестидесятниках. И для IV т. «Чернышевский» пригодится. Этот последний мало-помалу собирается».

В 1965 г. кафедра русской литературы Горьковского университета в унисон саратовским сборникам выпустила свой – «Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы». Любопытен быстрый отклик Е. И.: «Я не успел с ним «ознакомиться», как привык, близко, с карандашом в руках – да и не успею теперь: изнурен концом хлопотливого учебного года и заботами литературно-издательскими, которым нет конца – осенью прочту внимательно, успел перелистать, нюхнуть его исследовательские запахи и первое впечатление – отличная, содержательная книга с серьезными авторами и серьезной проблематикой. Правда, остается невыясненным в общем-то грустный вопрос – а м<ожет> б<ыть>, и не поставленным – отчего это у нас Добролюбов – да один ли Добролюбов – а Чернышевский, а Щедрин – не читается в широкой аудитории, среди молодых читателей не пользуется такой популярностью, какой пользовался прежде? А ведь по существу и сегодня современнейший из литературных критиков наших, как можно было бы назвать современнейшим из наших сегодняшних сатириков – Щедрин, в чем дело?»

Что касается Щедрина, то, видимо, где-то впереди будет предложено современное его прочтение, которое поднимет новую волну интереса к нему. Не знаю, когда это произойдет и кто так прочтет сатирика – но по-

требность в этом назревает, это несомненно». Это пророчество касалось и собственных работ Е. И., где особенно выделяются многократно изданные его книги о Чернышевском и Салтыкове-Щедрине⁷.

Е. И. Покусаев, однако, не замыкался в изучении литературы революционно-демократической ориентации. Его как литературоведа, преемника школы А. П. Скафтымова интересовали многие историко-литературные, теоретические проблемы. «Может быть, у Вас найдутся подходящие материалы-заготовки, особенно теоретического, методологического характера», – просьба в письме накануне выхода 7 сборника о Чернышевском.

В другом письме: «Горьковские издания по Л. Толстому получили вполне заслуженную известность. И Ваша заявка на большое исследование – проблема изображения народа и развитие реализма (наметки докторской диссертации. – Г. К.) – намечает свежие аспекты и линии разработки серьезной темы. По-видимому, Вы займетесь более основательным разбором разных художественных концепций, порой полемичных, хотели того или не хотели писатели, – каратаевщина, глуповцы, народ-богоносец и т.п. В связи с Салтыковым <...> я затронул эту сторону дела и заметил тут много обещающего, интересного».

Разумеется, свои убеждения Е. И. излагал не только в письменной форме. Конференции, диссертационные диспуты, полемические статьи на страницах «Волги». Информация о дискуссии в Пушкинском Доме в Ленинграде (1967): «2/III состоялся диспут по монографии М. В. Теплинского об «Отечественных записках» (1868–1884). Выступали Г. А. Бялый, я и Г. М. Фридендер. Автор увенчан докторской степенью (15 – за, 3 – против). Неофициальным оппонентом был Н. И. Пруцков, который не столько соискателя корил, сколько поучал (в первую очередь меня), как нужно полемизировать (за статейку в «Волге» он готов меня живым съесть!). Ну, да Бог не выдаст, свинья – не съест, как говорится в пословице. Впрочем, статейка моя доставляет хлопот, пишут о ней мне добрые слова (и Вам за них спасибо), а говорят разно, иные с неодобрением <...>

Я взял «на прицел» в смысле нового оппонентства Н. И. Соколовым («Русская литература» и народничество»), Б. Ф. Егоровым («Литературная критика 60-х годов»), В. Гурой («Русский роман») и просто не знаю, как мне быть – самому писать некогда, только читаю написанное другими и строчу отзывы. А на подходе – волжане и ВАК присылает».

Е. И. служит науке, но не только ради нее. Его книги выходили и в Гослите, и в издательстве «Просвещение». Характерно его суждение по поводу книги «Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников» (1971): «Она оставляет хорошее впечатление и подбором материалов, и высокой культурой научного их комментирования. Вполне представляю сложности составления этой мемуарной книги. Буквально шквалы симпатий и антипатий, любви и ненависти бушевали вокруг личности поэта. И современному читателю необходимо помочь во всем этом разобраться. Статья Ваша и пояснения отлично выполняют такую трудную задачу. Не говорю уж о том, как современна книга и какую огромную помощь она окажет популяризаторам творчества Некрасова в связи с юбилеем». Дело не в комплиментарном тоне письма, а в его педагогическом видении, в понимании возможного общественного резонанса книги, целой серии подобных изданий.

В заключение – примечание биографического и библиографического характера. Для биографической справки об Е. И. в Краткой литературной энциклопедии (Т. 5) понадобились необходимые сведения. На мой запрос Е. И. отвечал: «Посылаю старую анкету, в которой расписана служба, вполне апологетическую ректоратскую характеристику, в которой помимо доблестей, может быть, пригодятся кое-какие фактические сведения, наконец, список публикаций. В него не попали литературные грехи и забавы студенческой молодости. Пописывать в газеты я стал еще в Астрахани и в годы сельского учительства, а с 1931 года в Саратове уж отважно принялся за сочинение детских книжек и учебников (кто их тогда только не писал!). Понимаю, что и газетные публикации в нашей профессии отнюдь не баловство, а работа и трудная работа. Кое-что я оставил в списке. Но много юбилейных и иных ста-

тей-рецензий (газетных) в библиографию не включил». Не только оценка других, но и строгая самооценка.

Таковы некоторые штрихи к портрету виднейшего ученого нашей отечественной науки, авторитетнейшего педагога-филолога.

Примечания

¹ Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. М., 1959. № 6. С. 539.

² Там же. С. 537.

³ Покусаев Е. Труды ученого о русской литературе / Е. Покусаев // Рус. лит. Л., 1959. № 3. С. 224.

⁴ Николаев П. Новые работы о Чернышевском / П. Николаев // Лит. и жизнь. М., 1958. 22 окт. № 85. С. 3.

⁵ Пугачев В. Ценный сборник о Чернышевском / В. Пугачев // Рус. лит. Л., 1959. № 1. С. 234.

⁶ См. ст.: Борова С. Вклад в новейшую литературу о Чернышевском / С. Борова // Рус. лит. Л., 1963. № 2; Финкель М. Сборник исследований о Чернышевском / М. Финкель // Вопросы лит. М., 1966. № 6; Нольман Н. Чернышевский: проблемы и решения / Н. Нольман // Там же. 1969. № 6; Ямпольский И. Хорошая традиция / И. Ямпольский // Там же. 1972. № 10 и др.

⁷ См. ст. А. А. Демченко: 1) К истории советской науки о Чернышевском. Е. И. Покусаев / А. А. Демченко // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1983. Вып. 9; 2) К истории советской науки о Чернышевском. Н. М. Чернышевская / А. А. Демченко // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1987. Вып. 10.

УДК 808.2

РЕАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПУТИ ЕГО РАЗВИТИЯ

О. Б. Сиротинина

Саратовский государственный университет,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: Philology@sgu.ru

Возможны три пути развития русского литературного языка в будущем, однако лишь один из них представляется плодотворным. Успех зависит от понимания носителями языка, что только два типа речевой культуры соответствуют стандартам литературного языка: 1) полнофункциональная речевая культура, предполагающая правильное использование наибольшего количества языковых средств во всех функциональных стилях; 2) частично функциональная речевая культура, предполагающая правильное использование большинства языковых средств в двух или трёх функциональных стилях.

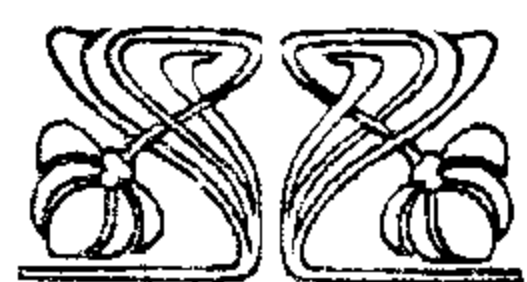
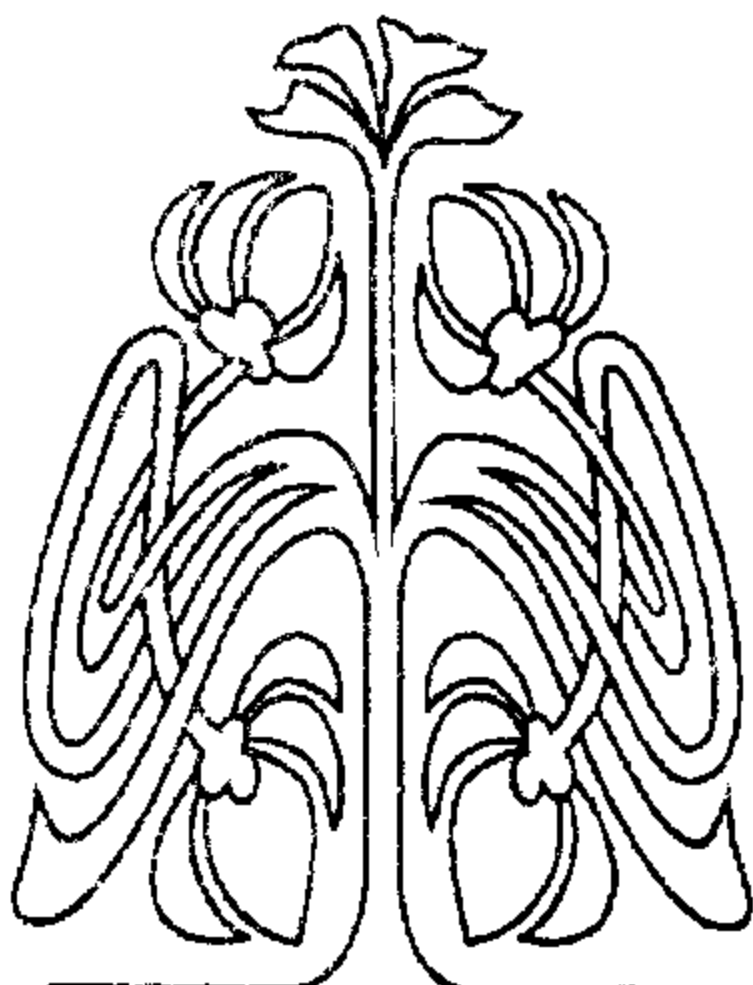
Actual functioning of the Russian language and the paths of its development

O.B. Sirotinina

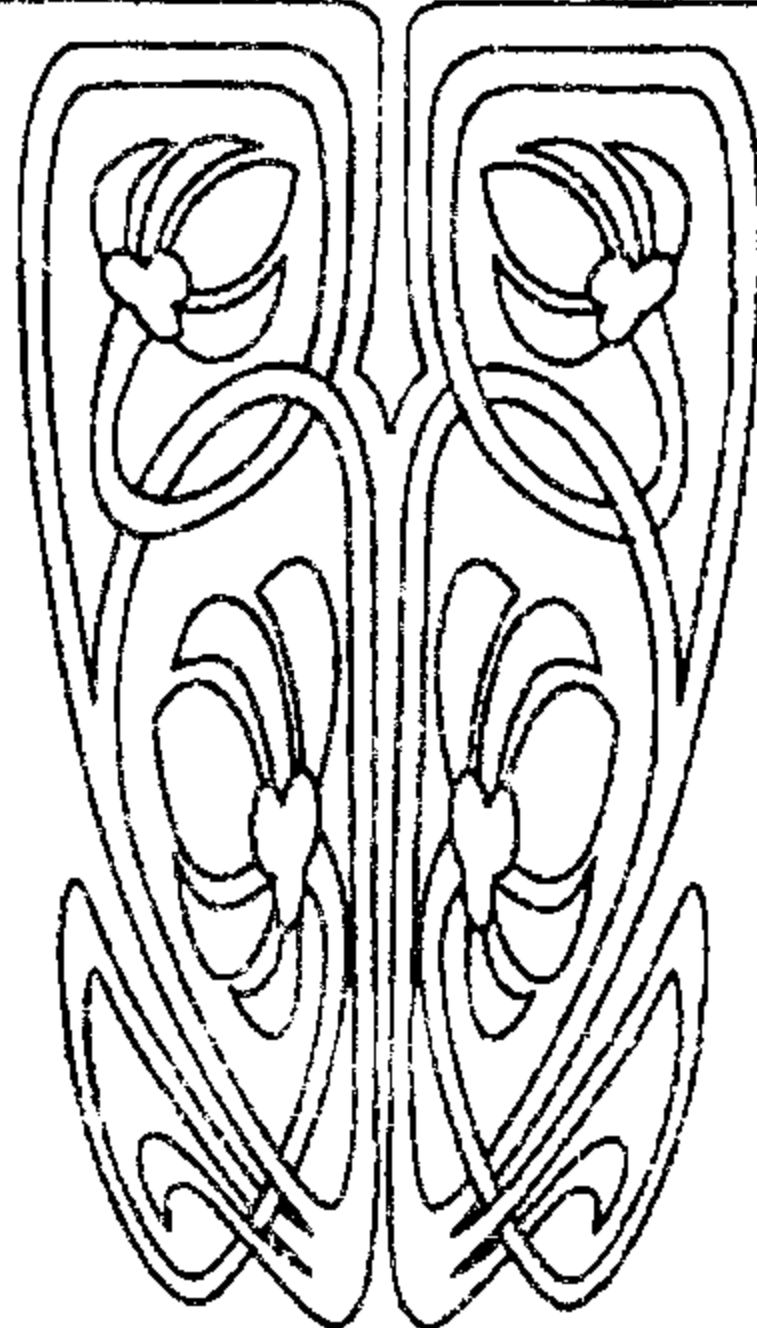
There can be three ways of the future development of the Russian literary language but only one seems fruitful. Its accomplishment depends on the native speakers' awareness that only two types of speech culture are of true standard nature. They are: 1) fully-functional speech culture presupposing the correct use of the highest possible number of language means in all registers, 2) partially-functional speech culture presupposing the correct use of most language means in two or three registers.

Как и любой другой язык, русский язык постепенно изменяется: появляются новые слова путем словообразования и заимствования, расширяется или сужается значение слов, меняется их стилистическая окраска и коннотации. Значительно реже и медленнее идут изменения в грамматической системе. Заметны изменения в функционально-стилевой дифференциации литературного языка (расширение сферы употребления разговорного стиля, снижение или рост вероятности употребления того или иного слова, той или иной конструкции в каких-то сферах общения), меняется значимость письменной и устной формы литературного языка, его соотношение с другими компонентами национального языка. В частности, в советский период явно росла роль письменной формы, а с конца XX века – устной формы речи и сленга, который начал внедряться в литературную речь.

В XXI веке развитие литературного языка может пойти по пути все большего включения в него иноязычных и нелитературных элементов из просторечия, диалектов, жаргонов (продолжение тенденций конца XX века), и тем самым утраты своей национальной самобытности и своей богатейшей синонимической системы. Этот путь ведет к обеднению коммуникативных возможностей языка, что очень отчетливо видно из исследования Р. И. Розиной семантического развития слов в литературном языке и сленге на примере глагола¹. Р. И. Розина убедительно доказала, что, в отличие от литературного языка с его богатыми семантическими парадигмами, в сленге активно развиваются лишь значения, обозначающие, но не разрабатывающие какие-то фрагменты действительности (в основном вредящего воздействия на человека выпивки и физиологии), понижение социального статуса человека, различные типы обмана и неудачи, тенденция не к разграничению, а к отождествлению синонимов².

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Второй возможный путь развития – осуществление имеющихся в обществе стремлений к пуризму, при котором отвергаются **любые** новации, **любые** заимствования под предлогом очищения от «всего чуждого». Этот путь маловероятен в силу «природной сопротивляемости» любого языка насилью над ним, но в случае осуществления такого пути это также привело бы к обеднению коммуникативных возможностей, т.е. к обеднению языка. Вряд ли современный литературный язык сможет обойтись без новых для него, но ставших уже привычными заимствованных *менеджер, квота*, сленговых *беспредель, крутой, прикольный* и т.д., чего нельзя сказать о модных *креативный, тинейджер, тусовка*.

Целесообразные заимствования из других языков обогащают коммуникативные возможности заимствующего языка, без многих современных англицизмов вряд ли можно обойтись из-за более разработанных иноязычными номинациями участников, фактов, явлений действительности (*риэлтор, брокер, дилер* и т.д.), из-за появления в лексико-семантической системе русского языка возможности более точного выбора синонима (семантически разграниченные *маркетинг* и *продажа*, *консенсус* и *согласие* и т.д.).

Третий путь – результата осторожного отношения к первым двум со стороны всех, кто реально влияет на развитие языка (лингвистов, поддерживающих или расшатывающих нормы речи своей кодификацией, писателей и журналистов, воплощающих в жизнь или активно нарушающих эти нормы; всех говорящих и пишущих на русском языке). Третий путь – самый трудный, но и самый плодотворный, если при этом языку ничего не будет навязываться во имя самых благих намерений, но и не будут поощряться попытки пойти по первому или второму пути.

Язык – саморегулирующаяся система, но литературный язык развивается и функционирует не стихийно. Большую роль в выборе пути его развития играет активная или пассивная роль элит общества, писателей, журналистов, учителей и властных структур. В современном мире огромную роль играют журналисты и СМИ в целом, включая не-журналистские фрагменты³.

К сожалению, далеко не всегда те, на кого ориентируются в своей речи члены русского общества, в достаточной мере осознают свою ответственность за то, каким путем пойдет развитие литературного русского языка. Лингвисты нередко кодифицируют в нормативных словарях как допустимые или профессиональные явные нарушения литературных норм (*договор, осужден*), писатели и журналисты широко используют не в речи персонажей нелитературные слова и формы слов (*намедни, надьсь, шибко, дадено, чтёт*), не стесняются неумения склонять сложные числительные и незнания акцентологических норм. Характерное, хотя абсолютно неправомерное самооправдание журналистов – «мы зеркало, так говорит народ». Во-первых, очень часто это кривое зеркало; во-вторых, писатели и журналисты должны быть не зеркалом, а маяком.

В современном российском обществе сосуществуют и довольно четко выделяются разные типы речевой культуры, т.е. типы отношения человека к языку, знаниям функционально-стилевой дифференциации литературного языка, к необходимости соблюдения его норм: полнофункциональный (максимально полное владение возможностями языка и целесообразное их использование), неполнофункциональный, среднелитературный, обиходный, литературно-жаргонизирующий среди носителей литературного языка и просторечный, арготический и народноречевой среди носителей других социальных компонентов русского языка⁴.

Осуществление будущего пути развития литературного русского языка зависит от того, какой тип речевой культуры его носителей возобладает в обществе или хотя бы станет в их сознании эталонным. Третий тип развития обеспечивает возобладание или хотя бы осознаваемую обществом эталонность полнофункционального (и неполнофункционального) типа речевой культуры. Среднелитературный тип речевой культуры способствует как первому, так и второму, но никак не третьему пути, литературно-жаргонизирующий и обиходный – первому.

Для того чтобы эталонным в сознании масс не стал литературно-жаргонизирующий тип (тенденции к этому наблюдались в конце XX века), необходима планомерная, но осто-

рожная (по принципу «не навреди»), борьба за правильность и чистоту русской речи в средствах массовой информации, принятие закона о русском языке, защищающего русский язык от засилия русского мата, подмены литературного языка в СМИ и художественной литературе жаргоном или просторечием, нацеливающего элиты общества (прежде всего журналистов, писателей, политиков, государственных деятелей и учителей) на стремление к полнофункциональному типу речевой культуры.

Надежду на осуществление третьего пути дает тот факт, что современные СМИ постепенно начали отходить от засилия в них проявлений литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры: стало меньше неуместных просторечных, жаргонных и даже диалектных словечек. Однако и в СМИ XXI века встречаются ненужные иноязычные заимствования, например, явно не обогащающая коммуникативные возможности русского языка фактическая замена в СМИ русского слова *подросток* с его прекрасным деривационным потенциалом (подростковый возраст, подростковая одежда и т.д.) и хорошо осознаваемой внутренней формой заимствованным из английского языка словом *тинейджер*, бранная лексика (иногда даже мат, нередко его заменители). Так, экспрессема *блин* стала уже едва ли не литературной, если судить по частоте ее употребления и в газетах, и в электронных СМИ. И в печатных СМИ и на радио, телевидении все еще не только обсуждается допустимость или недопустимость мата (нередки попытки оправдать недопустимое речевое поведение Ф. Киркорова, осужденное судом), но и отстаивается необходимость мата, доказывается, что его виртуозное применение обогащает русскую речь.

Наблюдается и очень тревожная тенденция проявлений в СМИ среднелитературного типа речевой культуры – «самоуверенной неграмотности» в использовании слов в неправильном значении или без учета их коннотаций. Это случается и при употреблении иноязычных слов (*артефакт* в значении «ошибка природы», «нечто непознанное, загадочное», *лагуна* в значении «лакуна» и т.д.), так и русских слов: *нелицеприятный* в значении «неприятный» и поэтому нередко

в сочетании со словами *факты*, *вид* антонимом *лицеприятные факты*, неумелое употребление паронимов (*патронат* и *патронаж*, *представить* и *предоставить*, *фактор* и *факт*), путаются даже не паронимы *раут* и *ритуал* – в Рос. газ. (РГ) 11.10.03: собака совершает «*весь светский собачий раут – после дефиле изящно подала лапу, принесла в зубах тапочки*». Из-за неучета положительной коннотации у глагола *изумляться*, существительного *изумление*. «*Москвичи изумляются теракту на дубровке*». Подобная же «глухота» наблюдается в сочетании *обожает свою профессию*. Тревожат неправомерные формы (*такком, препонов, по прилету*), неумение склонять сложные числительные и образовывать от них порядковые числительные, широкое распространение получило наречие *по новой*, причем все это встречается не только в устной речи радио и телевидения, но и печатных СМИ. (...*Овдовев, сходятся по новой* – РГ-Неделя 07.2004; *Теперь все по новой* – РГ 21.06.03; *Но сдавать ЕГЭ придется по новой* – Моск. комсомолец 5.06.03; *Позиция России теперь будет прояснена по новой* – Изв. 7.06.03; *Новая структура будет по новой притираться, по новой разрабатывать* – Радио России 16.09.04). По этой же модели образовано наречие *по полной* (из выражения *по полной программе*): *Надо спрашивать по полной* – Изв. 26.02.04, но, видимо, более правомерно (как более краткий вариант).

Если сравнительно недавно (в середине XX века) широкое распространение модели *по + дательный падеж* (*по-новому, по-хорошему, по-доброму*) синонимически расширило коммуникативные возможности русского языка (*по-новому* это не *снова*, т.е. «опять, повторно», а «иначе, чем раньше»), то *по новой* тождественно «снова, опять, повторно», т.е. не вносит в значение ничего нового.

Таким образом, возможность третьего пути развития русского языка существует, но ее реализация зависит от серьезных усилий не только лингвистов, но и, прежде всего, поворота в отношении СМИ к культуре речи. А для этого нужен поворот к культуре речи всего российского общества.

Примечания

¹ Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и сленге. Глагол: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / Р. И. Розина. М., 2004.

² Там же. С. 23.

³ См.: Сиротинина О. Б. Пути развития литературного русского языка в их соотношении с типами речевой культуры / О. Б. Сиротинина // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы III междунар. конгресса исследователей рус. яз. М., 2004; Она же.

Хорошая речь: савити в представлении о ее эталоне / О. Б. Сиротинина // Русский язык сегодня. М., 2003. № 2.

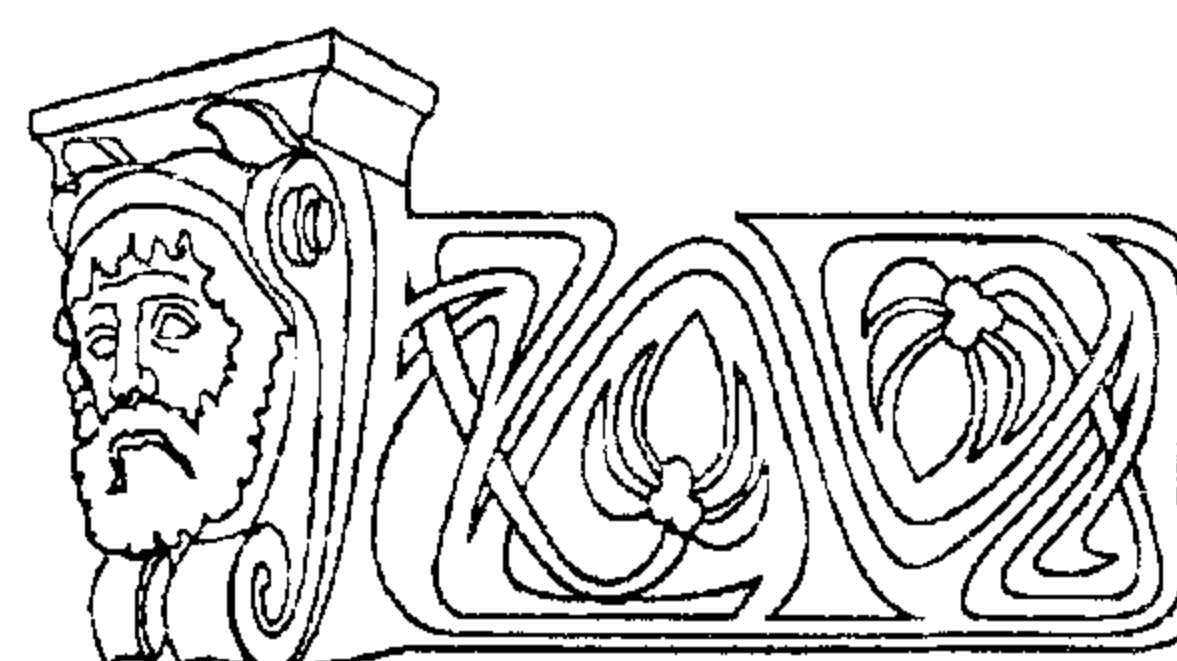
⁴ См.: Сиротинина О. Б. Хорошая речь: савити в представлении о ее эталоне / О. Б. Сиротинина // Русский язык сегодня. М., 2003. № 2; Гольдин В. Е. Русский язык и культура речи / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина, М. А. Ягубова. М., 2003; Сиротинина О. Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып. 2.

УДК 808.2-085

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ

М. А. Кормилицына

Саратовский государственный университет,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: margarita@info.sgu.ru

В статье рассматриваются синтаксические и текстовые инновации в языке современной прессы. Отмечается, что в результате смены коммуникативной парадигмы русского речевого общения, приведшей к стиранию границ между официальным и неофициальным, устным и письменным общением, в прессе активизировались все конструкции разговорного синтаксиса, а также способы и приемы экономии речевых средств, характерные для неофициальной сферы общения, увеличилась доля «чужого слова», контактоустанавливающих средств, возникли новые жанры (слухи, молва).

Analyses innovative processes on syntactical and text level in modern press

М. А. Kormilicina

The article analyses innovative processes on syntactical and text level in modern press. The strategy of being close to the addressee leads to the blending of formal and informal styles, written and spoken means of communication, and makes the text more colloquial in style. It manifests itself in essentially monologue texts acquiring dialogue qualities, in the use of numerous colloquial economical means of conveying information, in active use of various phatic means of communication, in the increasing presence of the «voice of another», and in the appearance of informal speech genres (rumours, hearsay, etc.) in the press.

Общественно-политические изменения, которые произошли в России в конце XX века, не могли не коснуться такого существенного для жизни общества аспекта, как речевое взаимодействие людей. Говорят даже об изменении коммуникативной парадигмы речевого общения. «На смену монологической коммуникативной парадигме тоталитарного общества («один говорит, все слушают и выполняют») пришла диалогическая

парадигма плюралистического общества»¹. Этот процесс не мог не отразиться на языке СМИ, в том числе и современной прессы, и обусловил коммуникативную свободу журналистов, которая проявляется в обилии инноваций, предпочтении нестандартных форм выражения мысли, в расширении нормативных границ языка, а иногда и сознательном нарушении языковых норм.

Исследователями публицистики, в том числе и языка прессы, достаточно полно исследованы разнообразные лексические инновации, приводящие к изменениям в лексических значениях². Менее изучены грамматические инновации (да их и значительно меньше), в которых говорящим (автором) преодолевается грамматический стандарт, что обогащает высказывания стилистическими и семантическими эффектами разного рода. «Результатом этих «операций» становится языковая игра, языковая рефлексия, языковой эксперимент и языковая метафора»³.

Объектом нашего внимания являются синтаксические и текстовые инновации, к которым мы относим:

- активизацию всех конструкций разговорного синтаксиса, а также способов и приемов экономии речевых средств, характерных для неофициальной, разговорно-бытовой сферы общения,

- необычную с точки зрения законов языка сочетаемость слов,
- диалогизацию монологического текста,
- увеличение за счет диалогизации доли вопросительных предложений, выполняющих важные коммуникативно-прагматические функции,
- широкое использование для усиления экспрессивности текста парцеллированных конструкций,
- активное употребление контактоустанавливающих средств как результат реализации стратегии близости к адресату,
- увеличение доли «чужого слова» и разнообразие приемов его введения,
- игру с прецедентными высказываниями и текстами,
- метафоризацию как принцип построения целого текста,
- усиление за счет двух вышеназванных процессов интертекстуальности публикаций,
- возникновение новых жанров (слухи, молва) и значительные изменения ранее существовавших жанров.

Следует отметить, что число инноваций возрастает в тех газетных жанрах, суть которых заключается в оценке общественных процессов, в открытом выражении авторских позиций. Это аналитические статьи, интервью, политические портреты, часто организуемые в прессе круглые столы, клубы и др. Основная коммуникативная цель их авторов – представить массовому читателю своё видение и оценку проблемы и при этом убедить в справедливости авторского мнения, максимально воздействуя на интеллект и эмоции адресата. Инновации поэтому особенно активно используются в тех фрагментах текста, где актуализируется, «материализуется» фигура говорящего (автора).

Одним из важнейших факторов, обусловивших активность многих синтаксических и текстовых инноваций, является новая генеральная стратегия СМИ – стратегия близости к адресату, которая способствует размыванию границ между неофициальным, межличностным и официальным, публичным, между устным и письменным общением. «Читатель стал ближе, СМИ подошли к читателю на более близкое расстояние в том смысле, в каком в бытовой повседневности

мы ближе к собеседнику, чем в официальной обстановке, где мы отделены в общении друг от друга нейтральным расстоянием»⁴.

Язык современной прессы в целом становится более разговорным. Он приобретает значительное число устных черт, использует приемы, характерные преимущественно для разговорной речи. Но письменный текст в газете тщательно продумывается автором, он не может быть спонтанным, персонально адресованным, как разговорная речь. Поэтому разговорность в прессе – это риторическая категория, которая помогает журналисту максимально эффективно реализовать стратегию близости и тем самым успешнее воздействовать на читателя. С ее помощью создается впечатление живого устного межличностного общения, имеющего место в обиходной сфере коммуникации⁵. Пользоваться средствами выражения этой категории следует весьма осторожно, соблюдая меру, так как перенасыщение текста чисто разговорными построениями может привести к обратному эффекту: читать и понимать такой текст становится трудно.

В монологических текстах аналитических статей применяются те приемы текстообразования, которые характерны для разговорной диалогической речи. Многие тексты аналитических публикаций в современной прессе (именно они послужили материалом для наших наблюдений) строятся как доверительный разговор с читателем со всеми присущими диалогу конструктивными особенностями, способствуя интимизации публичного общения. Диалогизация становится особым стилистическим приемом построения публицистического текста, реализуя «презумпцию коммуникативного равенства адресанта и адресата»⁶.

Впечатление живой непосредственной беседы, совместного обсуждения важных проблем создается выбранным авторами типом общения. Это, как правило, *мы-общение*, при котором адресат представляется единомышленником автора, разделяющим его позиции, вместе с ним полемизирующим с воображаемыми или реальными оппонентами: *Мы живем в созданной нами виртуальной экономике; Мы бы сумели резко сократить налоговое обложение труда...; От передовых стран мы отставали не только по про-*

изводительности, но в еще большей степени по доле зарплаты в «цене» производительности (Лит. газ. (ЛГ) 2004. № 34); *Все мы помним ленинское «мы пойдем другим путем» – Александр Ульянов ошибся, избрав индивидуальный террор* (Рос. газ. (РГ) от 27.04.2004).

При этом активно используются основные единицы диалогической речи – вопросно-ответные единства, многочисленные вопросы, обращенные автором и к читателю-«соумышленнику», и к воображаемому оппоненту, и к самому себе, а также риторические вопросы. Все эти средства автор отбирает сознательно для усиления экспрессивности текста, его выразительности, тем самым обеспечивая эффективность воздействия на читателя.

Чаще всего в вопросно-ответных единствах авторский вопрос выполняет эмоционально-оценочную функцию, передает отношение (как правило, негативное) к тем или иным общественно-политическим событиям: *У нас есть сегодня даровитые деятели крупного калибра в рядах правых? А левых? А среди губернаторов? А среди промышленников и предпринимателей? Вот такое у нас положение на кадровом фронте* (ЛГ 2001. №6); *Но разве кто-то возмущился? Разве кто-то удивился? Разве кто-то сказал: «Да гнать надо поганой метлой такого министра»? Нет. Посмотрели на него, как дети, разинув рты...* (Моск. комсомолец (МК) от 08.05.2004).

Кроме вопроса-оценки, начинать диалогическое единство могут вопросы-размышления, как будто обращенные автором к самому себе, а на самом деле направленные на активизацию аналитической деятельности читателя. Автор фактически предлагает адресату поразмышлять вместе с ним над обсуждаемой проблемой: *Чем в трудное для народа время озабочена власть? Бесконечными реформами; Какими делами заслужили они высокие посты?* (ЛГ 2004. № 334); *Допустим, что напишут про суды. Сделают закон юридически чистым. Проголосуют. Но вот как будет работать?* (Изв. от 09.09.2004).

Часто вопросно-ответные единства в публицистическом тексте трансформируются автором – употребляются в редуцированном виде: отсутствует инициальная реплика, да-

ется только реакция автора, и начинается она простейшей конструкцией согласия/несогласия «Да», «Нет». Такие вопросно-ответные единства встречаются в полемических фрагментах текста. Это конструкции скрытой полемики. Слова другой стороны не воспроизводятся, они только подразумеваются: *Да, мы к демократии не готовы* (МК от 06.09.2004); *Нет, другого пути у страны не было* (ЛГ 2001. № 41). Эти конструкции могут использоваться для выражения возражения под видом согласия, смягчающего категоричность оценок журналиста: *Да, у нас гремят взрывы, и терроризм ставит свои черные рекорды. Но, согласитесь, только массированным финансированием эти проблемы не решить. Надо менять своё отношение к национальной безопасности* (Изв. 2004. № 196).

Особую роль в реализации стратегии близости к адресату играют многочисленные риторические вопросы. Они, с одной стороны, используются автором для придания своим аргументам большей убеждающей силы, для более эффективного воздействия на читателя, с другой – вовлекают читателя в обсуждение проблемы, заставляя и его задуматься, а чаще возмутиться положением дел в стране вместе с автором, помогают убедить читателя в нелепости некоторых положений, предлагаемых оппонентами автора: *Он что, царь, чтоб устраивать свадьбу в государственном заповеднике?* (МК от 08.05.2004); *Да как мы можем «безнадежно отстать», если у нас кадры, которые нарасхват в ведущих западных лабораториях?* (ЛГ 2001. № 39). Как видно из примеров, риторические вопросы – это фактически авторские оценки, которые чаще всего встречаются после передачи чужой сомнительной информации или чужого мнения, а также после какого-то суждения, опровергаемого или поддерживаемого автором.

Все описанные нами вопросительные конструкции обычно встречаются в текстах, отличающихся напряженной экспрессивно-эмоциональной тональностью. Они помещаются автором в те фрагменты, которые содержат наиболее важную информацию, что подчеркивает риторичность этого приема. Основная их функция не просто запрос информации со стороны автора, а побуждение

адресата к активной реакции на эту информацию. В целом возросшее в публикациях число вопросительных предложений, не только входящих в диалогические единства, но и занимающих самостоятельную позицию и выполняющих самые разные прагматические функции в тексте, можно считать синтаксической инновацией.

Диалогичность (скорее даже полилогичность) проявляется и в часто организуемой в прессе в рамках монологического текста полемике, когда автор сопоставляет несколько различных точек зрения на обсуждаемую проблему, используя самые разные способы введения в текст «чужих» слов⁷: *После бесланской катастрофы... в эфирных и газетных спорах было много сказано о том, кто виноват, что нам теперь делать, и даже про то, что делать с теми, кто виноват. В основном упрекали власть в слабости... Речь вели больше о практических вопросах: усилить, уговорить, ужесточить, уплатить, уничтожить. Если же речь заходила о духовном аспекте, то почти все говорили одно и то же: народ должен* (ЛГ 2004. № 37).

Вообще можно сказать, что чужая речь в монологическом тексте – это одна из разновидностей «совместного речепроизводства»⁸. Характерно, что журналисты активно пользуются многими приемами введения чужой речи, свойственными неофициальной устной спонтанной коммуникации, разговорному общению. Это, к примеру, так называемая «смешанная» форма, при которой используются конструкции косвенной речи при сохранении модально-временного плана чужого высказывания; редуцированные до одного конкретного имени источника информации авторизующие конструкции; частицы-показатели чужой речи «мол», «де», «дескать»: *По Немцову, олигархи и сами ждут не дождутся такого предложения* (ЛГ 2000. № 17); *Вы замечали, как по поводу чужих праздников наше телевидение обычно захлебывается от щенячьего восторга? Ах, день благодарения, ах, хэллоуин, ах, двухсотпятнадцатая годовщина Великой французской революции!* (ЛГ 2004. № 37); *Надо развеять стародавний стереотип, что мы, дескать, плохо живем потому, что плохо работаем* (ЛГ 2004. № 34).

Одной из разновидностей чужой речи являются прецедентные высказывания. Следует отметить, что на сам отбор таких феноменов оказывает влияние риторическая категория разговорности. В текстах современной прессы все чаще появляются широко употребительные в неофициальном межличностном общении так называемые «квазипрецедентные» феномены, представляющие собой слова или строчки из высказываний популярных политических деятелей, известных песен, кинофильмов, анекдотов, расхожих пословиц и поговорок, рекламы. Они известны и понятны, как правило, любому читателю, создают иллюзию близости позиций автора и читателя, подчеркивают, что автор входит «в общий круг» с читателем: *Мы всегда опаздывали в проявлении своих чувств. Или были задним умом крепки* (ЛГ 2005. № 9); *Причем конфронтация не на привычном уровне политболтунов, пиар-кампаний и прочих игр «милые бранятся – только тешатся»* (РГ 2004. № 265); *Это деятель более крутой... Короче, как поется в песенке, «настоящий мужчина, настоящий полковник»* (ЛГ 2000. №32/33).

Прием диалогизации монологического текста предопределил использование в публикациях многочисленных и довольно разнообразных контактоустанавливающих средств. Среди них самыми частотными являются специальные средства прямого установления с читателем обратной связи путем апелляции к его интеллекту, эмоциям. Вот примеры таких контактоустанавливающих конструкций только из одной аналитической статьи Ю. Полякова «Государственная недостаточность» в «Литературной газете»: *Давайте вспомним, что нам показывало телевидение в промежутках между жуткими сообщениями о «бесланскости» и его последствиях!; Согласитесь, странное стремление...; Понимаете: нас учат смотреть на свое как на чужое!; Обратите внимание: большинство руководителей каналов и телеобозревателей – это выдвигенцы конца 80-х и начала 90-х; Вы замечали, как по поводу чужих праздников наше телевидение обычно захлебывается от щенячьего восторга?* (ЛГ 2004. № 37).

Средствами внутренней диалогизации текста являются частотные в современной прессе вводные конструкции со значением

категорической или проблематичной достоверности. С помощью этих средств автор устанавливает контакт с адресатом, сигнализируя ему, что он берет на себя ответственность за достоверность информации, за ее соответствие действительности (категорическая достоверность) или снимает с себя эту ответственность в случае передачи непроверенной информации (проблематичная достоверность), оправдываясь за включение в текст нефактической, недостаточно проверенной или недостаточно точно передаваемой информации⁹. Широкое включение в публицистический текст вводных конструкций стало возможным в связи с отмечаемым всеми исследователями современного состояния русской речи процессом усиления в прессе личностного начала: *Может, это начинающий судья и ему надо помочь. А может – безответственный, слабо подготовленный...* (РГ 2004. № 282); *Здесь у янки, конечно, накопилась куча вопросов к Путину; Возможно, в Москве президентская любовь определяет все или почти все* (МК от 23.02.2005).

Еще одним инновационным процессом, развивающимся под влиянием разговорной сферы общения, размывающим границы между официальным и неофициальным общением, является использование журналистами многочисленных и разнообразных приемов синтаксической компрессии, характерных и первичных именно для этих типов общения. Благодаря тому, что стяженные (конденсированные) конструкции – «это средства, обладающие возможностями экспрессивного и наглядного воздействия и в то же время лаконичные и экономные»¹⁰, они так употребительны в современной прессе. Такие конструкции позволяют устранять коммуникативно избыточные компоненты при полном сохранении семантико-синтаксического значения единицы.

Примером конденсированных конструкций могут, например, служить конструкции, представляющие собой стяжение предикативной единицы в атрибутивное словосочетание. Эти экономные конструкции к тому же создают непривычные, экспрессивные, часто метафорические высказывания, усиливающие воздействие на читателя: *Я думаю, что в сегодняшнее пасмурное, холодное, чер-*

ствое время наиболее глубоко чувствуется, как недостает этой сокровенности... (ЛГ 2003. № 39); *Нет более терпимого, более всепрощающего народа, чем русский, чем те, кого наши либералы называют... «неадаптированной массой»* (ЛГ 2004. № 6). Приведем еще несколько примеров подобных экономических конструкций: *властная поддержка криминальных структур; непредвзятые граждане; ключевые игроки в «распродажу империи»; бессовестное рассовывание по карманам лакомых кусочков государственного пирога; за счет русских денег; энергичные элитные люди, прорабо-перестроечная общественность, затравленное недоумение, линчующее негодование, перестроечное общество* и др. (ЛГ 2004. № 6).

В современной прессе появляются новые жанры, которые всегда считались жанрами неофициальной речи и не допускались в газетные тексты. Речь идет прежде всего о жанре «слухи». В целом ряде газет появились регулярные рубрики «Слухи, сенсации», и даже в таких серьезных изданиях, как «Известия», «Российская газета», «Литературная газета» время от времени появляются подобные публикации. Может быть, именно поэтому степень доверия к публикуемым слухам увеличилась. Когда в руки журналиста попадает интересная, порой сенсационная, но непроверенная информация, которую очень хочется опубликовать, он оформляет ее как жанр слухов. Газеты приняли на себя функцию продуцирования слухов, превратились фактически в орган, фабрикующий определенные слухи, распространяющий и культивирующий их. «Характер вида массовой коммуникации приобрели «закулисные» разговоры, распространяющие правдивые и злостные слухи и сплетни, отнюдь не только в шутку их принимают за законный вид массовой коммуникации, даже за один из самых оперативных и действенных каналов массового распространения информации»¹¹. Номинации *слухи, сплетни, молва*, модное словечко *слухмейкеры* помещаются в субъектную позицию авторизирующих конструкций, предназначенную для точного указания на источник информации. В «Московском комсомольце» в рубрике «Рейтинг слухов» вся информация предваряется авторизирующими конструкциями типа: *Слухмейкеры утвер-*

ждает...; Такая сумма, как судачат слухмейкеры, потребуется для того, чтобы...; Другие слухи гласят... (МК 2002. № 28). И в популярной газете «Аргументы и факты» открыли подобную рубрику. Все сообщения здесь строятся по единой схеме: запрос информации – ответ-комментарий. В качестве авторизирующей используется стереотипная конструкция неопределенно-личного односоставного предложения *говорят*, типичная в бытовой речи конструкция, используемая для передачи всяческих сплетен: *Говорят, что на черном рынке за тысячу долларов продается полная информация об операциях всех российских банков за прошлый год, судя по всему, похищенная из Центробанка. Комментарий «АиФ»: Банк России информацию не подтверждает, но и не опровергает...* (АиФ 2005. № 14).

Не всегда читателю так открыто дают понять, что передаваемая информация является недостоверной, непроверенной. Чаще в газете слухи подаются в косвенной форме. Для этого используются авторизирующие конструкции, которые должны создать эффект фактологичности, документализма и, в конечном счете, убедить читателя в достоверности передаваемых сведений. В то же время, как это ни парадоксально, авторизирующие конструкции в прессе становятся одним из активных средств дезавторизации сообщения. Хотя они предназначены для информирования читателя об источнике и способе получения информации (адресат в случае недоверия к сообщению мог бы его проверить), журналисты используют их для того, чтобы фактически не называть точно автора чужой информации или оценки и в то же время сохранить видимость максимальной достоверности информации.

Эффект дезавторизации достигается путем использования двусоставной предикативной единицы (как самостоятельной, так и в составе сложноподчиненного предложения), в которой позицию субъекта занимают слова обобщенной или неопределенной семантики. Чаще всего это номинации некоей общности лиц, в которую входит и автор сообщения. Такой прием позволяет журналисту уйти от личной ответственности за достоверность непроверенной информации. «Коллективность» мнения приводит к «вытеснению

конкретной информации, царит неопределенность, явления мультиплицируются...»¹². Так характеризует Т. М. Николаева модель обывательской коммуникации. Но эта модель активно работает и в современной газете.

Вот, например, как «неопределенно-обобщенно» (как и положено в слухах) может быть выражен субъект авторизирующих конструкций: *Но многие люди, знающие Путина, уверены, что у него нет стремления бесконечно долго оставаться на капитанском мостике. Мол, заявления ВВП о его верности Конституции делаются вовсе не для красного словца; Некоторые эксперты считают, впрочем, что формальные преобразования политической системы мало влияют на суть российского режима. Мол, назови его хоть халифатом или конституционной монархией, править будут все равно те же люди, что и сейчас, – питерские* (МК от 15.03.2005). С помощью подобных номинаций автор сообщения, с одной стороны, уходит от ответственности за ее достоверность (попробуй ее проверить!), а с другой – подчеркивает, что все сказанное является неким обобщенным мнением. Акцентирует недостоверность информации словечко *мол*, типичное для слухов.

Используемые в субъектной позиции двусоставной структуры обобщенные номинации лица: *люди, компетентные источники, представители* и некоторые другие – выполняют ту же функцию дезавторизации: (чем эти номинации по точности отличаются от слухмейкеров?): *Но, судя по откликам верхушки «Единой России», с которой консультировался Президент «перед разглашением тайны», в нижней палате все пройдет гладко* (РГ 2004. № 41); *Люди судят о ней (коррупции) по тем редким случаям, когда чиновника средней руки удается взять с личным, пометив купюры, принесенные в конвертике* (Там же). Порой в субъектной позиции появляются яркие, экспрессивные номинации лиц, являющихся источником информации. Правда, эта выразительность ничуть не уменьшает неопределенность: *«Добрые молодцы» из числа либералов...пишут воззвания примерно такого содержания. Мол, хватит либералам брать пример с Нины Андреевой* (Изв. 2005. № 26). Усиливают неопределенность субъекта ме-

стоименные определители с той же семантикой: *Один политик заявил коммунистам после импичмента: «Ваше счастье, что вы недобрали нужное количество голосов»...* (ЛГ 2002. № 10); *Многие из ельцинского правительства говорили о своей стране с таким хладнокровием...* (ЛГ 2001. № 28). Эффект дезавторизации возникает в результате использования в субъектной позиции отрицательно-го местоимения *никто*. Эти конструкции ничего не говорят читателю об источнике передаваемой информации. С помощью приема гиперболизации создается «мультиплицированное пустое множество» субъектов (термин Т. М. Николаевой), которое обеспечивает впечатление всеобщности высказываемого мнения: *Тогда никто не сомневался: Степанайтес и Черняев – убийцы* (РГ 2004. № 26).

С этой же целью журналисты используют в качестве авторизирующих структуры односоставных неопределенно-личных предложений, в которых отсутствует позиция субъекта, что позволяет добиваться максимальной неопределенности источника информации. Часто такие конструкции встречаются в заголовках публикаций, выполняя функцию привлечения внимания читателей именно своей неопределенностью, недоговоренностью: *Гусинского, Невзлина и Гайдамака подозревают в отмывании денег; Прокурору Мособласти указали на неполное служебное соответствие* (Изв. 2005. № 38).

В авторизирующих конструкциях основной глагольный предикат может пассивизироваться. Возникает конструкция безличного односоставного предложения: *Мировой экономической наукой доказано, что эффективно частная собственность работает, только когда есть конкуренция* (МК от 26.11.2003). Дезавторизация усиливается в данном высказывании использованием в субъектной позиции метонимической номинации *мировая экономическая наука*. Эту же цель реализуют специальные конструкции-клише *есть мнение, речь идет и др.: Есть такое мнение в политической тусовке, будто Дмитрию Rogозину намекнули наверху: если хочешь набрать очки у трудящихся, предъяви ультиматум и объяви голодовку* (Изв. 2005. № 26).

В целом, наши наблюдения над некоторыми наиболее яркими синтаксическими и текстовыми инновациями в прессе позволяют сделать вывод о том, что в языке современной прессы под влиянием смены коммуникативной парадигмы речевого общения происходят серьезные изменения, обусловленные радикальными общественными переменами в жизни России.

Примечания

¹ Стернин И. А. Социальные факторы и публицистический дискурс / И. А. Стернин // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. М., 2003. С. 104.

² См.: Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. М., 1971. 267 с.; *Он же*. Наш язык в действии / В. Г. Костомаров. М., 2005. 287 с.; Стернин И. А. Указ. соч. С. 91–108; Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике / О. П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 32–66; Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 142–161 и др.

³ Ремчукова Е. Н. Способы преодоления грамматического стандарта в разных типах русской речи / Е. Н. Ремчукова // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2002. С. 94.

⁴ Коньков В. И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития / В. И. Коньков, А. Н. Потсар, С. И. Сметанина // Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб., 2004. С. 69.

⁵ См.: Сиротинина О. Б. Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи / О. Б. Сиротинина // Stylistyka IV. Opole, 1995. С. 86–102; *Она же*. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» / О. Б. Сиротинина // Лики языка. М., 1998. С. 348–353.

⁶ Федосюк М. Ю. Об основной тенденции развития стилей русской речи в XX веке / М. Ю. Федосюк // Речеведение. Великий Новгород, 2000. С. 29–30.

⁷ Кормилицына М. А. О некоторых активных приемах введения чужого слова в тексты современной прессы / М. А. Кормилицына // Русский язык на рубеже тысячелетий. СПб., 2001. С. 88–96.

⁸ Норман Б. Ю. Субъект говорения: автор и соавтор / Б. Ю. Норман // Русский язык на рубеже тысячелетий. СПб., 2001. С. 149.

⁹ Инфантова Г. Г. Современный речевой портрет лексики как бы / Г. Г. Инфантова // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. С. 46–55.

¹⁰ Норман Б. Ю. Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами / Б. Ю. Норман // Rusistik. 1998. № 1/2. С. 57–68.

¹¹ Костомаров В. Г. Наш язык в действии / В. Г. Костомаров. М., 2005. С. 190.

¹² Николаева Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. М., 2000. С. 130.

УДК 070.1:654.197

СЛОВО О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В. В. Прозоров

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: Prozorov@sgu.ru

Самоидентификация журналиста, уровень его профессиональной культуры непосредственно связываются с представлениями о природе медиадеятельности (прессы, аудио- и видеовещания), глубинными корнями восходящими к знаниям о трёх родах словесного искусства (эпоса, лирики и драмы). Качество журналистской работы, в свою очередь, обусловлено этическими принципами, которыми руководствуется журналист.

A word about journalistic professional culture

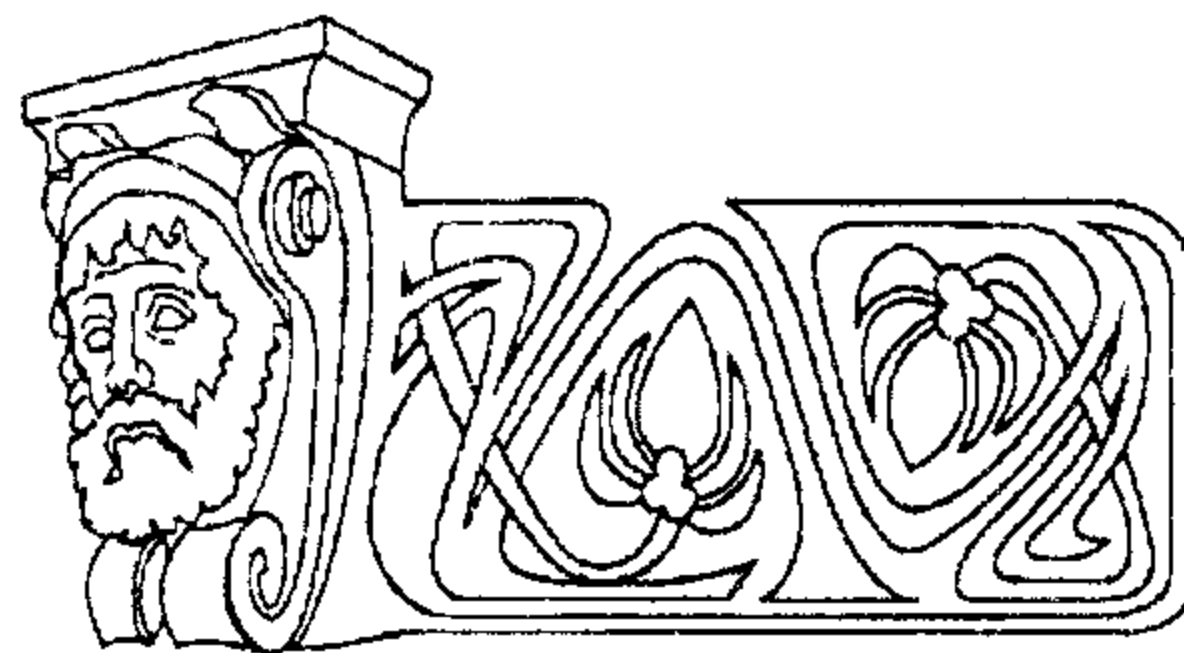
V.V. Prozorov

A journalist's self-identification, the level of his professional culture are directly connected with the nature of mediaactivity (the press, radio and TV) which has its deep roots at the knowledge about three types of literary art (epical, lyrical and dramatic). The quality of journalistic work, in its turn, depends on the journalist's ethical code.

В современном мировом информационном сообществе мы без труда различаем три обширные и отчетливо укорененные журналистские разновидности – печать, аудио- и видеовещание. У каждой из них своя (легко доступная экспериментальным наблюдениям) художественно-коммуникативная природа, главные характеристики которой побуждают вспомнить восходящие ещё к античным временам представления о трёх родах словесного искусства: *эпосе, лирике и драме*.

Три литературных рода, которыми с давних пор аттестуется всё неоглядное пространство словесно-художественной культуры, соответствуют давно уже отмеченной лингвистом Карлом Бюлером *тройственной функции человеческого языка – репрезентации, экспрессии и апелляции*¹.

Более того, три литературных рода вполне естественно сопоставимы и со сложнейшими законами саморазвития личности. По мере того, как растёт и углубляется личностное душевное пространство бытия каждого человека (с момента его появления на свет), обнаруживается возможность и необ-

ходимость говорить об *эпической, лирической и драматической составляющих освоения этого пространства*.

Что образует, говоря словами С. Л. Франка, «основной внутренний фонд нашей личности», «состав душевной жизни», «стихию нашей душевной жизни»? Каковы формирующие начала душевной эволюции?

Проблемы *психологии роста человека* продолжают оставаться дискуссионными. Вступающий в жизнь человек шаг за шагом осваивает мир, проникающий в него со всех сторон. Мир таинственный и огромный, холодный и теплый, нежный и злой, доставляющий удовольствие и вызывающий тревогу и неприязнь... Под влиянием взрослых, под воздействием их отношения к жизни малыш постепенно обретает всё большую самостоятельность. Он *обживает* этот мир. С полным на то правом мы можем назвать *эпическим* сложный (и с годами не прерывающийся) процесс освоения окружающей реальности.

Психологи разных стран и эпох отмечают в школьном возрасте испытываемые подростками ощущения утраты любви окружающих, переживания, связанные с разного рода неудачами на всевозможных жизненных фронтах. Это и неуспех в школе, в спорте, среди ровесников, в отношениях со сверстниками противоположного пола, и беззащитность перед лицом чьей-то преднамеренной, а подчас и невольной агрессии, неприязнь, исходящая от тех, к кому подросток испытывает положительные эмоции и т.п. Отсюда – уход в себя, в собственное, защищающее от постороннего вторжения «Я». В процессе перехода из мира детства в тревожное подростковое состояние начинает развиваться то, что К.-Г. Юнг называл «Я-сознанием» или «индивидуальной психикой». Новая и всепогло-

шающая стихия взрослеющего подростка – самоуглубленная рефлексия, стремление понять и согласить себя с неизбежными «окружающими» обстоятельствами.

В этот период взросления верх берет *лирическая* составляющая человеческого саморазвития. С переменой жизненных и житейских обстоятельств она может видоизменяться, приходить в умаление или, напротив, выражаться в гипертрофированной форме. Но присутствие лирической составляющей в личностном самоопределении человека ощутимо постоянно.

Каждый из нас усердно осваивает собственное душевное пространство, но всё чаще посещают нас откровения, связанные с тем, что в этом мире рядом с нами и поодаль от нас живут, учатся, работают, страдают, радуются, пробуют найти себя *другие*. И каждый другой тоже имеет право на своё «Я». Наступает пора острого проявления *драматической* доминанты в развитии личности. Обнаруживаются первые ростки диалогического сознания.

Подчеркиваю: речь ни в коем случае не идет о линейно-последовательной смене основных фаз психологического становления личности. Мы настойчиво говорим об их активном, властном *взаимпроникновении* на протяжении всей жизни.

Эпическая, лирическая и драматическая доминанты, последовательно формируя существенные нравственные, эмоционально-интеллектуальные, психофизические характеристики человека, остаются (в разных соотношениях и пропорциях!) важнейшими параметрами свободно развивающейся личности.

Три литературных рода – это поистине универсальная триада, способная объяснить и особенности огромного словесно-текстового рельефа, и основные, ведущие наши речевые функции, и природу возрастной, постепенно «возрастающей» и усложняющейся психологии. По-видимому, мы можем говорить о трёх взаимосвязанных ключевых параметрах, объясняющих наши всеобъемлющие возможности и готовности освоения действительности, о *трёх антропологических доминантах*, которые в сложной сово-

купности способствуют формированию и развитию человеческих субъектно-объектных связей и отношений в этом мире.

Эпическая доминанта – сосредоточение человеческого познания на нечётко-множественной *окружающей* реальности (и мнимости), на её внешних очертаниях и глубинных явлениях. *Лирическая доминанта* – стойкое фокусирование интереса главным образом на собственном «Я», на неожиданных объёмах своего бесконечного и трудно поддающегося осознанию *душевного* пространства. *Драматическая доминанта* – переключение внимания на конфликтные процессы *взаимодействия*, диалогического контакта моего «Я» с любым другим «Я» этого многоголосого мира.

Каждое из универсальных составляющих мироотношения позволяет мне получать жизненно необходимую и в высшей степени полезную информацию о мире *вне меня*, о мире *во мне*, о мире *между мной и другими* субъектами жизни.

Любопытно, как наша современная родная речь чутко реагирует на обозначение каждой из составляющих аристотелевой триады.

Самое этимологически нейтральное и безответное из трёх этих понятий – эпос – непременно вызывает ассоциации с необъятностью, мощью, величием, обширным художественно-повествовательным, пространственным разбросом и временным объёмом. Эпический – неколебимо-величавый, героический, могущественный, бесстрастно-значительный. «Эпический» в речевом сознании (скорее книжном, чем обыденно-разговорном) ближе к «бытию», чем к «со=бытию».

О чём-то сугубо личном и сокровенном не без доли известного скепсиса говорят: «Ну, это уже чистой воды лирика!». А с другой стороны, лирический – нежный, напевный, тонкий, проникновенный, пронизывающий, чувствительный, ранимый, сентиментальный, эмоциональный, душевный.

Двусмысленность слова «драма» в русском языке очевидна. Это и литературный род (произведения, написанные в диалогической форме и почти всегда предназначенные для исполнения на сцене), включающий в свои пределы жанры трагедии, комедии, собственно драмы (предполагающей – в отличие от комедии, фарса или водевиля – серьёзную сюжетную наполненность). Это и иное зна-

чение: драма – тяжелые, сложные события, сопряженные с ними сильные переживания, причиняющие людям заметные нравственные и физические страдания, приводящие к конфликтной напряженности («любовная драма», «пережить драму», «драма власти» и т.д.).

Эпическая, лирическая и драматическая составляющие мироотношения – по сути дела три мощнейших информационных канала, подсоединение к которым и освоение которых является залогом индивидуально-личностного и общественного самодвижения и самостояния человека.

Соприродные человеческой психике эпические, лирические и драматические каналы информации как раз и способствуют, на наш взгляд, образованию трёх властно воздействующих на человека основных разновидностей массовой коммуникации.

Во-первых, это востребуемая читателем *печатная журналистика*. В центре её похозяйски расположилась (в России со второй половины XIX века) *газета* – ежедневная, ежевечерняя, еженедельная; общедоступная, специализированная; столичная, провинциальная; качественная, жёлтая. Рядом с газетой – *журнал*, тоже всякий: толстый и тонкий, иллюстрированный, гляцевый, литературно-художественный и специальный, обращенный к аудитории детской, юношеской, взрослой; женской и мужской по преимуществу и т.д. Во-вторых, это *аудиожурналистика*. Она обращена исключительно к слуху, имеет в виду слушателя. Её век начался с внедрения в повседневный быт в первой половине XX века радиовещания. В-третьих, *видеожурналистика*, значительно раздвинувшая горизонты художественного восприятия и властно призвавшая к себе массового зрителя. Эра телевидения ведёт отсчёт со второй половины XX века.

По наблюдениям специалистов, «ни разу в истории медиа ни одно новое СМИ не убивало другое. Ни телевидение, ни видео, ни интернет так и не уничтожили кино или газеты – произошло лишь перераспределение рыночных функций, взаимодополнение СМИ»².

И ещё одно очень важное уточнение. У специалистов, занимающихся теорией и практикой журналистики, крепнет убежде-

ние: средства массовой информации и коммуникации вкуче создают иллюзорный мир, управляющий воображением аудитории (проблема эта – на стыке филологии, семиотики, коммуникативистики, социальной психологии, нейролингвистики). СМИ сообща творят художественно-образную модель реальности. Не случайно продукцию СМИ, с точки зрения её потребителей, часто называют «сном наяву».

Вся информация СМИ субъективно пронизана и высвечена. Субъективен сам выбор данного фрагмента-факта из общего информационного потока. Субъективна степень полноты подачи информации, её место в новостном поле, частотность звучания и представления. Субъективна манера предъявления информации, характер её безоговорочной утвердительности. Поспешая за новостями дня, современные СМИ с разной степенью успеха реализуют на практике главное свойство художественной образности, которое мы определяем как *предъявление истины в её конкретно-чувственной непровержимости, как убедительность недоказуемого*.

У каждой из трёх разновидностей современных СМИ – свои *коммуникативные готовности*.

Газетно-журнальные издания реализуют их через слово немое, затаившееся в молчании. Молчание это иллюзорно. На самом деле газета молча взывает – всеми доступными средствами – к визуальному общению. Печатный текст СМИ со всем разнообразием жанров обладает важнейшими алгоритмами эпоса: главный объект его – со=бытия, краткие и развёрнутые сообщения о происшедшем; здесь всегда осязательно стремление настичь «уходящее», постоянно сохраняется неодолимая дистанция между *прошедшим* временем события и временем рассказа о событии. Газета изо всех сил стремится поспеть за настоящим временем (газеты утренние, вечерние, экстренные выпуски и т.д.), но обречена оставаться в обязательном зазоре между настоящим временем читателя и недавно прошедшим временем сообщаемого события или происшествия.

Радио эксплуатирует словом и звуком организованную культуру. Радиоголосневидимка более предрасположен к повы-

шенной откровенности, чувствительности, исповедальности, чем печатная полоса или телевидение. Радиотекст с его ориентацией на фундаментальные законы слухового мира, на *настоящее* время сопереживаний и сочувствий, с его эмоционально-экспрессивной наполненностью и доверительностью тона, ближе всего к лирическому роду. Каждый из нас замечал: поскольку в радиотексте *всё* передаётся посредством звука, голоса, речи, важнейшее слагаемое, воздействующее на наше слушательское восприятие, – тембр, отличительные голосовые обертоны. Великолепные по содержанию тексты может произносить в радиоэфире ведущий или диктор, но если мне *не* нравится его тембр, если мне не симпатично его речевое интонирование, воздействие этого текста на меня будет по большей части отрицательное. Неприятный тембр, противные голоса – их негативная роль на радио часто не учитывается.

Наконец, *телетекст* весь пронизан диалогической видеоактивностью. Телевидение проявляет себя через движущуюся «картинку», через облучение «картинкой», помноженное на звучащее слово и звук. Стихия телевидения – импровизационные внезапности, напряжённая игра. Здесь, как и в драме, важна категория *будущего* времени, важно, *что* случится, *что* произойдет и *как* происходящее разрешится через мгновение. И телевидение в полную силу эксплуатирует свою природную особенность, прерывая, например, ход действия «на самом интересном» рекламными паузами. Душа телеискусства – конфликт. Отсутствие конфликтопорождающего сюжета ведет к осязаемому проигрышу. Чем конфликт острее, тем явственнее успех нового телевизионного текста. Причем речь идёт о конфликтах разного рода – о физическом противоборстве (прежде всего – в спортивных состязаниях), о нравственно-психологических противостояниях и противоречиях, об эмоционально-экспрессивных сшибках и схватках и о многом другом.

Границы трёх родов словесного искусства всегда были и будут размыты и непостоянны. Приметами эпоса, лирики и драмы наделены и печать, и радио, и телевидение. По мере совершенствования технологий доставки информации будет происходить трудно пока в деталях предсказуемое *взаимопро-*

никновение разных СМИ. Всемирная паутина даёт уже реальный (и одновременный) приют для каждого из трёх родов журналистской деятельности. В ней превосходно чувствуют себя и печать, и радио, и телевидение. Но и в этом нет ничего, что противоречило бы представлениям об эпическом, лирическом и драматическом началах, соприродных человеческой психике.

Предельно лаконично высказанные соображения относительно природы современных СМИ могут быть полезны для медиаобразования и медиакритики. Здесь же стоит предложить вопрос без ответа: так ли уж неожиданно ново современное информационное общество, если в основании своем оно имеет старинные как мир исходные координаты, связанные с универсальными эпико-лиро-драматическими параметрами бытия? Очевидно, что сама природа коммуникации, обретая совершенно новую техническую оснастку и невероятную массовость, в *глубинных* своих свойствах остаётся примерно той же, что была спокон веку³.

Более полное и системное понимание природы любого социально значимого явления позволяет:

во-первых, последовательнее, рациональнее использовать *внутренний* потенциал данного явления при его воспроизводстве и тиражировании;

во-вторых, применить новые системные знания и представления в процессе подготовки специалистов данного профессионального профиля

и, в-третьих, открыть новые перспективы для широкой просветительской работы, связанной с совершенствованием массовой культуры восприятия исследуемого явления.

Что касается нашей конкретной темы – профессиональной культуры современной журналистики, то отмеченная выше связь эпико-лиро-драматических констант с основными родами СМИ позволяет сделать три важных заключения.

1. Тернарный подход к журналистской генеалогии даёт возможность (новый, дополнительный шанс) создателям масс-медийных текстов яснее, отчетливее осознать само формосодержательное целое создаваемого жур-

налистского продукта, внутреннюю его направленность, а стало быть, и *смыслооправдание своей работы*.

Очевидно, что нельзя идти наперекор обнаруженной нами и заданной средствам массовой информации и коммуникации социально-природной генетической программе. Бесперспективно игнорировать внутренние законы своего дела. Напротив, их стоит использовать во благо самой журналистской работе.

Ведь осмысление связи трех родов масс-медийного творчества соответственно с эпосом, лирикой и драмой позволяет мастерам журналистского цеха вырабатывать надежные критерии для верной оценки собственных проб и для оценки опыта своих коллег. Эта связь – творческий ориентир в увлекательной и трудной журналистской деятельности. Вечный метод «проб и ошибок» в большей мере будет ориентирован на «пробы» и в меньшей – на «ошибки». Речь о профессиональной способности к саморедактуре, к стилистическим и другим самоограничениям: «мужество журналиста состоит в том, чтобы из всех своих гениальных (!) высказываний оставить лучшее. А мужество и талант режиссёра – в том, чтобы помочь журналисту выкинуть лишнее. А талант оператора – подсказать журналисту, где он зарылся и начал говорить “красивости”»⁴.

Опытные телевизионщики, которым довелось познакомиться с предложенным нами сближением телевидения и драмы, к примеру, подчеркивают, что невольная и постоянная подсознательная ориентация на «конфликтную», «конфликторождающую» ситуацию помогает им, с точки зрения творческой логики, точнее выстраивать свой видеоряд, свой очередной телесюжет, свою вновь определяемую телевизионную программу.

Внутренний настрой на поиск естественного, органичного драматического напряжения способен *нечаянно* (творческий процесс!) обернуться интересными и убедительными находками и откровениями.

2. Обозначенная нами триада способна пролить дополнительный свет и на важнейшие *образовательные акценты* в подготовке квалифицированных специалистов в сфере печатной, радио- и тележурналистики.

Высшее журналистское образование как часть медиаобразования продолжает оставаться предметом неустанных (но все еще пока недостаточно последовательных) дискуссий, и обсуждаемая нами концепция может оказать существенное влияние на проблему специализаций (газетная журналистика, тележурналистика, радиожурналистика, медиакритика, медиаобразование и др.), на представления о критериях журналистского мастерства, о качестве печатного и электронного текста.

Можно было бы (для пущей, но не устращающей, разумеется, дидактической внятности) деликатно и осторожно, с элементом иронического озорства ввести в курсы журналистских практикумов представления о *коэффициенте полезного воздействия* (КПВ) медиатекста на вероятную аудиторию.

Такая характеристика эффективности и качества журналистского труда строилась бы примерно так: КПВ медиатекста определялся бы отношением эпического (в печати), лирического (на радио), драматического (на телевидении) текстового ресурса к общему суммарному расходу сил и средств на создание данного текста.

Здесь не столько закономерно пугающая гуманитариев наивно-жесткая формула успеха, сколько удобный предлог (и направление) для продуктивных, на мой взгляд, размышлений о *качестве* медиаизделий, о настоящем (и стоящем!) журналистском тексте и о его искусственных заменителях – действительно «слабых звеньях».

Начинающие специалисты получали бы дополнительную уверенность в том, что эпическая объективность и многообъемность газетного текста, лирическая искренность и проникновенность радиопрограммы, драматическая конфликтная напряженность, предсказываемая телевизионным сценарием, могут играть роль надежных критериев определения себестоимости журналистской работы.

И ещё: казалось бы, какие могут быть отношения между пухлой газетной подшивкой и всеми признанным, всемирно известным романом-эпопеей? Разве что отчетливо неприязненные и даже враждебные. Между тем, так обстоят дела только при поверхностном и незаинтересованном взгляде. Смею,

к примеру, утверждать: чтение и осмысление, скажем, «Войны и мира» Л. Н. Толстого начинающим своё специальное образование газетчиком-журналистом (равно как и других эпических шедевров мировой словесности) *на уровне подсознания* помогает уловить, удержать и «упаковать» надёжно выверенные представления о многообъемности бытия, о живо ощущаемой связи общего и крупного повествовательного плана, о жизни и судьбе народов и одного – отдельно взятого человека, о людях во власти и о личностях в толпе и многое другое.

Регулярное, всласть восприятие совершенных эпических, лирических и драматических текстов до такой степени жизненно необходимы журналисту, как необходимы человеку для нормальной жизнедеятельности организма, для нормального обмена веществ разного рода витамины.

Комментаторы толстовского романа-эпопеи так пишут о создателе «Войны и мира»: «Он всегда стремился идти от факта, наблюдаемого им в действительности или известного ему по свидетельствам очевидцев, из различного рода документальных источников. Но одной из важнейших опор творческой фантазии автора «Войны и мира» были его непосредственные впечатления»⁵. Согласитесь: здесь охарактеризованы самые распространённые творческие подходы к жизненному материалу не только художника, работающего над эпическим полотном, но и мастеров журналистского цеха.

И такое «совпадение» не случайно. Эпос (в толстовском, в частности, воплощении) отмечен и поразительной отчетливостью деталей, и сложной психологической мотивировкой поведения героев, и массой запоминающихся подробностей, почерпнутых непосредственно «из жизни», «с природы», а также взятых «напрокат» из писательской «копилки памяти» (дневники, записные книжки, семейные предания и т.д.), и удивительным разнообразием и богатством диалогов.

Нет никакого резона упрекать меня в искусственном и нарочитом сближении художественного эпоса и журналистских текстов – того, что находится в разных плоскостях большой культуры. Разница хорошо нам (и мне, и предполагаемому читателю) понятна и в дополнительных разъяснениях навер-

няка не нуждается. Газетному репортеру по самому характеру его спешного труда – не до художественных тонкостей-подробностей и поэтических деталей (хотя, как сказать!?).

Во всяком случае, речь сейчас о другом: о некотором (принципиальном!) желанном *сходстве разного, отличного друг от друга*.

Хотя и то верно: как художественное произведение, так и журналистский текст не имеют, как правило, готового, заранее заданного во всех его подробностях сценария. Они создаются на ощупь, с прямой оглядкой на творчески саморазвивающееся жизненное многообразие.

Опыт читательского постижения эпического полотна интересен будущему (да и состоявшемуся тоже) журналисту-газетчику прежде всего тем, что дает неожиданную возможность почувствовать, как разновеликий по своим масштабам (общее и частное, макромир и микромир – одновременно, люди разного пола и возраста, разных судеб, сословий, национальностей, культур, служебных положений, этических характеристик и т.п.), внешне пёстрый и чуть ли не хаотичный, многоголосый материал умело и свободно сцепляется, организуется, создаёт впечатление некоторого убедительного внутреннего порядка, воссоединяется в удивительно плотное, органичное целое, в некую целостную концепцию *потока бытия, характера эпохи*.

Встречи начинающих журналистов с эпическими, лирическими и драматическими текстами настоящего художественного достоинства *исподволь* одарят цепкую и благодарную память специалистов массой замечательных и по сути своей очень простых (доходчивых! – мечта журналиста) «приёмов» и «способов высказывания».

3. Выявляемые доминанты в трёх основных разновидностях современных СМИ способны открыть новые горизонты и в только ещё начинающих, по-настоящему ещё не реализованных медиапросветительских проектах и программах⁶. Связи тут оказываются самые непосредственные. Постоянные наблюдения над характерным поведением (восприятием журналистских текстов разного рода и достоинства) «продвинутых» представителей масс-медийной аудитории показывают, что:

в газете или журнале подготовленные читатели ищут в конечном счете эпически объемного и целесообразного «жизнеохвата» событий и явлений;

в радиопередаче, в её звуковом мире, благодарные слушатели обретают известную (лирически обусловленную) энергию самоидентификации;

в телевизионной программе опытные зрители зорко (жадно) следят за драматически явленными перипетиями напряженных действий, разного рода превращений, бесед, разговоров и т.д.

Последовательное внимание к внутренней связи трех родов словесного искусства с тремя главными разновидностями СМИ помогает более отчетливой методической организации работ, связанных с медиаобразованием и медиаграмотностью в вузе, в средней школе, в детских дошкольно-образовательных структурах.

Здесь как раз пора нам перейти от признания известной близости искусства слова и журналистского искусства к тому, что их, на мой взгляд, принципиально отличает.

Одно из главных отличий журналистского текста от текста словесно-образного (литературного, поэтического) заключается в соотношении категорий «художественного» и «этического». Непосредственная связь этих категорий в художественном мире всегда была и остается под сильным подозрением. В истории эстетической мысли часто подчеркивается самоценность художественного начала, его более или менее отчетливая удаленность от представлений нравственного порядка.

Мало того, откровенным насмешкам, всякого рода остракизму последовательно подвергаются рассуждения о близости и тем более кровном родстве художественной правды и авторской (художнической) праведности. Разность эта привычно (со ссылкой на великие авторитеты) возводится в абсолют. Особенно – в наше время, привычно и егозливо балансирующее на опасной грани добра и зла.

В русской традиции эта тенденция разобщения художественного и этического неизменно вызывает известное сопротивление:

литература от веку обручена с «проклятыми» социально-нравственными вопросами бытия, изящная словесность изнемогает в отведенных ей хоробах беспечной поэтической роскоши, поэт – издревле больше, чем поэт и т.п.

Даже тень Пушкина не спасает адептов так называемого искусства для искусства. Виной тому его проникновенно-мудрое признание-итог, самое, быть может, ответственно взвешенное и теперь уже непререкаемое:

... чувства добрые я лирой пробуждал,
... в мой жестокий век восславил я свободу....

И все-таки (тот же Пушкин!): «Цель поэзии – поэзия – как говорит Дельвиг (если не украд этого)». Из письма Пушкина В. А. Жуковскому от апреля 1825 года. И тоже предьявленное – навсегда.

Спор долгосрочный. Конца ему, похоже, не будет. И вывод из него таков: раз некая «правда» подвергается сомнению, стало быть, в ней было и остается существенное внутреннее противоречие, не снимаемое никакими самыми трогательными, самыми заветными размышлениями на этот счет.

Да, художественное творчество самоценно. Да, этические «страсти» могут обходить его стороной. Однако этическое и художественное не разводятся до такой степени, чтобы вовсе не видеться друг с другом, чтоб взаимно оставаться глубоко чуждыми и равнодушными. Разъединенные, они пристально и ревниво взглядывают друг на друга и пробуют – от времени до времени – узреть свои общие генеалогические корни...

В журналистском творчестве, природа которого, несомненно, родственна творчеству художественному, близость эстетических амбиций и этических начал (в силу особой социальной ответственности СМИ) невероятно тесная.

«Профессионально правильное» в журналистике – это (одновременно!) и честное, и образно-совершенное, мастерски проявленное и сформированное. Только так. Всё остальное – имитация настоящего качественного журналистского текста. И абсолютно прав Ю. В. Казаков, который, «не деля профессиональную культуру современного СМИ на «более» и «менее» важные составляющие, комплекс профессионально-этических знаний и представлений» считает «базовым для журналистики как профессии»⁷.

Одно только очень важное уточнение: с точки зрения журналистско-профессионального идеала, мы вправе вести речь о родстве и даже единстве этического и эстетического в СМИ, о нераздельности журналистской этики и журналистской поэтики.

В доказательство такого подхода обратим внимание на то, как прочно сопряжены основные характеристики поэтики СМИ, отмеченные нами выше, с принципиальными ценностями этического порядка.

Эпическое начало в современных СМИ в первую очередь подразумевает *многообъёмность и разносторонность* охвата события, факта, явления на газетной полосе. Желанную разносторонность, от которой, как черт от ладана, бежит печать монологическая, карманная, сервильная, бежит пресса, под прикрытием властей присваивающая себе монополию на информацию и, стало быть, монополию на истину.

Лирические приметы радиожурналистики имеют в виду особую силу *проникновенности*, которой обладает (может обладать) аудио-СМИ. Не дешёвую игру в поддавки со слушателем, но по-настоящему искреннюю доверительность тона. «Душевная сила» радиоискусства в одно и то же время имеет непосредственное отношение и к совести журналиста, и к его мастерству. Тут сплав. Иначе не бывает.

Многообразная *конфликторождающая* энергия свойственна телевизионному тексту. Но конфликт конфликту рознь. Его ведь можно и с потолка брать, изо всех сил выдавая мертворожденное за подлинное. Можно подделкой (комической ли, серьёзной по форме – кому что нравится) беззастенчивой заниматься... Журналистика, этически очень далекая от безупречности, налаживает производство видеотовара, основные «творческие» параметры которого либо походят на безумные и совершенно бессмысленные, безобразные, душераздирающие «страшилки» и «вопилки», либо часто заставляют вспоминать печальной памяти послевоенную советскую «теорию бесконфликтности».

Все курсивом выделенные только что характеристики имеют самое прямое отношение к сфере *этического*.

Лишена периодическая печать эпически разностороннего, многообъемного, многоголосого взгляда на мир, на происходящие в нем события – нет и продукта, достойного удовлетворительной этической оценки.

Пренебрегает радио достойными лирическими ресурсами, искусственно подыгрывает, подсюсюкивает «своему в доску» слушателю – нет оснований говорить о каком бы то ни было профессионализме.

Имеем мы дело с небрежной или даже усердной имитацией конфликтной напряженности – никуда не годен телевизионный выпуск. И так далее. И так всегда. В свою очередь самоуверенная журналистская наступательность, назойливая и высокомерно-самодовольная императивность (на газетной полосе, в радиоэфире, в телевизионном кадре) как форма проявления профессиональной власти над потребителями СМИ имеет, как правило, ограниченные ресурсы доверия подготовленной аудитории.

Честность, искренность, точность, неприкровенность, душевность, сердечность, натуральность, неподдельность – эти и другие свойства журналистики одновременно являются значимыми и для этической характеристики медиапродукта, и для определения его эстетического, формосодержательного качества.

И если в настоящей поэзии единство формы и содержания абсолютно, то в масс-медиа случается и так, что с формой не всё ещё ладится, а вот сама позиция, направление работы – честное, искреннее, открытое главным этическим началам журналистики. Иными словами, при всем кровном родстве этического и эстетического приоритет в журналистском деле часто отдается все-таки началам нравственного порядка. Хотя, если говорить о совершенных журналистских текстах, то, конечно же, желанным условием для них всегда было и остается внутреннее единство этих начал.

С другой стороны, откровенный цинизм и относительно высокая техника журналистского мастерства вроде бы, на первый взгляд, и уживаются (ослепляющее обаяние талантливой наглости и подлости?!), но сосуществование это *для подготовленной и разви-*

той аудитории, способной на самостоятельные, свободные критические рефлексии, далеко не мирное.

Отточенная техника журналистской работы цинизмом своим раздражает *особенно* сильно, как правило, вызывая у смышленного и дотошного читателя, слушателя, зрителя исключительно отрицательные реакции и властно достигая эффекта, прямо противоположного намерениям способного журналиста.

Для одаренного, но недобросовестного сотрудника СМИ итог в этих случаях малутешительный: «кто есть кто» в журналистике безусловно затмевает «как это у него здорово всё сделано». Частотными становятся пренебрежительно-экспрессивные и беспощадные оценки примерно такой направленности: «Ну что он несёт, что мелет, постыдился бы: а ещё журналистом хорошим слывет!», «Вот гад, красно говорит и не покраснеет!», «Ты посмотри только на него: как вдохновенно врёт и не подавится!», «Холуйство так и прёт из этого типа; а ведь совсем ещё недавно надежды подавал!» и т.п.

Талантливому журналисту вероятный его адресат в большей мере не прощает сервизма, нагловатой демагогической изворотливости, всеядности и т.д. К подёнщику отношение в подобных же ситуациях иное. Оно изначально и откровенно пренебрежительное: что с него взять?! другого от него и ждать нечего!! имя им легион!

Очередную информационную кампанию – игру в одни ворота с хорошо предсказуемым и заранее спланированным «хитроумным» результатом, игру, в которой участвуют невзрачные журналисты средней руки, промышляющие ходовой «неправдой», вероятный получатель медиапродукции воспринимает с привычным и усталым раздражением. Но когда к этому занятию подключаются мастера высокого класса, для последних в глазах думающей и понимающей аудитории подобные сеансы связи становятся в высшей степени саморазоблачительными.

Этическое в журналистском продукте в этих случаях явно перевешивает собственно мастеровитое, мастерское, изобразительно-выразительное, эстетическое. Высшее проявление журналистского профессионализма заключено, на мой взгляд, в том, чтобы говорить (показывать, предъявлять) правду – од-

ну только правду (какой бы жесткой и даже жестокой она ни была), не делая при этом получателей информации несчастными и подавленными.

Иногда говорят: журналистскую этическую глухоту и недобросовестность способна лечить система надзоров и запретов (наблюдательные советы, общественные комитеты, государственные цензурные институты...). В общественном и индивидуальном сознании была и остается почти непоколебимой вера в «крепкую руку», в некий мифический «порядок», без которого, дескать, не дано вольно жить...

В октябре–ноябре 2004 г. силами студентов-журналистов Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского был проведен опрос читателей, зрителей, слушателей разного возраста, пола, социального статуса. Предлагалось ответить на 3 вопроса:

1. Каков, на Ваш взгляд, объем понятия «цензура»?

2. Нужна ли цензура современным российским СМИ? (да; нет, не знаю).

3. Если «да», то – для чего? Если «нет», то – почему?

В опросе участвовало свыше 300 респондентов (людей разного пола, возраста, в основном – с высшим образованием). Каковы результаты?

Более половины отвечавших уверены: цензура – это прежде всего «контроль над СМИ, ограничения в подаче информации, ущемление прав журналистов и публики».

Часто встречались и здравые ответы-рассуждения такого рода: «Одна из самых главных ценностей в нашем обществе – свобода слова»; «Вреда от свободы слова много меньше, чем от государственной цензуры»; «Защиту потребителей обеспечивают законы рынка и саморегулирование СМИ»; «Цензура как метод государственных ограничений неприемлем в становящейся демократии»; «Гораздо более эффективной является система самоконтроля СМИ»; «Есть много случаев, когда цензура необходима: например, если без необходимой корректности освещаются межнациональные отношения и конфликты»...

Но немало (примерно 48%) оказалось и тех, кто убежден, что цензура – это не что иное, как запрет на безнравственность и непристойность (в частности, на *нецензурную* лексику) в СМИ.

Так вот, из первой группы, хорошо ориентированной в действительном смысле обсуждаемого понятия, *за* введение цензуры выступило свыше 74% (!) опрошенных. И что самое главное и тревожное, среди ревнителей цензуры оказалось 2/3 молодых людей до 20 лет. Это старшие школьники и студенты-гуманитарии (!) начальных курсов вузов. Изредка встречались у юных и откровенные ответы-объяснения такого свойства: «Я выступаю за цензуру, потому что она способствует скорейшему достижению “золотого века” – тоталитарного режима»... Самое большое число ратующих за цензурные ограничения в сфере СМИ недовольно «разгулом свободы», «продажностью журналистов», ничем не ограниченной возможностью «говорить и писать, что только в голову придет», «кому что ни лень» и т.п.

«Закрывать!», «запретить!», «убрать!», «заставить замолчать!»... Ясно одно: на двадцатом году с начала перестройки всё ещё очень медленно и нехотя упрочиваются у нас в общественном сознании разумные и взвешенные представления о цивилизованных отношениях СМИ и властей всех уровней.

Что касается цивилизованных отношений, то «это не когда я тебя головой о стенку бью, а когда я из кожи лезу, чтобы ты, пресса, поняла, какая я, власть, открытая по отношению к тебе, готовая к контактам, не считающая за труд потерять на тебя своё, власти, драгоценное время. Не потому, что я тебя так уж уважаю, тем более – люблю. Не люблю, не сомневайся. Но ты представляешь народ, общество, у тебя работа такая: понимать, что я делаю, и помогать увидеть гражданам, что я, власть, эффективная (при том, что не чрезмерно дорогая), заботливая, человеческая. Достойная права заниматься делами страны и граждан и дальше, после следующих выборов»⁸.

Особая сторона вопроса, связанная с профессиональной журналистской культурой, – *корпоративное саморегулирование*

журналистики, роль правил, кодексов чести, которым добровольно подчиняют себя профессионалы, чтобы в социально ответственной работе следовать древнему как мир принципу «Не навреди!».

Известно, что уголовное законодательство (даже при самой изощрённой тонкости) часто оказывается ненадёжным регулятором взаимоотношений государственной власти, карательных структур, собственников СМИ, общества и журналистов. Бесстрашный, жёсткий закон и такая обострённо чувствительная, трепетная структура, как СМИ редко с достаточной мерой корректности сопрягаются друг с другом. Что же остаётся?

Остаётся всего-навсего один очень хрупкий механизм, слабо нам пока ведомый: свободное, добровольное подчинение журналиста этическим стандартам профессионального поведения, *добровольное* подчинение принятой в обществе (!) системе разрешения споров, противоречий, конфликтных ситуаций, связанных с работой СМИ. И основание для подобных «разрешений» – не уголовный, но этический кодекс, кодекс журналистской чести.

Желание следовать законам журналистского саморегулирования приводит во многих странах к созданию специальных общественных органов. Они включают в себя партнёров – журналистов, собственников, авторитетных граждан из разных слоёв общества. Председателем такого органа становится уважаемый в местном сообществе человек сбалансированных мнений и взглядов, имеющий жизненный опыт достижения согласия. По понятным причинам нежелательно, чтобы он был действующим журналистом или политиком⁹.

Разумеется, проблемы журналистской этики хрупки и деликатны. И трудно исполнимы.

Почти всякий скептик скажет, что всё-таки она вертится из последних сил – совесть человеческая, что существует на свете (пусть и непрерывно размываемое) различие границ между добром и злом. Куда сложнее – с признанием этих границ для каждого из нас в нашей же повседневности, особенно если речь идёт о самооценках. Приятнее гневно размышлять о сторонних нарушителях границ и о нашем отношении к аспидам-нарушителям.

Публицист и литературный и критик из «шестидесятников» Игорь Дедков запишет в дневнике 29 сентября 1993 года, в самый канун расстрела президентом российского парламента: «Слушаю радио и опять думаю: у власти – мелкие люди с мелкими чувствами и мыслями. И как легко журналистика перешла (уже давно переходила) на язык ненависти к «врагу» – официальная послушная холуйская журналистика!». И уже после кровавой драмы 3–4 октября новая запись: «Энтузиасты разрушения своим криком и грохотом, торжествующим визгом постарались заполнить все печатно-визуальное пространство». И как печальный итог размышлений: «А нужна ли нам четвертая власть – не чересчур ли много властей... Человек перед любой властью чувствует себя беззащитным. И четвертая – не исключение»¹⁰.

Слаб человек. «Слаб и подл», уточнит Иван Карамазов у Достоевского. Последнее упование – на суд чести, когда нарушитель этических норм отвечает собственным именем за свой труд и свои прегрешения перед коллегами по цеху, перед обществом. Исполнимое ли дело?

Для того чтобы суд чести действовал, необходимо существование некоего профессионально-общественного мнения, способного осудить бессовестного. Но суд чести возможен лишь там, где реально жив *страх общественного порицания*.

Грустно звучит сегодня справедливое признание Алексея Симонова: «Приток в профессию непрофессионалов, мессианство метров, сладость компромата, борьба за рейтинги, а главное – деньги, особенно густо текущие в редакции в период выборов, всё это подтачивает устои закона (речь о «кодексах, хартиях и конвенциях», провозглашающих этические нормы поведения журналиста. – В. П.). Журналистам так и не удалось создать правила честной игры и, выполняя их, породить в сообществе дух свободной корпорации, где решающим мерилем успеха служила бы незапятнанность репутации»¹¹. Ничем не стеснённая *собственная* свобода оборачивается жёстким ограничением свободы для других...

В последнее время невероятно универсальный смысл стал вкладываться в хитроумное слово-понятие «интересы». У всех

свои интересы. Интересам несть числа. Чуть кто какую подлость совершить хочет, тут же начинает в оправдание своё о собственных *интересах* толковать. *Интерес* – оправдание любой нечистоплотности и любого вероломства.

Сфера этики – поле, опасно заминированное сегодня частными интересами. Как заметил юморист, «я за свободу, но я за свою свободу, а не за твою!».

В сегодняшних российских *переворотившихся* социально-экономических обстоятельствах мы все – свидетели лёгкой подмены незыблемых моральных ориентиров наскоро изготавливаемыми суррогатами этических ценностей. Частная собственность слишком даже часто приходит в явное противоречие с честной собственностью... «Мораль на нас наводит сон...». Такой вот «содомский грех»: хорошо то, что плохо, и плохо то, что хорошо; всё неестественное естественно и – наоборот...

Но если всё же...

Если всё же мы хотим остаться людьми в своём профессиональном деле и в своём восприятии профессионального дела, если понятие порядочности не желаем подменить понятием продажности, если не настроены вовсе изжить представления о стыде и совести, то постепенно и надёжно должны же всё-таки возобладать (возобладают ли?!) в корпоративном и массовом общественном мнении представления о том, кто чего стоит и кто чего не стоит, у кого репутация дутая, а у кого – честная.

Постепенно и трудно вырабатывается единый язык профессиональных этических норм журналистского поведения в предлагаемых жизнью запутанных обстоятельствах. Саморегулирование СМИ – это когда на защиту обиженного (властью, собственником, прессой) поднимаются те, кого эта обида впрямую как бы и не касается. В основании порыва и действия – убеждение, что следующим буду я и все тогда тоже могут безразлично пройти мимо и не оглянуться...

Профессионал с доброй репутацией имеет особую власть над аудиторией. Напротив, подмоченная, скандальная репутация (скажем, репутация так называемого телевизионного киллера и т.п.) ведёт к снижению позитивного воздействия журналиста на чи-

тателей, слушателей и зрителей. И вновь замечу: урон собственной журналистской чести, как правило, оборачивается очевидным падением качества профессиональной журналистской культуры.

Примечания

¹ Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: пер. с нем. / К. Бюлер. М., 1993. С. 37.

² Абов Е. Издательское дело современности. Старая миссия в новой оболочке / Е. Абов // Среда. 2002. № 1. С. 28.

³ Подробнее см.: Прозоров В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву / В. В. Прозоров. Саратов, 2004.

⁴ Зверева Н. Не влезай, убьёт! Журналист в кадре / Н. Зверева // Среда. 2002. № 8/9. С. 30.

⁵ Краснов Г. В. [Комментарии] / Г. В. Краснов, Н. М. Фортунатов // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. / Л. Н. Толстой. М., 1981. Т. 7. С. 374.

⁶ См.: Медиаграмотность будущих педагогов в свете модернизации образовательного процесса в России / А. В. Федоров, А. А. Новикова, И. В. Чельшова, И. А. Каруна. Таганрог, 2004. 188 с.; Федоров А. Права ребенка и проблема насилия на российском экране / А. Федоров. Таганрог, 2004. 414 с.

⁷ Казаков Ю. В. На пути к профессионально правильному. Российский медиа-этнос как территория поиска / Ю. В. Казаков. М., 2001. С. 407.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Высказанные здесь и многие другие соображения, касающиеся журналистского саморегулирования, открыто и остро обсуждались на организованном Союзом журналистов России совместно с Советом Европы семинаре «Создание органов саморегулирования прессы в регионах с учётом европейского опыта» в мае 2000 г. в Центральном доме журналистов в Москве, в котором мне довелось участвовать.

¹⁰ Дедков И. Уже открыт новый счёт. Из дневниковых записей 1987–1994 годов / И. Дедков // Новый мир. 2003. № 4. С. 133, 134, 135.

¹¹ Симонов А. Правила охоты на зайцев. Взгляд либерала / А. Симонов // Известия. 2003. 13 марта. С. 7.

УДК 070:654.197

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ КРИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ ХХ ВЕКА (постановка проблемы)

Е. Е. Захаров

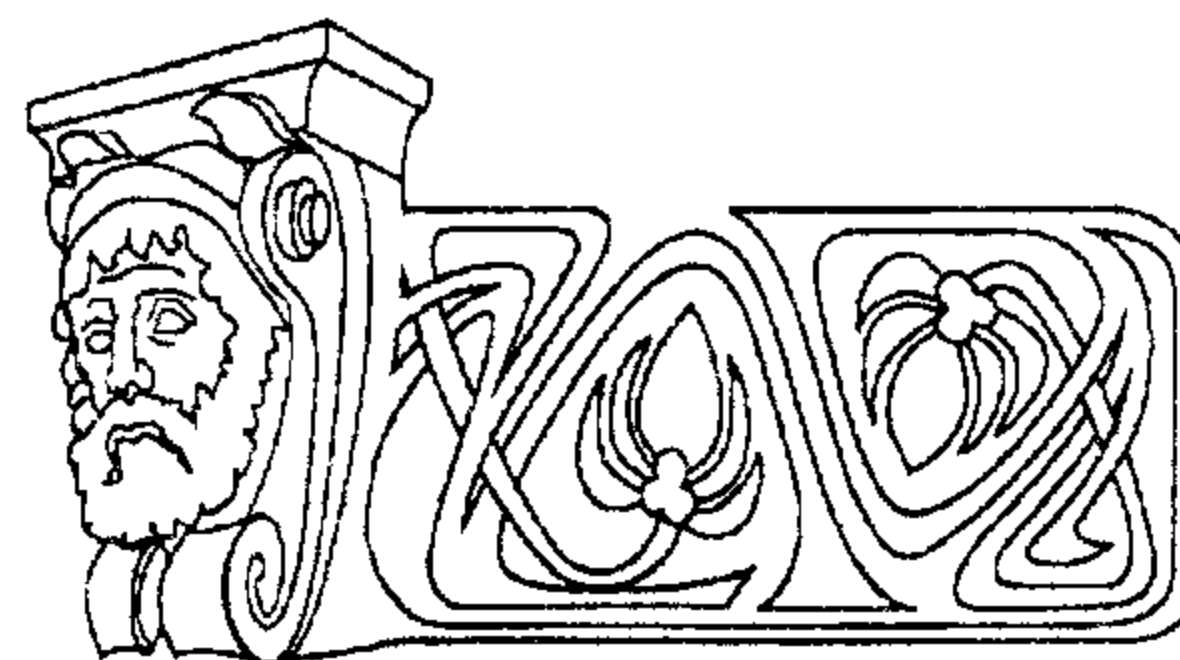
Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье осмысливается культурная природа феномена телевизионной критики, обосновывается его значимость для научных и образовательных штудий в области журналистики, определяются перспективные маршруты его изучения. Оказываясь одним из проявлений телевизионной культуры, телекритика в то же время продолжает богатейшие традиции русской литературной рефлексии, поэтому зарождение телекритики и ее современное функционирование предлагается оценивать в контексте устойчивых литературных представлений ХХ века.

**The genesis and development of television criticism
in the context of Russian literary culture of the 20th century
(A formulation of the problem)**

E.E. Zakharov

The article gives an interpretation of the cultural phenomenon of television criticism, proves its importance for scientific and educational aspects of journalism studies and defines the perspective ways of research. While being a manifestation of television culture, television criticism at the same time continues the traditions of Russian literary reflection, so it is suggested that the genesis and modern functioning of television criticism be evaluated in the context of settled literary conceptions of the 20th century.

Несмотря на то что научная, учебно-методическая и профессионально-практическая значимость феномена медиакритики осознана сравнительно недавно, в последние годы появилось несколько теоретико-журналистских работ, осмысляющих природу, функции и учебно-научные перспективы изучения критики средств массовой информации. В один голос сетуя на то, что «критика практически выпала из поля зрения исследователей СМИ»¹, что «журналистская критика – недостаточно проясненная пока профессиональная сфера»², да и сама она «находится в стадии самоопределения и становления»³, новейшие исследователи настойчиво внушают убеждение в необходимости создания самостоятельной теории и истории журналистской критики, актуальность которой обусловлена важностью самого предмета.

По мнению А. П. Короченского, автора единственной на сегодняшний день отечественной монографии о медиакритике, распространение регулярной оценки и интерпретации текстов СМИ (текстов – в широком, семиотическом смысле) должно сказаться, в первую очередь, на качестве самого медийного продукта: современной печатной и электронной прессе явно не хватает влиятельного «зеркала», способного продемонстрировать нашей становящейся и пока еще полупрофессиональной журналистике ее многочисленные творческие, технические и, так сказать, ментальные просчеты. Критика по своей природе может стать ключевым элементом в коммуникативных взаимоотношениях СМИ и общества, который, с одной стороны, приоткрывает перед аудиторией тайну журналистской «кухни», а с другой – выражает культурно-информационные и эстетические запросы читательской (зрительской, слушательской) массы. Именно это позволяет говорить о «регулятивной» функции медиакритики, о ее «демократическом потенциале», о «цивилизующем начале», которое «способствует коррекции и нейтрализации негативных проявлений в деятельности СМИ и в их взаимодействии с обществом – в частности, тенденций, порожденных нерегулируемым или недостаточно эффективно регулируемым развитием рыночных отношений в медийной сфере и чрезмерной коммерциализацией массово-информационной деятельности»⁴.

Многие вузовские специалисты в области журналистики (В. В. Прозоров, А. В. Федоров, Г. В. Кузнецов и др.) рассматривают медиакритику в качестве необходимого компонента современного журналистского образования. Действительно, любая творческая деятельность должна начинаться с эмоционально-аналитических взыскательных рефлексий по поводу этой деятельности. По настоящему профессиональный талантливый писатель (художник, режиссер и т.п.) не может состояться, не будучи талантливым же читателем, зрителем и, в хорошем смысле, подражателем. Так и журналист «начинается с умения читать, слушать, смотреть – воспринимать чужие производственные опыты. Только так можно шаг за шагом сформировать в себе важнейшие критерии отношения к собственному делу»⁵.

Построение полноценной теоретической системы знаний о медиакритике немислимо без понимания ее культурных истоков, без генетического и диахронического анализа. Авторы новейших исследований единодушно обнаруживают родственную связь медиакритики с критикой литературы и других искусств. Г. В. Кузнецов, например, рассказывает, что дипломники факультета журналистики МГУ «пробуют искать корни эстетических пристрастий телекритиков в традициях Герцена и Добролюбова. Наиболее вдумчивые вспоминают еще Стасова и Шкловского, то есть музыкальную, художественную, кинематографическую, театральную критику, чьи традиции должны лежать в основе добротной критики ТВ»⁶. По мнению А. П. Короченского, критике СМИ «свойственна большая степень близости с другими областями критико-журналистского творчества – кинокритикой, литературной, музыкальной критикой, вплоть до их взаимопроникновения» – но только там, где медиакритика менее всего связана с «журналистским компонентом медийного содержания»⁷. В. В. Прозоров – наоборот, видит не только типологическое родство, но и отчетливую преемственную связь именно между журналистской и литературной критикой: «Критика журналистского творчества, обращенная на эстетические и нравственные достоинства и недостатки в произведениях СМИ, на профессиональные особенности журналистов, на их этические позиции, политико-экономические взгляды, гуманитарно-правовые убеждения и т.д., в нынешних перевернувшихся социокультурных обстоятельствах отчасти берет на себя исполнение прежних, традиционных для России общественных обязанностей критики литературной»⁸.

Очевидно, что к осмыслению истории отечественной журналистской критики, к выявлению культурных обстоятельств ее возникновения сделаны лишь первые, хотя и зримо поступательные, концептуально перспективные шаги. Детальное изучение проблемы зарождения и развития критики СМИ в России – одна из насущных задач современной журналистской науки, решение которой должно существенно дополнить, а то и скорректировать складывающиеся представления о природе рассматриваемого феномена.

Показателен в этом отношении опыт А. П. Короченского, в монографии которого, вопреки уверениям автора, явно преобладает синхронический взгляд на медиакритику как на явление конца XX – начала XXI века – взгляд, который, думается, несколько сужает понимание культурной сущности и функций феномена. Безальтернативное употребление термина «медиакритика» («критика СМИ») заведомо ограничивает научный поиск хронологическим рубежом середины XX столетия: по отношению к более ранним журналам и газетам вряд ли вполне применимо понятие «средства массовой информации» (или его заимствованный эквивалент «масс-медиа»). Между тем первые регулярные рефлексии по поводу журналистской продукции обнаруживаются задолго до указанной даты – и в начале XX, и в XIX веке.

С другой стороны, обращает на себя внимание отчетливый прогностический и нормативно-повелительный пафос работы ростовского исследователя. А. П. Короченский, как, впрочем, и другие авторы, признает распространение медиакритики делом будущего и не столько анализирует существующие образцы критико-журналистского творчества, сколько высказывает предположения о том, какой может стать и какой должна стать медиакритика. Правомерность такого подхода не вызывает возражений, однако он требует еще более досконального изучения исторической природы явления. По логике же автора выходит, что полноценной истории медиакритики еще и не существует... Возникающее противоречие можно устранить, если говорить не в целом о медиакритике, лишь формирующейся журналистской службе, а об одном из ее видов – о телевизионной критике, которая реально функционирует в течение полувека и пользуется все большим читательским признанием и профессиональным авторитетом.

Как считает А. П. Короченский, сегодня специализации медиакритики «не могут существовать и рассматриваться в отдельности, в отрыве друг от друга»⁹. Практика показывает обратное: современная телекритика сложилась в отдельный журналистский институт со своими традициями и функциями, со своими классиками (В. Саппак, С. Муратов и др.) и нынешними лидерами (по обще-

му мнению – И. Петровская), со своими печатными органами («Искусство кино», «Известия»). И если по принципиальным творчески-коммуникативным задачам, которые она ставит перед своими авторами, телекритика и не отличается разительно от своих собратьев (радиокритики, критики печатной и сетевой прессы), то специфика самого телевидения – парадоксального, многослойного и мало еще, в сущности, изученного феномена – диктует ей совершенно исключительные задачи и условия существования.

И в первую очередь следует говорить, конечно, об уникальной популярности телевидения. «Журналистские тексты, – пишет В. В. Прозоров, – занимают умы и сердца сограждан в такой степени, какая никогда не снилась ни одному из искусств, включая кинематограф»¹⁰. Можно с уверенностью утверждать, что ныне телевидение достигло такой степени массовости, популярности и влиятельности, которая не снилась ни газетам, ни радио, ни (пока еще!) Интернету. В отличие от недавнего прошлого телевидение сегодня стало для большинства главным и даже единственным «окном в мир» – источником знаний и эмоциональных переживаний, средством формирования культурных представлений о мире. Через несколько десятилетий после завершения эпохи отечественного культурного литературоцентризма властно и решительно наступает новая эпоха – эпоха телецентризма.

Одной из причин тотального, лавинообразного распространения телевидения, о котором пророчески писал еще В. Саппак в знаменитой книге «Телевидение и мы», является, возможно, то, что оно быстро преодолело границы, отводимые ему как средству массовой информации. По словам Э. Г. Багирова, «телевидение можно рассматривать в одном ряду с газетами, журналами, радиовещанием – как специфический вид журналистики, и можно подходить к нему как к особому эстетическому явлению, соотносимому, например, с фотоискусством или искусством кино»¹¹. Телевидение на протяжении своей истории проявляется все больше не как культурно-информационный, а как культурно-эстетический феномен.

В принципе, по признанию большинства теоретиков, качества художественной образности присущи тексту любого СМИ, который «не столько с протокольной точностью повествует о случившемся, сколько сам рисует <...> портрет господина Случая»¹². И дело здесь не ограничивается тем, что в медийном комплексе могут присутствовать «журналистские» (=документальные) и «нежурналистские» (=художественно-образные) компоненты¹³. Само документальное журналистское творчество, основанное на отборе отдельных явлений из быстротекущей первоизданности бытия, содержит в себе значительный потенциал художественного преобразования действительности. Особенности процесса журналистской регистрации жизненных явлений, помноженные на специфику многочисленных «экстражурналистских» способов обработки материала, порождают самостоятельную систему художественно-образных средств у каждого вида СМИ, которая, в свою очередь, позволяет говорить о СМИ как о новом искусстве, сменившем литературу в роли самого распространенного, влиятельного и авторитетного «властителя дум»: «сегодня <...> все широко известные нам средства массовой коммуникации образуют глобальную версию искусства слова. СМИ берут на себя не просто функцию неких фиксаторов и трансляторов происходящего. СМИ создают образ происходящего, создают образную картину мира»¹⁴. Разнообразие художественно-выразительного строя средств массовой информации дало возможность В. В. Прозорову сопоставить виды СМИ с традиционными литературными родами: печатная пресса воссоздает эпический способ творческого преобразования мира; радиовещание тяготеет к передаче лирического самовыражения личности; в телевизионной синтетической эстетике преобладают художественные принципы драмы¹⁵. Уже в этой аналогии с драмой, которая со времен Аристотеля считается высшей формой художественного познания, вобравшей в себя приметы других литературных родов, запечатлелось представление о телевидении как об особом феномене, включенном в ряд других СМИ, но из этого ряда стремящегося выделиться.

Можно предположить, что специфика словесно-зрительно-звуковой телевизионной

образности обуславливает значительно большую эмоционально-эстетическую насыщенность телевизионного текста по сравнению с другими медиатекстами. Жесткие требования зрелищности и наглядной информативности диктуют свои условия самому «журналистскому» виду телевизионных программ – теледокументалистике. «Отбор на телевидении, если он сознательно и не подчеркивается, имеет первостепенное значение. Фактически это главное, что позволяет бесконечное множество жизненных проявлений превратить в ограниченное рамками телеэкрана и телепередачи зрелище»¹⁶. Распространяемый компанией «Internews», ставший уже хрестоматийным учебный фильм «Создание информационного сюжета» недвусмысленно рекомендует при отсутствии живых выразительных планов использовать «постановочные» – в ущерб документальной буквальности, но для достижения настоящей художественной истинности.

Мощнейший эстетический потенциал телевизионного зрелища, не сравнимый ни с каким другим медиапродуктом, привел к появлению на ТВ значительного количества программ, не связанных ни с информацией, ни с документалистикой – игровых кино- и телефильмов, телеспектаклей, эстрадных концертов, разного рода викторин и шоу. Телевидение породило такой популярный во второй половине XX века феномен, как спорт с его небывалой остроконфликтной драматичностью и визуальной привлекательностью. Преобладание игровых, художественных (это слово употребляется здесь без оценочной коннотации – качественный уровень «художественности» может быть очень разным) программ оказало влияние и на документальные жанры телевидения, которые все больше начинают подчиняться эстетическим требованиям драматичной зрелищности. Достаточно вдуматься в природу популярного жанра ток-шоу, чтобы увидеть его вопиющую парадоксальность: серьезный разговор о животрепещущих политических, экономических, культурных проблемах должен строиться по законам театрального представления, в котором главным становится не выяснение точек зрения, а их столкновение, не поиск компромиссов, а обострение противоборств. Однако и традиционные инфор-

мационные выпуски начинают раскрашиваться в яркие цвета телевизионного шоу.

Телевидение сегодня значительно больше, чем другие СМИ, функционирует по законам искусства. Оно не информирует, не отражает, оно строит новую реальность, приспособленную для комфортабельного жизневосприятия массового сознания. Телевидение сегодня – нечто большее, чем средство массовой информации. Это – вид массового искусства, которое благодаря своей экономико-технологической и художественно-образной доступности оставило вне конкуренции другие виды художественной деятельности. Но это и инструмент политики, который постепенно превращается в самодостаточный политический институт, имеющий вполне определенные властные функции и успешно конкурирующий с тремя официальными руководящими «ветвями». Это – род рискованного, но заманчивого предпринимательства, которое сегодня становится ключевым звеном в золотой цепочке гигантской индустрии шоу-бизнеса.

Мы вправе говорить сегодня о существовании сложившейся телевизионной культуры, имеющей колоссальное значение для современной человеческой цивилизации, определяющей многие происходящие в мире процессы. Как значимую составляющую телевизионной культуры необходимо рассматривать и феномен телевизионной критики. Собственно, любая культура начинается с того момента, когда возникает рефлексия по поводу явления, лежащего в ее основе. Культура выражает себя в рефлексии о себе самой. Если учесть, что рефлексия о явлениях художественной культуры оформляется в виде критики, будет ясна роль телекритики как средства самовыражения, самопознания телекультуры. И бурное распространение отечественной телевизионной критики в 1990–2000-е гг. окажется свидетельством стремительной экспансии телевизионной культурной общности.

С другой стороны, когда идет речь о разных видах художественной критики (музыкальной, театральной, критике изобразительного искусства, кинокритике и, наконец, телекритике), не всегда учитывается, что язык ее функционирования, как правило, не адекватен языку того искусства, которому

она посвящена. Этот язык ближе всего к языку художественной словесности, это язык литературной критики. Вольно или невольно любая художественная критика, подчиняясь, в том числе, и устойчивым языковым обычаям, ориентируется на традиционные образцы критики художественной литературы, тем самым включая «свой» вид искусства в пространство литературной культуры. Расцвет разнонаправленной художественной критики Серебряного века, связанный с деятельностью В. Стасова, А. Волынского, М. Волошина, К. Чуковского, а позже – Ю. Тынянова, В. Шкловского, является красноречивым тому подтверждением.

К телевизионной критике это относится еще в большей степени. Претендуя на верховное положение в иерархии современных художественных культур – положение, которое на протяжении столетий занимала словесность, – телевизионная культура нуждается в постоянной самооценке, основанной на этико-эстетических критериях литературной традиции. Телевидение сегодня ведет напряженный диалог с нравственными и художественными принципами литературы: восприятие телезрителями одних программ как достойных, высокохудожественных, или хотя бы нравственно-приемлемых («Чтобы помнили»), программы Э. Радзинского, из наиболее популярных – «Пока все дома», «Сам себе режиссер»), а других – как сомнительных, «пошлых», безнравственных («Окна», «Большая стирка», «За стеклом») формируется в системе координат литературной культуры. Хотя, может быть, с точки зрения самого телевидения, художественным достоинством которого со времен Дзиги Вертова считалось живое документальное «подглядывание» за жизнью обычного человека, тот же проект «За стеклом» должен рассматриваться как верх телевизионного совершенства.

В этом драматичном диалоге телевизионной и литературной культур телекритика одновременно выступает как часть первой и как громкий, все более заметный голос второй. Достаточно вспомнить, что среди первых оценщиков телевидения было немало профессиональных литераторов (К. Чуковский, И. Андроников и др.). Но и многие сегодняшние телекритики «прочитывают» телевидение сквозь призму общенационально-

го литературного опыта. Симптоматична, к примеру, оценка, которую дает И. Петровская третьей серии новогоднего сериала «Старые песни о главном»: «Все сделано суперискусно, а не берет. Не трогает, не умиляет, не смешит». И далее следует обобщающий принцип интерпретации телевидения: «С точки зрения техники оно, говорят, творит чудеса. Но этим пусть восхищаются специалисты»¹⁷. Авторитетный комментатор «Известий» декларирует отказ от узкопрофессионального, технического, или, как прежде говорили, имманентного, подхода в пользу универсального нравственно-эстетического – и уже этим показывает свою верность традициям классической литературной критики, в поле зрения которой входит, конечно, не только «творческий процесс, авторская мастерская творца, созданные им произведения, содержательные и формальные аспекты воплощения в них авторского замысла»¹⁸. Вспомним, что даже такой тонкий ценитель литературы, как Ап. Григорьев, не сочувствовавший злободневно-разоблачительному пафосу Чернышевского и Добролюбова, заявлял о бесперспективности «отрешенно-художественных» критериев: «<...> сущность искусства раскрылась нам так, что не подлежит уже суду чистой техники, и значение критики определилось бесповоротно». Критик «чувствует, где что не так, где есть фальшь в отношении к миру души или к жизненному вопросу, где не досоздалось или где испорчено ложью воссоздание живого отношения»¹⁹.

Роль телекритики как хранительницы неких вечных нравственно-эстетических ценностей, дарованных и сохраненных отечественной литературной культурой, подчеркивается и обильным упоминанием устойчивых литературных образов и выражений: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, потрясений и судьбоносных свершений ты один мне надежда и опора, о, телевизор!»; «<...> проходит неделя, и какая-нибудь суперглупость, сверхгадость или архипакость снова перевешивают чашу весов, и пальцы тянутся к перу, перо к бумаге...»²⁰. Интенсивные литературные аллюзии вызывает современная телеполитическая реальность у другого «известинского» телекритика – Ю. Богомолова. Этическая оценка не-

давнего противостояния двух российских медиаолигархов получилась очень лаконичной: «В то время, как Иван Никифорович Гусинский отправился в Давос, его, Ивана Ивановича Березовского, туда не допустили»²¹. Нравственную ущербность современной тележурналистики тоже легче всего показать, используя литературные образы: репортеры, освещавшие трагедию на Пушкинской площади в Москве, напомнили критику «Бобчинского и Добчинского – людей, потрясенных не столько событием, сколько собственной причастностью к истории. <...> Иные из телеканалов слишком поторопились оповестить мир, что они первыми сказали «э!»; из программы «Растительная жизнь» получилось «продолжение «Вишневого сада». За буржуа-предпринимателем Лопахиным, вырубившим красивый сад и настроившим дач, является эстет Лобков и декорирует буржуазную действительность – “делает ее Лопахину красиво”»²². Сравнение же президентской предвыборной кампании 2000 г. с комедией «Горе от ума» тонко и иронично демонстрирует призрачную ходульность и декоративную театральность российской политической жизни: «Александр Андреевич Чацкий – это, конечно же Григорий Алексеевич Явлинский. Зюганов – Скалозуб. (Хотя на этой роли органичнее смотрелся бы, пожалуй, Лебедь. Но он занят нынче в другом спектакле). Идеальный Репетилов – Жириновский, который, впрочем, на замену мог бы сыграть и Загорецкого. Путину подошла бы роль Молчалина. <...> Софья – власть. Точнее сказать: электорат, что в данном случае то же самое. Кто же Фамусов? Ельцин, разумеется»²³.

Углубленное осмысление феномена телевизионной критики, всей телевизионной культуры и, как следствие, самого телевидения невозможно вне литературного контекста. Для постижения сущностных свойств телеэстетики необходимо определить истоки ее зарождения, движущие «механизмы» ее формирования – а это неминуемо отсылает исследователя к «дотелевизионным» временам, к закономерностям литературной культуры.

По справедливому замечанию Э. Г. Багирова, «не умаляя значения научно-технических факторов, определяющими для бур-

ного развития всей системы средств массовой информации <...> следует считать предпосылки социально-исторического характера»²⁴. А. С. Вартанов связывает зарождение телевизионной художественности с общим стремлением искусства к достижению предельного соответствия реалиям внеэстетической действительности: «Вся история искусства, если взглянуть на нее с позиций эволюции художественного языка, является собой путь постоянной борьбы за овладение натурой»²⁵. С точки зрения известного телеведа, телевидение как раз и воплощает искомую степень совпадения реальности и ее образа: «<...> фотографическое повествование телевизионного экрана, исключаящее (в самом методе воспроизведения реальности) человеческую субъективность, полностью удовлетворяет нашу потребность в невыдуманной натуре»²⁶. Мнение А. С. Вартанова отражает достаточно распространенную в среде теоретиков журналистики позицию – не случайно, например, тот же А. П. Короченский называет «обязанностью» медиакритики «постоянно анализировать содержание СМИ, сопоставляя его с действительностью на предмет выявления адекватности отражения, степени соответствия реальному состоянию общества и объективным социальным потребностям»²⁷. Без сомнения, масс-медийная сущность телевидения обуславливает специфику телевизионного образа как воспроизводящего невыдуманные, неигровые фрагменты реальности. Однако представление о ТВ как о фотографически-буквальном «слежке» с действительности кажется преувеличенным и утопичным.

Еще В. Г. Белинский, страстно радевший за соблюдение эстетического принципа «верности действительности», предрекал литературе скорый отказ от выдуманных образов и переход к исторически-документальному повествованию. Эта тенденция, проявившаяся в распространении художественного метода натурализма, достаточно быстро обнаружила свою тупиковость: натуралистическое копирование реальности никак не обеспечивало литературе желанное воссоздание жизненной правды. Эстетический поиск обернулся в противоположном направлении: другой известный принцип «*a realibus ad realiora*» повел литературу по пути значи-

тельного усложнения образной системы, связанного с изменением представлений о самой «объективной» реальности.

Более важной предпосылкой зарождения телевизионной культуры видится существовавшая в XIX – начале XX века тенденция к демократизации искусства. Одной из универсалий русской классической литературной мысли стала проблема народности литературы. Осознанная еще А. А. Бестужевым-Марлинским и другими представителями «гражданственного» романтизма, она нашла горячий отклик в размышлениях А. С. Пушкина, Н. А. Полевого, В. Г. Белинского, славянофилов, почвенников и мн. др. и прочитывалась не только как выражение «общего субстанциального чувства русского»²⁸, но и сквозь призму общенациональных читательских запросов.

Другим проявлением этой же тенденции стала дискуссия о массовой литературе, начавшаяся в конце 1820-х гг. после публикаций произведений Ф. В. Булгарина и Барона Брамбеуса. Характерно, что именно стремление донести до народной читательской массы новые литературные веяния руководит некоторыми философско-эстетическими замыслами русских символистов. «Истинный символизм, – записывает Вяч. И. Иванов, – должен примирить Поэта и Чернь в большом всенародном искусстве»²⁹. Футурологические порывы Вячеслава Иванова и Андрея Белого, связанные с «предчувствием» нового жизнестроительного синтетического искусства – хоровой драмы-мистерии с интенсивным музыкальным, изобразительным и пластическим сопровождением, словно бы напрямую пророчествуют о наступлении телевизионной эры.

Революционная эпоха «восстания масс», утвердившая новые принципы функционирования искусства и создавшая саму телевизионную технологию, воплотила многие предсказания литературной культуры, хотя и вряд ли оправдала многие ее надежды...

Литературные корни телевизионной культуры еще раз свидетельствуют о наличии прочных родственно-преемственных отношений между литературной и телевизионной критикой. Одним из истоков современной критики следует считать и зародившиеся в недрах критики литературной рефлексии о

природе журнализма, о социальных задачах и творческих установках журналистики. С 1820–30-х гг., с публикаций Н. А. Полевого, Н. И. Надеждина, В. Г. Белинского начинаются регулярные оценки текущей журналистской продукции.

История отечественной телекритики обнаруживает известные параллели с процессом развития литературной критики. Если не брать во внимание немногочисленные статьи 1930–40-х гг., в которых ТВ воспринималось прежде всего как очередная ступень технического прогресса с неясными еще общественно-культурными последствиями, то эпохой рождения советской телекритики окажется вторая половина 1950-х – 1960-е гг. В это время, главным образом, со страниц журнала «Искусство кино» впечатлениями о новом средстве массовой информации (и о новом искусстве) делятся сами «телевизионисты» – сценаристы (С. Муратов, И. Беляев), режиссеры (Б. Скопец, Т. Каск), редакторы (И. Муравьева), герои программ (И. Андроников, С. Образцов). Главной задачей первых дискуссий было не столько оценить существующие программы, сколько определить творческие «нормативы», уяснить, каким должно быть телевидение. Так, например, вполне серьезно и убедительно доказывается непривычный ныне тезис, что «живыми передачами ограничиваются рамки телевидения как искусства. Любой самый интересный телерепортаж, будучи снят на пленку, перестает быть явлением телевидения и становится явлением кинематографа»³⁰.

Самым масштабным событием в телекритике той поры стала, безусловно, посмертная публикация книги В. С. Саппака, проницательно предугадавшего колоссальную социальную значимость нового феномена и те нравственно-эстетические парадоксы, с которыми столкнется телевидение в ближайшем будущем.

Достаточно мощный поток оценочных и аналитических материалов о телевидении к концу 1960-х гг. неожиданно уменьшился. «Честно исследовать, а тем более критиковать ТВ было в 70-е гг. небезопасно. “Это все равно, что критиковать Советскую власть”, – рубанул с трибуны председатель Гостелерадио С. Лалин»³¹. Однако и в это время появляются проблемные сборники, книги и ста-

тьи С. А. Муратова, Э. Г. Багирова, Р. А. Борецкого, С. И. Фрейлиха, Д. А. Лунькова и др. Эти материалы можно было бы назвать телеведческими, однако, как и в литературном процессе XVIII–XIX веков, провести тонкую грань между критическим и научно-исследовательским осмыслением предмета здесь проблематично.

Настоящий расцвет телевизионной критики приходится на постперестроечную эпоху, на 1990–2000-е гг., когда наряду с уже перечисленными критиками-исследователями появляется целая плеяда профессиональных газетных телеобозревателей во главе с И. Петровской, когда популярные еженедельники и ежедневники («Литературная газета», «Комсомольская правда», «Труд» и др.) отводят телекритическим материалам столбцы и целые полосы, когда возобновляется активный интерес к ТВ в журнале «Искусство кино». Телекритика становится силой влиятельной и действенной: И. Петровская в своих статьях не раз ссылается на мнения читателей-зрителей, изложенные в адресованных ей письмах, и с естественной удовлетворенностью отмечает внимание к ее работам со стороны телевизионного начальства: «Как-то я написала о том, что в студии программы «Моя семья» полным-полно детишек самого нежного возраста, которых активно вовлекают в разговоры о взрослых проблемах, комплексах и даже извращениях. Вскоре, как мне рассказывали, статью зачитали вслух и обсудили на летучке ОРТ. Постановили: рекомендовать авторам воздержаться от приглашения на программу детей»³².

Сложившийся к сегодняшнему моменту значительный корпус телекритических текстов только еще предстоит систематизировать и осмыслить. Подлежит внимательному изучению проблематика статей, общий круг мотивов и индивидуальные проявления критиков. Однако уже сегодня можно с убеждением констатировать, что содержательный анализ телеведческих материалов не сможет обойтись без заинтересованного обращения к традициям литературной критики и литературной культуры.

На протяжении нескольких десятилетий телекритической истории одной из сквозных тем ее сосредоточенного вдумывания являет-

ся определение сущности телевидения, его социальных и культурных функций. Однако и литературная критика, непрерывно отвлекаясь от текущих оценок для теоретических обобщений, вынуждена была уточнять и поправлять затверженные эстетические истины, чтобы объяснить многочисленные литературные новации. Критики телевидения совпадают сегодня в том, что лабораторно сформулированные задачи ТВ как средства массовой информации и искусства слабо коррелируют с его фактической реализацией: его просветительские функции оборачиваются рекламно-заставочным «гримовским просветительством»³³; функция выражения общественного мнения превращается в собственную противоположность, «когда из любой передачи, песни, кинокартины, демонстрируемых по телевизору, вылезают пропагандистские уши, рога и копыта. Когда телевидение, руководствуясь самыми благородными как будто побуждениями, вновь превращается в шприц для вливания в нас, зрителей, идеологических инъекций»³⁴. Более того, телевидение в последние годы приобретает новую страшную роль: «Это важнейший транслятор, а значит, и механизм террора. Одновременно основное средство и главная цель массового психологического поражения»³⁵.

Как литературная критика, так и критика телевизионная уделяет большое внимание образу человеческой личности. Для телевидения это и образ автора в разных ипостасях (ведущий, сценарист, режиссер), и образ телегероя. И здесь критика нередко сталкивается с обескураживающим несоответствием ожидания и реальности: «Иные, типа мисс Собчак, возникнув из ничего, буквально на пустом месте <...>, становятся на том же пустом месте героями и героинями светских и криминальных хроник, “лицами” глянцевого журналов, участниками дневных ток-шоу на тему “Мужчины укладываются вокруг меня штабелями”. И вот уже, глядишь, и слава подоспела – пусть сомнительная, пусть дурная, но лучше такая, чем вовсе никакой. Не пропадать же такой шикарной барышне в тиши библиотек или в круговерти офисов. Мыльные пузыри начинают мнить себя властителями дум и сердец»³⁶.

И все-таки, как видно и из приведенных цитат, главная задача, которую берет на себя сегодня телекритика, это нравственно-эстетическая оценка выходящих в эфир программ. Искреннее стремление новейшей отечественной телекритики вернуть современное телевидение в этические пределы традиционной национальной культуры, выстраданные русской словесностью, как раз и определяет ее неумалимую социальную значимость – сродни той, которую имела классическая литературная критика.

Примечания

¹ Социология журналистики: Учеб. пособие для студентов вузов / под ред. С. Г. Корконосенко. М., 2004. С. 53.

² Прозоров В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву / В. В. Прозоров. Саратов, 2004. С. 65.

³ Короченский А. П. «Глятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики / А. П. Короченский. Ростов н/Д, 2003. С. 3.

⁴ Там же. С. 7–8.

⁵ Прозоров В. В. Указ. соч. С. 75.

⁶ Кузнецов Г. В. Так работают журналисты ТВ / Г. В. Кузнецов. М., 2004. С. 134.

⁷ Короченский А. П. Указ. соч. С. 23.

⁸ История русской литературной критики / под ред. В. В. Прозорова. М., 2002. С. 434.

⁹ Короченский А. П. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Прозоров В. В. Указ. соч. С. 69.

¹¹ Багиров Э. Телевидение как средство массовой информации и художественная культура / Э. Багиров // Проблемы телевидения. М., 1976. С. 4.

¹² Прозоров В. В. Указ. соч. С. 62.

¹³ Ср.: «Понятие «средства массовой информации» не может отождествляться с понятием «журналистика», поскольку содержательный комплекс СМИ, стержнем которого являются журналистские произведения, включает в себя нежурналистские компоненты, нередко преобладающие в медийном содержании»; «Ввиду того, что медиакритика анализирует и оценивает не только журналистский компонент медийного содержания, но и другие его компоненты, ей свойственна большая степень близости с другими областями критико-журналистского творчества – кино-критикой, литературной, музыкальной критикой, вплоть до их взаимопроникновения» (Короченский А. П. Указ. соч. С. 3, 23).

¹⁴ Прозоров В. В. Современная журналистика в свете общего литературоведения / В. В. Прозоров // Литературоведение и журналистика. Саратов, 2000. С. 7–8.

¹⁵ Там же. С. 7–14.

¹⁶ Вартаков А. Граница искусства и современное телевидение / А. Вартаков // Проблемы телевидения. М., 1976. С. 36.

¹⁷ Сто одна телнеделя с Ириной Петровской. М., 1998. С. 319, 321.

¹⁸ Короченский А. П. Указ. соч. С. 21.

¹⁹ Григорьев А. А. Искусство и нравственность / А. А. Григорьев. М., 1986. С. 41, 44.

- ²⁰ Сто одна телнеделя с Ириной Петровской. С. 366, 374.
²¹ Богомолов Ю. А. Хроника пикирующего телевидения, 2000–2002 / Ю. А. Богомолов. М., 2004. С. 8.
²² Там же. С. 50, 54–55.
²³ Там же. С. 27.
²⁴ Багиров Э. Указ. соч. С. 6.
²⁵ Вартаков А. Указ. соч. С. 25.
²⁶ Там же. С. 35.
²⁷ Короченский А. П. Указ. соч. С. 25.
²⁸ Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» / К. С. Аксаков // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., 1982. С. 47.

- ²⁹ Иванов В. И. Родное и вселенское / В. И. Иванов. М., 1994. С. 142.
³⁰ Искусство кино. 1965. № 3.
³¹ Кузнецов Г. В. Указ. соч. С. 133.
³² Сто одна телнеделя с Ириной Петровской. С. 347.
³³ Там же. С. 152.
³⁴ Там же. С. 87.
³⁵ Дондурей Д. Война за смысл: Телевидение – не только информация, но и механизм террора / Д. Дондурей, А. Роднянский, Л. Радзиховский // Искусство кино. 2004. № 9. С. 5.
³⁶ Петровская И. Играем в дурака / И. Петровская // Известия. 2005. 28 янв.

УДК 882.09+929 Ульянов

«НАШЕ СЛУЖЕНИЕ РОССИИ...» К 100-летию со дня рождения и к 20-летию со дня кончины Николая Ивановича Ульянова

В. В. Прозоров, Д. В. Желтов

Саратовский государственный университет,
 кафедра общего литературоведения и журналистики
 E-mail: Prozorov@sgu.ru

Статья В. В. Прозорова и Д. В. Желтова посвящена литературному критику, представителю второй «волны» русской эмиграции Николаю Ивановичу Ульянову. Судьба Ульянова, появление его текстов в фондах Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич Саратовского госуниверситета, восстановление права быть включенным в единый контекст отечественной словесности – такой основной круг проблем, поднимаемых в работе.

"Our Service to Russia..." To the 100th Birth Anniversary and the 20th Death Anniversary of Nikolai Ivanovich Ulyanov

V.V. Prozorov, D.V. Zheltov

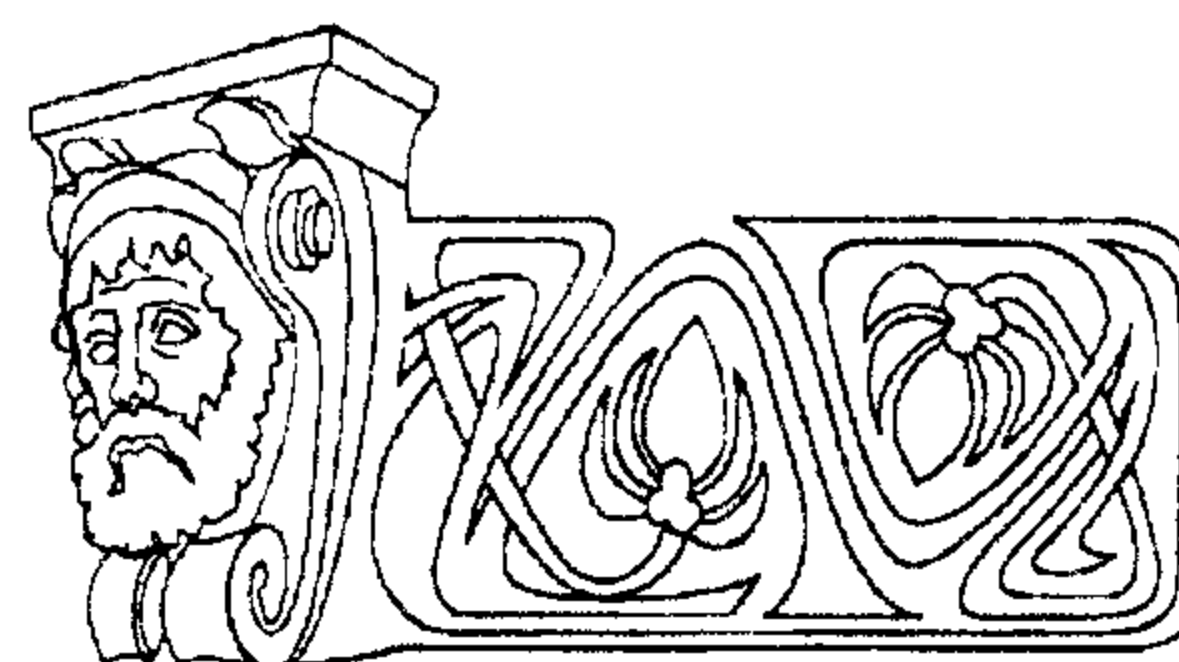
The article by V.V. Prozorov and D.V. Zheltov is dedicated to literary critic Nikolai Ivanovich Ulyanov, a representative of "the second wave" of the Russian emigration. The article is concerned with Ulyanov's fate, appearance of his texts in the fund of the V. A. Artisevich Zonal Scientific Library of Saratov State University, and Ulyanov's re-inclusion into the context of the Russian letters.

Нам поручен огонь культуры,
 чтобы вернуть его родной земле
 в тот день, когда открывается дверь туда.

Н.И. Ульянов

Н.И. Ульянов – один из выдающихся деятелей гуманитарной науки и духовной культуры русского зарубежья прошлого века. Его биография пронизана истинным драматизмом.

Ульянов прожил на земле 80 лет. Родился в 1904 г., в канун первой русской революции. Не стало его в 1985 г., в канун нашей перестройки¹.

Зональная научная библиотека Саратовского университета (ЗНБ СГУ) в 1990-е гг. значительно пополнилась зарубежными изданиями его трудов (главным образом прижизненными) благодаря дружеским эпистолярным связям вдовы Ульянова Надежды Николаевны с Верой Александровной Артисевич и другими саратовцами, в числе которых и один из авторов этой статьи.

Н.Н. Ульянова в самом начале 1990-х гг. послала в дар нескольким большим библиотекам России избранные работы своего мужа. Пришла такая ценная посылка и в ЗНБ СГУ. В. А. Артисевич, бессменный в течение многих десятилетий директор библиотеки, женщина редкого обаяния и удивительной энергии, надсленная от природы исключительным даром общения, мгновенно откликнулась на неожиданный подарок². Завязалась переписка³.

Надежда Николаевна щедро одарила нашу университетскую библиотеку книгами и статьями Ульянова и работами, ему посвященными.

В этом ценном ряду – историко-поэтический роман «Атосса» – о наших дохристианских предках, о бесславном походе Дария в Скифию, роман «Сириус» – о России в

Первую мировую войну (с эпитафией из Владислава Ходасевича «Проклятье вечное тебе, Четырнадцатый год!»), цикл оригинальных рассказов «Под каменным небом», сборники историко-литературных и литературно-критических статей, рецензий, некрологов, воспоминаний разных лет о Ремизове, Ходасевиче, Марке Алданове, Борисе Зайцеве, о многих других наших замечательных соотечественниках («Диптих», «Свиток», «Спуск флага», «Скрипты» и др.).

«Ваш интерес к работам Николая Ивановича, — признавалась Надежда Николаевна Ульянова Вере Александровне Артисевич в письме от 1 марта 1992 г., — радует меня. Ведь всё, что им написано — для русского читателя — в надежде, что когда-то он это прочтёт».

В другом письме (от 2 июня 1993 г.) Н. И. Ульянова вспоминает: «Я — сибирячка, училась и окончила мединститут в Иркутске... С мужем познакомилась в Москве, когда была там во время каникул. Эпистолярно знакомство продолжалось год, и я не думала, что закончится оно супружеством. Теперь, в 79 лет, часто вспоминаю нашу жизнь, прожитую в гармонии, дружбе, любви, счастье и в несчастье».

У Надежды Николаевны были все основания для таких итогов. Биография её мужа, а затем и их общее жизнеописание печально типичны для русского XX века.

Ульянов родился и вырос в Петербурге. В 1927 г. он окончил историко-филологический факультет Ленинградского университета, где и продолжал (вплоть до ареста в 1936 году по обвинению «в контрреволюционной пропаганде») работать под началом своего учителя академика С. Ф. Платонова.

Потом — Соловки, Норильские рудники, нежданное освобождение в 1941 г., вынужденная работа ломовым извозчиком (по иронии судьбы — в Ульяновске). Война. Рытьё окопов на фронте под Вязьмой, немецкий плен, дерзкий побег из Дорогобужского лагеря.

Шестьсот вёрст опасного пешего продвижения по оккупированной врагом территории. Жизнь в глухой деревушке под осаждённым Ленинградом. Неожиданная счастливая встреча с женой Надеждой Николаевной (поженились они незадолго до ареста Ульянова).

Отправка вместе с ней на принудительные работы в Германию, работа автоген-

ным сварщиком в лагере Карлсфельд под Мюнхеном. Потом, после войны, Марокко, Франция, Канада, с 1955 г. — Соединенные Штаты...

Последние десятилетия — преподавательская работа в Йельском университете в Нью-Хевене, сотрудничество в эмигрантских русских изданиях, частые поездки с Надеждой Николаевной в страны Европы: осмотр старинных городов, посещение библиотек и музеев...

В Нью-Хевене на могиле Н. И. Ульянова высится гранитный обелиск с выгравированным на нем православным крестом и с эпитафией-четверостишием из Георгия Иванова:

За пределами жизни и мира
Всё равно не расстанусь с тобой.

.....

И Россия, как белая лира
Над засыпанной снегом судьбой...

Лишённый возможности работать с российскими историко-архивными документами, Ульянов на Западе выбрал себе путь историка-эссеиста, прозаика, литературного критика и публициста, исследователя русской литературы и культуры. Он стал и одним из авторитетных летописцев русской эмиграции. «Было время, — говорил он в 1952 г. про первые послереволюционные десятилетия, — русская эмиграция могла высоко держать голову и быть предметом всеобщего внимания. Это когда она располагала величайшим культурным наследием, вывезенным из России. Лучшие писатели, музыканты, художники, балет, опера, виднейшие представители науки ушли в изгнание <...> Придёт время, когда этот период <...> станет предметом специальных исследований, о нём будут написаны книги, и тогда в полной мере откроется, какими огромными силами располагала зарубежная Россия»⁴.

Он был независим и свободен в своих суждениях об истории и современности. Всею душой был предан родине. О судьбе отечества и об ориентации России на европейские ценности рассуждал трезво и честно: «После Петра вся физиология нашей умственной жизни неразрывно связана с физиологией Запада. У нас нет иного пути, кроме западного. Но какие тернии растут на этом пути! Мы — единственный народ, обложенный высокой духовной пошłościю при въезде в Европу <...> Тип подлинно русского евро-

пейца не принимается Европой <...> За двести лет наше западническое лицо ничего кроме плевков или снисходительных усмешек не получало от Европы». И ещё одно очень острое, провидческое заключение, сделанное в 1962 г.: «Политические лозунги Запада зовут не к свержению большевизма, а к расчленению России»⁵.

Эту мысль он последовательно развивал в разных своих выступлениях. Так, в речи, произнесенной им 5 августа 1951 года, в день русской культуры в Касабланке (Марокко), Ульянов, на полвека опережая время, предсказывал: «С падением большевизма испытания России не кончатся; возникнет опасность распада её на множество мелких государств, и в этой беде спасти её может опять только культура <...> Наше служение России есть служение прежде всего культурное»⁶.

Очень часто в эмигрантских кругах (особенно в среде эмигрантов так называемой «третьей волны») он оказывался чужим среди своих. Ульянов писал, как жил: честно, откровенно, самобытно⁷. Он не любил связывать себя (пользуясь выражением Ф. М. Достоевского) «веревками чужих убеждений». Его живо интересовали деликатнейшие вопросы, связанные с понятиями «национальное чувство», «национальное самосознание», «национальная сущность». Ульянов был убежден, что всё это не предметы для риторических упражнений, не сюжеты для многолюдных громкоголосых митингов и других страстных словопрений. «Нация, — писал он, — есть величайшая определенность и величайшая неопределенность. Подобно божеству, она не терпит вложения перстов и эмпирического изучения. Испытующая рука хватает пустоту, как при попытке обнять бесплотный призрак»⁸.

Истинное национальное чувство, настаивал Ульянов, это прежде всего самоощущение, которое складывается веками, растёт, «как дерево, без шума»... Национальное же сознание часто сопровождается разного рода экзальтированными декларациями, манифестациями, безудержной пропагандой. «Национализм нового времени, — отмечал Ульянов, словно бы откликаясь на нынешние затяжные межэтнические и межнациональные распри, — не от народной толщи, а от политической элиты»⁹.

О «забывчивых», не помнящих родства Ульянов говорил так: «Все ненавидящие отчизну начинают с ненависти к её «проклятому прошлому». И добавлял: подлинный патриотизм не знает выборочных предпочтений, не знает скрытого или явного презрения к собственной истории, «как у французов, которые, любя королевский период своей истории и гордясь им, воздвигают памятники Дантону, всем деятелям Революции»...

В ученом-гуманитарии Ульянов, вслед за своим учителем С. Ф. Платоновым, более всего ценил «исследовательскую остроту открытия новых фактов и искусство восстановления исторической картины на их основе, а не отвлеченные умозрительные спекуляции»¹⁰. Вместе с тем нет и не может быть, считал он, отстраненного, холодно-педантичного или надменно-недоброжелательного по-стижения истины, в том числе и истины исторической, историко-литературной, литературно-критической. Истина не является нам вне сердечной привязанности, вне любви к предмету специального усмотрения. Ульянов писал об особых приметах этой любви, «чуждой страстных порывов, ровной, зато постоянной и глубокой. Иначе свой специальный предмет начинают либо по-сумасшедшему любить, либо по-сумасшедшему ненавидеть»¹¹.

Ульянову был близок и дорог подход к художественному тексту, предполагающий внимательное и бережное «раскрытие чужого произведения». Ему принадлежит методологическое откровение, касающееся важнейших исходных принципов профессиональной работы литературного критика: «первая забота критика — как можно меньше мешать пониманию произведения»¹². Бесшумное погружение в текст приближает исследователя и критика к затаённому в тексте и освещенному авторской волей пронзительному поэтическому смыслу.

Оспаривая тезис Д. С. Мережковского о чеховском «бытописательстве», в котором ощущается «тошнота и скука бреда», Ульянов пишет: «Что это за скука, когда в привычных вещах человек видит то, чего не видят другие? Это открытие. А открытие не бывает скучным. Страшным и полным трагизма — да, но скучным — никогда»¹³. В статье о Ходасевиче Ульянов выскажется ещё точнее: «Истинный художник и подлинное искусство начинаются там, где хотят сказать что-то о «неизъяснимом», чего мир доселе не

знал»¹⁴. Пытаться угадывать и определять эти художественные озарения – трудный и счастливый удел литературного критика и литературоведа.

Собственная исследовательская манера Ульянова – органичный сплав доказательно-аналитического и интуитивно-эмоционального начал. С полным доверием он относился к возможностям «интуитивного постижения» поэтического мира, открытого навстречу чуткому и заинтересованному читательскому вниманию.

Одна из вершин его критики текста – статья 1959 г. о гоголевском «Носе» – «Арабеск или Апокалипсис». Впервые в науке о Гоголе Ульянов тщательно рассматривает знаменитую сцену в Казанском соборе, где Нос, невероятным образом сбежавший с лица майора Ковалева, набожно молится: «Не домом молитвы, а филиалом Гостиного двора представлен у Гоголя Казанский собор». Ульянов пишет о родственной близости гоголевского произведения картинам Иеронима Босха: «Ни у кого торжество нечистой силы, её завладение миром не показаны с такой наивной простотой и экспрессией... Появление Носа – высшая степень затмения умов и наиболее яркое выражение призрачности мира... Майору Ковалеву и в голову не приходило, как близок он был к истине, когда говорил: «Черт хотел подшутить надо мной»¹⁵. Ульянов умел увидеть и определить прежде не угадывавшиеся нравственно-поэтические импульсы, мерцающие в глубинах художественно-целостных текстов.

Сложным и справедливым было отношение Ульянова к «подсоветской», как он говорил, гуманитарной (прежде всего исторической и филологической) науке.

Во-первых, он отчетливо различал официальную или догматическую науку, её адептов именовал «хранителями марксистско-ленинской ортодоксии», «марксистами сталинской эпохи» (к их числу Ульянов относил, например, литературоведа В. В. Ермилова), их отношение к художественному тексту определял как «грубое насилие над изучаемым материалом в угоду методу».

Во-вторых, в жестких тисках политически ангажированной науки Ульянов различал гуманитариев-реформистов, склонных к осторожной рефлексии, к тихоголосой ревизии

краеугольных догматов, к более или менее вольной их интерпретации. В разных контекстах в этой связи Ульянов вспоминает работы П. Н. Сакулина, В. Ф. Переверзева, С. Д. Балухатого и др.

Особая роль отводилась филологическим штудиям, в скрытой полемике с официальной идеологией провозглашавшим «всеобщество приёма» в художественной словесности: В. Б. Шкловский с пущенным им в оборот термином «остранение», «школа Шкловского–Эйхенбаума», В. В. Виноградов – исследователь гоголевского «Носа» и «носологии» и др. Это было, по Ульянову, «формальное» литературоведческое течение, усматривавшее «в приёме и материале самодовлеющее начало, сущность и единственный ключ к пониманию художественного произведения», сурово «проработанное» и «куда-то задвинутое»¹⁶.

И наконец, ещё один, наиболее близкий Ульянову, феномен «подсоветского» литературоведения. Он охарактеризован в статье 1966 г. «Чехов в театре Горького» (по поводу гастролей Московского Художественного академического театра в США в феврале 1965 г.). Главный вывод Ульянова-рецензента недвусмысленно отчетлив: «Зло рутины, против которого подняли бунт Немирович и Станиславский, вернулось в стены созданного ими учреждения в худшем виде»¹⁷.

Ульянов проникновенно пишет о «музыке чеховской пьесы, построенной на полутонах», о «врубелевской завороченности глаз, которые видятся при чтении «Вишневого сада», о сестрах Прозоровых – «тонких скрипках и флейтах – чистых интеллигентных существах», о том, что «драма у Чехова разыгрывается не в явном, а в скрытом плане, не в том, что говорится и делается, а что таится за речами и поступками действующих лиц»: «Одним коротким словом, паузой, недоговоренностью выражается больше, чем длинным монологом»¹⁸.

Впервые читая эту статью, ловишь себя на мысли, как близок Ульянов в своем понимании законов чеховской драматургии к ныне широко известным исследованиям о Чехове, принадлежащим перу профессора Саратовского университета Александра Павловича Скафтымова... И вознаграждаешь себя таким неожиданным по тем временам при-

знанием, которое делает автор на последней странице своей статьи-рецензии по поводу мхатовских гастролей: «Талантливый саратовский литературовед Александр Скафтымов (ныне, кажется, покойный)¹⁹ ближе всех подошел к пониманию нераздельно слитых формы и содержания чеховских пьес. Чехов, по его словам, увидел совершающуюся драму жизни в бытовом её течении, в обычном самочувствии, самом по себе, когда ничего не случается».

Прочитав Скафтымова по его книге, изданной в Саратове в 1958 г.²⁰, Ульянов заключает: «Вот бы из чего исходить постановщикам “Вишневого сада” и “Трех сестер”»²¹.

Факт многозначительный: мы далеки ещё от истинных представлений о глубинных внутренних связях нашей трагически расщепленной в XX веке, изо всех сил сопротивлявшейся драматическим обстоятельствам жизни отечественной культуры, русской гуманитарной мысли.

Н.Н.Ульянова писала: «Мне очень хочется, чтобы работы моего мужа достигли России, для которой он жил. Здесь (в эмиграции) его печатные и устные выступления вызывали восторг, зависть и злобу. Прибежали также и к замалчиванию. Когда в 1962 г. Николай Иванович был приглашен в Париж повторить свой доклад “Исторический опыт России”, один из слушателей пожелал написать об этом отзыв. Редактор газеты “Русская мысль” г. Водов согласился принять отзыв, но предупредил: “Только не хвалите!”. Хотя лично Водов был в хороших отношениях с Николаем Ивановичем. Многие из тех, кто в печати старался статьи Николая Ивановича шельмовать, искали с ним знакомства».

У Николая Иванович не всегда была благоприятная обстановка для творчества. Но воля и дух его не были сломлены даже пятилетней каторжной работой в концлагере СССР. Никогда в жизни он ни у кого не просил ни денег, ни положения. Довольствовался тем, что имел. Но к своим писаниям относился очень строго. Каждую задуманную книгу долго вынашивал, прежде чем оформить её на бумаге... Вся жизнь его была служением России»²².

В последнем письме в Саратов от 6 февраля 2000 г. Надежда Николаевна признавалась: «Наша жизнь с Николаем Ивановичем,

несмотря на многие тяжести и невзгоды, была счастливой и гармоничной. Сейчас живу воспоминаниями о прошлом. Это согревает меня в моем горьком одиночестве и помогает мне не падать духом...»

Только что вернулась из Флориды, где пробыла три недели. Океан очень хорошо взбадривает, а палящее солнце угнетает. Посему местные жители шесть месяцев сидят в закрытых домах с искусственным охлаждением, а на пляжах бодрствуют только туристы. Во Флориду сейчас съезжаются остатки старой русской эмиграции. Это “молодёжь”, все пенсионеры от 65 до 90 лет, материально обеспеченные, жизнь свою устраивают по возможности интересно. Но все думают о России, интересуются событиями на родине, надеются на её исцеление. Много жертвуют на детские дома и в монастыри. Но время берет своё, и зарубежная Россия уходит в Лету».

Наследие Н. И. Ульянова медленно, но верно, с полным на то правом возвращается на его историческую родину.

Примечания

¹ См.: Сечкарев В. Н. И. Ульянов – эссеист и ученый. К семидесятилетию / В. Сечкарев // Новый журнал. Нью-Йорк, 1975. № 119. С. 261–266; Зеньковский С. А. Верный флаг. Памяти Николая Ивановича Ульянова / С. А. Зеньковский // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. № 160. С. 268–274; В. С. [Самарин В.] Служение России. Памяти Н. И. Ульянова / В. С. [В. Самарин] // Вече. Мюнхен, 1985. № 18. С. 193–196; Отклики: Сб. ст. памяти Н. И. Ульянова. Нью-Хевен, 1986. 248 с.

² О жизни и судьбе В. А. Артисевич (1907–1999) см.: Библиотечная легенда. К юбилею директора Зональной научной библиотеки Саратовского университета Веры Александровны Артисевич. Саратов, 1996. 256 с.

³ В письме Вере Александровне Артисевич от 27 января 1996 года Н. Н. Ульянова с горечью заметит: «В своё время я многим русским библиотекам послала книги Николая Ивановича, но от них не получала подтверждения о получении, хотя всегда об этом просила» (все письма Н. Н. Ульяновой к В. А. Артисевич хранятся в домашнем архиве Э. Л. Шаталиной (дочери В. А. Артисевич); кроме того, мы приводим фрагменты писем Н. Н. Ульяновой к В. В. Прозорову, хранящиеся в его домашнем архиве).

⁴ Ульянов Н. Культура и эмиграция / Н. Ульянов // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. № 28. С. 264.

⁵ Ульянов Н. Исторический опыт России / Н. Ульянов // Ульянов Н. Скрипты / Н. Ульянов. Мичиган, 1981. С. 225, 226.

⁶ Ульянов Н. Культура и эмиграция / Н. Ульянов // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. № 28. С. 265.

⁷ Н. Н. Ульянова в письме к В. В. Прозорову от 11 августа 1996 года отмечала: «Николай Ивановича «зловред-

ность» критиков не расхолаживала, и шел он своим путем. Издатели и редакторы газет и журналов охотно всегда публиковали его статьи, не было случаев отказа. Он рад был тому, что был самостоятельным, не зависимым ни от какой партии и мог писать о том, что хотел. Темы у него рождались обильно, и многое он не успел осуществить, в частности, очень хотел написать книгу о русской деревне во время немецкой оккупации. Свидетелями этого времени мы были сами. Позднее мы всегда вспоминали с гордостью и благодарностью о героизме и патриотизме русского крестьянства в это страшное время».

⁸ Ульянов Н. Патриотизм требует рассуждения / Н. Ульянов // Ульянов Н. Диптих / Н. Ульянов. Нью-Йорк, 1967. С. 145.

⁹ Там же. С. 149.

¹⁰ Ульянов Н. С. Ф. Платонов / Н. Ульянов // Ульянов Н. Спуск флага / Н. Ульянов. Нью-Хевен, 1979. С. 127.

¹¹ Ульянов Н. Памяти М. Алданова / Н. Ульянов // Там же. С. 145.

¹² Ульянов Н. Десять лет / Н. Ульянов // Ульянов Н. Скрипты / Н. Ульянов. Мичиган, 1981. С. 21.

¹³ Ульянов Н. Мистицизм Чехова / Н. Ульянов // Ульянов Н. Свиток / Н. Ульянов. Нью-Хевен, 1972. С. 17.

¹⁴ Ульянов Н. Застигнутый ночью / Н. Ульянов // Там же. С. 41.

¹⁵ Ульянов Н. Диптих / Н. Ульянов. Нью-Йорк, 1967. С. 49, 53, 56, 59.

¹⁶ Там же. С. 42.

¹⁷ Там же. С. 63.

¹⁸ Там же. С. 68. О статье «Чехов в театре Горького» В. Сечкарев писал: «Она содержит глубокую интерпретацию Чехова под знаком его отношения к смерти; «Вишне-

вый сад» возводится, и как убедительно, в трагедию борцов за веру в красоту жизни, не уступающих до конца и разбитых под конец той другой, низкой жизнью, которая «прёт и побеждает» (Новый журнал. Нью-Йорк. 1975. № 119. С. 263).

¹⁹ А. П. Скафтымов скончался в Саратове в 1968 г.

²⁰ Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе / А. П. Скафтымов. Саратов, 1958. 390 с. Вероятнее всего, в условиях железного занавеса экземпляры книги А. П. Скафтымова попали за рубеж (в том числе и оказались в поле зрения Ульянова) благодаря смелым и небезопасным по тем временам инициативам и хлопотам Ю. Г. Оксмана. В письме к Скафтымову от 24 декабря 1958 года Оксман сообщал: «...я был очень обрадован вашей книжкой, хотя ждал её уже давно, и она не явилась для меня неожиданностью... Мне хотелось бы, чтобы вы прислали мне два-три экземпляра для отправки за границу» (Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / предисл., сост. и подгот. текстов А. А. Жук: публ. В. В. Прозорова // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. Вып. 2. С. 281-282).

²¹ Ульянов Н. Чехов в театре Горького / Н. Ульянов // Ульянов Н. Диптих / Н. Ульянов. Нью-Йорк, 1967. С. 80. Откликаясь на выход в свет сборника «Диптих», рецензент А. Небольсин сближает оценки чеховской драматургии, принадлежащие Н. И. Ульянову, с родственными суждениями А. П. Скафтымова: в статье «Чехов в театре Горького» Ульянов «показывает, что советский театр не понял Чехова, не понял «щемящий смысл бытового течения жизни» (выражение А. Скафтымова)» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 91. С. 288-289).

²² Из письма Н. Н. Ульяновой В. В. Прозорову от 4 октября 1999 г.

УДК 271.2(470-89)«16»+929 Зизаний

ЛАВРЕНТИЙ ЗИЗАНИЙ И ЕГО КНИГА «БЕСЕДОСЛОВИЕ»

С.В. Клейменова

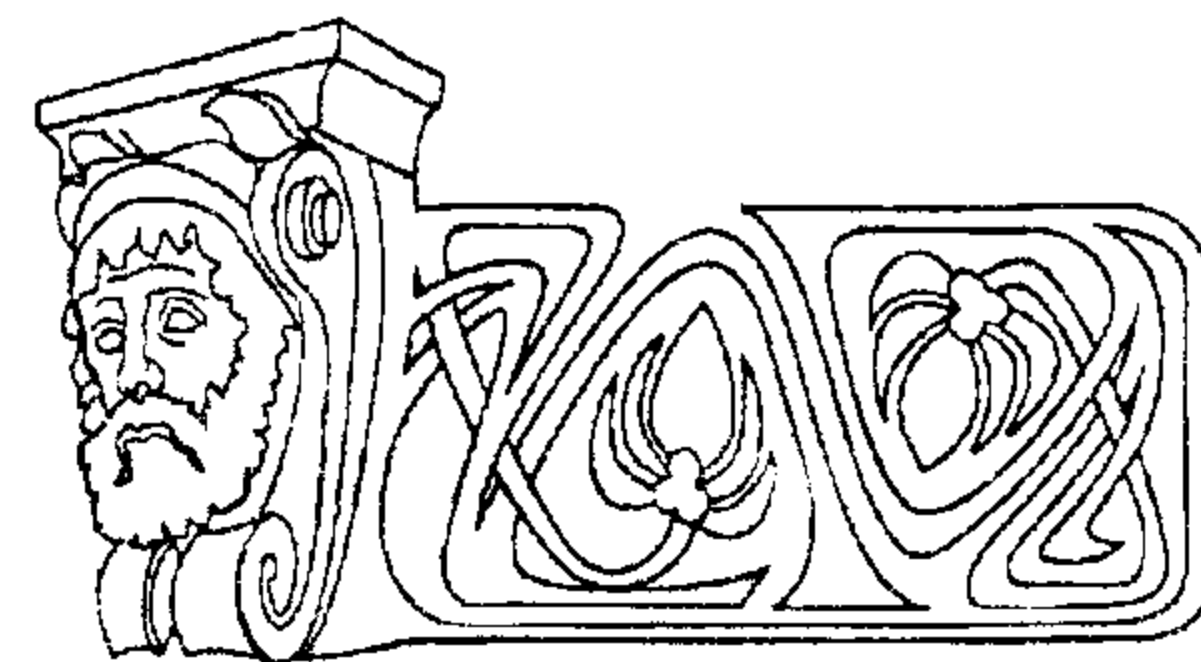
Зональная научная библиотека им. В. А. Артисевич,
отдел редких книг и рукописей
E-mail: ork@sgu.ru

Статья посвящена церковному писателю Лаврентию Тустановскому (Зизанию), бежавшему из Польши в Москву под покровительство патриарха Филарета. В отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки хранится список составленного Зизанием «Катехизиса», переименованного патриархом в «Беседословие» в связи с изданием книги в Москве.

Lavrentij Zizanj and His Book «Besedoslovije»

S.V. Klejmenova

The article is devoted to the writer of church Lavrentij Tustanovskij (Zizanj) who has run away from Poland to Moscow under the protection of Patriarch Filaret. In the Department of Rare Books and Manuscripts of the Zonal Scientific Library there is the list of «Katekhizis» compiled by Zizanj, which was renamed by Patriarch into «Besedoslovije» with the issue of the book in Moscow.

Имя Лаврентия Зизания, деятеля церкви, книжника, просветителя, хорошо известно историкам русской культуры XVII в. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона говорится: «Зизаний (Лаврентий Тустановский) – протоиерей, известный западно-русский ученый. Первоначально был преподавателем в львовском братском училище, откуда в 1592 г. перешел в Брест, затем в Вильну, где в 1596 г. издал азбуку и славянскую грамматику; был воспитателем у князя Александра Константиновича Острожского в Ярославле Галицком. Переехав в 1626 г. в

Москву, он представил митрополиту Филарету рукопись своего катехизиса, с просьбой ее исправить. Патриарх поручил исправление богоявленскому игумену Илье и справщику Григорию Онисимову, причем по поводу некоторых спорных мест у Лаврентия Зизания было с ними собеседование, окончившееся отказом его от всех тех мнений, которые были заподозрены московскими цензорами»¹.

Филарет (в миру Федор Никитич Романов) был известен как ревнитель книжного дела, об этом говорит хотя бы тот факт, что за время его патриаршества из Московской типографии вышло печатных изданий больше, чем за все время русского книгопечатания от его начала. Избранный патриархом в июле 1619 г., он уже в 1620 г. возобновил типографию на старом печатном дворе, привлек к работе справщиков и основал знаменитую типографскую библиотеку.

«Как ни ограничен был личный школьный горизонт патриарха Филарета, – писал А.В. Карташов, – недостаточный запас церковных книг на фоне быстро развивавшегося в Европе книгопечатания Филарета, как здорового политика, очень беспокоил. Он понимал книжную скудость русской церкви и очень ревновал об ее восполнении. Время междупатриаршества было периодом увядания церковного книгопечатания. Филарет о нем возревновал. В одном предисловии к напечатанной при Филарете книге свидетельствуется о нем: «... зельною ревностию одержим быв к божественным книгам, повелел печатанию строиться беспрестанно и предавать книги по всей русской земле святым Божиим церквам»².

Другую важную задачу Филарет, сам побывавший в польском плену, видел в том, чтобы принимать в Москве бегущих из Польши православных книжников, гонимых за веру. Как раз таким и был протоиерей Лаврентий Тустановский, по прозвищу Зизаний, прибывший на границу с двумя сыновьями просить царя и патриарха о милостивом приеме, «ибо из Ярослава (Галицкого) поляки его выгнали, церковь его разорили и все имение у него отняли»³. К тому же брат Лаврентия Стефан, дидакал виленской братской школы, был известным борцом против унии.

Как уже говорилось, Лаврентий Зизаний приехал в Москву не только как гость, он привез с собой рукопись «Катехизиса», на-

писанного им ранее в Вильне, в надежде, что ее напечатают с разрешения и по благословению патриарха. Так и произошло. По напечатании состоялось собеседование с уточнением различных богословских вопросов, записанное с протокольной точностью. Исторически сложилось так, что во взглядах московской школы, закрытой от внешних влияний и строго консервативной, и западно-русской, латинизированной, существовал ряд расхождений. Расхождения касались и литургической практики, и, самое главное, вопроса о том, признавать ли новые греческие книги или нет. Собеседование Лаврентия с цензорами закончилось его отказом от некоторых положений, которые были высказаны им в книге и противоречили, с точки зрения патриарха и справщиков, догматам православия. Запись этих бесед (всего их было три) опубликовал один из виднейших историков русской литературы Николай Саввич Тихонравов (1815–1895) в 1859 г. («Летописи русской литературы», кн. 4, экземпляр с дарственной надписью издателя Н.П. Барсукову хранится в отделе редких книг и рукописей ЗНБ СГУ). Документ озаглавлен «Прение литовского протопopa Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катихизиса»⁴. Текст был издан по рукописи XVII в., написанной скорописью.

Опубликованный Тихонравовым список – интересный источник для изучения истории духовной культуры Московской Руси первой трети XVII столетия.

Список книги Зизания и так называемого «прения» есть и в рукописном фонде отдела редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского университета. Эта лицевая рукопись конца XVII века, с двумя миниатюрами (инв. № 3362). Она озаглавлена «Книга глаголемая Катихизис, по литовски Оглашение, русским же языком нарицаемая Беседословие», написана полууставом, поступила в университет в составе книжного собрания Николая Платоновича Барсукова. В рукопись вклеено написанное мелким почерком письмо, сверху – запись карандашом: «Письмо Павла Ивановича Савваитова». Приведем текст письма:

«Достоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Благодарю усердно за доставленный мне случай познакомиться с Вашим Потребником. Он замечателен не по своему составу, а по редакции помещенных в нем статей, из которых есть некоторые не встречающиеся в других списках, а некоторые имеют свои особенности. Несколько я прочитал, а большую часть просмотрел мельком. Написание Потребника надобно отнести к XVI веку.

Надобно узнать мне – где продаст «Великий Устюг».

Не забыть бы адрес Лупифора Васильевича.

И «Потребник» и «В. Устюг» имею честь возвратить при сем Вашему Сиятельству.

Душевно преданный вам

П. Савваитов

Кусково, 2 сент. 885».

П.И. Савваитов (1815–1895) – известный русский историк и археолог. Какое отношение к рукописи имеет его письмо, адресованное графу Сергею Дмитриевичу (Шереметеву?), остается неясным.

Рукопись Н. П. Барсукова во многом отличается от списка, опубликованного Тихомировым. Первая написана полууставом, а вторая – скорописью. К особенностям письма списка, хранящегося в ЗНБ СГУ, можно отнести слитное написание предлогов со словами. Различия встречаются в написании фамилии справщика: «Анисимов» и «Онисимов». Более того, в списке Тихомирова Григорий Анисимов назван «Гришкой от книжные справки». Имеются и другие различия.

Список, обнаруженный Н. П. Барсуковым, украшают две замечательные книжные миниатюры. На одной из них изображены четыре человека в интерьере Нижней Палаты. Проиерея Лаврентия можно узнать в стоящем у стола со склоненной головой человеке с седыми волосами и бородой. Всего в рукописи 394 нумерованных листа. Переплет кожаный на досках с тиснением, обрез книги украшен тиснением.

Н. П. Барсуков, последний владелец уникальной рукописи, был знаком с Н. С. Тихомировым и имел возможность сравнивать оба списка. Знал ли о втором списке Тихомиров, – вопрос остается открытым.

Приведем фрагмент «Прения» по списку ЗНБ СГУ: «В лето 7135 [1627], февраля во 18 день, по приказу государя святейшаго патриарха, филарета никитича московскаго, и всеа россии, богоявленскому игумену илии, что на москве изза ветошного ряду, да от книжные справки, григорию анисимову, велено говорить с корецким протопопом, из литвы с лаврентием зизанием, о исправленных статьях из книги оглашения, которую он из литвы привез, своего слогу, и бил челом государю святейшему патриарху, чтобы ея исправил, а именована книга оглашение, и государь святейший кир филарет патриарх московский и всеа россии преименова ю беседословие, понеже оглашение есть книга, кирилла архиепископа иерусалимскаго, новокрещаемымся во иерусалиме, и единым именем многим книгам быть нелепо, и исправя государь святейший патриарх велел ея отдать протопопу лаврентию, а о тех статьях которые в ней несходны с рускими и греческими переводы, о божестве, и о воплощении и о святости господни, и о всяком действе христианскаго закона, а велено говорити любовным обычаем, и смирением нрава, а говорить велено им с ним, на государеве казенном дворе в нижней палате, пред государевым боярином князем иваном борисовичем черкасским, да пред думным дьяком феодором лихачевым...» (л. 1–1 об.).

Судя по тексту «Прения», несмотря на множество спорных вопросов, детально обсуждавшихся, беседа действительно велась «любовным обычаем, и со смирением нрава», а участники ее были образованными людьми своего времени, хорошо знавшими греческий язык. Справщики имели большой опыт работы с разными переводами, при необходимости обращались и к греческим оригиналам. Лаврентий Зизаний прекрасно знал латинский язык, имел опыт преподавания, написанный им «Катехизис» был далеко не первой его книгой. Выслушивая справщиков, он принимал их исправления, охотно соглашаясь. Согласился он и с новым названием своей книги, предложенным самим Филаретом – «Беседословие».

Поводов для богословских споров было, однако, немало. Первая беседа, состоявшаяся 18 февраля, закончилась тем, что «...игумен илия встав с книгою, и рек⁵ ему, да уш то де

ты лаврентий о том не кручинься, для того те статьи тебе объявлены, которые были в твоей книге непрямо написаны, и те все статьи государь святейший кир филарет патриарх московский и всея россии сам исправил, исправя велел напечатать, и напечатав тебе отдать» (л. 9 об.).

Завершилось же «прение» справщиков с Лаврентием так: «Потом мы паки рехом ему, скажи нам лаврентий что тебе еще с нами о сей книге говорити, есть ли речь тебе к нам, или нет, лаврентий рече всегда аз рад с вами беседовати, и лучшее избирати, а книгу аз государьского жалования всю проходил, и прилежно потрудихся при вас и без вас, и много просвещение души моей обретох, и дивлюся аз великой премудрости, православнаго государя святейшаго кир филарета патриарха московскаго и всея россии, каков разум, и каков смысл, какову великую богом дарованную премудрость имат в себе, как он государь толь великую книгу, а не в великое время учинил, воистину бог действует в нем, и взяв книгу к персем своим прикладывал, руками обжимал, и к себе прижимал, и любезно всюду ея целовал и потом прощение друг другу, со игуменом илиею давше и разыдошася с миром» (л. 23). Неоднократно употребленное местоимение «мы» позволяет предположить, что «прение» было записано одним из его участников.

А.В. Карташов видит историю с изданием «Катехизиса» так: «Доклад об этих беседах патриарху Филарету привел его в смущение. Если бы эти беседы были формой предварительной цензуры, было бы другое дело. А теперь это было, к сожалению,

уже по напечатании книги. Попутно патриарх сознал, что и самая форма книги Лаврентия, неведомый для Москвы «Катехизис» и ее содержание должны играть исключительную роль в богословии, и что без соборного суждения такую книгу пускать в ход нельзя. И дал приказ не выпускать книгу из типографии. Она там и осталась до новых переделок, и в данном Лаврентию виде она сохранена лишь в нескольких экземплярах и без выходного листа. Этот опыт с публикацией новой богословской книги обнаружил школьную немощь Москвы»⁶.

Как бы то ни было, нельзя не согласиться с тем, что «явно это была форма милостыни гонимому за православие русскому брату из Литвы»⁷, а вывод, к которому пришли в итоге патриарх и московские книжники, заключался в осознании необходимости учреждения школы на Руси. Само же «Прение...» осталось в истории русской духовной культуры как интересный исторический документ.

Примечания

¹ Зизаний В. П. / В.П. // Энциклопедический словарь: в 82 т., 4 т. доп. / под ред. И. Е. Андриевского. СПб., 1894. Т. 12 а. С. 585.

² Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. / А. В. Карташев. М., 1997. Т. 2. С. 99–100.

³ Там же. С. 103.

⁴ Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катихизиса // Летописи русской литературы и древности. издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859. Кн. 4. С. 80–100.

⁵ В списке, опубликованном Тихонравовым, используется форма: «рекл».

⁶ Карташев А. В. Указ. соч. С. 106.

⁷ Там же. С. 103.

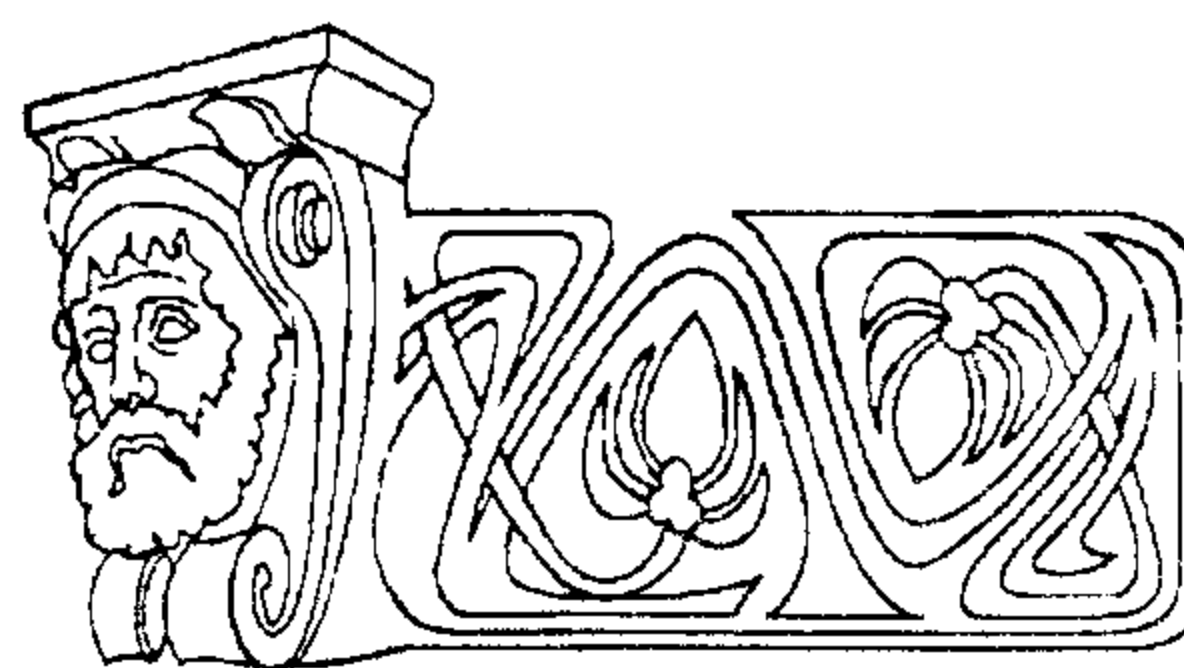
УДК 882.09-6 + 929 [Гоголь+Пушкин]

ОБРАЗ ПУШКИНА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ

Г.А. Гришин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: ggri@yandex.ru

В статье анализируется целостный образ А. С. Пушкина, заключенный в переписке Н. В. Гоголя. На материале всего гоголевского эпистолярного наследия прослеживается эволюция образа поэта, определяются его доминантные черты и черты, изменяю-

щиеся в зависимости от контекста письма. В ходе работы выделяются периоды, в границах которых характер обращений к образу Пушкина у Гоголя может быть целостно и однозначно описан.

The image of Pushkin in N.V. Gogol's epistolary heritage

G.A. Grishin

The article is devoted to analysis of integral image of A.S. Pushkin found in the letters of N.V. Gogol. The complete Gogol's epistolary heritage is explored to trace the evolution of the poet's image, to define its dominant features and features that change depending on the letter's context. The periods when the image of Pushkin in Gogol's writings can be subjected to integral and unambiguous analysis are also singled out in the article.

Сюжет литературных отношений двух русских классиков Пушкина и Гоголя уникален. Только работ одинаково озаглавленных «Пушкин и Гоголь» в отечественном литературоведении существует более десяти. В целом же библиография по теме, с учетом разных ее аспектов, насчитывает несколько сотен наименований. К настоящему моменту, наверное, можно говорить о существовании особой – сопоставительной пушкинско-гоголевской биографии.

Однако значение темы шире собственно научной проблематики. Ни один другой литературоведческий сюжет, пожалуй, не подвергался в России такой массивной мифологической обработке. В. Г. Белинский первым противопоставил творческие пути двух писателей и придал этому противопоставлению социально-исторический масштаб. Развивая его мысль, литературная критика второй половины XIX в. подняла имена двух гениев как знамена враждующих общественно-политических лагерей. После революции 1917 г. «дружба» писателей стала одним из основных элементов литературного мифа, положенного в основание советской государственной идеологии. В наше далекое от литературоцентризма время сюжет, по свидетельству Ю. В. Манна, не выходит из среды массового сознания и, претерпевая стадию демифологизации, парадоксально предстает обратной стороной мифической дружбы – небывалой враждой прозаика и поэта¹.

Литературоведческая мысль, конечно, тесно связана с массовой мифологической и общественно-политической ситуацией и во многом ориентируется на нее, но причины актуальности пушкинско-гоголевского сюжета не только в этом. Семантический центр темы, питающий на протяжении полутора веков полемику вокруг нее, – в сложном и глубоко выстраданном отношении Гоголя к

Пушкину. Следы этого – в художественном наследии писателя. Пушкин – персонаж «Ревизора», его имя упоминается в «Записках сумасшедшего» и «Невском проспекте». Размышления о пушкинской поэзии – едва ли не главная тема гоголевской публицистики. Совершенно особое место образ автора «Евгения Онегина» занимает в переписке Гоголя и его мемуаристике. Нет нужды напоминать о роли поэта в создании вершинных творений его младшего коллеги: «Ревизора» и «Мертвых душ». Но все же главная причина непреходящей актуальности темы не в этом. Полемический задор сюжету в течение всего времени его существования задавала, в первую очередь, гоголевская слава мистификатора. На недоверии к его воспоминаниям о Пушкине росло неприятие благолепной картины дружбы и тесного творческого единения двух русских гениев.

За полтора века полемики, очень разнообразной и стилистически и методологически, сложились две главные версии природы взаимоотношений писателей. Первая идет от самого Гоголя, его писем, созданных после смерти Пушкина в 1837 г., «Выбранных мест» и «Авторской исповеди». Она общеизвестна и описывается в терминах дружбы, соработничества, преемственности, общности целей и мыслей. Ее апологетами выступали в свое время П. А. Кулиш, Н. С. Тихонравов, В. И. Шенрок, Г. Л. Абрамович, Д. Д. Благой, А. Г. Гукасова, Г. П. Макогоненко².

Вторая версия построена на оппозиции к первой, поэтому более сложна и инвариантна. В настоящее время наиболее полное выражение она нашла в работах И. Золотуского³. Самый общий смысл этой версии, а точнее полюса версий, в констатации сложной природы взаимоотношений писателей. Исследователи, внесшие вклад в ее развитие (здесь можно назвать В. В. Каллаша, Б. Лукьяновского, А. С. Долинина, В. В. Гиппиуса, В. Э. Вацура, В. В. Прозорова, В. Ю. Белоногову)⁴, отмечали разницу в возрасте, социальном положении, образовании, взглядах писателей, находили случаи конкретных бытовых и творческих столкновений и констатировали, что в письмах и воспоминаниях Гоголя о Пушкине «история сменяется творимой легендой»⁵.

Черты гоголевского образа Пушкина чаще всего черпаются исследователями из переписки создателя «Мертвых душ», что оправдано в силу хотя бы известной характеристики, данной С.Т. Аксаковым эпистолярному наследию писателя: «Гоголь выражается совершенно в своих письмах; в этом отношении они гораздо важнее его печатных сочинений»⁶.

Причем к эпистолярному наследию писателя обычно обращались для подтверждения уже сформулированных мыслей и концепций. В качестве единого текста, содержащего законченный образ Пушкина, гоголевская переписка не рассматривалась, так же как и проблема эволюции образа поэта во времени. Не учитывался по большому счету и контекст писем, включающий своеобразие личностей гоголевских адресатов.

В связи с этим, мне кажется, совершенно оправданным обратиться к образу Пушкина в гоголевском эпистолярном наследии и попытаться целостно охарактеризовать его.

Первое упоминание имени Пушкина содержится в гоголевском письме матери от 24 июня 1831 г. «Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское Село, так:

Его Высокоблагородию

Александрю Сергеевичу Пушкину. А вас прошу отдать Н.В. Гоголю»⁷.

Как обоснованно предполагают биографы, сообщение этого адреса на родину (через месяц повторенное еще раз) имело скорее психологический, нежели практический смысл⁸. Начинаящий писатель пытался щегольнуть перед родными и близкими знакомством со знаменитым петербургским поэтом. Тем же стремлением прихвастнуть перед «своими» может быть объяснено и явное преувеличение (обычное, впрочем, для гоголевской переписки) в письме к А. С. Данилевскому: «Все лето прожил я в Павловске и Царском Селе. Стало быть, не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице. Почти каждый месяц собирались мы: Жуковский, Пушкин и я» (X, 214) – 2 ноября 1831 г.

Упоминания имени Пушкина в переписке начала 1830-х гг. передают восторг от знакомства и личного общения писателей. Гоголь находится под обаянием личности Пушкина и ценит факт их литературной близости очень высоко. Свидетельство этому в письме

к В. А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г. Здесь (в предвосхищении знаменитой статьи «Несколько слов о Пушкине») оценивается место поэта в истории русской литературы: «И Пушкин окончил свою сказку! Боже мой, что будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие возведут и стены, и купол, на славу векам, да поклоняются потомки и да имеют место, где возносить им умиленные молитвы свои» (X, 207). И здесь же описывается личное впечатление от случайной встречи с поэтом: «Это черт надел на себя зеленый мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем. Но Пушкин, как ангел святой, не побоялся сего рога того чиновника, как дух пронесся его мимо и во мгновение ока очутился в Петербурге на Вознесенском проспекте и воззвал голосом трубным ко мне, лепившемуся по неизменному тротуару под высокими домами. Это была радостная минута» (X, 206). Эти строки примечательны тем, что в них содержится описание ситуации, связанной с Пушкиным, но не относящейся к сфере литературной деятельности, что практически уникально для гоголевской переписки. Также замечательно и то, что образность этого отрывка вполне соотносима с образностью патетических писем Гоголя, написанных им в течение 1837 г., после получения известия о смерти Пушкина.

Но между 1831 и 1837 гг. лежат шесть лет тесного сотрудничества литераторов. В этот период Гоголь отстаивает литературную репутацию Пушкина в письмах к Данилевскому (30 марта и 20-е числа декабря 1832 г.), сообщает сведения о планах поэта своему недавнему знакомому И.И. Дмитриеву (30 ноября 1832 г.), ссылается на пушкинский пример, защищая перед редактором Журнала Министерства народного просвещения К.С. Сербиновичем литературность слова «чутье» (29 сентября 1834 г.), передает сведения об участии и хлопотах поэта при дворе М. П. Погодину и М. А. Максимовичу (20 февраля 1833 г. и 26 марта 1834 г.)

Все случаи появления имени Пушкина в переписке Гоголя этого периода можно разделить на две группы: либо Пушкин называется в качестве литератора и литературного

авторитета, либо упоминается в качестве человека высшего света, отстаивающего интересы гоголевских знакомых при дворе. Исключений два: критическая оценка образа жизни Пушкина в письме к А. С. Данилевскому 8 февраля 1833 г. и просьба к поэту, передаваемая через В. А. Жуковского, оказать содействие в работе над «Мертвыми душами» (12 ноября 1836 г.).

В последнем письме, несомненно, виден след размолвки, или, точнее, невыговоренного разногласия, произошедшего между писателями в Петербурге перед отъездом Гоголя за границу. Этому возможному конфликту посвящена обширная литература⁹, и если согласиться с мнением Ю. В. Манна, уверенного в «обиде»¹⁰ Гоголя на Пушкина после разногласий, связанных с редактированием «Современника», то обращение к Пушкину через В. А. Жуковского можно понять как попытку преодолеть этот конфликт. В пользу подобной версии свидетельствует также и то, что имя поэта упоминается во всех письмах к Жуковскому, написанных Гоголем после отъезда за границу и до получения им известия о смерти Пушкина.

Гибель поэта придает новое измерение его образу в эпистолярной Гоголя. Имя Пушкина с этого времени перестает употребляться в бытовом, житейском контексте и навсегда перемещается в лирически-возвышенный, а затем и в духовно-идеологический план.

«Никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не вообразил его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепет невкушаемого на земле удовольствия обнимал мою душу... Боже!» (XI, 88) – П. А. Плетневу, 28 марта 1837 г.

«Великого не стало. Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши ко мне, Бога ради. Напоминай чаще, что еще не все умерло для меня <на> Руси, которая уже начинает казаться могилою, безжалостно похитевшею все, что есть драгоценного для сердца. Ты знаешь и чувствуешь великость моей утра-

ты». (XI, 93) – Н. Я. Прокоповичу, 30 марта 1837 г.

«Заниматься каким-нибудь журнальным мелочным вздором не могу, хотя бы умирал с голода. Я должен продолжить мною начатый большой труд, который писать с меня слово взял Пушкин, которого мысль есть его создание и который обратился для меня с этих пор в священное завещание». (XI, 97) – В. А. Жуковскому, 18 апреля 1837 г.

«Я боюсь ипохондрии, которая гонится за мной по пятам. Смерть Пушкина кажется, как будто отняли от всего, на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать». (XI, 110) – Н. Я. Прокоповичу, 19 сентября 1837 г.

«О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни и как печально было мое пробуждение». (XI, 112) – В. А. Жуковскому, 30 октября 1837 г.

С. Т. Аксаков писал, что после смерти Пушкина «Гоголь сделался болен духом и телом <...> он уже никогда не выздоравливал совершенно и что смерть Пушкина была единственной причиной всех болезненных явлений его духа, вследствие которых он задавал себе неразрешимые вопросы, на которые великий талант его, изнеможенный борьбою с направлением отшельника, не мог дать сколько-нибудь удовлетворительных ответов»¹¹. Приведенные отрывки одновременно и подтверждают это мнение, и являются его основой. Воспоминания Аксакова писались во время первых публикаций многих из писем Гоголя и, несомненно, мемуарист ощущал их воздействие.

Сколь сильным было психическое влияние смерти поэта на Гоголя и чем оно мотивировалось (тут, наверное, не последнюю роль играла и упомянутая размолвка) достоверно установить не представляется возможным. Однако образ Пушкина в границах бытования его в переписке 1837–1839 гг. обладает следующими отличительными чертами:

– обращения к имени поэта окрашены в тона «романтической патетики», возвращающей к образной структуре письма Жуковскому от сентября 1831 г. и лишенной какой-либо конкретики. Пушкин в воспоминаниях Гоголя 1837 г. – это не столько живой человек, сколько «сон», «высшее наслаждение»;

– имя Пушкина тесно связывается с «Мертвыми душами». «Большой труд, который писать с меня слово взял Пушкин, которого мысль есть его создание» (XI, 97) – В. А. Жуковскому, 18 апреля 1837 г. Примечательно, что в упомянутом выше письме к тому же Жуковскому, написанному четырьмя месяцами ранее, о пушкинском авторстве «мысли» «Мертвых душ» не упоминается;

– образ Пушкина максимально сближается с образом и духовной жизнью автора. Переписка предшествующих лет демонстрировала близкое знакомство, не более. Письма же этого периода создают картину некоей трансцендентальной близости. Причем нигде, ни в одном из многих писем 1837–1838 гг. (как, впрочем, и во всей остальной переписке и публицистике Гоголя) Пушкин не именуется другом;

– смерть Пушкина понимается как личная утрата. Нет даже попытки объективироваться и оценить значение потери для России и российской словесности;

– в то же время отчетливо проводится противопоставление Пушкина и собирательного образа России, размежевание «прекрасного сна, какой удалось видеть в жизни» и «России, Петербурга, снега, подлецов, департамента, кафедры, театра» (XI, 111) – В. А. Жуковскому, 30 октября 1837 г.

Одни черты образа поэта из писем этого периода сохраняются в позднейшей переписке, другие трансформируются, треть исчезнут совсем. Однако такого центрального места, как в 1837–1839 годах, в переписке Гоголя образ Пушкина никогда больше занимать не будет. Если в эти 3 года имя поэта упоминалось в гоголевских письмах более 16 раз, то за все последующие 13 лет – около 14.

Образ Пушкина, канонизированный Гоголем в конце 1830-х гг., в 1840-е прекращает быть объектом внутреннего переосмысления. Практически он уходит из частной переписки и занимает место в переписке, ориентированной на публичность. Так, письма С. Т. Аксакову (22 декабря 1844 г.) и П. А. Плетневу (4 декабря 1846 г.), содержащие развернутые воспоминания о поэте (самые полные во всей переписке 1840-х гг.), рассчитаны либо на публичное чтение (Аксакову), либо на публикацию (Плетневу). Тут нельзя не упомянуть «Выбранные места из переписки

с друзьями» – произведение, в котором имя Пушкина является самым частотным из упоминаемых автором, а жанр гоголевского публичного письма достигает своего наиболее полного выражения. В этой книге характер упоминаний, реализующих образ Пушкина, практически идентичен тому, что наблюдается в личной переписке этого периода.

Упоминания имени Пушкина в письмах 1840-х гг. в целом относятся к сфере литературной деятельности и укладываются в создаваемый Гоголем образ идеального литератора. Именно в таком качестве поэт предстает в письмах к названным выше адресатам, а также в письмах 1840-х гг. М. П. Погодину, М. П. Балабиной и П. В. Анненкову.

Если в начале 1830-х гг. Гоголь в дискуссии отстаивает достоинства пушкинской поэзии (Данилевскому, 30 марта и 20-е числа декабря 1832 г.), то в 1840-е с позиций сформулированной концепции литературного творчества ставит имя поэта в канонические ряды европейской – Шекспир, Вальтер Скотт, Пушкин (Балабиной, 17 февраля 1842 г.) – и русской – Карамзин, Жуковский, Пушкин (Плетневу, 9 мая 1847 г.) – словесностей.

В переписке этого периода Пушкин – высший литературный авторитет, и давая свои рекомендации по написанию «филологических» статей К. С. Аксакову (С. Т. Аксакову, 22 декабря 1844 г.) Гоголь ссылается именно на него.

Стремление опереться на пушкинский авторитет приводит к забавной ошибке в черновике ответа на знаменитое «зальцбруннское» письмо Белинского. В нем в подтверждение своего отрицательного мнения о Вольтере Гоголь приводит мнение Пушкина, выраженное в стихах:

«Француз – дитя:
Он так, шутя,
Разрушит трон
И даст закон;
И быстр, как взор,
И пуст, как вздор,
И удивит,
И насмешит» (XIII, 440),

принадлежащих, правда, не Пушкину, а А. И. Полежаеву («Четыре нации»).

В то же время, при всем несомненном для Гоголя литературном авторитете Пушкина, переписка 1840-х гг. демонстрирует отде-

ление писателем собственного литературного пути от пушкинского и отстранение своего литературного имени от образа «русского национального поэта» (VIII, 50). Примеры в письмах к Смирновой от 28 декабря 1844 г., в котором он мягко критикует Пушкина – редактора «Современника», и к Плетневу от 9 мая 1847 г., где Гоголь противопоставляет предмет своего искусства – современного человека – неназванным предметам искусства Карамзина, Жуковского и Пушкина.

При этом человеческий, «абсолютный» авторитет Пушкина не подвергается ревизии ни в коей мере, пребывая на незыблемой высоте писем конца 1830-х гг. К нравственно эталонному образу Пушкина апеллирует Гоголь при необходимости поддержать знакомого, попавшего в трудное положение (Нашокину, 20 июля 1842 г.) или утвердить репутацию третьего лица (С. Т. Аксакову, 28 августа 1847 г.).

Такое едва заметное расхождение переосмысливаемой литературной роли поэта и канонизированного человеческого облика в эпистолярном образе Пушкина 40-х гг. может быть объяснено изменением гоголевского видения места литературы в мире, обретением новых жизненных ориентиров и, следовательно, пересмотром собственного художественного и человеческого пути. Место Пушкина в литературе осталось незыблемым, но роль литературы в мировоззрении Гоголя стала другой. Подвергшись определенному «ограничению в правах», она стала ощутимо более скромной. Это выразилось, в конечном итоге, и в трансформации образа Пушкина.

Сумма наблюдений над эволюцией образа Пушкина в эпистолярном наследии Гоголя приводит к следующим выводам.

История становления образа может быть описана в границах трех периодов.

В первый период – 1831–1837 гг. – Пушкин предстает либо в качестве авторитетного литературного знакомого Гоголя, либо в качестве знакомого из высшего света.

Второй период – 1837–1839 гг. – практически весь посвящен лирической рефлексии по поводу смерти поэта, образ которого апологизируется и канонизируется.

Третий период становления пушкинского образа – 1840–1852 гг. – демонстрирует начавшийся процесс его переосмысления.

Однако этот процесс не затрагивает основ образа, лишь несколько корректируя его.

Основной доминантой, характерологической чертой образа автора «Бориса Годунова» в переписке Гоголя на всем ее протяжении является непререкаемый литературный авторитет. Именно его можно назвать основой гоголевского образа Пушкина.

Примечания

¹ Манн Ю. В. Пушкин и Гоголь в 1836 году: была ли ссора? / Ю. В. Манн // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001.

² Кулиш П. А. [Николай М.] Записки о жизни Гоголя / П. А. Кулиш [Николай М.]. СПб., 1856; Тихонравов Н. С. Пушкин и Гоголь / Н. С. Тихонравов // Тихонравов Н. С. Соч. : в 4 т. М., 1898. Т. 3; Шенрок В. И. Пушкин и Гоголь / В. И. Шенрок // Русская старина. 1900. № 2; Абрамович Г. Л. Пушкин и Гоголь / Г. Л. Абрамович // А. С. Пушкин : сборник. М., 1937; Благой Д. Д. Гоголь наследник Пушкина / Д. Д. Благой // Николай Васильевич Гоголь: сб. ст. М., 1952; Гукасова А. Г. «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору» / А. Г. Гукасова // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1957. Т. 16, вып. 4; Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин / Г. П. Макогоненко. Л., 1985.

³ Золотусский И. Гоголь / И. Золотусский. М., 1984; Он же. Двух гениев полет / И. Золотусский // Золотусский И. П. На лестнице у Раскольникова. М., 2000.

⁴ Каллаш В. В. Заметки о Гоголе / В. В. Каллаш // Голос минувшего. 1913. № 9; Лукьяновский Б. Пушкин и Гоголь в личных отношениях. Вопрос о дружбе / Б. Лукьяновский // Беседы : сб. об-ва истории лит. в Москве. М., 1915. Т. 1; Долинин А. Пушкин и Гоголь / А. Долинин // Пушкинский сборник. Пг., 1923; Гиппиус В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным / В. Гиппиус // Учен. зап. Перм. ун-та. 1931. Вып. 2; Вацуро В. Э. «Великий меланхолик» в «Путешествии из Москвы в Петербург» / В. Э. Вацуро // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977; Прозоров В. В. Хлестаков и Пушкин в сюжете комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» / В. В. Прозоров // Филология. Саратов, 2000. Вып. 5; Белоногова В. Ю. Выбранные места из мифов о Пушкине / В. Ю. Белоногова. Нижний Новгород, 2003.

⁵ Гиппиус В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным / В. Гиппиус // Учен. зап. Перм. ун-та. 1931. Вып. 2. С. 124.

⁶ Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 606.

⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. / Н. В. Гоголь. М.; Л., 1937–1952. Т. 10. С. 200. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами.

⁸ Золотусский И. Гоголь / И. Золотусский. М., 1984. С. 122; Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845 / Ю. В. Манн. М., 2004. С. 221.

⁹ См.: Гиппиус В. Литературное общение Гоголя с Пушкиным / В. Гиппиус // Учен. зап. Перм. ун-та. 1931. Вып. 2; Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин / Г. П. Макогоненко. Л., 1985; Манн Ю. В. Пушкин и Гоголь в 1836 году: была ли ссора? / Ю. В. Манн // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001; Дрыжакова Е. Рискованная шутка Гоголя на чтениях «Ревизора» / Е. Дрыжакова // Рус. лит. 2001. № 1 и др.

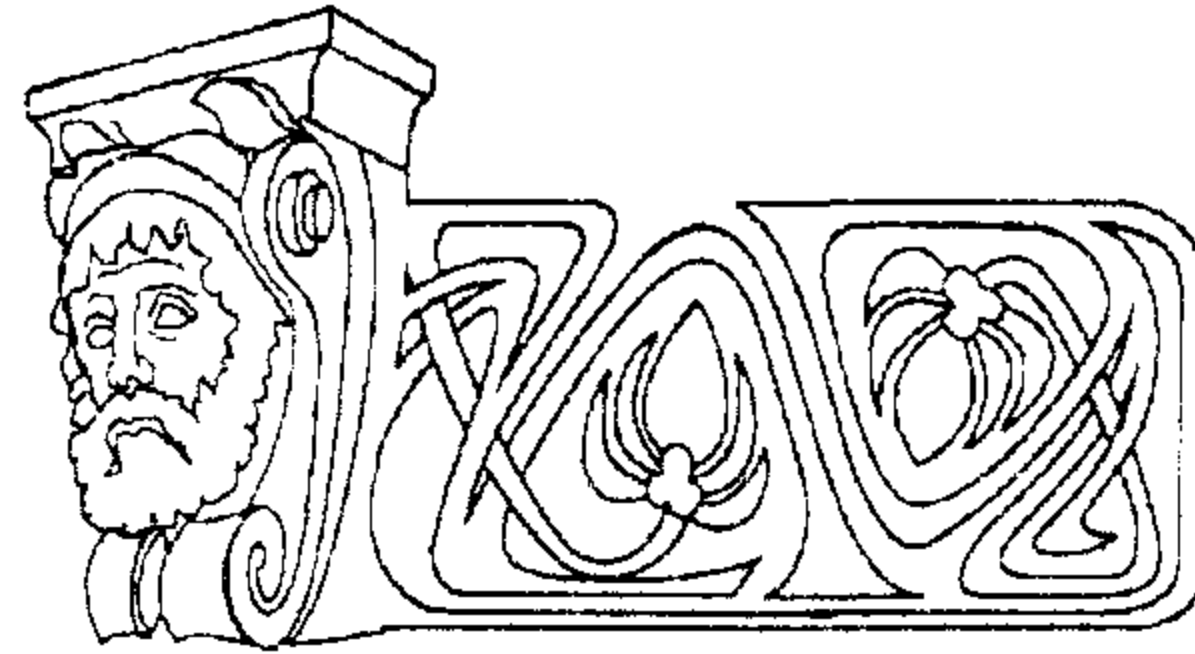
¹⁰ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845 / Ю. В. Манн. М., 2004. С. 447.

¹¹ Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4 т. / С. Т. Аксаков. М., 1956. Т. 3. С. 160–161.

УДК 882.09-3 + 929 Салтыков-Щедрин

БИБЛЕЙСКОЕ СЛОВО В «БЛАГОНАМЕРЕННЫХ РЕЧАХ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ТЕКСТЕ РАССКАЗЧИКА-ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ И ДИАЛОГАХ ГЕРОЕВ

Г. Ф. Самосюк

Саратовский государственный университет,
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье прослеживаются формы бытования библейского слова в «Благонамеренных речах» (1872–1876) и его функционирование в тексте рассказчика-повествователя и диалогах героев.

Biblical language in "Well-intentioned speeches"
by M.E. Saltykov-Shchedrin and its functioning
in the narrator's speech and the characters' dialogues

G.F. Samosyuk

The article traces forms of Biblical language in "Well-intentioned speeches" (1872–1876) and its functioning in the narrator's speech and the characters' dialogues.

«Благонамеренные речи» (1872–1876) – одна из самых зрелых социальных сатир Салтыкова-Щедрина, в которой он, однако, не прибегает к излюбленным приемам гротеска и шаржа. Писатель художественно-публицистическими средствами исследует здесь эпоху русской жизни 70-х гг., характеризующуюся прежде всего капитализацией пореформенной России, изменением экономического положения помещиков и крестьянских масс, нравственного состояния того и другого сословия.

Автор «Благонамеренных речей» продолжил разработку давно волновавшего его вопроса об «алтарях», «краеугольных камнях», «основах» как официальных опорах общества. В известном письме Е. Утину от 2 января 1881 г., среди прочих проблем Салтыков разъяснял, что он понимает под «священными принципами», «современными основами». В «Благонамеренных речах», по его словам, он «обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет»¹.

Как художник-сатирик Салтыков развенчал те «основы» и «союзы», во имя которых произносились «благонамеренные речи»

многими его современниками, в частности, профессором Московского университета Б. Чичериным. Писатель погрузил теоретические послышки историков и социологов в гущу реальной русской жизни конца 60 – 70-х гг. и показал, что, действительно, «ничего этого» «в наличности уже нет». Все главы, сцепленные в единое идейно-содержательное целое, все главнейшие типы-характеры, многочисленные сцены, диалоги и монологические размышления рассказчика – все подчинено отнюдь не головной идее распада, разложения, исчерпанности «священных принципов» и «союзов».

Для решения своей «программы» Салтыков прибегает к ряду художественных приемов: это и публицистический анализ действительности, и яркая жанрово-бытовая сценка, и диалог, стимулирующий развитие события, и авторская (нередко через рассказчика) оценка конкретного вопиющего факта, и саморазоблачающие, самообнажающие реплики и характеристики, и бытовая зарисовка, сопровождающаяся едкой авторской иронией, и тонкое психологическое письмо, и, наконец, библейские образы, реминисценции, ситуации, выражения, которыми сатирик мастерски насыщает свой текст².

Проблема бытования библейского текста в сатире Щедрина мало изучена. Несомненно, результативным в этом смысле является двадцатитомное собрание сочинений писателя под редакцией С. А. Макашина, в примечаниях к которому зафиксированы почти все случаи включения в щедринские тексты разного рода библеизмов, указаны источники, в некоторых случаях расшифро-

ван их смысл. Именно такая работа проделана и комментаторами «Благонамеренных речей» (Т. 11, Т. Г. Динесман, С. А. Макашин).

Следует учесть и опыт Н. П. Матвеевой по составлению словаря-справочника «Библизмы в русской словесности»³, включающего в себя, наряду с пояснениями смысла библийских текстов в творчестве других писателей, толкование цитат, афоризмов и имен из Библии в сатире Щедрина, в редких случаях – в «Благонамеренных речах». К сожалению, автором не выявляется идейно-стилистическое наполнение библизм в контексте фрагмента сюжета или в структуре образа.

Наше внимание привлекла и работа Б. И. Матвеева «Библизмы в прозе Салтыкова-Щедрина»⁴. Признавая, что Священное Писание «оказало на Щедрина не только нравственное, но и эстетическое воздействие», автор выясняет место в его творчестве сюжетов, образов, крылатых слов, взятых из Библии. Разделив все библизмы на три группы (собственные имена, фразеологизмы и афоризмы), исследователь анализирует их функции, стилистическую окраску, наполнение новым содержанием иногда с изменением лексического состава. В редких случаях Б. Матвеев привлекает и «Благонамеренные речи» для доказательства общей мысли о «смысловой и эмоциональной функции» библийских выражений.

Задача, которую мы перед собой ставим, сводится к контекстуальному комментированию библийских включений в ткань очерков. С этой целью анализируется содержательное и смысловое наполнение привлеченных автором библийских сцен, образов, афоризмов, раскрывается идейно-стилистическое своеобразие их бытования в щедринском тексте, а также сложные, иной раз опосредованные связи библизм с содержанием той или иной сцены, ситуации, с характером персонажа, с предметом обсуждения.

Библизмы достаточно широко используются писателем и в речи рассказчика-повествователя, и в особенности в речи героев. Естественно, функции их различны, как и авторское наполнение сути библийских цитат и образов, и их стилистическая окраска. Каково же функционирование библийского текста в авторском повествовании, точнее в речи повествователя-рассказчика?

В очерке «К читателю», послужившем своеобразным «предисловием» ко всему произведению, писателю важно было показать связь содержания отдельных очерков с общей задачей цикла – «разоблачения такого фетиша, или “призрака” охранительной идеологии, как “благонамеренность”»⁵. Здесь библийская цитата еще не становится определяющим поэтическим средством сатирика. Он лишь однажды прибегает к ней в авторской характеристике «простеца» как собирательного образа «среднего человека», страдательного человека массы, жертвы правительственной политики «обуздания», призванной воспитывать в массах пассивность, бессознательность и покорность властям. Итак...

... «плоть немощна» и... «враг силен» (с. 15) – измененное евангельское выражение «дух бодр, плоть же немощна» (Матфей, XXVI, 41). В щедринском тексте очерка «К читателю» оно возникает в связи с размышлениями сатирика об «открытости» и «беззащитности» «простеца», «неизвестно зачем живущего» и «к чему стремящегося». Если, рассуждает Щедрин, «устранить из жизни простеца элемент бессознательности», «вы увидите перед собой человека, отданного в жертву непрерывному ужасу», «ужасу ввиду безрадостности существования» и «ужасу - ввиду угрызений, которые необходимо должны отравить торжество немощной плоти над бодрым духом». На этом афоризме построены и другие размышления автора-повествователя о невозможности «простеца» на что-нибудь «опереться», чтобы послать «бодрому духу» «справедливый укор» в том, что «немощная плоть» берет над ним «все-таки» и «почему-то» «верх» (с. 15).

Комментаторы «Благонамеренных речей» замечают, что Салтыков использовал это евангельское выражение «в качестве афоризмов «ходячей мудрости», «уличной философии», которые в системе «обуздания» противостоят «вмешательству разума в дела мира сего» и оправдывают «бессознательность, случайность и произвол» (с. 554). Выражение «плоть немощна»... «враг силен» превратилось в поговорку.

Путевые впечатления лета 1872 г., легшие в основу другого очерка – «В дороге», и возникшие в связи с поездкой Салтыкова по

делам общего с умершим братом Сергеем Евграфовичем имения Заозерья Ярославской губернии, возможно, также не требовали широкого обращения к Библии. Лишь однажды, вспоминая времена десятилетней давности (а это были 1861–1862 гг.), автор-рассказчик прибегает к цитате из Библии (Псалтири), чтобы воспроизвести настроение помещиков после отмены крепостного права: «...Я не был на родине ... с тех пор, как помещики взяли в руки гитары и запели:

На реках вавилонских – тамо седоном и плакахом...» (с. 21).

С этим текстом Салтыков связывает чувство сожаления владельцев усадеб в связи с потерей ими прежних прав и разорением «дворянских гнезд».

В Библии читаем (в переводе на современный язык): «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (Псалтирь, псалом 136) – это плач пленников иудеев по родине, захваченной «притеснителями» («Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя»), Салтыков, таким образом, сравнивает психологическое состояние пореформенных помещиков с чувствами древних иудеев, находя у тех и других много общего: у иудеев отняли родину, без которой они не могут существовать, у российских землевладельцев – их собственность, без которой они потеряли свою силу и превосходство над крестьянами. Включение библейского текста делает авторскую мысль значительно выразительнее, тем более что рассказчик предваряет этот драматичный по своему содержанию текст ироничной фразой («взяли в руки гитары и запели») (с. 21).

Очерк «Охранители» (1874), в котором автор также использует библейское выражение, написан Салтыковым в связи с усилением репрессий правительства по отношению к разночинной интеллигенции, участвовавшей в «хождении в народ». «Охранители» – это те, кто «оберегал» существующий «порядок вещей» везде, где ему грозили распад и шатание. В очерке это такие яркие типы, как «бюрократ самого новейшего закала» молодой исправник Колотов; «здешний хозяин» трактирщик-кабатчик Пантелей Егоров, купивший имение бывшего предводителя дво-

рянства Морковкина, отсидевшего два года в яме за долги, а теперь – «в писцах у нотариуса»; отчасти «отец Арсений, бывший священник», а ныне «запрещенный поп», как его рекомендует разорившийся помещик Терпибедов, и др.

Этой когорте «благонамеренных» деревенского общества противостоят «неблагонамеренные» с точки зрения местных властей элементы, представленные прежде всего помещиком Анпетовым, принявшим «образ жизни» крестьян и «наравне с ними» обрабатывавшим землю (с. 50); земским деятелем Парначевым, занявшимся сыроварением, сторонником артельного труда, и «целым гнездом» других «неблагонамеренных», которых выслеживал Колотов и выяснял «настроение умов» (с. 50).

Автор-рассказчик, оказавшийся вместе с исправником на площади перед трактиром, заметил: «Из «заведения» до нас доносился бестолковый говор угощающегося люда, смешанный с звоном чайной посуды и с звуками «*miserere*», наигрываемого машиною» (с. 53).

«*Miserere*» в данном контексте – ария из оперы Дж. Верди «Трубадур» (1853), написанная на латинский текст 50-го псалма царя Давида (Псалтирь). С этими словами («*miserere*» – «помилуй мя, Господи!») Давид неоднократно обращался к Богу. Щедрин не случайно ввел в описание трактира, который «казался какою-то безобразною клоакой, населенной неугомонными, поедаящими друг друга гадами» (с. 53), звуки «*miserere*».

Можно двояко объяснить раздающиеся в этой обстановке «звуки *miserere*». Во-первых, псалмы, по толкованию «Библейской энциклопедии», кроме своего «учительного характера» (они связаны с хвалением, благодарением Богу), «исполнялись не только в тяжелые дни, но и во время различных трудов и занятий», а также служили «назидательным развлечением во время отдыха». Здесь же приводится «Слово на день Вознесения» св. Георгия Нисского, указывающего, помимо множества других функций псалмов Давида, и ту, которая определялась праздниками: они служили «на пиршествах веселием»⁶.

Во-вторых, в обстановке «заведения», поражающего рассказчика «запахом прели, помоев, табачного дыма и кухонного чада»,

«бестолковым говором угощающегося люда», молитва «Помилуй мя, Господи!» (полный текст стиха: «Помилуй меня, Господи, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои!») служила яркой иллюстрацией человеческих грехов.

С авторскими включениями в текст «Благонамеренных речей» библийского слова читатель встречается и в очерке «Опять в дороге». Здесь также сильны автобиографические моменты, связанные с поездкой писателя в родные места по делу о наследстве, когда он проезжал по разным губерниям и видел изменения пореформенной деревни, в частности, «ликвидацию» «дворянских гнезд» и появление «нового человека».

Рассказчик использует частично видоизмененное библийское выражение «течет млеко и мед» (у Щедрина – «кипела млеко и медом») (с. 219) при описании «в цветущие <...> времена» усадьбы «старого закала помещика» Григория Александровича Гололобова, у которого теперь эта усадьба – «дом не дом, казарма не казарма», «нигде – ни плетня, ни изгороди» (с. 219).

Сопоставляя прошлое и настоящее «дворянского гнезда», повествователь создает картину полного упадка помещичьего хозяйства, когда сам владелец «приходит к убеждению, что единственный для него выход – ликвидировать» (с. 217), ибо в новые времена (с освобождением крестьян) «всё составляет бремя для помещика: и вода, и небо, и земля, и даже собственный, приходящий к разрушению дом» (с. 217).

Включая в текст описания старой усадьбы известное место из Библии, автор стремился по контрасту воссоздать былую картину изобилия. В Священном Писании Господь воззвал «к Моисею из «горящего куста» и объявил свое намерение освободить сынов Израиля: «И иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет млеко и мед, в землю Хананеев...» (Библия. В. 3. Исход, III, 2–8).

Сравнение прежней усадьбы Гололобова с землей «сынов Израиля», где «течет млеко и мед», дает возможность показать степень разрушения ее в новые времена, и это при всем том, что владелец когда-то

«слишком хорошо постиг тайны крепостного права» и мог «роскошествовать» (с. 219). Щедринское «кипела млеко», более экспрессивное, чем библийское «течет млеко», призвано было помочь читателю ощутить безмерное богатство и изобилие прежнего хозяина, который теперь «ютится» в «нагаженной» и «насоренной» горнице без окон и дверей.

В том же очерке «В дороге» рассказчик вводит в свой воображаемый монолог, внутренне обращенный к деревенскому хищнику-кулаку Хрисашке Полушкину, перифраз десятой из Моисеевых заповедей. В Библии она звучит: «Не желай жены ближнего твоего... ни вола его, ни осла его» (Библия В.3., Исход, XX, 17). В щедринском тексте это саркастически переосмысленное высказывание служит разоблачению одного из «столпов общества» Хрисашки, в былые времена служившего приказчиком, а теперь ставшего купцом, держателем 12 кабаков и лавочек, захваченного мечтой «о медали» (он ее видит во сне), устроившего себе в церкви амвон, обитый алым сукном («прежде здесь дворяне стаивали», а теперь он – «стоит да охорашивается» (с. 224), потому как теперь в округе он – «первый человек», перед которым все снимают «картузы» (с. 225).

И вот к этому Хрисашке, мечтающему отнять чужое добро («кубышку»), чужих жен, и обращается с иронически преувеличенным советом повествователь: «бери у него <у другого> все: и жену его, и вола его, и осла его...» (с. 230).

Очень интересно использование библийского текста в очерке «Кузина Машенька», в котором также немало личных впечатлений писателя, приехавшего в декабре 1874 г. в родные места на похороны матери. В своем имени он встретился со «стариком Лукьянычем», старостой, помогающим ему «нести иго собственности». Этот верный слуга, воспитанный крепостным строем и готовый «кому угодно горло перервать» или «вселенную разорить» в пользу хозяина имения, встречающий его «с обычным радушием», но и с легким, но «явным оттенком иронии» (с. 347), этот верный слуга «с любовью выискивает средства» «отравить... жизнь» своего господина: «он всегда имеет наготове или отвратительное известие, или какой-нибудь

такой безнадежный вывод, вследствие которого, – замечает рассказчик, – я непременно должен почувствовать себя в положении рыбы, бьющейся об лед». Люди эти, по замечанию рассказчика, «страдают особенною болезнью», которая называется «бессилием преданности»; они «никак не могут позабыть изречение: «Любляй наказует» (с. 347). Вот в таком контексте и возникает здесь библейское изречение, взятое автором из «Откровения Иоанна Богослова» (VI, 16) – с этими словами Дух от имени Бога обращается к одной из семи церквей: «Кого я люблю, тех обличаю и наказываю».

Цитата из Евангелия помогает раскрыть сложные психологические отношения между барином и мужиком как в дореформенное время, когда «папенька» героя «косил направо и налево», т. е. был резок и решителен в своих отношениях с подвластными ему крестьянами, так и в новую, пореформенную эпоху.

Библеизмами насыщена речь рассказчика в очерке «В дружеском кругу». Это объясняется острой полемичностью всего текста, посвященного теме «любви к отечеству» в интерпретации разных групп общества. Повествователь как бы вторгается в обсуждение опубликованного в газетах выступления эльзасского депутата Тейтча в германском рейхстаге, который осуждает насильственное отторжение Эльзаса и Лотарингии от Франции, провозглашая свою любовь к ней. Но слушающие «не поощряли» Тейтча, напротив, «осыпали его насмешками и бранью», «глумились над ним», когда он «объяснял, как сладко любить отечество и как сильна может быть эта любовь!» (с. 420).

Рассказчик в этой ситуации восклицает: «Что подумают те чистые сердцем, которые, говоря об отечестве, не могут воздержаться, чтобы не произнести: «Да будет забвенна десница моя, ежели забуду тебя, Иерусалиме!». Здесь сразу две выдержки из Библии. «Чистые сердцем» – из Нагорной проповеди Христа «блаженства» («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» – Матфей, V, 8); так автор называет людей, которые действительно «чисты сердцем», нравственно беспорочны и тем самым могут приблизиться к Богу. Именно они произносят фразу о любви к Иерусалиму и верности ему. Они подобны

иудеям, оплакивающим свою утраченную родину: «Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя» (Псалтирь, Псалом СXXXVI, 5).

Продолжая свою взволнованную оценку восприятия речи Тейтча членами немецкого «собрания», рядом с этими библейскими фразами рассказчик цитирует еще один фрагмент этого же псалма: «На реках вавилонских, тамо седохом и плакахом», замечая, что под его «сладкие звуки» засыпали в колыбели нынешние «пламенные юноши» (с. 420), которым были близки позиции Тейтча, осудившего присоединение Эльзаса и Лотарингии к Германии (он полагал, что «нельзя разумного человека заставить переменить отечество так же легко, как он меняет белье» (с. 419).

Библейский текст, таким образом, подчеркивает силу переживаний всех искренне любящих родину и тем самым усиливает эмоциональное воздействие на читателя (эта же фраза из 136 псалма была использована писателем, но в совершенно ином контексте, в очерке «В дороге», о чем см. выше).

Что касается последнего в цикле «Благонамеренные речи» очерка «Привет», вводная часть которого передает, по определению С. А. Макашина, «трагическую осложненность... патриотизма» автора (Т. 11, С. 626), возвращающегося в Россию после двенадцатимесячного пребывания за границей, то писатель в нем почти не прибегает к библейскому слову. Правда, во введении, как подметил комментатор, звучит библейский мотив «страшного суда» (с. 626). Он обнаруживает себя в охватившем рассказчика чувстве тревоги: «сердце робело», «саднящая тревога распространялась по всему организму» (с. 473), «охватывала беспредметная тоска», состояние «бессильной злобы раба» (с. 474), предавшегося «неизбежному року», «гнетущей силе обстоятельств» (с. 475).

И лишь однажды рассказчик, оказавшийся в окружении спутников – «представителей русской культурности», предававшихся «кулинарным воспоминаниям», заметил (в связи с упоминанием одним из попутчиков о российском поросенке, которого «днем с огнем не отыщешь» за границей), что «все вдруг засмеялись, но так любовно, как будто блудного сына обрели»

(с. 482). Здесь явно слышен отзвук евангельской притчи о блудном сыне (Евангелие от Луки, XV, 11–32), возвращение которого с покаянием к отцу было воспринято как праздник («отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду... дайте перстень на руку и обувь на ноги... приведите откормленного теленка и заколите: станем есть и веселиться»).

Эта евангельская реминисценция должна была помочь читателю представить характер и качество «любовного смеха» этих «русских культурных людей за границей» (в очерках «За рубежом» они названы «желудочно-половыми космополитами»).

В итоге можно констатировать, что библейский текст в авторской речи, правда, не столь обильный, как в речи персонажей, значительно обогащает содержательное, смысловое начало сатирического произведения и его стилистику. Именно разного рода библеизмы способствуют наиболее яркому и образному воспроизведению обстановки действия, той или иной сюжетной ситуации, созданию определенного эмоционального настроения у читателя, проявлению авторской оценки характера персонажа (чаще всего в иронических или саркастических формах). Несомненна роль изящно инкрустированного библейского слова в прояснении иносказательного смысла авторского текста. Заметим при этом, что библеизмы в «Благонамеренных речах» (как, впрочем, и в других сочинениях писателя) использовались в большинстве случаев в сниженном плане, для достижения сатирического эффекта. Нередко библейский текст вводился не дословно – автор мастерски обыгрывал его, трансформировал, сатирически переосмысливал, превращая в реминисценцию или даже аллюзию.

Обратимся теперь к тем местам щедринской сатиры, в которых библейское слово включено автором в речь персонажей.

В упоминавшемся уже очерке «Охрители» цитируется евангельский текст: «Терпением вашим спасайте души ваши», который вкладывается в уста отставного капитана Никифора Петровича Терпибедова, несколько видоизменяющего его: «В терпении хотим стяжать души наши...» (с. 58).

Напомним, что в Библии Христос, предсказывая разрушение Иерусалима, знамения и ужасы («глады и моры»), которые ждут

народ в будущем, просит его не бояться, ибо он даст ему (народу) «уста и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все противящиеся» ему. И прибавляет: «<...> Терпением вашим спасайте души ваши» (Евангелие от Луки, XXI, 6–19).

В этом очерке Терпибедов в разговоре с рассказчиком и отцом Арсением жалуется на нынешние времена и сожалеет о прошлом («Да <...> было наше времечко!»). Теперь же его усадьбу постигло разорение (по словам Пантелея Егорова, в бывшем «Монрепо» «не людям, а лягушкам жить» из-за давней «неисправности» крыши). Но главное, что гнетет обедневшего помещика, что «конфузит» его, – это потеря власти над «бывшими холопами» («никак забыть не можем»). И все же у него теперь сложился новый принцип поведения: «Смиряться-с. Терпим и молчим» (с. 58). В этом контексте и возникает неточная евангельская цитата («В терпении хотим стяжать души наши»), которую Терпибедов произносит несколько иронически, обращаясь за поддержкой к отцу Арсению («<...> так, что ли, батя?»). С помощью этого библейского изречения, осмысленного в соответствии с драматическим положением вчерашнего хозяина жизни, возникает образ человека хотя и «несомненно благонамеренного», но глубоко переживающего превращение усадьбы из «Монрепо» (мой отдых) в «Монсуфранс» (мое страдание) (с. 57).

Очерк Щедрина «Переписка» (1873), где также используется в сатирических целях библеизм, возник как острая реакция сатирика на «преобразования» судебных учреждений, начатые еще в 1864 г. По форме – это эпистолярное общение прокурора Батищева, представлявшего у автора «идею государственности» и защищавшего «государственный союз», с матерью. В своих письмах к ней он рассказывает о путях достижения должности обвинителя, о сути «содеянного» кем-либо «преступления» и о своей роли вершителя «высшей правды и справедливости». Его мать Надежда Батищева, зная «доброе сердце» своего сына, получившего к 28-ми годам место «товарища прокурора при <...> окружном суде», но мечтающего о «более высоком жребии», наставляет: «<...> если начальство твое желает <...> – обвиняй!».

Один из заветов христианской морали: «отвергни себя и возьми крест свой» (Евангелие от Матфея, XVI, 24) – в устах Надежды Батищевой «обогащается» целым рядом сентенций из других книг Библии. Яркая сатирическая фигура, Надежда Батищева обращается к библейским заповедям в письмах к сыну. Призывая своего сына «нести свой крест с смирением», она наставляет его сохранить «пламень» «благородных чувств», так как это «единственная наша отрада в жизни, где, как тебе известно, <пишет она> все мы странники, и ни один волос с головы нашей не упадет без воли того, который заранее все знает и определяет» (с. 75).

Библейские цитаты, несомненно, способствуют раскрытию характера героини, обращающейся к идее христианского смирения для вразумления сына. Она ханжески и с внешним сожалением говорит о «постигшей нас «воле», которую «надлежит» несколько остепенить» (с. 76). Той же цели: подчеркнуть лицемерие матери и ее «брatца Григория Николаича» – служат многочисленные включения в их речь ставших популярными библейских выражений («всё упование на тя возлагаю», «неисповедимы пути Божии» – С. 76). С их помощью Батищева, подобно Иудушке, оправдывает свои мысли, рекомендации и дела. Это своеобразная «защитительная» функция библеизмов.

В этом же очерке встречается обращение к Библии в совершенно противоположной ситуации и с другой целью. Феофан Филаретов, член «Общества для предвкушения гармонии будущего» (так сатирик шутливо-иронически называет различные революционные кружки и группы народнического толка), произносит резко обличительные слова в адрес царского суда и чиновников во власти, вообще всех высокопоставленных лиц: «Вы фарисеи и лицемеры! Вы, как Исав, готовы за горшок чечевицы продать все так называемые основы ваши!.. делаете из него <суда> или львиный ров, или сиренскую прелесть! <...> сами прелюбодействуете <...> крадете <...> и жрете Ваалу» (с. 83–84).

Широкое использование известных слушателям библейских образов и выражений придает речи подсудимого Филаретова особую экспрессивно-эмоциональную окраску.

«Фарисеи» – это древнеиудейская секта, отличавшаяся фанатизмом, лицемерием, корыстолюбием, внешним благочестием и внутренней нечистотой. Именно эти качества прежде всего и осудил Христос в своей гневной, обличительной речи, произнесенной перед крестными страданиями (Евангелие от Матфея, XXIII).

Упомянутый в инвективе Филаретова образ Исав, старшего сына Исаака, продавшего младшему брату-близнецу право первородства за горшок чечевичной похлебки (Б. В.З. Бытие, XXV, 29–34), должен был напомнить судьям, что они, подобно Исаву, продают такие «основы», как «семья, собственность, государство».

Сравнение суда с «львиным рвом» связано с тем, что, по Библии, именно в «львиный ров» был брошен завистниками один из трех князей царя Дария Даниил, несправедливо обвиненный «наместниками, сатрапами, военачальниками» в том, что он молится не царю, а своему Богу, но спасшийся от львов именно с помощью своего Бога, «заградившего пасть львам». Даниил так объяснил царю такой исход событий: «...я оказался пред Ним чист, да и перед тобой, царь, я не сделал преступления» (Б. В.З. Книга пророка Даниила, VI, 1–23).

Таким образом, понятие «львиный ров» в контексте речи Филаретова означает жестокую и несправедливую расправу с невиновным. «Сиренская прелесть» – это обольщение, соблазн с помощью сладкогласия. «Крадете», «убиваете», «клянетесь лживо», «прелюбодействуете» – известные заповеди Моисея, нарушение которых служило смертным грехом: «не кради, не убий, не прелюбодействуй, не произноси ложного свидетельства» и др. (Пятая книга Моисеева. Второзаконие. V, 16–21). «Жрете Ваалу», т.е. поклоняетесь, приносите в жертву Ваалу, языческому божеству, боготворимому в Фегоре. Служения и празднества в его честь сопровождались развратом (Четвертая книга Моисеева. Числа. XXIV, XXV, 1–6).

Обилие в речи подсудимого библейского текста обличительного характера и большого эмоционального накала дает возможность писателю ярче обозначить позицию Филаретова. Даже прокурор Батищев отметил его «пламенное убеждение», и хотя слова

«жрете Ваалу» счел «слишком уж смелыми», нашел в этой смелости «что-то рыцарское» (с. 84).

Оснащенная библеизмами речь Филаретова, несомненно, близка и автору. В ней слышно неприятие современного суда, официального нового (с 1864 г.) правосудия с его безнравственностью и подкупностью. Именно библейские выражения и образы придают всему тексту высокую, торжественную, карающую тональность.

Очень богат библейским текстом очерк «Отец и сын», в драматических формах повествующий о смене в деревне «хозяев жизни». Здесь много фигур, контрастно противостоящих друг другу, много диалогов, стимулирующих действие, и многочисленные изречения из Священного писания обогащают характеры персонажей, делают их психологически сложнее или сатирически обнаженные.

В одной из сцен очерка воспроизведена ситуация мушкетирования слухов в дворянской среде об отмене крепостного права.

Встревоженный разноречивыми слухами, генерал Утробин вначале обсудил этот вопрос с сыном Петенькой, служившим в Петербурге и бывшим, по ироническому замечанию автора, «в курсе всех дел» в связи с посещением «танцклассов». Петенька «удостоверил», что «никакого» освобождения не будет, а будет «только так» (с. 174). Терзаемый сомнениями, генерал после отъезда сына съездил в город к губернатору, потом к архиерею, чтобы «окончательно удостовериться», что «зла не будет». «Губернатор, человек старого закала», заметил с улыбкой, что «хотя подобные слухи и распространяются врагами отечества, но что верить им могут только люди, не понимающие истинных потребностей России» (с. 174). Именно после этого объяснения, переданного автором в косвенной речи, следует обоснование «преосвященного», подтверждающего истинность слов губернатора. Он, подчеркивает автор, «прямо сказал, что как в древности были господа и рабы, так и наперед сего таковые имеют остаться без изменения» (с. 174).

При второй встрече с архиереем, когда «в конце 1857 года уже сделан был первый шаг к разрешению крестьянского вопроса» (с. 175) и «преосвященный» круто изменил

свое мнение по этому вопросу («истинно любезна для христианского сердца минута сия была»), генерал Утробин в страшном волнении напомнил слова архиерея о господах и рабах (с. 176).

В чем же смысл этой завуалированной ссылки на библейскую притчу о Симе, Хаме и Иафете?

Как-то, уже после потопа, Ной, выпив вина, «лежал обнаженным в шатре своем». «И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего и, вышедши, рассказал двум братьям своим», которые «покрыли наготу отца своего», не глядя на него.

Следствием такого непочтительного отношения Хама к отцу стало проклятие рабства: «раб рабов будет он у братьев своих»: у Сима («будет рабом ему») и у Иафета («будет рабом ему») (Б. В.З. Бытие, IX, 21–27).

По-видимому, именно эту легенду имел в виду преосвященный, чтобы подчеркнуть неосновательность сомнений генерала в неизменности и прочности издревле заведенного порядка вещей. Именно в библейском тексте герой и находит подтверждение своим идеям относительно вечности существования господ и рабов. Эту же историческую параллель припоминает отец Алексей, усовещивая «мелкопоместного» Анпетова, пахавшего землю «заодно с мужиками» (с. 195).

В разговоре с управляющим Стреловым, яркой фигурой нового молодого хищника в деревне, генерал Утробин пытается найти обоснование своему резкому осуждению поведения Анпетова (этого «негодяя», «нигилиста») в ссылке, правда, неточной, на Евангелие от Иоанна: «Пасите овцы ваша».

Цитируемое выражение восходит к эпизоду явления Христа семи ученикам при море Тивериадском. Когда он троекратно вопрошал одного из них (Симона Петра): «Симон Ионин! Любишь ли ты меня больше, нежели они?», - Петр трижды отвечал: «Так, господи! Ты знаешь, что я люблю тебя». И Иисус каждый раз повторял: «паси овец Моих» (XXI, 16).

В устах Утробина приведенная фраза из Писания призвана была аргументировать его позицию относительно тех, кто проявлял вредные для общества «новаторские рвения», кто был непосредственно причастен к «реформаторской приткности века» (с. 190). Имен-

но к этой категории людей он и относил «нигилиста» Анпетова. Генерал считал, что яд, который разливает этот, по определению управляющего Стрелова, «нестоящий человек», разрушает традиционную систему отношений между бариним и мужиком, при которой каждый должен заниматься своим делом: крестьянин пахать и сеять, а помещик – управлять, чтобы не уронить свою дворянскую честь. Таким образом, цитата из Евангелия, приспособленная героем очерка применительно к сложившимся в его имении обстоятельствам, служила своеобразным заключительным аккордом в его оценке поступка Анпетова («звание дворянина унижает! <...> Землю пашет <...> сам! сам! сам с сохой по полю ходит! Это – дворянин-с!» (с. 193). «А что в Писании сказано? «Пасите овцы ваша» – вот что сказано!» (с. 191).

В борьбе с «ядом» «нигилизма» Анпетова генерал Утробин решил привлечь батюшку Алексея, который должен был «усовестить» его. Но при встрече Анпетов, выслушав аргумент «отца»: «всегда были господа и всегда были рабы», – легко отвел его, возразив: «А теперь вот рабов нет!» (с. 193). Тогда генерал «взялся написать» «краткое поучение», которое батюшка должен был прочитать в одну из воскресных служб, напомнив «братии», в частности, об «отце лжи», о том, что «между нами появился один из ревностнейших аггелов его» (с. 194). Речь шла о «человекоаде» Анпетове, «сеющем плевелы» и «грехопадения» (с. 194). «Отец лжи» – это сатана, а «аггел» – злой дух, приспешник сатаны.

В Евангелии от Иоанна Иисус в споре с иудеями, причисляющими себя к «семени Авраамова», пытается убедить их, что он «от начала Сущий»: «Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел, ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня... Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине... он лжец и отец лжи» (VIII, 25–44).

Совершенно ясно, почему генерал в сочиненной им проповеди вспомнил именно эти слова Иисуса, наполненные гневом и болью. Использованные здесь выражения вполне соответствуют обличительному характеру поучения, обращенного против «заблуждающегося», подобно иудеям, Анпетова.

Очерк «Отец и сын» настолько драматичен, что многочисленные обращения к Библии придают ему еще большую напряженность и эмоциональную выразительность.

В этом смысле важно учесть и несобственно прямую речь молодого генерала, ссылающегося в своем разгоряченном сознании на евангельскую притчу о рабе, зарывшем в землю «талант» (монету). Эта притча используется Щедриным в очень напряженной сцене свидания отца и сына Утробиных. Старый генерал сбывал одно за другим выкупные свидетельства и «вырученные деньги отсылал в Петербург на поддержание Петенькиной карьеры» (с. 206). Молодой генерал, узнав однажды, что денег больше нет, явился к отцу «взбешенный и совершенно не понимающий», как мог произойти такой крах. При свидании со старшим Утробиным Петенька «смотрел строго, как будто приехал судить старика. «Раб лукавый! – как бы говорил его холодный, почти стеклянный взор, – куда ты зарыл вверенный тебе талант?» (с. 206).

В библейской притче о «рабе лукавом» господин, уезжая, поручил рабам своим имение и дал «каждому по его силе» таланты: «одному дал пять», «другому – два», «иному один». Первые два раба вложили в дело свои таланты и, получив с них прибыль, отдали господину, а третий «закопал его в землю и скрыл серебро господина своего» (Матф., XXV, 14–30).

Петенька неточно процитировал лишь часть известной притчи, тем не менее гневная интонация библейского текста («лукавый раб и ленивый», «негодного раба выбросьте в тьму внешнюю») соответствует степени раздражительности вышедшего из себя сына («Это черт знает что! ... Вы! вы!...» (с. 207)) и ярче оттеняет трагическую безысходность старого генерала, вынужденного в конце концов отдать Петеньке «последнее выкупное свидетельство, с доверенностью на продажу его».

Очерком «По части женского вопроса», в котором не однажды герой и рассказчик обращаются к библейскому тексту, Салтыков включился в острую дискуссию по вопросу о роли женщины в обществе и ее праве на участие в общественной и профессиональной

деятельности. Позиции самого писателя здесь очень сложные и неоднозначные (см. комментарии к очерку, т. XI, с. 592–594), но важно также то обстоятельство, что автор выступает в этом сочинении с резкой критикой русского либерализма (в частности, правительственного, консервативного) в лице ее яркого представителя Тебенькова, этого «с независимым видом лающего русского человека», усматривающего «поругание» «над женской стыдливостью» даже в стремлении женщины учиться в медико-хирургической академии или слушать лекции в университете. В этом он видит нарушение «приличий», одного из «краеугольных камней» общества (с. 264–267).

Тебеньков, вспоминая поведение некоторых женщин на вечере, посвященном женскому вопросу, и возмущаясь тем, как вели себя отдельные «феминистки» («А, черт возьми! Негодяйки!»), цитирует ироническое высказывание одной из них: «А вы, говорит, милый старец, и до сих пор думаете, что Ева из Адамова ребра выскочила?» (с. 265–266).

Известный миф о сотворении Богом Евы из Адамова ребра (Б. В.З. Бытие, II, 21–24) в контексте очерка звучит как неприятие мысли о «вторичности» женщины. Настроенные весьма радикально «дерзкие» женщины, претендующие на активную роль в обществе, полупрезрительно относящиеся, по словам Тебенькова, к «авторитету благоразумия и опытности», надругавшиеся «над женским стыдом» (с. 264), с негодованием и сарказмом отнеслись к «милому старцу», с его проповедью «святого невежества женщины», ее «прелестного аромата невинности, его требованием «приличия», отсутствие которого, по его мнению, подрывает «общественные основы» (с. 267). Неверие одной из оппоненток Тебенькова в непреложность библиейской истории об Адаме и Еве выразилось, в частности, и в употреблении семантически сниженного глагола «выскочила» вместо высокого библиейского «создал», «сотворил».

Эмоциональная напряженность возражений Тебенькова достигает такой высоты, что в споре с повествователем он сам обращается к библиейскому тексту – «Я умываю руки», произнесенному по-французски: «je me lave les mains!» (с. 267). Не находя больше аргументов в пользу своего заявления,

что «женщина» – это «святыня», Тебеньков и произносит эту фразу, которая в Библии прозвучала в рассказе о Пилате. Последний несколько раз спрашивал «народ», «какое зло» сделал Иисус, но те только повторяли: «да будет распят!». И тогда Пилат, «видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом и сказал: невиновен Я перед Праведником Се-го; смотрите вы» (Матф., XXVII, 17–24).

Тебеньков тоже «умывает руки», считая себя невиновным в разгоревшихся спорах вокруг «женского вопроса», обстоятельствами принужденным устранившись – по ходу действия «исчезнуть в темноте переулка» (с. 268).

Этот, по определению повествователя, «столп русского либерализма», излагая свою теорию «никогда ничего прямо не позволять и никогда ничего прямо не воспрещать» (с. 271), чтобы «обратить заблудших на путь истины» (с. 272), вновь прибегает к выражению «я умываю руки», когда видит, что не может достичь положительного результата в воспитании тех, кто проповедует «своевольность», «непризнание авторитетов» (с. 272). При этом Тебеньков заявляет, что «уступает место князю Ивану Семеновичу», воплощающему «ад реакции» и потому прекращающему всякое «либеральное пиршество» и выполняющему, по словам Тебенькова, роль «божиих бичей» (выражение из Книги пророка Исаяи, X, 5, 26), которые очищают воздух (в Библии – наказывают тех, кто творит «несправедливые законы и пишет жестокие решения»).

В очерке «Еще переписка» продолжается развенчание «благонамеренных речей» в области морали. С одной стороны – безнравственная мать, проповедующая «прелюбодеяние» под лицемерным прикрытием внушаемых сыну слов «любовь – это святыня»; с другой – не менее циничный ее сын Сергей Проказнин (молодой офицер!), руководствующийся в своей жизни такими формами поведения, как «хватай, лови, пей, ешь и веселись».

Объясняя поведение возможной любовницы ее сына Полины, выбравшей того, кто потекает ее страсти к нарядам (казначей), и вынужденной, по словам Натальи Проказниной, признать его заслуги и вместе с тем его

«право на вознаграждение» (с. 332), мать Сергея оправдывает стремление женщины выглядеть «обольстительной и желанной» и потому идущей на все: на «борьбу, покорность, обман, унижение, предательство, слезы» и даже, замечает она, – на «забвение седьмой заповеди» (с. 331). Эта заповедь Моисея (Б. В.З. Исход, XX, 14) гласит: «Не прелюбодействуй». С ее помощью героиня прикрывает свое лицемерие, оправдывая безнравственное поведение сына и толкая его на «прелюбодеяние».

В очерке «Непочтительный Коронат» (1875) Щедрин продолжил обсуждение проблемы «отцов и детей», остро возникшей в 60-е годы. И теперь, в середине 70-х, этот конфликт оставался знаменем времени. Героиня рассказа Мария Петровна, помещица патриархальная и консервативно настроенная, возмущена желанием своего сына Короната «оставить юридическую часть и пойти по медицинской». Это его решение она расценивает как проявление «непочтительности»: «Ежели родители что желают, то дети должны повиноваться», «дети должны почитать родителей». В качестве главного аргумента она ссылается в разговоре с братом на библейскую легенду о праотце Ное и его непочтительном сыне Хаме: «... бог непочтительным детям потачки не дает! Вот Хам. Что ему было за то, что отца родного осудил! И до сих пор <перебрасывает она мостик в ее времена. – Г. С.> хамское-то племя...только недавно милость им <крепостным – Г. С.> дана!» (с. 393)⁷.

В споре о роли юридической карьеры, отвергнутой Коронатом, принял участие, кроме брата Марии Петровны, ее зять Добрецов, который, по словам его жены, «целую шайку подметчиков изловил» (имеются в виду распространители «подметных» писем, т. е. прокламаций). Именно Добрецов считал, что общество нуждается в юридической защите «против современного направления умов», «против незрелых <...> нетерпимых теорий <...> известной части молодого поколения» (с. 402) (речь идет о правительственной расправе с народническими кружками, в которой в охранительном усердии принял участие Добрецов). <Подробнее см. об этом в комментариях к рассказу «Непочтительный Коронат», т. 11, с. 606–609>.

В своем полемически заостренном ответе рассказчику зять Марии Петровны произносит такую фразу: «Следствие будет мертво, если в него не вложен дух жив. А вот этот-то дух жив именно и дается юридическим образованием <...>» (с. 402–403). «Дух жив», или «дух жизни» – библейская лексика, заимствованная из Бытия (II, 7) или Послания к римлянам (VIII, 2, 9, 10). В контексте щедринского очерка, в речи Добрецова, она имеет цель подчеркнуть особое усердие, рвение следователя в отыскании «оуждающих» (неблагоденных). Один только Поль Добрецов «пятерых в острог засадил» (с. 398).

Очерк «В дружеском кругу» (1874), построенный на широком использовании диалогической формы и представляющий спор двух общественных направлений, двух философий жизни, посвящен вопросам патриотизма, власти и религии. Один из спорящих (Тебеньков) отстаивает принцип государственности, другой (Плешивцев) защищает теорию официальной народности. В этой «беспощадной полемике» они в конце концов вынуждены признать: «в сущности, мы ни по одному вопросу ни в чем не расходимся», «вся наша полемика есть не что иное, как большое диалектическое недоразумение» (с. 429). <Подробнее о содержании очерка и позициях героев см. Примечания С. А. Макашина, т. 11, с. 610–611>.

Оба персонажа считают, что государство немисливо без религии. Оба они «усердно» выполняют требуемые религией обряды. Только Тебеньков считает, что религиозность не бесполезна «как средство обратить на себя внимание начальства», а Плешивцев «религиозен без надежды на повышение» (с. 416). На этой почве между друзьями-врагами произошло одно из столкновений. Плешивцев упрекает Тебенькова за то, что он «постное жрет» только потому, что их начальник «князь Иван Семеныч посты блюдет». Тебеньков неожиданно парирует: «А кто в прошлое воскресенье князю Ивану Семенычу просвирку принес?»

– Я принес! Но не страха ради иудейска принес, а потому, что в этом приношении любви действие проявляется!» (с. 416).

Выражение «страха ради иудейска» имеет своим истоком Евангелие от Иоанна, где говорится об Иосифе из Аримафеи, уче-

нике Иисуса, «но тайном – из страха от иудеев», который «просил Пилата, чтобы снять Тело Иисуса» (XIX, 38).

В тексте «Благонамеренных речей» Плешивцев, употребивший это выражение, хотел подчеркнуть, что все в мире должно основываться на любви, а не на страхе перед властью имущими или перед какой-либо другой силой. Но поскольку рассказчик несколько раз обращает внимание читателей на формальные расхождения во взглядах Тебенькова и Плешивцева (оба друга, иронически замечает он, «вполне благонамеренные люди. Оба признают необходимость «почвы», оба консерваторы, оба сторонники аристократического принципа, оба религиозны, оба разделяют человечество на пасущих и пасомых, оба уважают народность» – с. 417), постольку использованный героем в свое оправдание евангельский текст «страха ради иудейска» является проявлением не принципиальных разногласий, а «различий темпераментов», как замечает рассказчик (с. 418).

Библейская цитата как неопровержимый аргумент в споре героев использована Щедриным в очерке «В погоню за идеалами» (1876), возникший уже после фактического завершения «Благонамеренных речей». Он посвящен вопросу о государстве и государственности, художественно исследуемом писателем в таких главах цикла, как «В дружеском кругу» и «Тяжелый год». В комментируемом тексте мать и сын Терпуговой касаются в разговоре темы государства, но в сильно сниженном, опошленном содержании. «Почтенная старушка», узнав, что ее сын получил место «обер-секретаря в сенате», решила использовать его положение для решения своего личного вопроса «о лугах», которые то «отдадут» ей «во владенье», то «отнимут» в пользу «птенцовских мужиков» (с. 438). В ответ на ее надежду, что сын решит проблему быстро и выгодно, он с возмущением проговорил: «Ах, маменька <...> Я ведь не личным своим интересам, а государству служу». Мать парировала: «Так что же что государству! Государство – само по себе, а свои дела – сами по себе. Об своих делах всякий должен радеть <...>». И в этой связи она в качестве неопровержимого аргумента ссылается на Священное Писание: «Ты знаешь ли, что в Писании-то сказано: имущему прибавится, а у неимущего и последнее отнимется!» (с. 438).

Это – несколько измененный евангельский текст: «Всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Евангелие от Матфея, XXV, 29). В Евангелии эти слова «господина» относятся к одному из трех рабов, который «скрыл свой талант в земле», а не приумножил его. «Почтенная старушка» не восприняла иносказательный смысл евангельского текста, о чем ей сказал сын: «Это, голубушка, совсем не в том смысле сказано!» (с. 438).

При сохранении общего смысла притчи, ситуация и цели включения этого высказывания иные: героиня использовала библейский текст для обоснования своих корыстных целей. И хотя сын «втолковывал старухе», «что такое государство и почему чувство государственности должно иметь верх над чувством индивидуализма» (с. 438), «года через два процесс о птенцовских лугах был кончен» в пользу... Терпуговой. По-видимому, некоторую роль в этом сыграли ее аргументы, заимствованные из Священного Писания.

Как видим, библейский текст в речи персонажей богат и разнообразен по своим функциям. Это объясняется, во-первых, тем, что он включен в диалоги героев неоднородной социальной среды, идеологической ориентации, психологического склада, нравственных убеждений. Во-вторых, значительно шире оказывается сюжетно-ситуативное использование цитаты из Священного Писания. Наконец, велика роль полемических диалогов персонажей, обогащенных библейским словом, к которому они прибегают как к самому убедительному аргументу в споре.

В языке героев, как мы пытались показать, библеизмы служат средством самоанализа и самохарактеристики, способом оценки суждения оппонентов. К ним прибегают участники событий и для демонстрации своих религиозных взглядов, которые иной раз провозглашаются формально, из соображений внешнего единства с той средой, в которой они оказываются волей случая.

В целом же, как и в других сочинениях, Библия создает очень яркий культурологический фон и служит одним из действенных, художественно убедительных приемов щедринской сатиры.

Примечания

¹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин М., 1976. Т. 19, кн. 1. С. 194. Далее ссылки на издание даются в тексте.

² Многоуровневый анализ «Благонамеренных речей» как цикла представлен в работах: *Бушмин А. С.* Сатира Салтыкова-Щедрина / А. С. Бушмин. М.; Л., 1959. Гл. 4; *Покусаев Е. И.* Революционная сатира Салтыкова-Щедрина / Е. И. Покусаев. М., 1963. Гл. 6; *Кузнецов Ф. Ф.* Благонамеренные речи: [Вводная ст.] / Ф. Ф. Кузнецов // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. / гл. ред. С. А. Макашин. М., 1971. Т. 11; *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы: биография / С. А. Макашин. М., 1984.

³ *Матвеева Н. П.* Библизмы в русской словесности: словарь-справочник / Н. П. Матвеева // Русская словесность. 1993. № 2–5; 1994. № 2–6; 1996. № 1–2 и др.

⁴ См.: Русская речь. 2001. № 2.

⁵ *Макашин С. А.* [Вводная заметка к очерку «К читателю»] / С. А. Макашин // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М., 1971. Т. 11. С. 550. Далее ссылки на издание даются в тексте.

⁶ Библейская энциклопедия / труд и изд. архимандрита Никифора (М., 1891). Репринт. изд. М., 1990. С. 584–585.

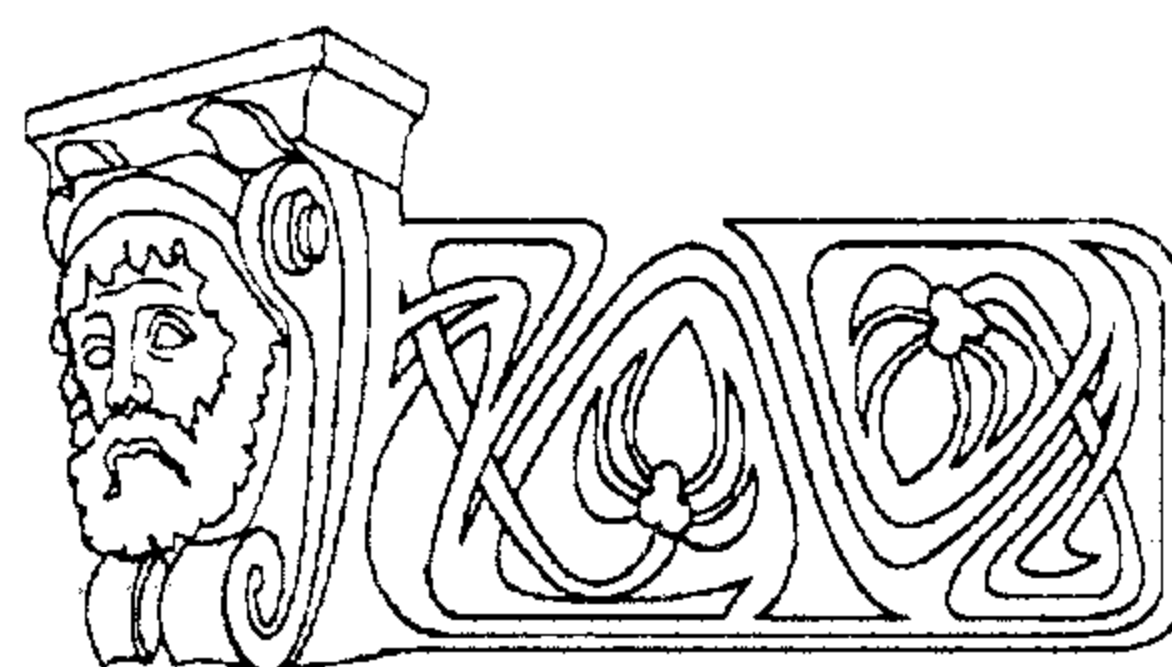
⁷ Разъяснение смысла этого библейского сюжета смотри в разделе втором статьи, посвященной очерку «Отец и сын».

УДК 882.09-94+929 Салтыков-Щедрин

ТВОРЧЕСТВО М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ЖУРНАЛЬНЫХ НЕКРОЛОГИЧЕСКИХ ОТКЛИКАХ (предварительные заметки)

И. А. Книгин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

Обосновывается необходимость обращения к некрологическим статьям, появившимся после кончины того или иного писателя, говорится о значении публикаций некрологического и мемуарно-биографического характера, объединивших вокруг имени М. Е. Салтыкова-Щедрина представителей разных эстетических и литературно-критических ориентаций.

The works of M.E. Saltykov-Shchedrin in magazine obituaries (preliminary notes)

I.A. Knigin

The article substantiates the necessity of addressing obituaries and asserts the importance of obituaries, memoirs and biographical publications that consolidated people of different esthetic and literary critical persuasions around the name of M. E. Saltykov-Shchedrin.

Сегодня по-разному можно относиться к минувшему, расставлять различные по сути своей акценты и ударения, но то, что осталось публично зафиксированным в разнообразных изданиях, остается непреложным фактом.

Чтобы не отвлекаться на субъективные наблюдения и обобщения, приведу такой пример. В 1981 г. в популярном издательстве «Современник» в серии «Библиотека «Любителям российской словесности. Из литературного наследия» увидела свет подготовленная профессором И. В. Кузнецовым книга

«Часть общепролетарского дела: Литературная критика в дореволюционных большевистских изданиях». Хорошая, безусловно, полезная и содержательная книга. Обращают же на себя внимание, в первую очередь, произвольно и лакейски подобострастно составленные примечания. Судите сами. На странице 364, скажем, можно прочитать: «Аякс – псевдоним буржуазного критика и беллетриста А. А. Измайлова. <...> Глинский Б. Б. – редактор консервативно-монархического журнала «Исторический вестник». Журнал издавался в Петербурге с 1880 по 1917 год. <...> Мазуркевич В. А. – поэт-декадент. <...> Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) – русский советский поэт. <...> П. Я. – Якубович Петр Филиппович (1860–1911), русский поэт, как революционер-народник, в 1887–1903 гг. отбывал каторгу и ссылку»¹. В таком же духе вопиющей нетерпимости составлены все примечания к названному изданию.

Существенно другое: подобная тенденция, связанная с восприятием творчества Салтыкова-Щедрина, легко прослеживается

и в характеристике когда-либо писавших о нем современников и многочисленных исследователей-щедринистов.

Некрологические или, как аттестовал их С. А. Макашин, «поминальные» статьи, вне всякого сомнения, сыграли огромную роль в постижении и осмыслении творчества сатирика широкими и самыми разнообразными кругами российских читателей, однако их исследовательская оценка ныне нуждается в весьма существенных коррективах.

Прежде всего хотелось бы обратить самое пристальное внимание на один любопытный факт: у нас принято считать, что представители различных эстетических направлений в критике слишком противоречиво и по-разному оценивали произведения Салтыкова-Щедрина по мере их появления перед читательской публикой. Отчасти это справедливо. Но лишь отчасти; невольно вспоминаются Д. И. Писарев да еще несколько имен.

Однако некрологические статьи и публикации мемуарно-биографического характера буквально объединили всех. Достаточно вспомнить М. А. Протопопова и К. К. Арсеньева, В. В. Чуйко² и Л. Е. Оболенского³, А. П. Пятковского и О. Ф. Миллера... В их выступлениях прослеживается удивительное единодушие в понимании, представлении и трактовке не только жизненного пути писателя, его редакторской деятельности, но и в истолковании отдельных произведений, в стремлении включить их в общий контекст щедринского творчества. Причем здесь нередко встречаются очень важные и интересные наблюдения над поэтикой сатирика, частично впоследствии востребованные русской и советской историко-литературной наукой, но в большинстве своем оставшиеся своеобразными пунктирами в обрисовке конкретных линий будущего постижения щедринского наследия.

Ярким примером тому может служить такой пассаж из некрологической статьи О. Ф. Миллера, появившейся на страницах журнала «Русская старина»: «Пошехонская старина» – это своего рода оправдательные документы <...> к величайшему из произведений Щедрина – «Господам Головлевым». Внимательное изучение этого последнего дает настоящий ключ к настоящему понима-

нию Щедрина – и его задушевнейших идеалов, и того, против чего направлялась самая сущность его сатиры. Перед нами патриархальная семья крепостной поры, управляемая своею государыней-матушкой. <...> Она, по видимому, всю себя посвятила своей семье, <...> но она никогда не видит в членах этой семьи живых людей с свободной человеческой душой; она никогда не говорит о той «государыне совести», с которою и сама не справляется; <...> она держит их всех под постоянным гнетом, то карая, то милуя и выбрасывая провинившемуся кусок, она прибегает к подслушиванию и наушничанию, упражняя в этом того, кто представляется ей любимцем. <...> И что же? она, наконец, видит крушение своей власти, она слагает ее перед своим «любимцем» и убеждается в том, каков этот ласковый теленок, обращающийся в хищного волка целой семьи. А читатель присутствует и при окончательной гибели всей семьи – при ее вымирании в иносказательном и даже буквальном смысле. <...> Стоит только перенести те же руководящие начала в другую сферу – более широкую, – и для нас сделаются ясными причины той деморализации (разрядка О. Ф. Миллера. – *И. К.*), в силу которой и в целом обществе может «пропасть совесть» (о чем говорится в одном из очерков Щедрина). Этою-то давнишнею деморализациею, следствием давнишней ложной системы, и объясняется возможность крушения самых лучших мероприятий, если к ним обращаются слишком поздно»⁴.

В связи с весьма примечательными, глубоко продуманными и обоснованными сентенциями Ореста Федоровича Миллера невольно вспоминаются строки из очень интересной и, кажется, пока по достоинству не оцененной книги П. Д. Боборыкина «За полвека: (Мои воспоминания)», где встречается свидетельство об одном из эпизодов культурной жизни 1870-х гг.: «<...> вкус к слушанию научных и литературных публичных лекций разросся так, что я был изумлен, когда попал в первый раз на одну из лекций по русской литературе Ореста Миллера в Клубе художников. <...> Рядом с Ор. Миллером читал там проф. Сеченов по физиологии и собирал огромную аудиторию; читали и другие. <...> Такого клуба не находил я и за

границей, ни в Париже, ни в Вене. В нем было тогда и занимательно, и разнообразно, и весело: давались спектакли, танцевальные вечера, обеды, ужины, ставились живые картины»⁵.

Приведенная цитата лишь подчеркивает, насколько Миллер, действующий профессор университета, литературовед и критик, был известен и популярен среди умственных кругов России.

Тем не менее ни он, ни многие другие достойные современники Салтыкова-Щедрина не стали своеобразными ориентирами в освоении и адекватном прочтении щедринских строк для потомков.

В этом плане примечательной кажется обзорная статья А. В. Ефремина, правоверного большевика и по совместительству литературоведа-щедриниста, «Борьба за Щедрина: Отклики на смерть Салтыкова», опубликованная в знаменитых 13–14 номерах «Литературного наследства», посвященных Салтыкову-Щедрину, в 1934 г. Думается, весьма содержательным может показаться первый абзац этого примечательного обзора: «Не будет большим преувеличением, если мы скажем, что из русских писателей XIX в. ничья смерть не вызвала такой бури, таких споров, как смерть М. Е. Салтыкова-Щедрина. Смерть Пушкина потрясла верхушку дворянской либеральной интеллигенции. Кончина Некрасова родила уже демонстрацию демократических слоев Петербурга. О похоронах Достоевского дочь его с умилением рассказывает: «Когда гроб, наконец, приблизился к монастырю, <...> монахи вышли из главных ворот и пошли навстречу... подобную честь они оказывали лишь царям». <...> Смерть Тургенева вызвала прокламацию народо-вольцев. У могилы Салтыкова-Щедрина произошла доподлинная свалка представителей различных групп и направлений»⁶.

Ныне существует очень полная и тщательно составленная библиография Нат. Эфрос «Отклики печати на смерть Салтыкова» (в том же томе «Литературного наследства», критико-библиографический раздел которой, не считая появившихся тогда же посмертных щедринских публикаций, стихотворений, посвященных памяти писателя, воспоминаний о нем, составляет около трех сотен наименований)⁷.

...Убежденный социалист, крупнейший теоретик мирового пролетарского движения, учёный и литератор А. А. Богданов в статье с примечательным заголовком «О художественном наследстве», опубликованной во 2-й книжке журнала «Пролетарская культура» за 1918 г., заметил: «Верующий человек, серьёзно и внимательно изучающий чужую религию, подвергается опасности совратиться в неё или усвоить из неё что-нибудь еретическое с точки зрения его собственной веры. Так, учёные христиане, исследователи буддизма, случалось не раз, делались сами буддистами вполне или последователями нравственного учения буддизма; но бывало и обратное»⁸.

...В доступных у нас теперь для чтения и осознания воспоминаниях Р. В. Иванова-Разумника постоянно сопрягаются два, казалось бы, несопоставимых имени – Салтыков-Щедрин и Блок. Однако они-то и стали предметом самых серьёзных штудий одного из гениальных историков литературы и ярчайших литературных критиков ушедшего столетия⁹.

...А заключить мои заметки хочется цитатой, великолепно объясняющей суть не только щедринских исканий, но и размышлений тех литературных критиков, которые впервые, потому и в наиболее ответственное время, пытались объяснить широким российским читательским кругам главные мотивы творчества писателя. Замечательный русский мыслитель и очень любопытный, «независимый» прозаик В. Кормер в статье «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура» сформулировал и теперь обоснованно-убийственный аргумент в адрес так называемой нашей интеллигенции: «Итак, на всем бытии интеллигенции лежит отпечаток всепроникающей дозволенности. Интеллигенция не принимает Власти, отталкивается от нее, порою ненавидит, и, с одной стороны, меж ними симбиоз, она питает ее, холит и пестует; интеллигенция ждет крушения Власти, надеется, что это крушение все-таки рано или поздно случится, и, с другой стороны, сотрудничает тем временем с ней; интеллигенция страдает, что вынуждена жить при такой Власти, и вместе с тем, с другой стороны, стремится к благополучию. Происходит совмещение несовместимого. Его мало назвать

конформизмом, конформизм – это вполне законное примирение интересов путем обоюдных уступок, принятое в человеческом обществе повсеместно. Недостаточно также обличать поведение интеллигенции как *приспособленчество*. Это было бы односторонней трактовкой. Приспособленчество – это уже производная от более глубоких процессов. Если это и *лакейство*, то лакейство не заурядное, а лакейство с вывертом, со страданием, с «достоевщиной». Здесь сразу и ужас падения, и наслаждение им; никакой конформизм, никакая адаптация не знают таких изощренных мучений. Бытие интеллигенции болезненно для нее самой, иррационально, шизоидно»¹⁰.

Примечания

¹ Часть общепролетарского дела: Литературная критика в дореволюционных большевистских изданиях. М., 1981. (Б-ка «Любителям российской словесности. Из литературного наследия»). С. 364.

² См.: Книгин И. А. Творчество Салтыкова-Щедрина в оценке В. В. Чуйко / И. А. Книгин // М. Е. Салтыков-Щедрин. Проблемы мировоззрения, творчества, языка: материалы конференции. Тверь, 1991. С. 105–114.

³ См.: Книгин И. А. Сатира Салтыкова-Щедрина в критических откликах Л. Е. Оболенского / И. А. Книгин // Салтыков-Щедрин и русская литература. Л., 1991. С. 101–112.

⁴ Миллер О. Ф. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин / О. Ф. Миллер // Рус. старина. 1889. № 6. С. 751–752.

⁵ Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. / П. Д. Боборыкин. М., 1965. Т. 2. С. 145.

⁶ Ефремин А. Борьба за Щедрина: Отклики на смерть Салтыкова / А. Ефремин // Лит. наследство. М., 1934. Т. 13/14. С. 201.

⁷ См.: Эфрос Н. Отклики печати на смерть Салтыкова: библиография / Н. Эфрос // Лит. наследство. М., 1934. Т. 13/14. С. 247–274.

⁸ Богданов А. А. Вопросы социализма: работы разных лет / А. А. Богданов. М., 1990. (Б-ка социалистической мысли) С. 426.

⁹ См.: Иванов-Разумник Р. В. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. 2000. М., 2001. С. 161–163. (Россия в мемуарах)

¹⁰ Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура / В. Кормер // Вопр. филос. 1889. № 9. С. 72.

УДК 840.09-2 + 882.09-2

ПОЭТИКА РОМАНТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ «МОСКОВСКОГО ТЕЛЕГРАФА»

Н. А. Попкова

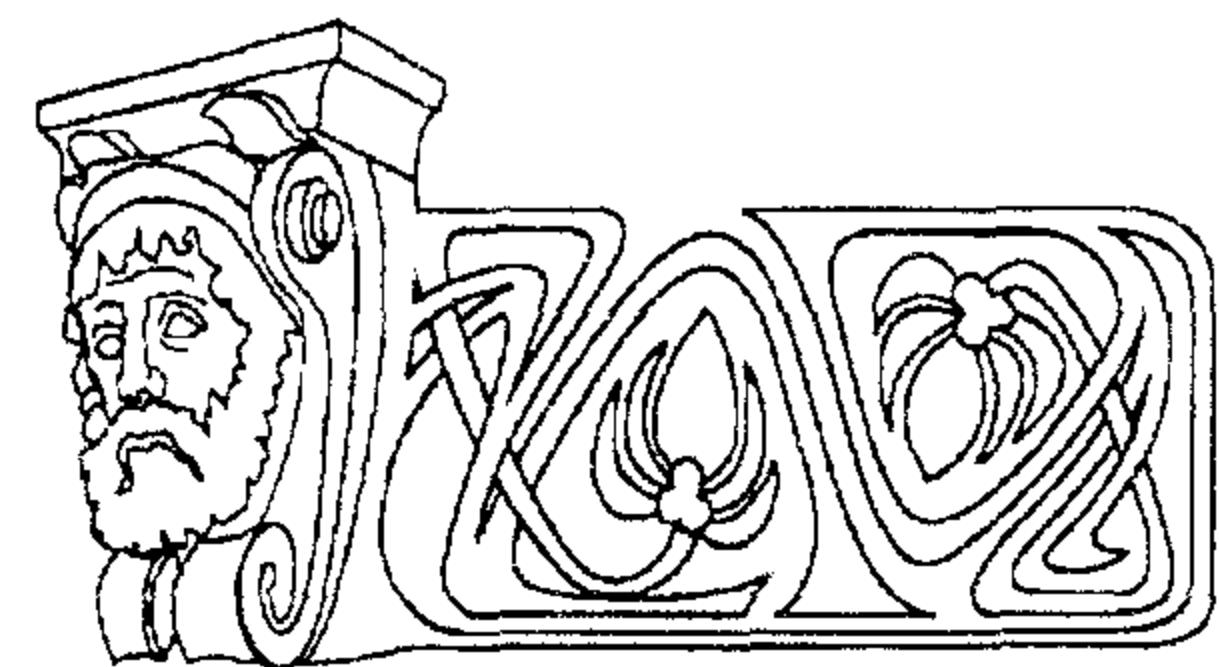
Зональная научная библиотека им. В. А. Артисевич,
отдел редких книг и рукописей
E-mail: ork@sgu.ru

В статье показано, что публикация работ теоретиков французского романтизма в «Московском Телеграфе», издаваемом Н. А. Полевым, свидетельствовала о процессе глубокого осмысления законов нового драматического искусства, который происходил во французской и русской литературах. Систематическая разнообразная по жанрам подобная публикация помогала русскому читателю освоить опыт романтиков, отвечала их потребностям приобщения к величайшему перевороту в литературе, каким явилась победа романтизма над классицизмом.

Poetics of the Romantic Drama in the Published works of «Moscow Telegraph»

N.A. Popkova

From the article it becomes clear that the publication of works of theorists of French romanticism in «Moscow Telegraph», issued by N.A. Polevoj, shows the process of deep understanding of rules of new dramatic art, which occurred both in French and Russian literatures. Systematic, different by genre, such publications helped the Russian reader to comprehend the experience of romantics, answered their needs to come in touch with the great change in literature, and this change was the victory of romanticism over classicism.

Известно, что формирование идейно-эстетической программы романтизма в русской литературе неразрывно связано с деятельностью «Московского Телеграфа» и его издателя Н. Полевого. «Романтизм – вот слово, написанное на знамени этого смелого, неутомимого и даровитого бойца»¹.

Среди теоретических материалов «Московского Телеграфа» значительное место занимают отмеченные в своё время Н.К. Козминым статьи о французской литературе и театре, принадлежащие французским авторам². Вопрос о том, какую роль сыграли они в процессе выработки эстетической программы «Московского Телеграфа», по какому принципу выбирались они Н. Полевым и как подавались русскому читателю – ещё не

был предметом специального рассмотрения. Между тем он представляет определённый интерес как конкретный эпизод из истории связей русской и французской литератур, формирования русского романтизма, из проблемы отношений журнала и читателя.

Публикация переводов теоретических выступлений французских журналов в «Московском Телеграфе» была достаточно систематичной и разнообразной по жанрам. Здесь представлен перевод главы из книги известного теоретика и театральная рецензия, обзорная статья о драматургии и теоретический манифест новой школы искусства, отзыв о нашумевшем спектакле и рассуждение о судьбах классического наследия. Публикации французских теоретиков захватывают достаточно большой отрезок времени. Они начаты в 1825 г., а затем продолжены с 1828 по 1832 г. Среди публикаций мы находим проблемные статьи Н. Лемерсье «Замечания о хороших и дурных нововведениях в драматическую поэзию»³ и А. Пиктета «Классицизм и романтизм»⁴, помещённый без подписи автора обзор «Нынешнее состояние театров. Театр Э. Скриба» (1828. Ч. 24. № 23. С. 311–332), отрывок из трактата Ф. Экштейна «О драматической литературе новых народов» (1829. Ч. 26, № 7. С. 221–247; Ч. 27, № 9. С. 3–39; Ч. 27. № 12. С. 409–431), острополюемические выступления де Брولьи «Нынешнее состояние драматического искусства во Франции» (1830. Ч. 34, № 15. С. 340–377; Ч. 34, № 16. С. 472–509)⁵ и неизвестного автора «Гернани или кастильская честь. Драма в пяти действиях, в стихах. Сочинение В. Гюго» (1830. Ч. 35, № 17. С. 137–149; № 18. С. 305–323). Есть среди материалов «Телеграфа» и манифесты романтиков: Виньи А. де «Письмо к Лорду *** графу ***» (1830. Ч. 36, № 24. С. 423–463) и В. Гюго «О поэзии древних и новых народов» (1832. Ч. 47, № 19. С. 297–331; Ч. 47, № 20. С. 435–471).

Н. Полевой стремился дать русскому читателю полное «понятие о ходе, духе, направлении» (1826. Ч. 12, № 21. С. 57) иностранной (главным образом, французской) литературы, соответственно оценивая и новые явления отечественной словесности. В довольно сложной идейно-эстетической обстановке 20-х гг., в ходе утверждения «ро-

мантических веяний эстетики «новой школы», ниспровержения канонов классицизма, переоценки того, что прежде почиталось образцовым»⁶ Полевой прежде всего не желал быть доктринёром. Переводы статей из «сочувствующих новому направлению французских журналов» («Le Globe», «Revue Encyclopedique», «Bulletin Universelle», «Le Catholique») подавались в «Московском Телеграфе» так, чтобы читатель, «сравнивая, сопоставляя», сам убедился в неизбежности победы романтизма. Рассуждениям приверженцев классицизма дана такая же свобода слова, как и заявлениям романтиков, и читателю при этом представляется возможность самому войти в систему аргументации спорящих сторон. «Замечания о хороших и дурных нововведениях в драматическую поэзию» Лемерсье, сочинение, читанное им в 1825 г. в Академии французской, этом «оплоте классицизма», Н. Полевой предварял напоминанием, что с литературным противником надо не спорить и браниться, но рассуждать о рассматриваемых предметах и доказывать истину, полагаясь на самостоятельность читателя, вполне способного решить, кто прав. Публикуя «слабые, недостаточные, сбивчивые» «Замечания» Лемерсье рядом с сочинением А. Шлегеля⁷ Полевой был уверен, что опровержение взглядов Лемерсье «заключается в самой статье его и в рассуждениях Шлегеля» (1825. Ч. 4, № 13. С. 30).

С читателем важно начать доверительный разговор, обратив его внимание на антиисторичность суждений защитника классицизма. Абсолютизацией норм классицистического театра Лемерсье как бы стремится остановить самое время. Н. Полевой предлагает из Лемерсье заключение, которое само по себе показывает ограниченность его взгляда на искусство: классицизм несёт в себе «всё хорошее и истинное». Романтизм губит самое искусство, разрушая его нормы. Романтизм призывает к «свободе описывать все без разбора и без правил, смешивая все роды» (1825. Ч. 4, № 14. С. 127), в романтических драмах действующие лица и разговоры их низведены до низостей обыкновенной жизни. Искусство перестаёт быть искусством. Полевой предлагает русскому читателю всмотреться в самые основы оптимизма Лемерсье как убеждённого классика. Роман-

тизм не имеет правил, в нём нет внутренней силы, он есть нечто неопределяемое, а потому он не может поколебать классицизм. Классицизм же даёт совершенные принципы искусства, и эти принципы будут достаточны для того, чтобы освоить «другие нравы, другие веки, другие характеры» (1825. Ч. 4, № 13. С. 35). Точка зрения Лемерсье, конечно же, выглядела анахронизмом и для русского читателя. Для Бестужева-Марлинекого, О. Сомова, Вяземского, Пушкина вопрос о неизбежности классицизма был напоминанием о первых сражениях «Арзамаса», «Беседы». Переводя Лемерсье, Полевой вовсе не уходил в прошлое. Он напоминал тот рубеж, с которого начал свои победные шествия романтизм. Свои размышления о сущности романтической школы в том же 1825 г. Пушкин начал с доказательства той истины, что «отсутствие всяких правил» ещё не есть уничтожение искусства. Важно и то обстоятельство, что Пушкин с самого начала полемики с классиками писал не об отсутствии всяких законов о романтизме, а напротив, об одном всеобщем и неизбежном законе романтического искусства – о единстве «интереса» в произведении, т.е. о единстве его идеи. Закономерность смешения родов комического и трагического также занимает внимание Пушкина⁸.

«Земля классиков», Франция, оставляет своих кумиров, решительно гонит их, смеётся над ними, не верит им» (1828. Ч. 22, № 14. С. 304). И Полевому важна не просто констатация факта, он стремится изложить «основания спорного вопроса о различии классицизма и романтизма» (1828. Ч. 23, № 17. С. 3). Перевод статьи А. Пиктета «Классицизм и романтизм» (1828. Ч. 23, № 17. С. 3–5; Ч. 24, № 24. С. 452–468) из «Bulletin Universelle» давал возможность Полевому коснуться одной из опасных тем. Пиктет начало спорного вопроса о различии классицизма и романтизма видит в борьбе общественных идей, политических партий, в столкновении «либералов» и «ультра». Романтизм есть следствие великих социально-исторических перемен. Окончательного разрешения вопроса о романтизме, по мнению Пиктета, пока нет, но в ходе споров высказано множество важных частных истин. Суммируя их, Пиктет пытается дать первый очерк истории вопроса и

делает весьма перспективное замечание о связи романтической литературы с общим характером мировосприятия человека нового времени. Меняются идеи времени – меняется искусство. Такова первоначальная формулировка принципов историзма: «романтическая драма новейшей Европы, подобно греческой трагедии, была не что иное, как свободное выражение времён, в которые она произошла» (1828. Ч. 23, № 17. С. 33–34)⁹. Существенные её приметы Пиктет видит в «многосложности, избытии различных форм, смешении трагического и комического, стихов и прозы» (1828. Ч. 23, № 17. С. 34). И всё же Пиктет не до конца последователен в своём историзме. Установив, что классики ушли в прошлое вместе со своим временем, он готов признать, что излишней становится полемика «классиков» и «романтиков», и мнимые противники могут объединиться¹⁰. Утвердится такое истинное направление искусства, для которого одинаково безразличны будут и нормы классицизма, и принципы романтизма.

Мысль о бесплодности споров о классицизме и романтизме высказывалась и в кругах русской читающей публики. Попытки примирить стороны ради истинного и неизменного искусства, для которого безразлично, классическое оно или романтическое, делались и в русской критике. Считали самым важным, чтобы произведение было истинным выражением искусства, а не вялым подражанием природе или образцам великих творцов. Так, в статье 1825 г. «Несколько мыслей о русской поэзии. Отрывок из письма к N.N.» Рылеев утверждает: «...нет ни классической, ни романтической поэзии, а была, есть и будет одна истинная, самобытная поэзия, которой правила всегда были и будут одни и те же»¹¹. Спор о романтизме и классицизме он характеризовал как спор «более о словах, нежели о существе предмета»¹². Важно напомнить, что с Рылеевым в этом вопросе не соглашался Пушкин¹³. Высказывая неудовлетворённость состоянием вопроса о романтизме¹⁴, он требовал более точного определения понятий «классицизм» и «романтизм» и, видя в романтизме потребность времени, полагал, что различие двух форм искусства – вопрос совсем не праздный. Для Пушкина противопоставление этих форм

было борьбой идей, противоположностью мировосприятий, в своих теоретических исканиях он шёл к «признанию несостоятельности в новых условиях всей драматической системы классицизма в целом»¹⁵. Он утверждал: «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической»¹⁶, – понимая, что радикальность этих «перемен» зависит от последовательного и полного выяснения различий между классицизмом и романтизмом. Пушкин не считал, что новое искусство будет компромиссным соединением отдельных приёмов «старого» и «нового».

Небезынтересно проследить, как развивалась теория романтизма в работах французских авторов, публикуемых на страницах «Московского Телеграфа», и как проходил в те годы процесс работы Пушкина над теоретическим предисловием к «Борису Годунову»¹⁷. «Сочиняя её (трагедию. – Н. П.) и размышляя о трагедии вообще (и если бы я собрался написать предисловие, оно было бы любопытно)»¹⁸. Важно отметить, что Пушкин с самого начала понимал общетеоретический смысл своих замечаний о «Борисе Годунове». В том же 1825 г. Пушкин высказал замечание относительно «истинного романтизма», который не всегда понятен даже сторонникам романтического искусства. Путь к читателю длинен и труден. «Важная вещь: я написал трагедию, и ею очень доволен, но страшно в свет выдать – робкий вкус наш не стерпит истинного романтизма. Под романтизмом у нас разумеют Ламартина»¹⁹.

Среди русских журналов, освещавших литературную борьбу («Атеней», «Московский вестник», «Сын Отечества»), «Московский Телеграф» отличался тем, что острее обозначил связь споров классиков и романтиков с насущными вопросами общественно-политической жизни. Менее всего спор о романтизме, каким он представал в разнообразных материалах «Московского Телеграфа», был спором «цеховым», затрагивающим только литераторов. Именно поэтому внимание журнала сосредоточивалось на проблемах современного театра, искусства массового, обращённого к самой широкой публике. Главные бои классиков и романтиков развернулись на театральных подмостках и не случайно «Московский Телеграф» открывает специальную рубрику «Известия и критиче-

ские замечания о представлениях Московских, Петербургских, Парижских театров» (1829. Ч. 29, № 19. 2 с. обложки), а разбор пьесы В. Гюго «Гернани» предваряет замечанием: «в парижских театрах сосредоточена вся жизнь» (1830. Ч. 35, № 17. С. 137). Последнее замечание необычайно верно. К середине 20-х гг. во всех странах Европы именно театр начинает занимать ведущее место в развитии других видов искусства. Принципиальное значение имела в «Московском Телеграфе» статья «Нынешнее состояние театров. Театр Э. Скриба» (1828. Ч. 24, № 23. С. 311–332) – перевод из «первостепенного французского журнала». «Умная, современная» статья, как оценивал её переводчик, содержала сравнительную характеристику разных типов театрального искусства.

Констатируя «изнеможение», «болезнь в душе французского театра», особенно чётко проявившиеся в связи с успешными гастролями в Париже английского театра²⁰, автор пытается найти причины этого явления и возможности выхода из болезненного состояния. «Литературное ханжество», «академический педантизм», «надутые декламации» французского театра не выдерживают никакого сравнения с английским театром, с его свободой в построении пьес Шекспира, в манере игры актёров. Английский театр открыл новый мир человеческих отношений. Особо отмечает автор присущую английскому театру «свободу чувств, мыслей, она позволяет соединять и сблизать величие и простоту, трагическое и смешное, она изображает характер во всех его оттенках» (1828. Ч. 24, № 23. С. 320). Именно эта свобода, по мнению автора, способна оживить французский театр, ждущий кардинальных перемен. «Нам нужен только Шекспир» (1828. Ч. 24, № 23. С. 320) – таков итог.

Проблема Шекспира не случайно возникает в борьбе классиков и романтиков, как бы на самом её острие. Мимо этой проблемы не прошёл и Полевой, переведший несколько статей о Шекспире. «Московский Телеграф» в шекспиризме видел веяние времени. Но «ирония судьбы», сделав Полевого защитником передовых европейских начинаний, выразилась в том, что подлинного значения шекспиризма Пушкина в «Борисе Годунове» он не понял.

Преодолев рамки романтизма, Пушкин выступил за «истинный романтизм», развивая по сути дела принципы реализма. В Шекспире Пушкин открыл для себя великого реалиста. Этим отношением к Шекспиру во многом определялась новаторская природа «Бориса Годунова». Полевой, как и многие современные критики, ее не понял. Признавая трагедию одним из образцов романтической драмы и главным произведением Пушкина, провозгласив её самым значительным явлением русского театра, Полевой все же не нашёл верного критерия оценки «Бориса Годунова». Не находя в «Годунове» полного выражения примет романтической драмы, Полевой делает вывод, что создание русского поэта не может равняться с образцами европейского искусства (1833. Ч. 49, № 1. С. 117–147; № 2. С. 289–327). «Борис Годунов» остался непонятным и не оценённым – опасения Пушкина сбывались. Известно, что Пушкин пенял при этом на «наши журналы», уверившие его в готовности русской публики к великим театральным реформам. На деле все оказалось не так. Сами журналы воспитали русскую публику под влиянием французской литературы, так что «русские привыкли к правилам, утверждённым её критикою, и неохотно смотрят на все, что не подходит под сии законы»²¹. Не адресует ли Пушкин этот упрёк «Московскому Телеграфу»?

Однако из этого замечания Пушкина вовсе не следует, что популяризация Шекспира и разъяснение принципов его драматургии в «Московском Телеграфе» не прошли для русской публики бесследно. В первую очередь здесь должен быть назван труд Ф. Экштейна «О драматической литературе новых народов» (1829. Ч. 26, № 7. С. 221–247; Ч. 27, № 9. С. 3–39; № 12. С. 409–431). Н. И. Козмин справедливо называет его «популяризатором»²², имея в виду зависимость теории Экштейна от идей немецкой идеалистической эстетики. Не прошли бесследно для рассуждений редактора «Le Catholique» и его религиозные идеи, которые он включает в свою периодизацию развития драматургии, приурочивая «новую драму» к периоду распространения идей христианства.

Тем не менее разъяснение новаторства драматургии Шекспира Экштейном имело несомненно позитивное значение. Одно из

главных достоинств Шекспира он видит в «соединении трагического с комическим с целью большего развития искусства», глубоком изучении человеческой природы для создания истинно высоких характеров.

Особое значение имеет постановка Экштейном проблемы условности искусства, ибо вне её оказалась невозможной разработка теории романтизма, а позднее – утверждение принципов реализма. Указание на условность искусства укрепило мысль, что оно не должно повторять природу. Стремление к правдоподобию оправдывало в свое время три классицистические единства, поэтому окончательную победу новый театр не мог одержать без теоретического осмысления проблемы условности. Известно, какое место в размышлениях Пушкина об искусстве отведено проблеме условности. Театр, по его мнению, условен как вообще искусство, «правдоподобие ... исключается самою сущностью драмы»²³. И если чего-то требовать от театра, то требовать следует «истины страстей, правдоподобия чувствований в предполагаемых обстоятельствах»²⁴. В области теории драмы проблема условности в этот период более всего подводила театр к жизни. Это значение проблемы издатель «Московского Телеграфа» уловил верно. Особенно понятен поэтому его интерес к злободневной театральной французской прессе, в центре внимания которой стоял Шекспир и театр Шекспира. С Шекспиром связано утверждение романтизма на французской сцене. Успешные гастроли в Париже английского театра открыли французским зрителям новый мир, родилась потребность поставить Шекспира на французской сцене, освоить диктуемую законами его драматургии совершенно новую для французов манеру исполнения.

Неудивительно, каким большим событием в жизни французского театра была постановка трагедии Шекспира «Отелло» 25 октября 1829 г.²⁵ «Le Globe» откликнулась на постановку статьёй де Брольи «Нынешнее состояние драматического искусства во Франции», а «Московский Телеграф» публикует её перевод, характеризуя статью как «высочайшую степень литературной критики во Франции» (1830. Ч. 34, № 15. С. 340–377; № 16. С. 472–509).

Самый факт постановки в Париже пьесы Шекспира (ещё в 1822 г. «варвара», «Аттилы», «мужика») Брольи расценивает как доказательство победы романтизма во французском театре. «Этот переворот во вкусе публики есть явление любопытное и достойное внимания, так как не бывало столь важного, блестящего и быстрого изменения» (1830. Ч. 34, № 15. С. 340). Ещё более определён, в сравнении с Пиктетом, Брольи связывает зарождение романтизма с революцией – «огромным движением 1789 года». Революция разрушила «общественное здание», «срыла его дотла» (1830. Ч. 34, № 15. С. 361), но долгое время не касалась лишь одного общественного института – французского театра.

Но положение, наконец, изменилось, и «при всеобщем движении театр не мог оставаться неподвижным» (1830. Ч. 34, № 15. С. 363). Подобное суждение Брольи соответствовало мнению Полевого, также считавшего романтизм «обобщением идей политики, философии, искусства», «удовлетворяющим опыту ума, умозрению сердца, всем потребностям нового общества» (1832. Ч. 43, № 2. С. 212–213), т.е. явлением широкого социально-политического плана. Эту крамольную мысль Полевой искусно проводит через цензуру. Она нигде не развивается специально, а возникает в «Московском Телеграфе» как бы постепенно, сама собой, в широком потоке фактов европейской жизни. Статье Брольи присуща полемичность. «Романтический» для него не есть синоним «оригинального». Он уже видит возможность подражаний, рутин и в этом новом направлении, его беспокоит «поток романтических подражаний..., угрожающих занять место подражаний классических» (1830. Ч. 34, № 16. С. 484) Обеспокоен Брольи и отсутствием «великого драматического поэта: он бы подкрепил нововводителей» (1830. Ч. 34, № 15. С. 371). Нельзя не заметить, что известная дань новому романтическому штампу есть и в заключениях самого Брольи. Рассуждая о Шекспире, он как бы заранее накладывает на его характеры романтическую мерку. Любопытна трактовка им образа Отелло. В сравнении со знаменитым пушкинским суждением об Отелло, дающим ключ к реалистическому постижению образа, Брольи предлагает традиционно

романтическую трактовку образа шекспировского героя. У него Отелло «дикий», предающийся «первому кипению каждой страсти» (1830. Ч. 34, № 16. С. 484) человек природы. Цивилизация захватила лишь внешнюю сторону его поведения. «Природа» – самое яркое в его личности, в ней его сила. Но «природа», победив нормы образованного общества, ведёт его к гибели. После слов Яго в Отелло «дикий поднимает голову», в сердце его пробуждается дикарь. Очевидна романтическая коллизия столкновения несоединимых начал «естества» и «цивилизации». Для Брольи Шекспир в этом смысле один из родоначальников романтического искусства. Пушкинское понимание движущих начал характера Отелло, как известно, принципиально иное. Природа «ревности» его понята иначе. «Отелло от природы не ревнив – напротив: он доверчив»²⁶.

Гибель Отелло, по мнению Пушкина, происходит не от победы тёмных сил в сознании и чувствах мавра, а от цельности его характера и неизменно присущего ему доверия человеческому благородству. Общий интерес к Шекспиру по содержанию своему был далеко не однороден.

Известно, что в своей пропаганде романтического искусства «Московский Телеграф» ориентировался на Гюго, именно его произведения были высшим критерием романтического искусства для Полевого. Известно также и резко критическое отношение Пушкина к трактовке исторических характеров у Гюго, например, в его «Кромвеле»²⁷. Выступая за «истинный романтизм», Пушкин не находил его у Гюго. Взгляд на романтическую литературу, перспективы её развития оказались у Полевого и Пушкина, таким образом, не только далеко не одинаковым, но со временем и всё более расходящимся.

Полевой завершает публикации о победах романтиков во Франции сообщением о важнейшем событии театральной жизни Парижа: постановке на сцене «Comedie Française» 25 февраля 1830 г. драмы Гюго «Гернани». Первая из его драм, поставленных на сцене, она выдержала 45 представлений, каждое из которых было ожесточенным столкновением восторженных поклонников романтизма и не менее ожесточённых его противников²⁸. «Московский Телеграф» публи-

кует перевод статьи о «Гернани» (1830. Ч. 35, № 17. С. 137–148; № 18. С. 305–323) из «Le Globe»²⁹, не преминув заметить о большей её современности сравнительно со статьёй из «Revue Encyclopedique», переведённой «Сыном Отечества»³⁰, поясняя свой выбор: «для собственного образования необходимо знать мнения знатоков»³¹.

Давние мечты и ожидания французских критиков сбылись – явился великий драматический поэт, «один из гениев в революции нашего театра» (1830. Ч. 35, № 18. С. 323). При таких восторженных оценках нельзя не обратить внимания на стремление Полевого и в этом случае быть максимально объективным.

Верный своим эстетическим симпатиям, «Телеграф» тем не менее публикует статью, автор которой, признавая художественную смелость создателя «Гернани», не принимает, однако, большинства его нововведений. Гюго все делает «иначе, нежели прежде», попирает «тройственное единство», безжалостно разбивает форму расиновского стиха, вводит «новое, новое и до бесконечности новое» (1830. Ч. 35, № 17. С. 141), он «свёл с ходуль язык французской трагедии». Отмечая, что в его драме есть «истинные красоты», судьбы героев драмы вызывают «трепет сочувствия» у зрителей, «Гернани» стала «любимицей молодых людей» (1830. Ч. 35, № 18. С. 321). Автор отмечает также, что создание Гюго уступает творениям Шекспира, и уступает едва ли не в самом главном. «Могущественному единству» Шекспира Гюго мог противопоставить всего лишь «сплетение частных».

Представляет специальный интерес вопрос, почему же Полевой не спешит защитить своего любимого писателя? Почему «Московский Телеграф» не публикует «Предисловия» к драме «Кромвель», написанное в 1827 г. и указанное русскому читателю в качестве целого «литературного трактата» ещё в 1828 г.? (1828 Ч. 20, № 5. С. 117). Ответ, видимо, однозначен: Полевой медлил с публикацией «Предисловия», готовя русского читателя не только к восприятию этого важнейшего документа романтизма, но и к безусловному признанию его высшим достижением французских писателей и критиков по вопросам романтизма³². Элементом этой

подготовки была и следующая публикация «Московского Телеграфа», направленность которой на актуальные проблемы современного искусства подчеркнута дополнительно колонтитулом – «Письмо А. де Виньи о драматической реформе» (1830. Ч. 36, № 24. С. 423–463)³³.

«Гений Шекспира принадлежит всему человечеству, к его творчеству будут обращаться и в будущем, учитывая все, что человечество приобрело в философии, знании», – так объяснял факт перевода им творения Шекспира «Отелло» А. де Виньи в специальном предисловии, названном им «Письмо А. Де Виньи к Лорду...» (1830. Ч. 36, № 24. С. 460).

Новый театр, по убеждению Виньи, должен быть основан на традициях Шекспира. Виньи был горд тем, что первым провозгласил имя Шекспира на французской сцене. Уместно вспомнить, что вся история работы Пушкина над «Борисом Годуновым» и предисловием к нему велась «по системе отца нашего, Шекспира»³⁴. Вместе с тем понимался Шекспир различно.

Главное отличие театра Шекспира от классического французского театра Виньи видит в отходе от единства места и времени: «старый треножник трёх единств держится теперь на одном твёрдом основании, которого отнять нельзя – на единстве интереса в действии» (1830. Ч. 36, № 24. С. 436). Мысль о единстве интереса развивается Виньи как мысль о неотъемлемой черте новой драмы, которая повлечёт за собой широту и в охвате времени, и в трактовке характеров, и в изобразительных средствах.

Проблеме «единства интереса» Пушкин в эти же годы также уделяет много внимания и неоднократно возвращается к её разъяснению. Открытая Шекспиром свобода понимается у Виньи и Пушкина различно. «Литературная свобода, все вдруг дающая», «до бесконечности умножает затруднение выбора, отнимает все точки опоры» (1830. Ч. 36, № 24. С. 460) – и каждая попытка создать действительно новое произведение заслуживает уважения. О свободе, как главном достоинстве драматического произведения, писал и Пушкин: «Что нужно драматическому писателю?.. Свобода»³⁵. Однако у Пушкина это все же не свобода, «отнимающая все точ-

ки опоры». Свобода включает у него «философию, бесстрастие, государственные мысли историка». Драматургу нужна интуиция, «догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли»³⁶. Так понимает свободу Пушкин, ведь истинный романтизм имеет свои законы: «истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах – вот чего требует наш ум от драматического писателя»³⁷. Полевой не видел подобных различий и не мог в полной мере опереться на опыт Пушкина-реалиста в своих обращениях к теоретическим статьям французских романтиков. Но и то объяснение «единства интереса» и «свободы», которое содержалось в предисловии Виньи, было пока ещё новым для читателей «Телеграфа».

Новым, чрезвычайно интересным было и каждое известие о В.Гюго. Отметим, что ориентированность Полевого на довольно широкую по тому времени читательскую массу³⁸ сказалась и в самой подаче материалов о нём: статьи дают возможность читателям сопоставлять факты, рассуждать, входить в самую суть полемики. Казалось бы, победа «Гернани» уже должна была убедить всех в победе романтизма, уже должна поставить Гюго на место признанного вождя романтиков. Но Полевой наращивает полемическую направленность материалов о Гюго и делает это именно для того, чтобы безусловно убедить своего читателя в подлинном праве Гюго называться самым большим писателем современности. В 1831 году публикуется статья «О новой школе в поэзии французской» (1831. Ч. 38, № 6. С. 149–180). Отрицая все новые пиитики, автор самое большое внимание уделяет «Предисловию» и драме Гюго «Кромвель». «Московский Телеграф» в этом же году помещает перевод статьи Шове «О романах В. Гюго» из «Revue Encyclopedique» (1831. Ч. 42, № 22. С. 218–240), снабдив его колонтитулом «Суждение классика о романах В. Гюго» и уже этим дав ей исчерпывающую характеристику как заведомо отрицательному отзыву о Гюго. Отмечая бесспорный талант и литературную отвагу Гюго – главы новой литературы, Шове отказывает его творениям в оригинальности, считая их переделками уже известных произведений. Так, для «Notre-dame de Paris»

идея заимствована у Сервантеса (новелла «Цыганка»). Не призывает Шове и художественного метода Гюго: склонности к ужасному и отвратительному, не признаёт и его слога, «судорожного» и сбивчивого. Публикация завершалась замечанием издателя «Московского Телеграфа»: «Зная, что и у нас «Notre-dame de Paris» производит толки и бестолковицы, мы нарочно поместили статью Шове в «Телеграфе» и потом поместим другую, где объясняются его ошибки, где постараемся показать и великость нового сочинения Гюго, который после него становится в первом ряду современных европейских литераторов» (1831. Ч. 42, № 22. С. 240)³⁹.

Этой другой статьёй о Гюго явилась обширная работа Н. Полевого «О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах (против статьи г-на Шове)» (1832. Ч. 43, № 1. С. 85–104; № 2 С. 211–238; № 3. С. 370–390): В ней В. Гюго охарактеризован «как полное и совершенное изображение довременного французского романтизма» (1832. Ч. 43, № 3. С. 376). После такого основательного представления В. Гюго русскому читателю Полевой публикует, наконец, и само его сочинение «О поэзии древних и новых народов» – так названо «Предисловие» к драме Гюго «Кромвель» в «Московском Телеграфе» (1832. Ч. 47, № 19. С. 297–331; № 20. С. 435–471)⁴⁰. В примечании издателя читаем: «Мысли о теории поэзии первого из современных поэтов Франции ... смелы, блестящи ..., все ли они верны – это другой вопрос»⁴¹. Опять обращение к читателю: сравнивайте, рассуждайте.

В «Предисловии» Гюго чётко выделяются две части: историческая и теоретическая. Вся история развития литературы и интерпретации Гюго являются доказательством не только необходимости появления романтизма, но и его бесспорного торжества.

«Искусство новое, настоящее – романтизм, старое, мёртвое – классицизм» (1832 Ч. 47, № 19. С. 310), – таков его итог. Теоретическая часть начата рассмотрением драмы – в ней ведь «сосредоточивается все у новой поэзии» (1832 Ч. 47, № 19. С. 328). Теорию новой романтической драмы Гюго строит на развалинах старых пиитик. «Богатейшим источником, указанным природой искусству», он считает гротеск – «противоположное Вы-

сокому – Смешное» (1832 Ч. 47, № 19. С. 316). Именно гротеск является той наиболее характерной особенностью, которая отличает литературу романтическую от классицистической. Гротеск, т.е. «согласие противоположностей», по мнению Гюго, постоянно есть в природе, в жизни, именно он и определяет характер поэзии нового времени – драмы. Руководствуясь разумом и вкусом, «громко и смело» Гюго заявляет: «...все, что есть в природе, все то есть в искусстве» (1832 Ч. 47, № 19. С. 330). С этой точки зрения и надо судить классицизм, его условные правила, схоластические узлы. Гюго не только судит нелепые правила единства места и времени, не только призывает разбить старые пиитики, он смело утверждает: «...есть всеобщие правила природы, распростёртые на все искусство вообще, и правила частные, которые для всякого творения следуют из условий бытия, собственных каждому предмету» (1832 Ч. 47, № 20. С. 451). Если первые внутренние, вечные, они – фундамент творения, то вторые – внешние, изменяющиеся, они – одежда творения. Новую драму – «обширную, свободную, незадыхающуюся» (1832. Ч. 47, № 20. С. 458) – должны отличать единство действия, характеристическое, выбранное поэтом из жизни, цвет местности и напоённость духом изображаемого ею времени, лица, данные в «существенных, основных своих чертах», наличие «простонародного, даже грубого языка» (1832 Ч. 47, № 20. С. 459), «стих свободный, открытый, смеющийся все сказать без жеманства, изысканности; естественной походкой переходящий от комедии к трагедии, от высокого к смешному» (1832 Ч. 47, № 20. С. 466). Только такая драма будет «сосредоточивающим зеркалом, ... объединяющим цветистые лучи ... в пламя» (1832 Ч. 47, № 20. С. 456), будет «чудом искусства». В «Предисловии» Гюго затрагивает и вопрос об условности драмы. По его мнению, неизвестным должно быть различие действительности искусства и действительности природы, ибо искусство не может представить самой природы.

Размышлением о постоянном развитии человеческого ума, а вместе с ним идей и языка, заканчивается публикация перевода. В тексте «Предисловия» в «Московском Телеграфе» есть ряд изъятий⁴², может быть,

сделанных самим Полевым для того, чтобы избежать препятствий к публикации статьи со стороны цензуры. Опущено, например, смелое рассуждение Гюго о существовании в настоящем времени литературного «старого режима» наряду с политическим старым режимом, при этом старое тяготеет над новым, подавляет его. И особое давление испытывает критика. Гюго высказывает мысль о необходимости новой, «могучей, откровенной, научной», критики, способной «освободить нас от дряхлого классицизма и ложного романтизма»⁴³, критики, которая будет судить писателя не с точки зрения правил, а по неизменным законам искусства, учитывая характер первого упоминания о Гюго в «Московском Телеграфе» в 1827 г.: «Вот пример бранноносного духа поэта в нынешней поэзии», которая «завербовалась под знамёна у политики» (1827. Ч. 14, № 5. С. 43), факт получения Полевым серьёзного замечания за опубликование статьи «Историческое обозрение 1830 года» (1831. Ч. 37, № 1. С. 114–144) и вынужденной замены её продолжения другим материалом (1831. Ч. 37, № 2. С. 289) – такая купюра понятна. Отметим при этом, сколь велика заслуга Полевого, который в сложных цензурных условиях, идя на вынужденные сокращения, всё же знакомил русского читателя с манифестом романтизма – «Предисловием» Гюго к драме «Кромвель». Что же касается «новой критики» и её задач, то для «Московского Телеграфа» это само собой разумеющееся положение⁴⁴. Опущено объяснение Гюго относительно цели «Предисловия»: «нет способности создавать теорию, желая их утверждать, скорее намерение уничтожить поэтику, чем создать её»⁴⁵, защищать «искусство против деспотизма теорий, кодексов и правил»⁴⁶. Данный пропуск вполне объясним тем, что подобные мысли Гюго не соответствуют устремлениям Полевого, который публикует «Предисловие» именно как новую поэтику, хронологически венчавшую публикации переводов французских писателей и критиков по вопросам романтизма в «Московском Телеграфе». Далее опущено размышление Гюго о публикации, которая, будучи подготовлена целым рядом замечательных сочинений к восприятию нового искусства, может последовать по верному пути⁴⁷. Для Полевого, ставящего целью

«Московского Телеграфа» формирование читательского вкуса, вопрос о публике стоит более определенно: не может, а должна следовать верным путём, путём признания романтизма. И, наконец, опущено рассуждение Гюго о предпочтении им доводов, а не авторитетов – это положение, которым руководствовался и Полевой, публикуя переводы статей французских писателей и критиков по проблемам романтизма⁴⁸.

В подаче «Московского Телеграфа» каждая публикация статей французских авторов развивала, обосновывала отдельные положения теории романтизма, уже высказанные Гюго⁴⁹, но широкому читательскому кругу ещё неизвестные. Постепенно каждая публикация проясняла понятие романтизма, делала его более конкретным. Нужна была итоговая статья – ею и стало «Предисловие» к драме «Кромвель», в котором в яркой, эмоциональной форме обобщены (по хронологии публикаций в «Московском Телеграфе») рассуждения французских романтиков. Решающую роль в определении «Предисловия» Гюго как итогового, несомненно, сыграла победа драмы Гюго «Гернани», в которой теоретик Гюго на практике воплотил утверждаемые им принципы романтизма. В предисловии к «Гернани», ознаменовавшей полную победу романтической драмы, Гюго писал, что она – «первый камень здания»⁵⁰ нового, свободного, романтического театра, фундамент же его – «Предисловие» к драме «Кромвель». Успехи «Гернани», «Notre Dame de Paris» поставили Гюго в «первый ряд современных европейских литераторов» (1832. Ч. 42, № 22. С. 240), сделали его самой яркой фигурой романтизма. Естественно, что именно теоретик и практик романтизма Гюго ставит в «Московском Телеграфе» завершающую точку в споре романтизма и классицизма, утверждая победу первого. Однако Полевой не принимал безоговорочно романтика Гюго, не мог не видеть, что взятые в целом статьи Пиктета, Экштейна, Брольи, Виньи затрагивают большее количество вопросов, нежели Гюго в «Предисловии». Не мог не знать Полевой и того факта, что в процессе работы над предисловием к «Борису Годунову» Пушкин, теоретически осмысливая опыт романтиков, менял акценты, выдвигал на первый план разные вопросы и в ко-

нечном итоге, охватывая большее количество проблем, нежели Гюго, делал их применительно к драматическому искусству в целом и на уровне более высоком – реалистическом⁵¹. Не случайно уже в 1833 г. Полевой пишет: «...старание идти наперекор старому, систематическая мысль смешивать смешное и высокое, излишний лиризм, желание странных противоположностей – вот недостатки драмы Гюго» (1833. Ч. 49, № 2. С. 295) и считают, что по-прежнему Шекспир остаётся непревзойдённым образцом для современных поэтов.

Однако публикация статей теоретиков французского романтизма на страницах «Московского Телеграфа» свидетельствовала о процессе глубокого осмысления законов нового драматического искусства, который происходил параллельно во французской и русской литературах. Они помогали русскому читателю освоить опыт романтиков, отвечали их потребностям приобщения к величайшему перевороту в литературе – победе романтизма в борьбе с классицизмом. «Московский Телеграф» более прочих журналов наших отражает движение европейской умственной деятельности⁵² – и вклад его в развитие теории романтизма в русской литературе, бесспорно, значителен.

Примечания

¹ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. / В. Г. Белинский. М., 1955. Т. 9. С. 684.

² *Козмин Н. К.* Очерки из истории русского романтизма / Н. К. Козмин. СПб., 1903. С. 183–222.

³ *Московский Телеграф.* 1825. Ч. 4, № 13. С. 30–43, № 14. С. 119–129. В дальнейшем: МТ.

⁴ МТ. 1828. Ч. 23, № 17. С. 3–35; Ч. 24, № 24. С. 452–468 (продолжение озаглавлено «О классицизме и отношении к античным образцам и сравнениям»). Далее в тексте статьи в круглых скобках приводятся цитаты из МТ с указанием года, части, номера и страниц.

⁵ На авторство де Брольи указывает Козмин (см.: *Козмин Н. К.* Указ. соч. С. II).

⁶ *Фризман Л. Г.* Становление русской критики / Л. Г. Фризман // *Литературная критика 1800–1820-х гг.* М., 1980. С. 5. См. также: *Манн Ю. В.* Поэтика русского романтизма / Ю. В. Манн. М., 1976; *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века / Н. И. Мордовченко. М.; Л., 1959. С. 196–236; *Орлов Вл.* Пути и судьбы / Вл. Орлов. Л., 1971. С. 313–448; *Дмитриев А. С.* отмечает, что формирование французского романтизма как школы происходило также в 20-е годы, что основной фактор, определяющий литературную ситуацию этого периода, – борьба против эпигонов классицизма (см.: *Дмитриев А. С.* Теория западноевропейского романтизма / А. С. Дмитриев // *Литера-*

турные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 34–35).

⁷ О драматической поэзии и теории изящного у древних и новых народов // МТ. 1826. Ч. 7. № 3. С. 207–224, Ч. 7. № 4. С. 311–324.

⁸ Пушкин-критик. М.; Л., 1934. С. 54.

⁹ Эта мысль Пиктета созвучна высказыванию Вяземского: «Нельзя не почтить за непоколебимую истину, что литература, как и все человеческое, подвержена изменениям... И ныне, кажется, настала эпоха подобного преобразования» (см.: О Кавказском пленнике, повести. Соч. А. Пушкина // Сын Отечества. 1822. Ч. 82, № 49. С. 117). Статья эта была знакома читателю. Более того, Пушкин писал Вяземскому 6 февр. 1823 г.: «Все, что ты говоришь о романтической поэзии, прелестно, ты хорошо сделал, что первый возвысил за нее голос» // Пушкин-критик. М.; Л., 1934. С. 28.

¹⁰ Видимо, это положение вызвало замечание переводчика (И. Б-нь): «Статья не во всех отношениях удовлетворяет европейский вопрос о различии классицизма и романтизма» (1828. Ч. 24, № 24. С. 468).

¹¹ Рылеев К. Ф. Несколько мыслей о русской поэзии. Отрывок из письма к N.N. // Сын Отечества. 1825. Ч. 104, № 22. С. 146.

¹² Там же. С. 145.

¹³ См.: Письма Пушкина Н. П. Раевскому, А. А. Бестужеву, П. А. Вяземскому, наброски предисловия к «Борису Годунову», незавершенные статьи о литературе.

¹⁴ Ср.: 1825 г.: «Сколько я ни читал о романтизме, все не то»; 1834 г.: «Наши критики не согласились ещё в ясном различии между родами классицизм и романтизм» (Пушкин-критик. М.; Л., 1934. С. 89, 330).

¹⁵ Городецкий Б. П. Драматургия Пушкина / Б. П. Городецкий. М.; Л., 1953. С. 87.

¹⁶ Пушкин-критик. М.; Л., 1934. С. 236.

¹⁷ «Пушкин вполне серьезно смотрел на свою трагедию как на опыт реформы русской драматургии. Проекты статей и предисловий к «Б. Г.» не оставляют в этом никаких сомнений» — пишет Г. О. Винокур (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. [17 т. доп.], [Л.], 1935. Т. 7. С. 481).

¹⁸ Пушкин-критик. М.; Л., 1934. С. 80.

¹⁹ Там же. С. 89.

²⁰ «... в 1822 г. труппу английских актеров, игравших в Париже, освистали. В 1828 г. успех был ... велик» (см.: Морюа А. Олимпии или жизнь Гюго. М., 1981. С. 141–142).

²¹ Пушкин-критик. М.; Л., 1934. С. 119.

²² Козмин Н. К. Указ. соч. С. 17.

²³ Пушкин-критик. М.; Л., 1934. С. 172.

²⁴ Там же. С. 227.

²⁵ В переводе А. де Виньи она названа «Венецианский мавр».

²⁶ Пушкин-критик. М.; Л., 1934. С. 323.

²⁷ Там же. С. 428.

²⁸ См.: Трескунов М. Виктор Гюго. Очерк творчества / М. Трескунов. М., 1961. С. 167; Евнина Е. М. Виктор Гюго / Е. М. Евнина. М., 1976. С. 54–55; Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. / В. Гюго. М., 1956. Т. 14. С. 701.

²⁹ Указание на это см.: Козмин Н. К. Указ. соч. С. 16.

³⁰ Сын Отечества и Северный архив. 1830. Ч. 14, № 40. С. 423–439; Ч. 15, № 41. С. 39–57; № 42. С. 89–101.

³¹ «Мы совершенно согласны с сочинителем оной, отличным французским критиком» (1830. Ч. 36, № 21. С. 82).

³² «Предисловие» стало манифестом романтической школы и сделало Гюго общепризнанным вождём прогрессивного лагеря французских романтиков» (История французской литературы. М., 1956. Т. 2. С. 255).

³³ Несмотря на это, в сб. «Литературные манифесты западноевропейских романтиков» (М., 1960) на с. 613 читаем, что «Письмо...» «на русском языке публикуется впервые». А. Де Виньи уже был представлен русскому читателю как знаменитый писатель, автор романа «Сен-Маре» (см. МТ. 1829. Ч. 29, № 17. 2 и 3 с. Обложки; 1830. Ч. 36, № 23. С. 361).

³⁴ «... нашему театру приличны народные законы драмы шекспировской», «твёрдо уверенный, что устаревшие формы нашего театра требуют преобразования...», расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира» (см.: Пушкин-критик. М.; Л., 1934. С. 168, 117).

³⁵ Пушкин-критик. М.; Л., 1934. С. 226.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 227.

³⁸ Цель Полевого — «журнал, издаваемый для чтения общего, не отдельно для какого-нибудь сословия читателей» (см.: МТ. 1825. Ч. 1, № 1. С. 14).

³⁹ Подготовкой к статье «за Гюго» являлись в «Московском Телеграфе» разбор перевода Ротчевым драмы «Гернани» (1831. Ч. 36, № 21. С. 79–82), публикации отрывков из «Notre-dame de Paris» (1831. Ч. 40, № 14. С. 181–213; № 15. С. 334–357). Любопытно свидетельство читателя того времени: «После появления «Notre-dame de Paris» я почти готов был идти на плаху за романтизм. Я узнал о «Notre-dame de Paris» из «Московского Телеграфа» (см.: Панаев И. И. Литературные воспоминания / И. И. Панаев. Л., 1928. С. 51). В 1832 г. «Московский Телеграф» неоднократно говорит о Гюго (Ч. 46, № 14. С. 237, 251–252; № 16. С. 589–594; Ч. 47, № 17. С. 100).

⁴⁰ В кн. Морцинер М. С. Библиография русских переводов произведений В. Гюго на русский язык / М. С. Морцинер, Н. И. Пожарский. М., 1953. С. 125 указано: «Предисловие к «Кромвелю» — Московский Телеграф. 1832. № 19. С. 310–311, 314 (отрывки). «О поэзии древних и новых народов» — Московский Телеграф. 1832. № 19. С. 297–331; № 20. С. 435–471». На самом деле это одна публикация в двух номерах, и перевод содержит почти полный текст «Предисловия» Гюго.

⁴¹ Морцинер М. С. Указ. соч. С. 297. Подробную характеристику основных положений «Предисловия» Гюго, его значения в литературной борьбе см.: История французской литературы. М., 1956. Т. 2. С. 251–255; Трескунов М. Виктор Гюго. Очерк творчества / М. Трескунов. М., 1961. С. 78–86.

⁴² Ср. с современной публикацией (см.: Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. / В. Гюго. М., 1956. Т. 14. С. 74–132 (пер. Б. Г. Реизова).

⁴³ Там же. С. 127–128.

⁴⁴ «Я полагаю критику одним из важнейших отделений журнала — пусть только будет она умна, правдива, дельна» (см.: Письмо издателя к NN // МТ. 1825. Ч. 1, № 1. С. 10).

⁴⁵ Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. / В. Гюго. М., 1956. Т. 14. С. 97.

⁴⁶ Там же. С. 99.

⁴⁷ Там же. С. 101.

⁴⁸ См., напр., призыв Полевого «рассуждать и доказывать» в примечании к статье Лемерсье (1825. Ч. 4, № 13. С. 30).

⁴⁹ Так, «Письмо Лорду ***» Виньи продолжает борьбу за реформу «драматической системы», развернувшуюся в таких романтических манифестах, как ... «Предисловие» к «Кромвелю» Гюго» (Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1960. С. 613).

⁵⁰ Гюго В. Собр. соч. : в 15 т. / В. Гюго. М., 1953. Т. 3. С. 173.

⁵¹ Предисловие к «Борису Годунову» осталось в стадии набросков, история работы Пушкина над ним, причи-

ны её незавершённости пока не изучены. Возможно, одна из причин та, что пьеса «Эрнани», которую Пушкин «прочёл с наибольшим удовольствием» (см.: Пушкин-критик. М.; Л., 1934. С. 247) воплотила принципы, изложенные Гюго в «Предисловии» к драме «Кромвель». И Пушкин. взгляды которого на романтизм существенно отличались от взглядов Гюго, понял, что русскому читателю нужно время для того, чтобы воспринять «истинный романтизм», и ступенью к этому на данном временном этапе был романтизм Гюго. В 1829 году Пушкин писал «Создавая своего «Годунова», я размышлял о трагедии, но если б я вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал» (см.: Пушкин-критик. С. 172).

⁵² Вяземский П. А. О московских журналах / П. А. Вяземский // Лит. газ. 1830. Ч. 1, № 8. С. 62.

УДК 882. 09-2+929 Грибоедов

ПЕРВЫЙ СТИХОТВОРНЫЙ ПЕРЕВОД КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Н. П. Воронова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: vnr80@mail.ru

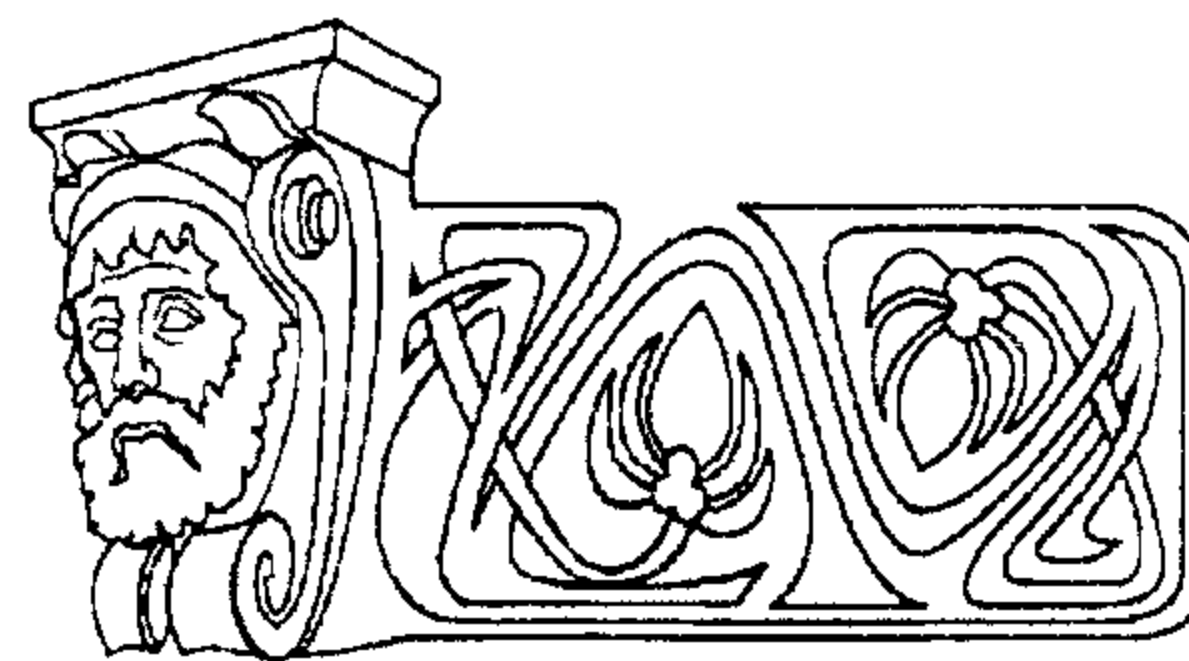
Статья посвящена первому стихотворному переводу комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» на английский язык. Рассматривается перевод названия пьесы в сравнении с вариантами других переводов. Комментируются эквиваленты имен, данные переводчиком персонажам комедии, а также введенный им в текст комедии эпиграф. Анализируются случаи изменения эмоциональной оценочности и стилистической окраски высказывания при переводе на иностранный язык. Особое внимание уделяется переводу идиоматических выражений.

**The first English translation of A. S. Griboyedov's comedy
«Gore ot uma» written in verse**

N. P. Voronova

This article deals with the first translation of A. S. Griboyedov's comedy «Gore ot uma» into English written in verse. The interpretation of the title is looked upon in comparison with other variants. The article comments on the equivalents of the character's names given to them by the translator as well as it comments on the epigraph which he introduces into the text of the comedy. Cases of emotional evaluation and stylistic coloration changes of expressions are under consideration. Particular attention is paid to the translation of idioms.

Первый перевод «Горя от ума» на английский язык принадлежит Николасу Бенардаки. Он появился в 1857 г. и получил неоднозначную оценку критиков. Выполненный в прозе, этот перевод далек от совершенства, но явился первой попыткой знакомства англоязычных читателей с таким выдающимся

произведением русской литературы, как «Горе от ума».

Второй перевод комедии на английский язык, тоже прозаический, вышел в начале прошлого века, в 1915 г. Это переложение, сделанное С. Прингом, по мнению критиков, было тоже не слишком удачным. Вот как отзывается о нем один из них в «Русских ведомостях»: «Боюсь, что англичане, знающие по «Британской энциклопедии» о существовании у русских гениальной национальной комедии, в недоумении пожмут плечами, когда прочтут теперь перевод г-на Принга. Боюсь, что комедия покажется им скучной, водянистой и местами непонятной»¹.

Предметом нашего интереса стал перевод сэра Бернарда Паре, вышедший в 1925 г. в Лондоне. Он привлек наше внимание потому, что является примером поэтического перевода. К тому же именно на этот источник указывает современный справочник по русской литературе для англоязычных читателей, изданный в 1985 г.² Подобная ссылка, на наш взгляд, может означать высокую оценку этого перевода.

Данная интерпретация комедии не является первой, и потому возможно предположить, что автор в процессе работы опирался на опыт своих предшественников и пытался по мере возможности исправить их ошибки. Это видно уже по его варианту перевода заглавия комедии. Надо отметить, что переводчики пьесы вообще не отличаются единодушием в отношении названия комедии. При разработке этой темы нам пришлось иметь дело, по крайней мере, с пятью вариантами передачи заглавия пьесы на английский язык. Самыми распространенными вариантами, наверное, можно считать заглавия «*The Misfortune of Being Clever*» и «*The Mischief of Being Clever*». Они практически не имеют разницы в значении и, очевидно, построены по тому же принципу, что и название пьесы О. Уайльда «Как важно быть серьезным» или «*The Importance of Being Earnest*». Первый переводчик «Горя от ума» Н. Бенардаки вообще не переводит название комедии и дает его методом транскрипции (*Gore ot ounta*). Нам приходилось встречать и такие варианты, как «*Too much Intelligence is Harmful*» в переводе д-ра Анджело Раппопорта и «*Woe from Wit*» в Интернете. Автор интересующего нас перевода предлагает свою интерпретацию заглавия, звучащую следующим образом: «*Wit Works Woe*».

Напомним, что тема ума в комедии является одной из самых важных и именно поэтому находит свое отражение в названии. Однако прилагательное «*clever*», использованное в одном из вариантов, переводится скорее «сообразительный», «способный», а не «умный». Таким образом, в переводе смысл названия несколько упрощается и сводится к фразе: «Как плохо быть сообразительным». Существительное «*intelligence*» в переводе Раппопорта тоже не является аналогом русского слова «ум», оно ближе к значению «разумность», «образованность». Не точно передает смысл русского понятия «горе» и слово «*harmful*», которое переводится как «вредный, пагубный». Таким образом, название вновь звучит не достаточно похоже на оригинал: «Слишком много разума вредно». Слово «*wit*», использованное в анализируемом нами переводе, кажется наиболее приемлемым, так как у него в английском языке два значения. В одном из них это сло-

во обозначает «ум», в другом – «остроумие». Эта сема значительно расширяет смысл названия комедии, хотя и отличается от русского варианта. Дополнительное значение, на наш взгляд, может вызывать у читателя ассоциацию с красноречием Чацкого. Кроме того, переводчик отходит от русской грамматической структуры и вводит в название комедии глагол, что помогает ему точнее передать смысл заглавия, которое можно перевести как «Ум приводит к горю», что почти соответствует оригиналу.

Еще одной привлекающей внимание деталью этого перевода является предпосланный тексту эпиграф:

*Fate the wanton and the trickster,
Has contrived a curious mixture:
Fools are happy, don't you know;
For the clever, Wit Works Woe.*

Русский вариант этого четверостишия необоснованно приписывался Грибоедову как эпиграф к «Горю от ума»:

*Судьба проказница, шалунья
Определила так сама:
Всем глупым счастье от безумья,
А умным – горе от ума.*

Этот эпиграф, имеющийся еще в списках 1824 г., около двадцати раз появлялся перед текстом комедии в изданиях 1860–1912 гг. Однако исследователи не признают его подлинность, так как его нет ни в одном из авторизованных списков и нет никаких других указаний на принадлежность его Грибоедову³. Нам остается предполагать, по какой причине он появился в переводе Б. Паре. Возможно, он имелся в том источнике, с которого этот перевод был сделан, а быть может, автор решил ввести эту строфу, дабы украсить свою работу поэтической «подсказкой» о смысле пьесы.

Еще одну интересную особенность перевода мы находим в списке действующих лиц. Традиция говорящих имен в «Горе от ума» восходит к русской стихотворной комедии XVIII века⁴. «Говорящие» имена являлись неотъемлемой частью образа, дополняли характеристику персонажа. В комедии Грибоедова семантика имен не так очевидна, но все же она есть. Нельзя не отметить, что почти все они соотнесены по значению со словами «говорить» – «слышать»: Фамусов (от «*fama*» – молва), Молчалин, Скалозуб,

Тугоуховский, Репетиллов (от «repetet» – повторять)⁵. Однако вопрос о передаче их в переводе на иностранный язык весьма неоднозначен. Стоит ли переводить имена персонажей или давать комментарий к ним, объясняя смысл, заложенный в них автором? В данном переводе имена традиционно даны методом транскрипции. Однако Б. Паре делает то, чего не сделал первый переводчик, Н. Бенардаки. Он дает сноску с английскими эквивалентами русских имен, и принцип перевода их весьма любопытен. Хотя сам переводчик и называет их эквивалентами, они не являются таковыми в прямом смысле этого слова. Фамилии, данные им персонажам комедии Грибоедова, происходят от других корней и имеют зачастую отличные от оригинала значения.

Павел Афанасьевич Фамусов по-английски становится сэром Пол Лофтус (*Sir Paul Loftus*). Происхождение этой фамилии не совсем понятно. Позволим себе предположить, что она могла быть образована от прилагательного *lofty* – «величественный, высокомерный, надменный». Возможно, как значимая фамилия, она и подчеркивает одну из черт характера персонажа, однако не соответствует авторской идее. Кроме того, нам кажется, что имена таких действующих лиц, как Фамусов и Репетиллов, вообще не нуждаются в комментариях и переводе. Написанные латинскими буквами, они вполне понятны англоязычным читателям, так как происходят от общих для наших языков латинских корней. Однако с фамилией «Репетиллов» переводчик поступает так же, как и фамилией «Фамусов» – ей дается английский эквивалент, *Mr. Crawley*. Явно образованная от глагола «*to crawl*», она не имеет ничего общего со словом «*repetet*», «повторять». У этого английского глагола несколько значений. В своем основном значении он переводится как «ползти», а одним из второстепенных является понятие «подхалим», а также «пресмыкающийся». Нам трудно определить, от какого из них образована фамилия *Crawley*, но переводчик явно придает ей новый, дополнительный смысл, которого не существовало в тексте источника.

Алексей Степанович Молчалин переведен как мистер Стилл (*Mr. Still*). На первый взгляд кажется, что этот перевод вполне аде-

кватен, ведь слово *still* имеет значение «тихий, бесшумный». Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что происходит подмена понятий. Переводчик меняет значение «молчать» на «не шуметь». Но ведь молчание – это намеренное произнесение звуков, тогда как отсутствие шума несет в себе элемент пассивности. В характере Молчалина отсутствие звукового выражения – осмысленное действие. Он знает, где нужно промолчать, а где – высказаться.

Интересный пример представляет собой перевод фамилии Чацкого. В русском литературоведении значимость имени этого персонажа ставится под сомнение. По некоторым версиям, за основу было взято слово «чад», на что указывают ранние редакции комедии, например, «Музейный автограф», в которых фамилия его звучала как Чацкий. Однако впоследствии автор переименовал своего героя, а следовательно, он не хотел, чтобы его фамилия несла какие-либо дополнительные ассоциации. Переводчик дает герою «говорящее» имя – мистер Дешвуд (*Mr. Dashwood*). Слово *dash* имеет несколько значений – «порыв, напор, натиск», «ринуться», «мчаться», «нестись», «разбивать, разрушать». В случае с фамилией «Скалозуб» переводчик снова уходит от предполагаемого автором значения и предлагает свое – полковник Траунсер (*Colonel Trouncer*). Глагол «*to trounce*» в современном английском языке имеет лишь одно значение – «победить, разбить наголову», что совершенно не подходит по смыслу. Однако раньше у этого слова имелось другое значение, в котором оно уже не используется в наши дни – «сурово бранить». В русском языке эта фамилия семантически связана с процессом говорения, так как отдаленно напоминает глагол «зубоскалить», что Даль определяет как «хохотать, грубо или пошло насмехаться»⁶. Но это значение далеко от предлагаемого переводчиком и не может, на наш взгляд, быть признанным подходящим в данном контексте.

Что касается четы Горичей, то данная им фамилия Редтейл (*Redtail*) вообще не имеет видимой связи с этими персонажами. У русского читателя фамилия Горич не вызывает никаких ассоциаций, поэтому, на наш взгляд, и переводчик не должен был придавать ей никакого дополнительного смысла.

Редтейл, очевидно, образовано из двух слов – *red u tail*, то есть «рыжий хвост», что наводит на мысль о лисе. Таким образом, у англоязычных читателей может возникнуть представление о присущей этим персонажам хитрости, что не совсем соответствует оригиналу. Кроме того, переводчик заменяет русское имя Платон на чисто английское – Джо. Это можно найти два объяснения. Возможно, переводчик дал ему такое имя потому, что раньше *Joe Blow* было имя нарицательное, которым называли солдат. Таким образом, возникает ассоциация с военной службой, о которой вспоминают Чацкий и Горич при встрече в доме Фамусова. С другой стороны, в английском языке существует выражение *Joe Bloggs*, которое обозначает «обычный, типичный человек». Актуализация этого оттенка значения выделяет в образе Платона Михайловича его обыкновенность. «Ну, все, так верить поневоле...», – соглашается он с гласом молвы о сумасшествии Чацкого.

Пожалуй, удачной находкой можно считать перевод фамилии князя Тугоуховского – *Prince Drumhollow*. Это имя явно образовано от английского словосочетания «*a hollow drum*» – «пустой барабан». К тому же оно напоминает слово «*eardrum*» – «барабанная перепонка», что семантически близко к смыслу фамилии оригинала. Однако и в этом случае перевод не является тождественным.

Графини Хрюмины, *Countesses Cantancre*, в его переводе становятся сварливыми, так как их фамилия, скорее всего, образована от английского прилагательного «*cantankerous*» – придирачивый, сварливый; Загорецкий, *Mr. Lighter* – легковесным (от слова «*light*» – легкий).

Пожалуй, единственным персонажем, чья фамилия на английском языке сохранила сходное значение, является свояченица Фамусова, старуха Хлестова. Переводчик называет ее *Old Miss Lasham*, что явно происходит от глагола «*to lash*» – «хлестать».

Таким образом, автор перевода не просто дает эквиваленты русским фамилиям действующих лиц на английском языке. Как следует из вышесказанного, он привносит новое, комментирующее значение в имя, а следовательно, и в образ почти всех персонажей комедии. Возникает вопрос о целесообразности такого перевода вообще. О каких

эквивалентах русским фамилиям может идти речь, если эти фамилии не имеют никакого конкретного значения в нашем языке. Причем сделано это Грибоедовым было не случайно. Еще в ранней своей переводной с французского пьесе «Притворная неверность» он дает почти всем действующим лицам русские имена, заимствованные, как отмечает рецензент, от «собственных имен русских городов, рек и пр. (например, Рославлев, Ленский и т. п.)». Помимо этого, уже тогда он отходит и от традиции значимых фамилий типа Прямосердов, Правдин, Простаков, так популярных в русской стихотворной комедии, о которых, по замечанию того же рецензента, «можно сказать: по шерсти собачке кличка дана»⁷.

Сам перевод, как мы уже упоминали ранее, сделан в стихотворной форме. Насколько нам известно, это первая попытка поэтической передачи русской стихотворной комедии. Надо отметить, что перед Б. Парестояла непростая задача – перевод грибоедовских вольных стихов. Ведь в противовес принятому в драматургии того времени александрийскому стиху, состоявшему из однообразных рифмующихся попарно строк, Грибоедов обращается к весьма распространенному в русской поэзии конца XVIII – начала XIX века стихотворному размеру – вольному ямбу. Ранее этот размер использовался, как правило, лишь в малых формах поэзии: в элегиях, баснях, посланиях. Грибоедов же объединяет традицию элегических вольных ямбов Батюшкова и отражающую непринужденную выразительность народной речи традицию Крылова. Однако, опираясь на опыт своих предшественников, драматург создает неповторимо своеобразный, живой и динамичный, «свой» вольный ямб, который «в полной мере соответствует то ораторской, то элегической, то сатирической интонации монологов, как и непринужденной живости разговорных реплик»⁸.

Кроме этого, сложность для переводчика представляет и специфичность «Горя от ума» как драматического произведения. Многие критики сходились на том, что в комедии нет сценического действия. Известны слова А. И. Писарева, автора пьес и театрального критика: «Можно выкинуть каждое из сих лиц, заменить другим, удвоить их

число – и ход пьесы останется тот же. Ни одна сцена не истекает из предыдущей и не связывается с последующей. Перемените порядок явлений, переставьте номера их, выбросьте любое, вставьте что хотите, и комедия не переменится. Во всей пьесе нет необходимости, стало быть, нет завязки, а потому не может быть и действия»⁹. Это действительно так, если искать в комедии соответствия аристотелевско-европейской теории драмы, полагающей комедийным типом действия интригу или характер¹⁰. Особенностью же «Горя от ума» является то, что привычный акцент в пьесе смещен с сюжета-интриги на акт говорения как таковой. Специфика этого произведения состоит в повышенной активности идейного пафоса. Собственно слово несет в комедии такую смысловую концентрацию, что именно словесный план и составляет ее действие. Следовательно, это еще более усложняет задачу переводчика, которому приходится переводить пьесу, где слово не просто передает ход событий, интригу, но наполнено большой смысловой нагрузкой.

Переходя к характеристике самого перевода, надо отметить, что в нем много примеров, в которых автор употребляет не совсем точные эквиваленты ради сохранения стихотворного размера и рифмы. Это вполне естественно для такого вида работы. Уже в первых сценах мы встречаем несколько таких примеров. Софья, сетуя на быстро наступившее утро, произносит: «И свет и грусть. Как быстры ночи!» Двойной союз «и», на наш взгляд, придает ее словам двойное значение: она рада, что уже «свет», но ей грустно оттого, что пришло время расставаться с возлюбленным. В переводе она испытывает лишь печаль: «*Broad day? How sad! How quick the nights are gone*».

Дело здесь не в том, что переводчик не понял оригинала – при попытке передачи текста поэтическим языком часть смысла теряется неизбежно.

Иногда неточность проявляется в построении предложения. Приведем один пример. Сердась на свою госпожу, Лиза восклицает: «Ну что бы ставни им отнять?»

На наш взгляд, эту фразу можно истолковать следующим образом: «Нет бы им самим открыть ставни и убедиться, что уже на-

ступило утро». Переводчик меняет лицо и в результате получает другой смысл: «*Suppose I go and draw the shutters*», то есть: «А что если я открою ставни».

В некоторых случаях переводчик, опять-таки в силу ограниченных возможностей поэтической интерпретации, употребляет несоответствующее тексту комедии понятие. В действии I явлении 6, вспоминая Чацкого, Лиза говорит: «*Лечился, говорят, на кислых водах, / Не от болезни чай, от скуки, – повольнее*». В качестве перевода слова «скука» автор предлагает причастие «*worn out*», образующее в тексте перевода рифму со словом «*about*», но не подходящее по значению. Его нельзя назвать эквивалентным выражением, описывающим состояние скуки. Это скорее соответствует русскому выражению «быть измотанным, изможденным»¹¹.

В следующих примерах общий смысл фраз соответствует оригиналу, но меняется их эмоциональный настрой. Встречаясь с Софьей после долгой разлуки, Чацкий, очарованный ее красотой, делает ей несколько комплиментов и, между прочим, спрашивает: «*Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ, / Без думы, полноте смущаться*». В переводе общий смысл высказывания передан верно. Однако знаки препинания, расставленные переводчиком, сильно меняют стиль строфы: «*Well, have you got in love? I want a quick reply. / No thinking! Now! Don't get confused!*».

У Грибоедова в этой сцене Чацкий не напорист. Он деликатен с Софьей и спрашивает о ее влюбленности не так настойчиво, как в тексте перевода. На это указывает частица «ли», глагол «прошу» и уважительная форма «полноте». В тот момент его еще не терзают сомнения по поводу предпочтений Софьи, его вопрос скорее продиктован лишь желанием продолжить разговор. В переводе же Чацкий почти невежливо требует дать ему «немедленный» ответ «не раздумывая». Кроме того, предложения построены в повелительном наклонении и снабжены восклицательными знаками, что придает им чересчур требовательный оттенок.

При этом ответ Софьи тоже не соответствует по своей стилистике оригиналу. Он, скорее, под стать вопросам Чацкого. У Грибоедова она произносит: «*Да хоть кого сму-*

тят / Вопросы быстрые и любопытный взгляд...» Однако в результате переводчик меняет эмоциональный настрой всей сцены. Любопытство Чацкого превращается в «тяжелый взгляд» (*you look so hard*), что придает герою черты подозрительного ревнивца.

Иногда, очевидно, все для того же соблюдения рифмы и ритма, переводчик добавляет в высказывания героев слова, которые приводят к тому, что смысл становится более конкретным, чем того желал сам автор. Отпуская несколько колкостей на счет Молчалина, Чацкий, в частности, замечает: «*Бывало песенок где новеньких тетрадь / Увидит, пристаёт: пожалуйста списать*».

У Паре соответствующая фраза звучит следующим образом: «*Time was, if some one showed some verses weak and sloppy, / He'd read them through and ask, / Oh, mayn't he make a copy?*». В переводе на русский она выглядит примерно так: «*Если кто-нибудь показывал альбом со слабыми и плаксивыми стихами, он их читал от начала и до конца и просил позволить ему их списать*». В оригинале Чацкий почти никак не выражает своего мнения по поводу этих стихов. Суффиксы в словах «песенок» и «новеньких», возможно, указывают на его пренебрежительное отношение к ним. В переводе же он открыто называет их слабыми и плаксивыми. Такая прямолинейность, временами граничащая с грубостью, не является чертой характера этого персонажа. Он всегда выражается достаточно вольно, но все же не позволяя себе выходить за рамки приличий.

В связи с этой темой не можем не привести и еще несколько примеров подобного несоответствия эмоциональной окраски слов, использованных в переводе, тексту оригинала. Первый пример ошибки такого рода мы встречаем вновь в речи Чацкого. Упомянув тетушку Софьи, Чацкий говорит: «*А тетушка? все девушкой, Минервой? / Все фрейлиной Екатерины Первой?*» Вот как переведена эта фраза на английский язык: «*And auntie's still a spinster, still Minerva? / Still Catherine the Great's devoted server?*» Слово «девушка» в переводе соответствует существительное «*spinster*», что, на наш взгляд, не является подходящим для контекста понятием. Ведь вопрос Чацкого заключается не в том, чтобы узнать, все ли еще тетушка Софьи старая де-

ва, или она уже вышла замуж. Слово «девушка» здесь использовано скорее в смысле «молодая старуха». Кроме того, упоминание о Екатерине Первой предназначено для того, чтобы подчеркнуть древний возраст тетушки¹². Следует добавить, что понятие «старая дева» во всех языках имеет негативную коннотацию, в результате чего слова Чацкого звучат обидно и грубо. Таким образом, смысл высказывания передан не совсем верно.

Нам остается только догадываться, откуда взялась вышеупомянутая ошибка. Позволим предположить, что ее причиной могли стать другие переводы, изучаемые г-ном Парем в процессе работы над текстом комедии. В частности, аналогичную ошибку мы встречаем и в первом, прозаическом переводе «Горя от ума», выполненном Николасом Бенардаки.

Еще два примера подобного рода мы снова находим в словах Чацкого: в его высказываниях о Татьяне Юрьевне и о некоем Фоме Фомиче. В оригинале герой явно показывает, что он невысокого мнения об этих людях, но при этом он остается корректен. О Татьяне Юрьевне он говорит, что она вздорная. Переводчик же приписывает Чацкому слишком грубое выражение по отношению к женщине: «*I've heard she is a fool*». Английское выражение «*a fool*» переводится как «глупый человек», «дурак». Помимо того, что такое слово было бы просто недопустимо в высшем обществе, да еще и по отношению к женщине, оно не является подходящим эквивалентом для перевода прилагательного «вздорный». Даль определяет вздорного человека как «бранчливого, сварливого, брюзгливого, охочего до ссор, придирчивого»¹³, но не глупого. Фактически, в переводе Чацкий употребляет выражение, не соответствующее тексту оригинала и придающее ему оттенок грубости.

Высказываясь по поводу Фомы Фомича, Чацкий говорит: «*Пустейший человек, из самых бестолковых*». В переводе это звучит так: «*The stupidest of men, with nothing in his noodle*». Прилагательное «пустейший» заменено словом «глупейший», что несколько более обидно. Кроме того, в этой фразе использовано сленговое слово «*noodle*», примерно соответствующее нашему «башка».

Таким образом, сдержанно-насмешливое определение Фомы Фомича Чацким превращается в откровенную грубость: «Глупейший человек, у которого в башке ничего нет». Все вышеуказанные примеры совершенно меняют общее впечатление от сцены: светско-вежливое, не выходящее за рамки приличий. В переводе этот эпизод выглядит так, словно Чацкий ругается и оскорбляет всех вокруг. Теряется тонкая игра слов, атмосфера деликатности и благопристойности. Жаль, что переводчику не удалось этого передать.

Следующие примеры изменения эмоциональной окраски высказывания персонажа мы находим в репликах Скалозуба о гвардейцах (Д. II, явл. 6): «*Искусно как коснулись вы / Предубеждения Москвы / Любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам; / Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!*».

Несмотря на свою явную нелюбовь ко всеобщим любимцам, Скалозуб все же не позволяет себе сказать ни одного грубого слова и на протяжении всей сцены остается в рамках светских приличий. В его словах слышится упрек, возможно, зависть, но все это в подтексте. Автор же перевода заставляет Скалозуба употреблять в своей речи нелицеприятные прозвища в адрес этих гвардейцев: «*The way all Moscow loves to favor / The public pets, the Guard, the Guardsmen – great big boobies, / Their facings and their gold! / The town adores the boobies*». Слова «boobies» и «loobies», то есть «дурни» и «болваны», звучат оскорбительно и не подходят для данного контекста, так как придают ему нежелательный смысловой оттенок.

Еще один курьезный, на наш взгляд, пример мы находим в следующих строках: «*И офицеров вам начтем, / Что говорят, иные, по-французски*».

«*With us the officers you'll find! – / Why even some of them can gabble French like niggers*».

При переводе данной реплики автор прибегает к сравнению офицеров «первой армии» с неграми («niggers»). В современных словарях это выражение считается сленговым и может применяться в отношении темнокожих афро-американцев. Оно также снабжено пометой «табу», обозначающей неприемлемость этого слова в общеупотребительной речи. Таким образом, нам остается

ся не совсем понятной цель переводчика, употребившего это выражение в данном контексте. Даже если предположить, что переводчик имел в виду просто иностранцев, восприятие этого слова современным читателем будет однозначным и никак не укладываться в смысловой контекст этого эпизода.

Особую группу речевых несоответствий русскому тексту составляют, на наш взгляд, явления и понятия, описывающие культурные и исторические реалии того времени. Некоторые из них, например Кузнецкий мост, снабжены комментарием, разъясняющим значение этого выражения. В другом случае автор перевода комментирует фразу из последнего монолога Фамусова, так хорошо знакомую всем саратовцам: «*В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов...*» «*Aunt! Country! Wildness! Tambov!*».

Дело в том, что в переводе автор меняет название города. Вместо Саратова он называет Тамбов, оговариваясь, что сделано это было в целях сохранения рифмы, а также упоминая, что Тамбов имеет репутацию исключительно скучного города, то есть в данном контексте ничуть не «хуже» Саратова.

В некоторых случаях переводчик заменяет исконно русские понятия на явления английской действительности. «*Пятьсот рублей*» он переводит как «*fifty pounds*», хотя мог бы обойтись любым общим обозначением денег. Часто автор перевода вводит в текст несуществующие у Грибоедова имена персонажей, называя их при этом на английский манер: дядя Том, Пейшенс: «*Your Uncle Tom, has gone off the hooks*» или «*I ought to send you to Aunt Patience / To make a list of our relations*». Делается это явно для соблюдения ритма в случае *Uncle Tom*, и даже для создания рифмы: *Patience – relations*. Однако это может повлиять на впечатление читателя от комедии. Откуда в русской действительности дядюшка Том? Или тетя Пейшенс, чье имя, кстати, переводится как «терпение» и тем самым придает совершенно лишнюю смысловую нагрузку эпизоду.

Подобный пример мы встречаем в начале второго действия в монологе Фамусова, рассуждающего об усопшем знакомом: «*Кузьма Петрович! Мир ему!*».

«*Cosmo Petrovich – rest in ashes!*» Не ясно, для чего переводчик перевел русское имя

Кузьма как *Cosmo*, сделав его похожим на английское слово «*cosmos*», то есть космос, вселенная или космополит (*cosmopolitan*). Эти ассоциации совершенно лишние в контексте данной сцены. Имя Кузьма произошло от греческого *Kozmas*, сближенного с русским «кузнец»¹⁴. Следовательно, в русском языке это имя никогда не ассоциировалось с космосом или чем-то космополитичным и Грибоедов просто не мог иметь этого в виду, а значит, такой перевод неадекватен.

В следующем примере переводчик вместо фамилии персонажа вводит в текст прозвище. Таким образом, Воркулов Евдоким становится «*Old Growler*» – старый ворчун. Однако его фамилия, на наш взгляд, скорее ассоциируется не с глаголом «ворчать», а со словом «ворковать», если она вообще является говорящей. И в данном контексте это более оправданно, так как вышеупомянутый Евдоким вовсе не ворчит, а, по словам Репетилова, замечательно поет: «*A! non lachryar mi, no, no, no*».

Иногда же явления русской действительности ставят переводчика в затруднение. Фамусов в монологе о своем знаменитом дяде Максиме Петровиче упоминает: «*Весь в орденах; ездил-то вечно цугом...*». По определению В. Даля, цуг – это «шестерня в упряжке с двойным выносом». У Паре в строфе фигурирует цифра четыре: «*All stars; an escort with his four-in-hand*». Любопытно отметить, что аналогичную ошибку мы встречали в первом переводе «Горя от ума», выполненном Н. Бенардаки. Остается предположить, что либо оба автора пользовались одинаковой справочной литературой, либо г-н Паре перенял эту ошибку из более раннего перевода. Отметим только, что английский исследователь Костелло в своих комментариях к пьесе, вышедших не намного позже данного перевода, в 1949 году, объясняет цуг как «*a six-in-hand*», то есть «шестерка лошадей».

В переводе оставшейся части монолога Фамусова нас также заинтересовал способ, которым автор передал сложное для перевода слово «тупей», которое Даль толкует как «взбитый хохол на голове»¹⁵: «*Раскланяйся, тупеем не кивнут*». Видимо, затрудняясь подобрать соответствующее слово, обозначавшее бы данную прическу, Б. Паре, а позже и Костелло, склоняются к слову «*pigtail*» –

«косичка». Хотя оно и обозначает несколько другое понятие, но для передачи общего смысла вполне подходит: «*Each time they bowed, the pigtail mustn't shake*». Однако нам хотелось бы отметить, что вся фраза понята им неверно. Фамусов имеет в виду, что придворные вельможи чувствовали себя такими великими, что как бы им ни кланялись, они не удостаивали этого человека ни малейшим вниманием. У переводчика же получается, что когда вельможи кланялись, их прически не должны были шевелиться, что несколько не соответствует смыслу фразы оригинала и может оставить читателя в недоумении о странных правилах этикета при дворе Екатерины Второй.

Исследователями не раз отмечалась высокая идиоматичность комедии «Горе от ума». И несомненно, что идиоматические обороты представляют особенную сложность для перевода. Мы в своей работе не могли оставить без внимания попытки интерпретации фразеологических оборотов в поэтическом переводе пьесы на иностранный язык. Первый пример привлек наше внимание именно своей сложностью, так как в нем сконцентрировано сразу несколько фразеологических единиц. Это фраза, с которой Чацкий обращается к Софье в начале пьесы: «*Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног...*». По мнению Н. Л. Шадрина, это удивительно содержательное предложение фактически целиком состоит из фразеологических единиц. Общее впечатление необычайной яркости и красочности всей фразы еще более усиливается тем, что Чацкий вносит в нее элемент каламбурности, сочетая две идиомы, имеющие одну и ту же образную основу¹⁶. Перевести такое на иностранный язык, соблюдая при этом рифмы и стихотворный размер, – трудная задача. Вот что получается у переводчика: «*So early – yet afoot, and I am at your feet*». Выражение «*afoot*» имеет несколько значений – «быть в движении» и «готовиться, затеваться». Переводчику удалось передать игру слов в этой фразе. По форме слово «*afoot*» является родственным существительному «*feet*» – ноги, поэтому можно сказать, что образная основа каламбура сохранена. Однако в этой реплике нет соответствия идиоматическому выражению «чуть свет». Употребленное словосочетание

«so early» не является фразеологической единицей. Но, несмотря на это, в целом реплика представляет собой, на наш взгляд, вполне удачный вариант перевода.

Еще одним примером являются строки комедии, где Фамусов гадает, «который же из двух» молодых людей нашел доступ к сердцу Софьи, и приходит к заключению, что Чацкий как жених ему нравится еще меньше, чем Молчалин: «Молчалин давиче в сомненье ввел меня. / Теперь ... да в полмя из огня; / Тот нищий, этот франт – приятель...». В английском языке имеется оборот, равноценный русскому «из огня да в полымя» и по смыслу и по стилистической характеристике – «out of the frying-pan into the fire» (прим. «со сковороды в огонь»), который и использует в своем переводе г-н Паре. И хотя данная идиома и несколько отличается по характеру образности от русского аналога, для перевода это абсолютно несущественно и позволяет добиться полной адекватности эпизода русскому оригиналу¹⁷.

Переводчик безошибочно распознал почти все идиомы и в силу своих возможностей и средств языка попытался дать им наиболее подходящие эквиваленты. К сожалению, лексические системы языков не являются идентичными, и в большинстве случаев переводчику приходится подбирать идиоматические выражения, имеющие сходство лишь в части значения. Вот, например, как автор переводит выражение «бить баклуши» – «they kick their heels wherever they're disposed». Словосочетание «бить баклуши» обозначает – «шататься без дела, повесничать, заниматься шалью»¹⁸. Английское «to kick one's heels» переводится как «ничего не делать в результате вынужденного ожидания». Если сравнить значения этих оборотов, то получится, что они совпадают только по семе, имеющей значение «ничего не делать». В английском выражении присутствует дополнительный компонент смысла вынужденного ожидания, не содержащийся в русской идиоме.

В некоторых ошибках, как считает Н. Л. Шадрин, мы вряд ли вправе винить английского переводчика, так как «он не мог ни знать, ни угадать идиоматическое значение оборотов, имевших локально и хронологически ограниченную сферу употребления и

отсутствовавших в современных ему словарях». В своей статье исследователь приводит в пример фразу, поставившую в тупик большинство переводчиков. В ней упоминается Скалозуб, который «закрутит» «свой хохол». Никто из переводчиков не знал, да и не мог знать, что эта идиома обозначает «пустить сплетню». Ни первый переводчик «Горя от ума» на английский язык Н. Бенардаки, ни автор анализируемого нами перевода не смогли распознать в этом выражении идиому. В переводе Б. Паре эта фраза звучит следующим образом: «And Skalozub, he'll shake his head, I'll vow». У него получилась почти бессмысленная реплика о том, что Скалозуб будет трясти головой, вероятно, пересказывая подробности происшествия.

Приведем еще один пример. После переполоха, вызванного падением Молчалина, Лиза делает одно психологически меткое замечание по поводу надетой им повязки: «Ударюсь об заклад, что вздор; / И если б не к лицу, не нужно перевязки...».

Во многих других случаях безошибочно распознававший идиоматические обороты, в этом случае переводчик слова «не к лицу» воспринимает дословно: «It's humbug, I'm prepared to stake / Except to hide his face, he'll need no handkerchief». Анализ предыдущей части перевода позволяет сделать вывод, что г-н Паре в достаточной степени владеет русским языком для того, чтобы знать идиому «быть не к лицу». Видимо, причина ошибки переводчика в том, что в данном контексте он принимает это словосочетание за свободное. Таким образом, смысл строфы у него сводится к следующему: «Ему нужен платок лишь затем, чтобы спрятать за ним свое лицо (досл. «приложить к лицу»)». Это сразу наводит на мысль, что Молчалину, возможно, стыдно за случившееся. Однако в оригинале Лиза намекает на то, что если бы платок, которым перевязана его рука, не украшал Молчалина, он отказался бы от перевязки.

Наконец, в тексте перевода мы находим еще один аналогичный пример ошибки, сделанной, на наш взгляд, автором по невнимательности. В сцене, открывающей бал в доме Фамусова, Княгиня замечает по поводу Графини-внучки: «Вот нас честит!». Глагол «честить» в данном контексте употреблен

не в основном значении «почитать, уважать», а в смысле «бранить, ругать, поносить, хулить»¹⁹. Причина ошибки переводчика очевидна – корень слова *чест-* в первую очередь ассоциируется с существительным «честь». Так автор его и переводит: «*She does us honor!*». То есть: «Она делает нам честь!». Однако, даже не зная второстепенного значения этого глагола, его можно перевести, исходя из контекста. Графиня-внучка ни в коем случае не делает Княгине и ее дочерям «честь», говоря, что она приехала первая, и так рано никто не приезжает. В ее словах явственно звучит намек на презрение к окружающим.

Несмотря на все вышеуказанные недостатки, хотелось бы отметить, что в некоторых местах переводчик находит очень удачные решения для перевода. Создается впечатление, что особое внимание он намеренно уделял фразам, ставшим «крылатыми» в русском языке. Его расчет можно понять, ведь современный русский читатель знает комедию именно по этим фразам. Наиболее известные из них Б. Паре попытался воспроизвести на английском языке так, чтобы они звучали столь же отчетливо, понятно и эстетически красиво. Приведем в пример наиболее понравившиеся нам стихи: «*Ах! тот скажи любви конец, / Кто на три года вдаль уедет*» – «*If three whole years you roam, / Don't count on love when you come home*».

И, наконец, весьма удачно, на наш взгляд, в переводе получились известные строки, в которых Чацкий высказывает свое мнение о Москве:

*Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался – успел, а тот дал промах.
Все тот же толк, и те ж стихи в альбомах.*

В переводе этих стихов наблюдается полное соответствие ритмической структуре оригинала, чередованию рифм и даже попытка соблюсти в некоторых местах звуковое соответствие тексту комедии:

*Now tell me, what can Moscow show me new?
A ball last night, to-morrow there'll be two.
One's had good luck, another's met reverses.
The same old talk! The same old album verses.*

Переводчику явно удалась фраза о бале, которая звучит на английском почти столь же четко и мелодично, как и на русском. Од-

нако далее мы замечаем еще более интересную деталь. В попытке привести перевод к максимальному звуковому соответствию с оригиналом Б. Паре, жертвуя, однако, смыслом, передает русское слово «толк» английским существительным «talk», имеющим значение «разговор, беседа», но звучащим так же, как русский вариант. Это позволяет ему добиться наиболее сходного звучания строк. Таким образом, у читателей появляется реальная возможность получить соответствующее впечатление от комедии «Горе от ума».

Подводя итог нашим наблюдениям над переводом комедии «Горе от ума» на английский язык господином Паре, скажем, что выполнен он вполне добросовестно и качественно, хотя и местами труден для чтения. Там, где это было возможно, автор постарался сохранить стихотворную структуру оригинала. Он внимательно отнесся к таким выразительным средствам языка комедии, как идиоматические выражения, и попытался адекватно перевести большинство из них. К сожалению, такие выразительные средства, как принцип поэтического соотношения и лексическая дифференцированность речи персонажей, не нашли отражения в его переводе. Мы не в праве обвинять в этом переводчика. Создание переложения стихотворного произведения на иностранный язык – непростая задача. В. Набоков считал такой тип перевода ложным, так как, по его мнению, он приводит к «искажению смысла ради сладкой-гладкой рифмы»²⁰. Единственным истинным видом перевода он признавал буквальный перевод. Однако существуют и другие мнения. Жуковский, кстати, доказавший это на своем собственном примере, говорил, что в прозе переводчик – это раб автора, а в поэзии – он его соперник. Мы не можем сказать, что перевод г-на Паре в состоянии соперничать с грибоедовским текстом. Однако и не станем утверждать, что буквальный, прозаический перевод произвел на нас лучшее впечатление. Лишенная ритма и рифмы, эта комедия на иностранном языке, несомненно, выглядит гораздо беднее и не может быть по достоинству оценена англоязычным читателем.

Примечания

¹ Цит. по: Шадрин Н. А. Идиоматика «Горя от ума» в западноевропейских переводах / Н. А. Шадрин // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 165.

² См.: Handbook of Russian Literature. London, 1985. P. 185.

³ См.: Пиксанов Н. К. История текста «Горя от ума» / Н. К. Пиксанов // Грибоедов А. С. Горе от ума / А. С. Грибоедов. М., 1969. С. 354.

⁴ См.: Борисов Ю. Н. «Горе от ума» и русская стихотворная комедия (У истоков жанра) / Ю. Н. Борисов. Саратов, 1978. 104 с.

⁵ См.: Фомичев С. А. Комментарий / С. А. Фомичев // Грибоедов А. С. Горе от ума / А. С. Грибоедов. СПб., 1994. С. 130.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. М., 1955. Т. 1. С. 696.

⁷ Фомичев С. А. Указ. соч. С. 129.

⁸ Там же. С. 137–138.

⁹ Вестник Европы. 1825. Ч. 141, № 10. С. 112.

¹⁰ См.: Лебедева О. Б. Говорение как драматическое действие / О. Б. Лебедева // Русская высокая комедия XVIII века. Генезис и поэтика жанра. Томск. 1996. С. 120–124.

¹¹ Cambridge International Dictionary of English. London, 1995. P. 1647.

¹² См.: Гришунин А. Л. Комментарии / А. Л. Гришунин // Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. / А. С. Грибоедов. СПб., 1995. Т. 1. С. 308.

¹³ Даль В. И. Указ. соч. С. 195.

¹⁴ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. М., 1986. Т. 2. С. 403.

¹⁵ Даль В. И. Указ. соч. Т. 4. С. 443.

¹⁶ См.: Шадрин Н. Л. Указ. соч. С. 189.

¹⁷ Там же. С. 182–183.

¹⁸ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 40.

¹⁹ Там же. Т. 4. С. 600.

²⁰ Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: пер. с англ. СПб.: Искусство – СПб.: Набоковский фонд, 1999. С. 28.

УДК 882.09-31 + 929 Чернышевский

ФРАНЦУЗСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОМАНА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Н.А. Колосова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Кафедра романской филологии
E-mail: editor@info.sgu.ru

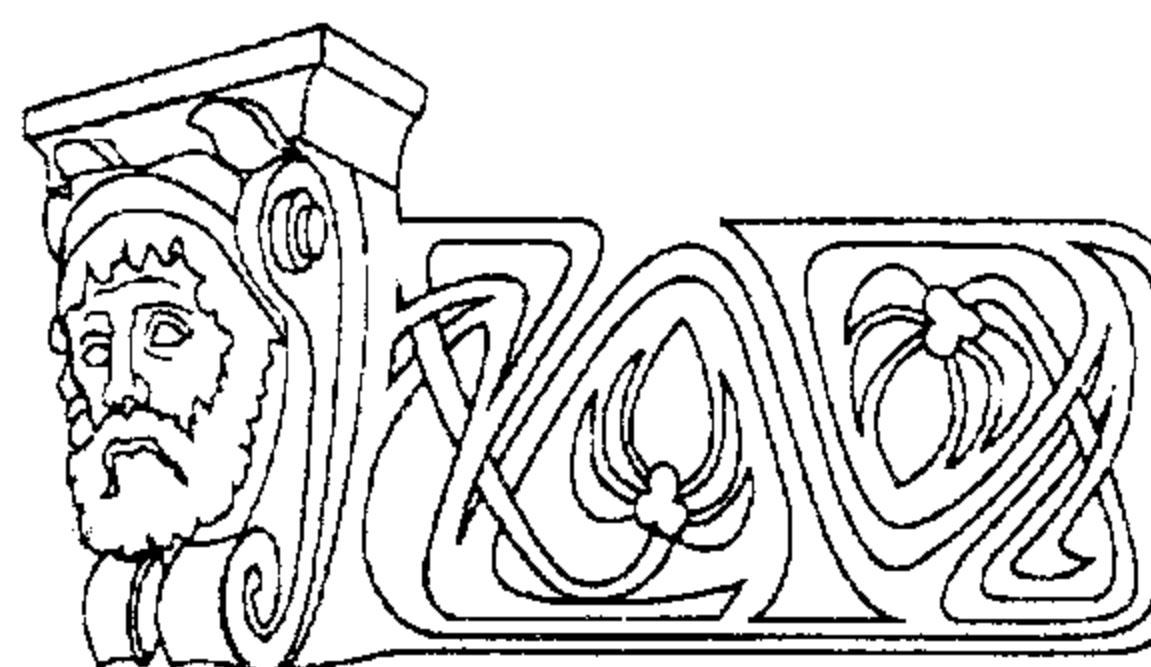
Автор исследует проблему французской культуры в контексте социальной реальности в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» Автор изучает роль французского языка в системе культурных ценностей русского общества во второй половине XIX века. Анализ элементов французской культуры и языка помогает осознать роль западной культуры в процессе формирования социальной реальности России XIX века.

French culture in the context of everyday
in the novel of N.G. Chernyshevsky "What is to be done?"

N.A. Kolosova

The author researches the problem of the French culture in the context of social reality referring to the novel of N.G. Chernyshevsky «What is to be done?». The author points out the role of the French language in the cultural value system of the Russian society during the second half of the 19th century. Analysis of the French culture and language elements helps to realize the importance of the western culture in the formation process of Russian social reality of the 19th century.

К середине XIX века влияние французской культуры в России расширяет свою социальную географию, проникая в самые де-

мократические круги, становясь обязательной частью среднего и высшего образования, основой женского воспитания в различных сословиях.

Повседневное поведение человека середины XIX века представляет собой реализацию культурных кодов, сформировавшихся под непосредственным воздействием литературы и искусства, причем роль французской составляющей в этом процессе достаточно велика.

Одним из показателей широкого распространения французской культуры является обязательное знание французского языка для человека образованного. В романе представлены разные уровни подобной языковой состоятельности.

Традиционным средством общения французский выступает в кругу светской молодежи, офицеров и их французских подруг.

А для представителей среднего класса владение французским языком становится способом утверждения социального престижа.

Мать Веры, Марья Алексеевна, женщина из мещанского сословия, не получившая хорошего образования, знает отдельные французские слова. Для нее это – необходимая фразеология, слова, которыми называются жизненно важные вещи и процессы: «Марья Алексеевна вслушивалась, разбирала почти каждое слово, да мало могла понять, потому что они говорили все по-французски. Слов пяток из их разговора она знала: *belle, charmante, amour, bonheur*, – да что толку в этих словах? *Belle, charmante* – Марья Алексеевна и так уже давно слышит, что ее цыганка *belle* и *charmante*; *amour* – Марья Алексеевна и сама видит, что он по уши врюхался в *amour*; а коли *amour*, то уж, разумеется, и *bonheur*, – что толку от этих слов? ... А свадьба-то по-французски – *марьяж*, что ли, Верочка?»¹ (с. 29).

Французский язык уже давно адаптирован русскоговорящими жителями российской империи как коммуникативный код повседневности. Но при этом он сохраняет социально опасную коннотацию, приобретенную в эпоху Великой французской революции. Эта многозначность отражена в тексте романа. Автор констатирует присутствие множества вывесок на французском языке на главном проспекте города: предполагается, что они совершенно понятны потенциальным клиентам из разных социальных слоев городского населения. Более того, чтобы магазин Веры Павловны на Невском имел успех, он должен называться по-французски: «На Невском явилась новая вывеска: “*Au bon travail. Magasin des Nouveautés*”» (с. 385). Сам факт появления магазина с иностранной вывеской воспринимается властями как должное, но смысл французской надписи ассоциируется с социалистической, опасной фразеологией, вызывая подозрение в отношении благонадежности: «Что это такое “*Au travail*”? – это прямо революционный лозунг» (с. 388). На предложение в названии магазина поставить просто фамилию владелицы Кирсанов прямо говорит, что фамилия его жены, оканчивающаяся на *-off*, может погубить все дело. Название долго утрясается в административных кругах, что современным читателям

романа вполне понятно: «Довольно долго Веры Павловны и ее муж находили себе источник частого удовольствия в размышлениях о том, как общество... было спасено от опасности заменой слова *travail* словом *foi* ... на одной из многих тысяч вывесок Невского проспекта» (с. 390).

Французский язык играл особую роль в жизни молодых разночинцев, к поколению которых принадлежал сам Чернышевский. Он становится символом той светской культуры, которой они не принадлежали по своему происхождению и воспитанию. Само по себе владение иностранным языком еще не снимало эмоционального барьера для многих разночинных интеллигентов, не принадлежавших к высшему сословию. «Чернышевский с легкостью читал по-французски, по-немецки и еще на нескольких языках, но это не могло изменить к лучшему его положение в хорошем обществе»¹. Его любимые герои преодолевают этот барьер. Лопухов и Кирсанов самостоятельно овладевают французским языком, так как без него, как замечает автор, «не двинешься дальше в профессии». Они свободно чувствуют себя в разговоре с представителями высшего общества – Сержем (Лопухов), важным чиновником (Кирсанов). Дама в трауре и Рахметов свободно употребляют французские слова и выражения, из чего следует, что эти иноязычные этикетные формы для них привычны.

Для главной героини, Веры Павловны, французский является также привычным средством коммуникации, так как она училась в пансионе у «мадам». Поскольку пансион – петербургский, то уровень преподавания должен быть достаточно высокий. Во всяком случае его выпускница свободно владеет разговорной речью. По языковому сознанию Верочка принадлежит и пространству Сторешникова, и пространству Жюли, причем эти два пространства полярны для нее по своей семиотике (одно – враждебно, другое – спасительно), а значит, роль французского языка каждый раз новая.

Чернышевский вводит в контекст романа французскую культуру и в ее интеллектуальном, идеологическом аспекте. Это, как правило, названия книг, имена ученых и писателей. Так, Жан-Жак Руссо является для автора символом раскрепощения женщины.

Характерно, что многие имена и эпизоды, связанные с французской тематикой, вводятся как безусловно знакомые читателю.

Французский язык играет значительную роль в создании характеров. При этом в пространство повседневности вводятся параллели и сравнения из недавней французской истории. Главная «злодейка», Мария Алексеевна, сравнивается с Наполеоном, что имеет двойной эффект. Сама она приобретает комические черты, что сильно разряжает зловещий ореол этой фигуры, но и Наполеон предстает перед читателями в сниженном, домашнем контексте, как привычное всем обстоятельство повседневной жизни: *«Обстоятельства были так трудны, что Мария Алексеевна только махнула рукою. То же самое случилось и с Наполеоном после Ватерлооской битвы, когда маршал Груши оказался глуп, как Павел Константинович, а Лафайет стал буяннить, как Верочка: Наполеон тоже бился, бился, совершал чудеса искусства, – и остался ни при чем, и мог только махнуть рукой и сказать: отрекаюсь от всего, делай, кто хочет, что хочет, и с собою, и со мною»* (с. 56).

С главной героиней соотносится фразеология французской революции. Она напевает песню санкюлотов «*ça ira*», которая является паролем для сочувствующего читателя. Хотя наиболее «экстремистски» звучащие строки все-таки пропускаются («*Les aristocrates à la lanterne*»).

Наиболее объемно и глубоко французская тема реализуется в характере, психологической характеристике дамы полусвета, француженки Жюли.

Для автора дороги ее отношения с главными героями. Она первая выводит Веру из мрака одиночества, спасает от гибели, бережет ее репутацию. Она же оставляет ей завет, ставший одиозным для последующих поколений: «умри, но не отдавай поцелуя без любви» (с. 43). Чернышевский тонко моделирует характер, вкладывая в уста полусветской «дамы с камелиями» этот ригористский совет. Суровость его скрашивается иронией в отношении строгости нрава самой Жюли.

В личном пространстве Жюли актуализируются многие смыслы повседневной коммуникации. Через него прослежено восприятие Европой реалий русской культуры.

С одной стороны – знакомство с творчеством Пушкина, пусть и переиначенное, и искаженное, но цитирование его стихов – о ножках, которые она приписывает Карамзину: *«Ваш великий поэт Карасен, говорили мне, сказал, что в целой России нет пяти пар маленьких и стройных ног»* (с. 34). Именно для нее Серж объясняет, что Карамзин – «татарский историк». Две причины такому наименованию – фамилия, происхождение от тех тюркских предков, к которым восходит родословная многих родовитых русских дворян. С другой стороны – имение Карамзина было в Симбирске, чего не мог не знать поволжский человек Чернышевский, – регионе, безусловно, татарском для петербургского жителя.

Жюли принадлежит и первое, возможно, в нашей литературе высказывание о женском волжском типе как «коктейле кровей». Имеется в виду сделанное ею сравнение Веры с грузинкой: *«Я бы ничего не имела возразить, если бы вы покинули Адель для этой грузинки, в ложе которой были с ними обеими...»* (с. 34). Детальное описание внешности «грузинки» мы находим во внутреннем монологе Лопухова: *«высокая стройная девушка, довольно смуглая, с черными волосами... с черными глазами... с южным типом лица»* (с. 60). Секрет необычной красоты героини объясняет Серж: *«А мы... смесь племен, от бело-волосых, как финны,... до черных, гораздо чернее итальянцев, – это татары, монголы... они все дали много своей крови в нашу!»* (с. 34). Это особенно любопытно, если учесть, что в облике Веры Павловны есть черты уроженки Саратова Ольги Сократовны.

Судя по роману, власть «французских камелий» в петербургском высшем свете почти магическая. Они могут многое, манипулируя своими любовниками. Парадоксальным образом для автора эти женщины – олицетворение свободы, равенства и братства, принесенные в Европу французской революцией. *«Ты раб, француженка свободна»*, – восклицает Жюли своему великосветскому содержателю (с. 37). Патетические стенания Жюли по поводу своей загубленной молодости не вызывают резкого неприятия автора. Для него программно утверждение, что в светском Петербурге она нашла большее падение нравов, чем на парижской мостовой.

С этой точки зрения любопытно сравнение трактовок французского характера Толстого и Чернышевского. Толстой приводит «трогательные» апелляции мадемуазель Бурьен к образу «*ma pauvre mère*» как образец той холодной фальши, ложноклассической мелодраматичности, душевной глухоты, которая претила ему в французских культурных стереотипах: «*У m-lle Bourienne была история <...> как соблазненной девушке представлялась ее бедная мать, sa pauvre mère, и упрекала ее за то, что она без брака отдалась мужчине <...> Он увезет ее, потом явится та pauvre mère, и он женится на ней*»³. У Чернышевского же весьма ходюльные проповеди Жюли являются выражением позиции автора.

Жюли и ее любовник Серж становятся единственными людьми из чужого, другого мира, с которыми «новые люди» поддерживают дружеские отношения на равных. Более того, Серж становится своеобразным *deus ex machina* для персонажей, когда нужно хлопотать за попавшую в беду девушку, а Жюли находит заказчиц для ателье.

Жюли появляется на первых страницах романа, знаменуя освобождение Веры, уход ее из отвратительного и ничтожного мира грубости и наживы. Она же прощается с читателями в последних строках романа, не забытая автором. Реплика дамы в трауре о «чудной Жюли», которая понравилась ей больше всех среди персонажей рассказанной истории, – это пропуск великосветской содержанки в свой круг.

Французская культура в разных ее проявлениях пронизывает всю структуру романа, но воспринимается как естественное, не чужеродное в российском культурном пространстве. К сожалению, эти крупинки совершенно потерялись в политизированной атмосфере полутораековой жизни самого романа. Тенденциозно выпрямлено, выхолощено было собственно женское содержание, что привело к грустным последствиям, о чем свидетельствуют современники Чернышевского – первые читатели романа⁴. Все, не связанное с политическими убеждениями автора, воспринималось как дымовая завеса для цензуры, что, конечно, повредило более многоплановому и глубокому прочтению текста.

Поколение Чернышевского беззаветно верило в могущество науки, в возможность решить все проблемы с помощью социальных метаморфоз. Это не снимало многих противоречий, внутренних драм, интимных переживаний, которые с трудом поддавались рационалистскому объяснению. Чувства этих молодых людей были чисты и бескомпромиссны. Они не желали покупать свое счастье ценой чужого несчастья и верили, что этого можно избежать, разложив все по полочкам. Поэтому в романе существуют два уровня, независимых друг от друга. Один – бесконечных объяснений своих поступков и чувств, другой – живого проявления радости жизни. Чернышевскому, как человеку провинциальному, получившему строгое домашнее духовное воспитание, аскету, мир легкомысленных женщин и светских удовольствий был знаком по книгам. Но он признавал необходимость и законность его существования. И поэтому мир Жюли и Сержа, а во многом и мир развлечений героев романа, – пространство, отчасти механически сконструированное «по убеждению». А образ Жюли приобретает особое значение. Это – символ, и символ оптимистический. Знаковыми здесь являются порода, воспитание и в то же время демократическое происхождение, не позволяющее чваниться. Ее покаянные речи воспринимаются с любовной усмешкой и Сержем, и автором, в отличие от исповеди русских девушек, где чувствуется надрыв и драма.

Но самое важное, что, наряду с демократизмом парижских бульваров, Жюли несет на себе знак аристократического воспитания и поведения. Причем определяющим для нее становится пушкинское понимание аристократизма – простота и хороший вкус, чуткость к окружающим. «"Женщина-аристократка" ассоциировалась с миром романтики и поэзии и в глазах молодых провинциалов-семинаристов обладала всеми качествами "идеальной женщины", внушающей "возвышенную любовь" – чувство чисто духовной природы»⁵.

Идеал женщины из общества важен для Чернышевского. Не случайно он находит подругу и жену для Лопухова не среди швей мастерской, а в лице богатой и красивой дочери заводчика Полозова.

Во второй половине XIX века престижная система воспитания, основанная на дворянских ценностях, по-прежнему была ориентирована на процесс, а не на результат. Главным было то, чем человек «кажется», чем каков он на самом деле. Дворянская система воспитания включала традиционные элементы: физический тренинг (фехтование, верховая езда, танцы), знание иностранных языков, навыки светского общения. В этой системе воспитывались и мужчины, и женщины. Полилингвизм образованного общества дифференцирован. Классические языки являлись прерогативой мужского классического образования, английский становится признаком элитарного происхождения, французский язык – необходимый элемент любой модели воспитания.

Важнейшим компонентом светского воспитания являлось умение быть непринужденным в обществе, выдерживать ровный тон с людьми разных социальных групп, вести беседу, быть интересным для собеседника. Кроме того, необходимо было владение нормами светского этикета, включая балльный, застольный и т.д.⁶ Подобное воспитание давало внутреннюю и внешнюю свободу, обеспечивая естественность бытового поведения. Таким образом, французская модель воспитания сыграла важную роль в процессе самоидентификации национальной элиты.

Эта модель была признана всем обществом как эталонная. Не случайно в комедии Н.Гоголя «Женитьба» один из женихов, Балтазар Балтазарович Анучкин, желал бы, чтобы его невеста знала французский язык, хотя сам он не владеет им: *«Да и знает ли она еще по-французски?.. Нет, я не имел счастья воспользоваться таким воспитанием. Мой отец был мерзавец... Он и не думал меня выучить французскому языку. Я был тогда еще ребенком, меня легко было приучить... Женщина совсем другое дело: нужно, чтобы она непременно знала, а без того у нее... все уж будет не так. Признаюсь, не зная французского языка, чрезвычайно трудно судить самому, знает ли женщина по-французски или нет»*⁷.

Поколение Чернышевского – это поколение разночинцев, которое получило хорошее образование, но не могло получить соответствующего воспитания. Ими было усвое-

но культурное наследие Франции, восприняты ее революционные традиции в социальной и политической областях. Но важная составляющая французского культурного «наследия», светское воспитание, была им недоступна. Отсюда много комплексов, следствием которых были поступки, подчас необъяснимые для окружающих (эпизод с Белинским, который на одной из сред у Жуковского опрокинул бокал с красным вином, что вызвало стрессовую реакцию у виновника происшествия)⁸. В романе автор моделирует жизнь своих героев, избавляясь от многих собственных комплексов⁹. Приближение к дворянскому быту совершается постепенно, но неуклонно. Героиня все дальше отходит от мещанского мирка Марии Алексеевны. Дом миллионщика Полозова описывается как дворянская усадьба. А к концу романа героиня поселяется почти в усадебной обстановке, вдали от суеты города, не докучая друг другу, но имея возможность и испытывая необходимость в постоянном общении. Залогом успешности деятельности мастерской становится продуманный досуг, в частности, пикники за городом.

Перечисленные факты выступают как проявление внешней свободы. Но еще более важны показатели свободы внутренней. Рассматривая этические нормы эпохи, мы можем констатировать существование двух разнонаправленных тенденций. Прежде всего, дворянская молодежь 60-х гг. опрощается, покидает мир своих родителей, отвергает усадебный мир как устаревший и обветшавший. Реализация этих порывов, как правило, плачевна: *«Две барышни с упоением ели ржавую селедку»*¹⁰. Примеры подобного рода житейских коллизий можно множить, находя их как в художественной литературе, так и в мемуаристике.

Разночинная молодежь идеологически также готова к отрицанию существующего бытового уклада, но подсознательно она стремится к усвоению элитарной этико-эстетической модели повседневного поведения. Личное достоинство, независимость и в то же время непринужденность и определенная элегантность поведения присуща всем трем любимым героям Чернышевского: Лопухову, Кирсанову, Вере Павловне. Автор не объясняет, почему у такой вульгарной мате-

ри, как Марья Алексеевна, могла вырасти такая дочь, а лишь констатирует этот факт.

Вера любит все первоклассное. Прежде всего, это касается личного комфорта. У нее в комнате стоит ванна (ваннанные комнаты еще не очень распространены в среднем классе, поэтому ванна стоит прямо в комнате). Она любит чай со сливками – это черта усадебного дворянского и одновременно провинциального быта. Для любимой героини автора характерна потребность в личном комфорте, желание понежиться в постели, любовь к качественным вещам. (В шутовском диспуте-пародии с Катериной Васильевной в ответ на экзальтированное восклицание подруги: «О, мой возлюбленный Шиллер!», она с комическим достоинством возражает: «Но прюнелевые ботинки фирмы Королёва также прекрасны». И автору дорога именно такая Верочка.)

Парадоксально, что именно эта женщина стала символом феминистского движения в России, а ее тщательно продуманные Николаем Гавриловичем сны – жупелом для многочисленных поколений советских школьников.

Французская культура сохраняет свой приоритет в производстве предметов роскоши. Чтобы получить знак качества, шитье Веры Павловны должно пройти контроль Жюли – носительницы французских канонов: «Жюли очень внимательно рассмотрела, как сидит платье, рассмотрела шитье платка, рукавчиков и осталась очень довольна.

– Мое дитя, вы могли бы иметь хороший успех, у вас есть мастерство и вкус. Но для этого надобно иметь пышный магазин на Невском» (с. 138).

В романе Чернышевского французская культура актуализируется в обыденных приметах времени (язык, вещи, этикетные нормы), она в значительной степени формирует образ жизни героев романа, а значит, в какой-то степени, и их души.

На практике лишь следующее поколение разночинцев обретет ту внутреннюю свободу, о которой мечтал Чернышевский. Это будет время, когда многие приоритеты дворянской культуры, включая и французскую составляющую, адаптируются культурой национальной.

Примечания

¹ Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Н. Г. Чернышевский. М., 1985.

² Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / И. Паперно. М., 1996.

³ Толстой Л. Н. Война и мир: в 2 кн., в 4 т. / Л. Н. Толстой. М., 1946. Кн. 1, т. 1. С. 247.

⁴ См.: Водовозова Е. П. На заре жизни: мемуарные очерки и портреты / Е. П. Водовозова. М., 1987. Т. 2. С. 168–207.

⁵ Паперно И. Указ. соч. С. 69–70.

⁶ См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX) / Ю. М. Лотман. СПб., 1994. С. 185.

⁷ Гоголь Н. В. Женитьба / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Избр. соч.: в 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 100, 107.

⁸ См.: Вердеревская Н. А. О разночинцах / Н. А. Вердеревская // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 5 (XIX). С. 452–462.

⁹ См.: Паперно И. Указ. соч. С. 71.

¹⁰ Егоров Б. Ф. Русские утопии / Б. Ф. Егоров // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 5 (XIX). С. 225–273.

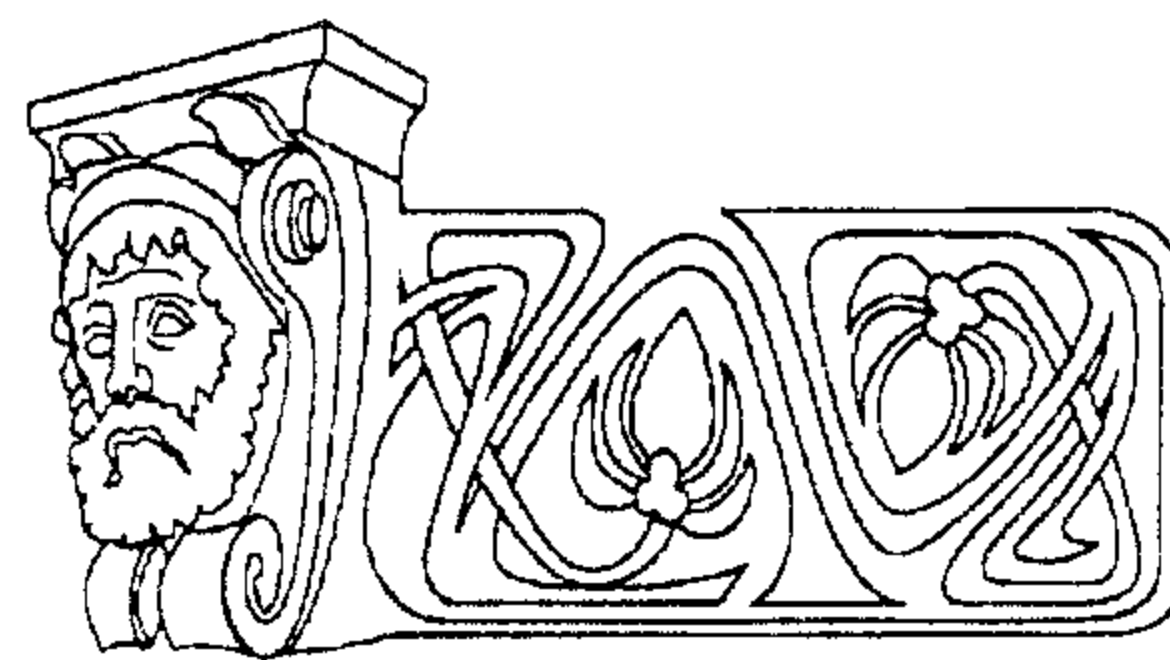
УДК 840.09–94+929 Шатобриан

МЕМУАРНОЕ НАЧАЛО В «ЗАМОГИЛЬНЫХ ЗАПИСКАХ» Ф.-Р. де ШАТОБРИАНА

С. Ю. Павлова

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу мемуарной составляющей «Замогильных записок» Шатобриана с точки зрения самооценки писателя и его творческого метода. В ней рассматривается исторический материал, использованный в книге, принципы создания портретов обще-

ственных деятелей и литераторов, соотношение концепции авторского «Я» с изображаемой эпохой. Мемуарный пласт повествования отражает своеобразие эпического начала в книге и становится выражением характерного для романтизма представления о личности.

Memoir element in "Mémoires d'outre-tombe" by F.-R. de Chateaubriand

S.Y. Pavlova

The article is devoted to memoir part of «Mémoires d'outre-tombe» by Chateaubriand from the point of view of writer's self-appraisal and his creative method. We examine historical context used in the book, principles of making public figures and literary men's portraits, correlation between the conception of author's «self» and representing period. Memoir layer reflects the epical originality of the book and becomes the expression of the typical romantic idea about person.

Самое значительное произведение Франсуа-Рене де Шатобриана – «Замогильные записки» (1848–1850) является мемуарно-автобиографическим. Мемуарное начало играет в «Замогильных записках» очень важную роль и определяет направленность значительной части произведения. В соответствии с канонами мемуарного жанра, являющегося, как пишет Ж. Хоффенберг, «по определению полемическим», Шатобриан освещает исторические события со своей точки зрения, предлагает читателю не «исчерпывающее изображение», а «свой взгляд, свою интерпретацию фактов»¹.

Мемуарный пласт повествования дает богатый материал для анализа исторического фона эпохи, мировоззрения Шатобриана, жанровой природы его книги и, безусловно, требует специального, возможно, монографического рассмотрения. В этой работе мы ограничимся только краткой его характеристикой с точки зрения самооценки писателя и его творческого метода.

Попытки всерьез проанализировать мировоззрение Шатобриана приводят к разочаровывающим результатам: он не был ни оригинальным мыслителем, ни выдающимся политиком, но его поэтический гений не оспаривался никем. Если А. В. Карельский сдержанно констатирует, что «Шатобриану-политику мешал Шатобриан-романтик»², то М. Н. Розанов прямо называет его «неудачным политиком» и «плохим мыслителем»³. Еще более резко и определенно звучит оценка Э. Фаге: «...он ни великий философ, ни великий моралист, ни великий политик, ни даже *глубоко убежденный христианин*. Все его философские рассуждения поверхностны... Все то, во что он хочет заставить уверовать, он чувствует»⁴. Именно поэтический гений стал орудием самомифологизации Шатобриана.

Сам выбор материала для мемуарного пласта «Замогильных записок» призван подчеркнуть величие автора. Из череды исторических перипетий своего времени Шатобриан последовательно отбирает события мирового значения и подчеркивает собственную роль в них; из всего огромного числа лиц он сосредоточивает внимание на людях с мировой известностью, поскольку видит в них сомаштабные себе фигуры.

Писатель рисует Париж в период революций 1789 и 1830 гг., рассказывает о жизни королевского двора и папской резиденции, заседаниях Законодательного собрания и палаты Пэров, международных конгрессах и дипломатических встречах. События исторической важности предстают в изображении Шатобриана следствием чуть ли не исключительно его индивидуальной деятельности. В таком ключе он пишет о Веронском конгрессе, о вступлении Франции в войну в Испании, о реставрации Бурбонов. Шатобриановская оценка собственных заслуг в связи с возвращением французского престола королевской династии звучит весьма показательно: «Людовик XVIII объявил, как я уже не раз говорил, что моя брошюра («О Бонапарте и Бурбонах». – С. П.) принесла ему больше пользы, чем стотысячная армия»⁵.

На страницах «Замогильных записок» возникают образы монархов (Александра I, Георга IV, Фридриха-Гийома III), высокопоставленных служителей церкви (Пия VII, Леоны XII), политиков (Виллеля, Полиньяка, Корбьера), деятелей искусства и писателей (Лагарпа, Тальма, Фонтана, Беранже, Шамиссо) и т.д. По своим политическим убеждениям Шатобриан принадлежал к сторонникам легитимной монархии, которую считал наиболее подходящей для французского общества формой правления. Вот почему в портретной галерее «Замогильных записок» особое место отводится французским монархам: Людовику XVIII, Карлу X, Луи-Филиппу Орлеанскому. Писатель считал, что герцог Орлеанский фактически отобрал престол у малолетнего Генриха V и занял трон незаконно. Отсюда проистекает шатобриановский пафос категорического неприятия режима Июльской монархии, саркастический и пронизанный горечью тон в изображении нового короля: *Луи Филипп – неглупый чело-*

век, чей язык извергает потоки общих мест... Филипп поработил всех своих приближенных; он надул своих министров: назначил их, потом отставил, снова назначил, скомпрометировал, – если сегодня что-нибудь еще может скомпрометировать человека, – и снова отстранил от дел. Превосходство Филиппа очевидно, но относительно; живи он в эпоху, когда в обществе еще теплилась жизнь, вся его посредственность вышла бы наружу... В отличие от королей из старшей ветви Бурбонов, Филиппа не волнует честь Франции: что для него честь?... Филипп – полицейский: Европа может плюнуть ему в лицо; он утирается, благодарит и показывает свое королевское удостоверение (с. 552–553).

Шатобриан не испытывал восторга и от законных наследников престола. Портреты Людовика XVIII и Карла X свидетельствуют о его способности судить о монархах трезво и непредвзято. Значительное место в эпизодах, посвященных французским королям, занимает изображение их встреч и бесед с самим Шатобрианом. Автор «Замогильных записок» подчеркивает исключительность своего положения подле монарших особ, свое право давать им советы и высказывать собственное мнение. Так, в 1814 г. Шатобриан призывал Людовика XVIII остаться в Париже и защищать город от натиска Наполеона; настоятельно советовал Луи-Филиппу отказаться от трона; давал рекомендации Карлу X по поводу воспитания Генриха V; наконец, осмелился прямо сказать королю свое мнение о судьбах французской монархии:

– Ваше Величество, ... надеюсь, вы простите своего верного слугу: я полагаю, что с монархией покончено.

Король ничего не ответил; я уже начал раскаиваться в своей дерзости, когда он заговорил вновь:

– Что ж, господин де Шатобриан, я того же мнения (с. 314).

В этом коротком диалоге исключительность Шатобриана проявляется не только в смелости, но и в том, что сам монарх признал его правоту в столь важном и щекотливом вопросе.

На склоне лет Шатобриан вынужден был признать необходимость для Франции смены формы государственного правления из-за по-

литической слепоты, слабости, нерешительности последних коронованных представителей французских Бурбонов, он понимал неизбежность исторического прогресса. В «Замогильных записках» он неоднократно повторяет, что «старый режим умирает». Однако именно вопрос об отношении к монархии во многом определяет суждения писателя о государственных и общественных деятелях. Политиков, способствовавших, по его мнению, падению Бурбонов, он зачисляет в разряд посредственностей и оценивает отрицательно. Примером могут служить характеристики Талейрана и де Блакаса – нелицеприятные, язвительные, односторонние. Наибольший субъективизм взглядов Шатобриана проявляется в портретах сторонников режима Июльской монархии (Тьера, Фуше) и самого Луи-Филиппа. Писатель сохраняет терпимость только в тех случаях, когда речь идет о ярких и неординарных личностях. Чувство уважения к великим, а значит, равным себе людям не позволяет ему быть пристрастным. Таковы характеристики Вашингтона, Мирабо, Лафайетта и некоторых других. Масштаб личности как критерий ее оценки отражает идеал романтической эпохи.

Разумеется, самая яркая и значительная личность того времени – император Наполеон. В «Замогильных записках» ему посвящен самостоятельный – в двести с лишним страниц – фрагмент книги. Отметим, что право повествователя говорить и судить о великих людях придает значительность его собственной личности. По словам Ю. М. Лотмана, «само по себе создание (биографического. – С. П.) текста становится действием личной активности и, следовательно, переводит автора в разряд тех выпадающих из универсальных кодов личностей, которым свойственно иметь биографию»⁶.

При создании биографии Наполеона Шатобриан использовал разного рода мемуарные и исторические источники – «Историю Наполеона...» графа де Сегюра, «Мемуары» Ла Каза, «Историю экспедиции в Россию» Шамбре, бюллетени Великой армии и т.д., а также опирался на собственные впечатления от встреч с императором.

Личность Наполеона раскрывается по принципу сопоставления с автобиографическим героем. Показательна ошибка Шатоб-

риана: он пишет, что родился в один год с императором, тогда как на самом деле последний на год младше писателя. Делая Наполеона своим ровесником, автор «Замогильных записок» творит миф о взаимопереплетенности их судеб, об их человеческой соразмерности. Как справедливо отмечает М. Летонен, «в глубине души Шатобриан идентифицирует себя с Наполеоном»⁷. Рассказывая о жизни императора, он пытается найти подтверждение дорогой его сердцу идее, причем даже в самых незначительных деталях, например, таких как рождение на морском побережье и детство, проведенное среди скалистых утесов.

По мнению А. Лесавуро, значимость фигуры Наполеона также определяется тем, что рационалистическое мышление Шатобриана, не признавая природные чудеса, искало «необычное в человеческих способностях»⁸. Ориентируясь на наполеоновский типаж значительной, способной на многое, сильной духом личности, писатель выстраивает и свою собственную автобиографию.

Идея величия личности становится тем объединяющим началом, которое ставит в один ряд автора «Замогильных записок» и Наполеона. «Будучи героем своего времени и центральным персонажем своей книги, он соглашался делить это первое место только с Наполеоном. В романтической концепции истории, утверждению которой содействовал Шатобриан, герой – это значительный человек, возвышенный выразитель духа своего времени, способный осветить путь развития общества. Такому человеку недостаточно служить антропологическим “образцом для сравнения” в духе Руссо, его миссия в том, чтобы быть ярким маяком, единственным ориентиром для современников, помогающим им понять свое время»⁹.

На протяжении всей книги Наполеон является для Шатобриана не только мерилем человеческой значительности, но и своего рода соперником. Если поначалу Шатобриан вырастает в собственных глазах по мере приближения к великому человеку, то в дальнейшем ощущает свою значительность через сопротивление императору. Так, описывая свою первую встречу с Наполеоном, он всячески подчеркивает свою избранность: *Каким-то образом Бонапарт заметил и уз-*

нал меня. Когда он направился ко мне, никто не мог понять, кого он ищет; все расступались, каждый надеялся, что консул идет к нему; эта непонятливость, казалось, раздражала властелина. Я отступил и встал позади соседей; внезапно Бонапарт возвысил голос и произнес: “Господин де Шатобриан!” Толпа тотчас отхлынула, чтобы затем сомкнуться вокруг нас кольцом: я остался в одиночестве (с. 194).

Началом внутреннего протеста Шатобриана деспотизму властителя Франции стало его прошение об отставке с поста французского поверенного в республике Вале после убийства герцога Энгиенского. Этот эпизод передается, главным образом, через оценки других людей, объединенные мыслью о смертельной опасности, которой подвергал себя единственный человек, осмелившийся выразить императору свой протест. Шатобриан подчеркивает, что Наполеон стерпел этот дерзкий поступок, потому что подобная смелость и честность не могли не внушить ему уважения. Другим выражением оппозиционных взглядов писателя по отношению к режиму Наполеона стала речь, написанная им по случаю избрания во Французскую Академию и отвергнутая разгневанным императором.

Отношение Шатобриана к Наполеону определяется, как и у других романтиков, убежденностью в величии и уникальности его гения, восхищением человеком, который «создал себя сам», но в то же время категорическим неприятием личности, покусившейся на свободу отдельно взятых людей и целых народов. М. Летонен точно охарактеризовала это отношение как амбивалентное: «Шатобриан... его ненавидит и восхищается им одновременно. Возможно, он завидовал славе героя, но вместе с тем понимал, что благодаря Наполеону жил в великую эпоху, ставшую фоном его собственной индивидуальной судьбы»¹⁰.

Действительно, повествователь трезво рассуждает об ошибках (в числе самых непростительных он называет убийство герцога Энгиенского и войну в Испании), неудачах (русском походе), о способностях императора. Однако промахи Наполеона Шатобриан объясняет свойствами его натуры, тем, что заложено в человеке свыше и не подвластно

его воле. Хотя писатель видел слабые стороны и негативные последствия деятельности Наполеона, император всегда оставался для него «поэтом действия, великим гением войны, неутомимым умом, умелым и толковым руководителем, деятельным и разумным законодателем»¹¹, «одним из первых лиц в истории» (II, р. 409). В конечном итоге свое отношение к Наполеону он формулирует ясно и однозначно: «Что же до меня, то я всегда, даже нападавая на Бонапарта как нельзя более резко, восхищался им безгранично и неподдельно» (с. 262). Очевидно, что романтическая идея величия личности оказывается для Шатобриана важнее, нежели его собственные разумные доводы и оценки.

Среди великих людей эпохи особый интерес представляют суждения автора о знаменитых поэтах и писателях. Шатобриан посвящает целую главу Д.-Г. Байрону, чье имя для современников писателя было символом европейского романтизма. Тот факт, что Шатобриан не был знаком с ним лично, не помешал ему уделить фигуре английского поэта серьезное внимание. По словам повествователя, к написанию главы о Байроне он возвращался несколько раз: основная часть, созданная в 1822 году в период дипломатической службы Шатобриана в Лондоне, дополнялась заметками 1814 и 1840 годов. К личности лорда Байрона Шатобриан возвращается и в венецианском эпизоде своей автобиографии, работа над которым шла в 1833 году. Как и в случае с Наполеоном, при характеристике Байрона повествователь использует прием параллельного изображения, подчеркивая тем самым равнозначность двух (чужой и своей) индивидуальностей: *Возможно, потомкам будет небезынтересно заметить пересечения между вождями новой французской и английской школы, глубинные мысли, судьбы и даже нравы которых были похожи: один был пэром Англии, другой Франции, оба путешествовали на Восток, причем довольно часто находились рядом, но ни разу не встретились; вот только жизнь английского поэта была связана с менее значительными событиями, чем моя* (I, р. 477–478).

В заключительной части цитаты Шатобриан нарушает принцип параллелизма и говорит о своем превосходстве.

Размышляя о художественном творчестве Д.-Г. Байрона, автор «Замогильных записок» называет только те произведения, которые перекликаются с его собственными книгами. Он высоко оценивает вклад Д.-Г. Байрона в литературу, но все же указывает на очевидное влияние своего Рене – героя одноименной романтической повести – на образы Чайльд-Гарольда, Конрада, Лары, Манфреда, Гяура. Говоря об этих «заимствованиях», повествователь ссылается на авторитет П.-Ж. Беранже и М. Виллеля, мнения которых приводит в тексте. Признание значительности Д.-Г. Байрона, таким образом, свидетельствует о заслугах самого Шатобриана и даже превосходстве последнего. В этой связи приведем примечательную и верную оценку Ш. А. Сент-Бева: «Эти великие поэты не нуждались в том, чтобы повторять друг друга. Они находили в себе и в атмосфере своего века достаточно вдохновения для того, чтобы чувствовать и изображать по-своему, оставляя на всем отпечаток своего таланта и эгоизма»¹². Интересно, что сам Шатобриан, казалось бы, утверждает сходную мысль: *Лорд Байрон будет жить, потому что, так же как и я, он был сыном своего века и, так же как я, а еще раньше, до нас, Гете, сумел выразить его страдания и несчастье* (I, р. 479).

Однако как это следует из дальнейшего пояснения, автор книги говорит не о конгениальности художников, а скорее о допустимости использования в творчестве идей и образов другой национальной традиции ради обогащения своей литературы. Отсюда проистекает недоумение Шатобриана относительно того, почему лорд Байрон, всегда ссылающийся «почти на всех современных французских авторов» (I, s. 480), ничего не говорит о столь громко нашумевшем как во Франции, так и в Англии имени Шатобриана.

За этим пассажем следует другое любопытное суждение: «Сходным образом еще один талантливый человек предпочел не упоминать моего имени в своем труде *О литературе*» (I, р. 480). Очевидно, что Шатобриан имеет в виду Жермену де Сталь, писательницу, также стоявшую у истоков европейского романтизма. Для нас эта цитата интересна не отсылкой к еще одной знаменитой современнице, а тем, что Шатобриан (случайно или намеренно?) ошибается. В момент

появления трактата «О литературе» он находился за пределами Франции, и на родине его имя никому не было известно. Заметим, что к личности госпожи де Сталь повествователь возвращается несколько раз. Так, особенно интересен фрагмент, в котором Шатобриан цитирует ее восторженное и весьма лестное письмо в свой адрес с характерным интимно-дружеским обращением «*mon cher Francis*» (мой дорогой Фрэнсис). Это письмо «работает» на создание возвышенного образа автобиографического героя: *Мой дорогой Фрэнсис, оставьте мне место в вашей жизни... Я восхищаюсь вами... я буду вам сестрой. Неужели вы не чувствуете, что мой ум и мое сердце созвучны с вашими, не чувствуете, что вопреки всем различиям, мы похожи?* (I, p. 596).

Свои размышления о Байроне и де Сталь Шатобриан завершает патетическим утверждением собственного душевного благородства, которое также возвышает писателя над его великими современниками: «Я никогда не испытывал желания молчать, если испытывал чувство восхищения; вот почему я объявляю о своем восторженном отношении к госпоже де Сталь и лорду Байрону» (I, p. 480).

В рассуждениях Шатобриана о писателях романтической эпохи выделяется имя еще одного мэтра – Вальтера Скотта. Мнение Шатобриана о создателе исторического романа представляет интерес потому, что самого себя он также ощущает творцом истории. «Думается, – читаем в “Замогильных записках”, – он (Скотт. – С. П.) создал ложный жанр: он искажил и роман, и историю» (I, p. 472). Как видим, писатель упрекает английского романиста в смешении жанров, а значит, искажении исторической правды и явно претендует на то, что в его собственной книге фактическая точность будет соблюдена.

Наконец, на страницах своей книги Шатобриан неоднократно возвращается к личности Бенжамена Констана. Его отношение к Констану, общественному деятелю, писателю и человеку тем более интересно, что этих двух людей связывает много общего. Оба они были заметными политическими фигурами, любили одну женщину (госпожу Рекамье), наконец, в своем творчестве проклады-

вали дорогу новому, романтическому, направлению, сохраняя при этом глубокую связь с литературной традицией XVIII века. Шатобриан пишет о Констане как о «самом умном, после Вольтера, человеке» (II, p. 612), но беспринципном политике; употребляет характеристику «автор «Адольфа»» (II, p. 614), но при этом ничего не говорит о романе; называет Констана своим «гидом» (II, p. 615) на пути создания биографии госпожи Рекамье, но его высказывания об этой женщине определяет как непоэтические и недостаточно искренние. Как видим, в суждениях о своем современнике автор «Замогильных записок» оказывается строго избирательным.

Таким образом, рисуя панораму европейской жизни первой половины XIX века, Шатобриан привносит в нее рожденный романтической эпохой историзм, ощущение резкой смены временных пластов, а главное, ставит в центр этой картины романтическую личность и возводит ее на пьедестал. Через восприятие этой личности, через подчеркнутый субъективизм оценок читатель и должен сформировать представление о роли Шатобриана в событиях эпохи. Подобное беспрецедентное в истории мировой литературы отношение к истории как фону для самореализации личности определяет своеобразие эпического начала в книге Шатобриана. В «Замогильных записках» мемуарный пласт повествования оказывается проявлением эпической устремленности в европейском романтизме.

Исследования проводились при финансовой поддержке Президента Российской Федерации (МК-3264.205.6).

Примечания

¹ Hoffenberg J. L'Enchanteur malgré lui. Poétique de Chateaubriand / J. Hoffenberg. Paris, 1998. P. 125.

² Карельский А. В. Французская литература / А. В. Карельский // История всемирной литературы: в 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 149.

³ Розанов М. Н. История французской литературы 19-го века: в 2 ч. / М. Н. Розанов. М., 1913. Ч. 1. С. 113.

⁴ Фаге Э. Деятельный век. Литературные эподы / Э. Фаге. М., 1901. С. 29.

⁵ Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки / Ф.-Р. Шатобриан. М., 1995. С. 262. Далее текст в переводе В. Мильчиной и О. Гринберг цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

⁶ Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте. (К типологическому соотношению текста и личности автора) / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 369.

⁷ Lehtonen M. L'expression imagée dans l'oeuvre de Chateaubriand / M. Lehtonen. Helsinki, 1964. P. 380.

⁸ Le Savoureaux H. Chateaubriand / H. Le Savoureaux. Paris, 1930. P. 77.

⁹ Zanon D. L'autobiographie / D. Zanon. Paris, 1996. P. 69–70.

¹⁰ Lehtonen M. L'expression imagée dans l'oeuvre de Chateaubriand / M. Lehtonen. Helsinki, 1964. S. 380.

¹¹ Chateaubriand F.-R. Mémoires d'outre-tombe: in 3 t. / F.-R. Chateaubriand. Paris, 1973. Т. 2. P. 399. Далее фрагменты, отсутствующие в сокращенном русском переводе книги, цитируются в нашем переводе по этому изданию с указанием номера тома и страницы в круглых скобках.

¹² Sainte-Beuve Ch.-A. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire : in 2 v. / Ch.-A. Sainte-Beuve. Paris, 1861. V. 1. P. 365.

УДК 820.09-3+929 Оден

АНГЛИЙСКАЯ ПУТЕВАЯ ПРОЗА И «ПИСЬМА ИЗ ИСЛАНДИИ» ОДЕНА И МАКНИСА

И. В. Кабанова

Саратовский государственный университет,
Кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: ivk77@hotmail.com

Статья содержит очерк истории традиции жанра путешествий в английской литературе начиная с XVI века, а также обзор концепций жанра путешествий, бытующих в современной западной критике. Предлагается общая панорама состояния жанра в английской литературе 1930-х годов, на фоне которой дается анализ книги У. Х. Одена и Л. Макниса «Письма из Исландии» (1937). Особое внимание уделяется ядру книги – поэме Одена «Письмо к лорду Байрону».

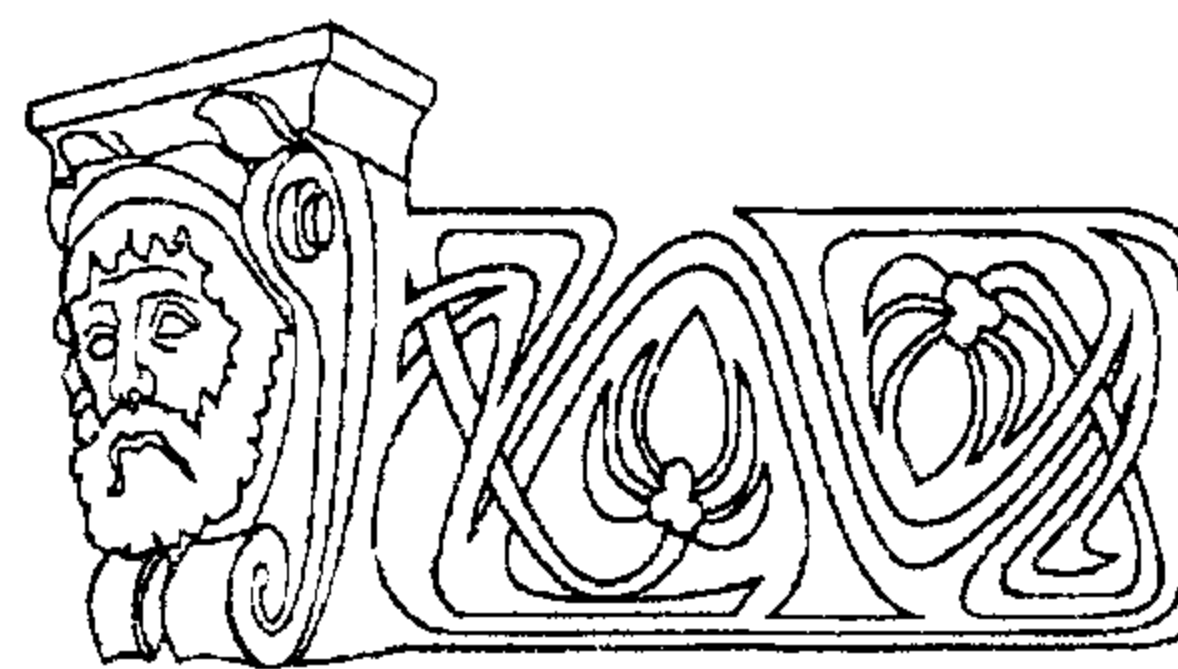
English Travel Writing and "Letters from Iceland" by W. H. Auden and Louis McNiece

I. V. Kabanova

The article contains a survey of the tradition of travel narratives in English literature from the XVI century as well as of the current critical concepts of the genre of travels. It offers a perspective on the state of the genre in the English literature of the 1930-s and analyzes W.H. Auden and Louis McNiece's «Letters from Iceland» (1937) as a representative text of the period. This travel book happens to be centered around Auden's major poem of the thirties – «A Letter to Lord Byron», hence the analysis is focused on this poem.

Популярность жанра путешествий (travels, récit de voyage, travelogue) у англичан, нации «мореплавателей и первооткрывателей», неизменна вот уже на протяжении пяти столетий.

Его возникновение в английской литературе принято относить к эпохе Великих географических открытий¹. После публикации книги Марко Поло (1477), поразившего воображение европейцев рассказами о восточных сокровищах, после Колумба и Ма-

геллана в путь пустились англичане – Фрэнсис Дрейк (*The Famous Voyage of Sir Francis Drake into the South Sea, and thence about the whole Globe of the Earth, Begun in the Year of Our Lord, 1577*), Уолтер Рэли (*The Discovery of the Large, Rich and Beautiful Empire of Guiana, 1595*), Джеймс Кук (*Journal of a Voyage Round the World, 1772*). Ранние образцы жанра – отчеты об экспедициях, подлинные судовые журналы, и долгое время литература путешествий изучалась исключительно историками и географами с точки зрения их дисциплин. Однако в XVIII веке создание книг о путешествиях перестало быть исключительно делом первооткрывателей и авантюристов. С изменением объема понятия «путешествия» отчеты о своих странствиях по свету стали предлагать люди всех профессий и любого социального статуса: дипломаты, ученые, светские люди и, наконец, литераторы – Дефо, Стиль и Аддисон. причем опыты последних далеко не всегда оказывались удачней, чем книги далеких от литературы авторов. Сохранение документальной основы жанра при постоянном росте значения беллетристического элемента привело к усилению разнообразия в составе авторов: *Настоящий автор путешествий – не историк и не романист, а странствующий*

просвещенный литератор, чья цель – совместить несколько дисциплин: антропологию, социологию, психологию с историей и географией. Он может быть автором единственной книжки, или профессиональным литератором в других жанрах, обратившимся к «путешествию», или путешественником².

Национальную специфику жанра определили исторические и географические особенности Британии. Литература островного государства, создавшего самую обширную из когда-либо существовавших империй, отразила превращение путешествий в часть английского образа жизни. Путевая проза удовлетворяла, с одной стороны, потребность человека к познанию мира, давала иллюзию экзотики и свободы, противостояния повседневности. С другой стороны, привычка мыслить в имперском масштабе лишила заморские приключения романтического ореола в глазах англичан; и на краю света англичанин продолжал оставаться англичанином. Обширные колонии Британской империи почти не фигурируют в путевой прозе; их описывали этнографы, антропологи, географы в научных трудах или чиновники колониальной администрации в мемуарах. Материал английской путевой прозы иной: от излюбленного Средиземноморья, Балкан и Ближнего Востока до коротких прогулок в окрестностях Лондона.

Глубоко укорененный в английской культуре жанр путешествий переживает расцвет в XX веке. Обоснованным представляется мнение Перри Андерсона: *На протяжении большей части Нового времени трудно найти различия между основными европейскими культурами в объеме и качестве литературы путешествий. В век Просвещения на каждого английского капитана Кука приходился свой француз Бугенвиль и немец Георг Форстер, позже Гумбольдт или маркиз Кюстин. Но в двадцатом веке определилось первенство одной культуры. Литература путешествий превратилась в английскую специальность³.*

Вплоть до последней трети XX века литературоведение отворачивалось от путешествий как от странного гибрида, периферийного (subliterary) жанра по отношению к литературе художественного вымысла. В поле

зрения историков литературы путешествия попадали лишь в связи с отдельными вопросами, например, в «Дороге на Канаду» (*The Road to Canada*, 1927) Джон Ливингстон Лоуз показал зависимость фантастических образов Кольриджа от путевой прозы его эпохи. И по сей день появляются интересные труды в малоизученной области взаимодействия «путешествий» с прочими жанрами. Господство в литературе нового времени романа обрекает на сопоставление с ним все остальные жанры, в том числе «путешествия». У. Шпенгеманн и П.Адамс пришли в результате к выводам, перекликающимся с теорией эссе: как и эссе, путевая проза возникает параллельно с романом и развивается в тесном взаимодействии с ним. Как показал еще Йэн Уотт, жанр «путешествий» дал структурную основу роману английского Просвещения. По словам П.Адамса, «художественная проза и отчет о путешествии возникли вместе, много дали друг другу и часто схожи в содержании и технике письма»⁴.

В 70-е гг. новый взгляд на литературу путешествий предложил Мишель Бютор. Размышляя над собственным опытом писателя и путешественника, он выступил с лозунгом создания отдельной дисциплины, посвященной путешествию в литературе: «Я предлагаю ввести новую науку, базирующуюся на литературе, предметом которой должно стать изучение человека путешествующего»⁵. Надо признать, что успехи этой дисциплины пока что очень скромны, и теория путевой прозы разработана много слабее, чем теория эссе. По мнению Ларри МакМерти, «число исследований путевой литературы начинает расти... но пока еще очень мало дало в сфере теории. Возможно, большего и не требуется»⁶.

В самом деле, стоит ли глубоко теоретизировать по поводу «безразмерной дорожной сумки» («the commodious duffel bag of the travel book») – выражение того же МакМерти), в которую беспорядочно собрано все, что оказалось под рукой у автора? Бесконечное разнообразие сведений из истории, естественных наук, политики, гастрономии и т.д. в самом деле затрудняет разговор о границах жанра и его природе.

Любопытно, что оговоркам и сомнениям западной критики противостоит уверенность русских исследователей в том, что «"путешествия" – не подборка разножанрового материала, а произведение, в основе которого лежит то, чего нет в других жанрах – принцип панорамы, творцом которой является публицист-очевидец»⁷, и далее в своей монографии Н. М. Маслова выделяет в качестве внутрижанровых разновидностей путевые заметки, зарисовки, дневники, диалог и акцентирует роль автора: «Для успеха жанра нравственная личность автора должна раскрываться целостно и ярко»⁸.

Исследователи западной традиции «путешествий» согласны с Н. М. Масловой разве что в признании важности для жанра образа автора, но никто не считает «панорамность» жанрообразующим признаком. Напротив, подчеркивается, что хорошая книга путевой прозы всегда сочетает в себе эпическое и лирическое начала, причем последнее связано не только с образом автора. «Идеальная книга подобного рода приглашает читателя отправиться сразу в три путешествия: «в дальние страны, во внутренний мир автора, и в свой собственный внутренний мир»⁹ – цитируя Нормана Дугласа, пишет Пол Фасселл.

Как правило, западные исследователи ограничиваются перечислением характерных тем и мотивов жанра (средства передвижения, гостиницы, еда, вино, ландшафт, архитектура)¹⁰, реже встречаются попытки проникнуть в жанровую природу «путешествий». Лучше всего, как нам кажется, ее проясняет Пол Фасселл: *Разве путевая проза не есть "приключения" в старинном смысле слова, с той только разницей, что эти приключения разворачиваются в реальном, зачастую знаменитом пространстве, с тем чтобы удовлетворить потребности публики в двойном смысле – ведь она хочет, как всегда, и пережить чужие приключения, и одновременно они должны происходить в мире, чья реальность утверждается такими науками, как политология, социология, антропология, экономика и современная история?*¹¹.

Пограничные с «путешествием» формы – пикареска, пастораль, роман испытаний, комический роман, военные мемуары. Особенно интересен вывод Фасселла о том, что в межвоенные годы британская путевая проза

берет на себя функции жанра эссе: *Чем больше мы вникаем в то, что происходило с путевой прозой в межвоенный период, тем очевидней становится, что этот жанр, в сущности, служил средством для публикации эссе, которые без струи путешествий воспринимались как жанр устаревший, чересчур напоминающий Лэма, Стивенсона и Честертона*¹².

Небезынтересны для теории жанра исследования феномена путешествия и его постмодернистских репрезентаций, предпринятые феминисткой Карен Каплан. Осуждая Фасселла за романтизацию «исчерпавшей себя патриархатной парадигмы»¹³, критикуя текущую литературу путешествий за сохранение стереотипов противопоставления центра – периферии, Европы – остальному миру, американская исследовательница так определяет путешествие: *Путешествие – это не роскошь и не досужее философствование; оно является метафорой для перемещения, сдвигов в культуре, для всего непривычного, нового, что возникает при общественных переменных*¹⁴.

Особую привлекательность путешествий для англичан в период между Первой и Второй мировыми войнами разные авторы связывают с разными обстоятельствами. Сэмюэль Хайнс привлекает внимание к изменению политической карты мира после Первой мировой войны (возросшее значение границ, паспортов и виз), к росту значения международной политики в 30-е гг. Отсюда мотив затрудненности, опасности путешествий по заново перекроенному миру, особого беспокойства при пересечении государственных границ. Валентайн Каннингэм считает главным импульсом к путешествиям ощущение провинциальности, застоя в английской культуре, попытку молодого поколения приобщиться к новейшим социальным и художественным идеям, расцветавшим в Париже, Берлине, Москве. Кроме того, он видит в постоянных перемещениях по миру характерную психологическую черту поколения – проявление юношеской незрелости, попытку убежать от самих себя в некое замечательное место, где не существует обуревающих их дома, слишком знакомых проблем. Пол Фасселл описывает Британскую Литературную Диаспору (the British Literary

Diaspora) как часть модернистской литературной диаспоры. Лоренс, который за последние десять лет жизни всего три раза побывал в Англии, – ее предтеча; на Капри поселился Норман Дуглас, на Майорке – Роберт Грейвз, Лоренс Даррелл – на Корфу; Олдос Хаксли – в Калифорнии, Ишервуд – в Берлине и Калифорнии, Оден жил понемногу везде и к концу 30-х гг. обосновался в Нью-Йорке. Сомерсет Моэм на Французской Ривьере, Леман и Спендер в Вене, Осберт Ситуэлл в Италии, Эдит Ситуэлл в Париже, Эдмунд Бланден в Токио, Гарольд Эктон и А. А. Ричардс в Пекине дают представление о всеобщей подвижности, выразившей протест против сужения политических и духовных горизонтов Великобритании после Первой мировой войны. Фасселл пишет о том, что межвоенные годы – последний период, когда коммерческий в своей основе туризм еще не окончательно вытеснил традиционную романтику путешествий, когда на карте мира еще оставались «белые пятна», когда еще существовали труднодоступные районы и повальное увлечение «путешествиями» в 30-е гг. выражает не просто протест против наступающего века массовой культуры, не знающей национальных границ, но и верность национальной традиции *эксцентричности, не подчиняющейся никаким законам, традиции безграничного индивидуализма. Это вызов предсказуемому единообразию, скучному “интернационализму” послевоенного общества и политической системы. Причина, по которой английские писатели пишут путевую прозу лучше, чем, например, французы, заключается не только в том, что в Англии это более свободный жанр, в который писатель может вложить что угодно... Это еще и похвальное британское недоверие к властям, и традиция крайнего индивидуализма*¹⁵.

Еще в 1926 г. издательство «Джонатан Кейп» открыло серию, не имевшую аналогов, – «Библиотеку Путешественников» (*Travellers' Library*). К 1932 г. серия насчитывала 180 названий, и популярность «путешествий» нарастала вплоть до начала Второй мировой войны. Перечислим книги в этом жанре, чаще всего упоминаемые историками литературы.

Культурной среди определенных кругов интеллигенции стала книга легендарного разведчика Т. Э. Лоренса (Лоуренса Аравийского) «Семь столпов мудрости» (*Seven Pillars of Wisdom*, 1926), смесь этнографии с философией. Из молодого поколения контракты на книги путевого жанра особенно охотно заключали Ивлин Во (*Labels: A Mediterranean Journey*, 1930; *Remote People*, 1931; *Ninety-Two Days*, 1934; *Waugh in Abyssinia*, 1936; *Robbery Under Law*, 1939), У. Х. Оден (*Letters from Iceland*, 1937, в соавторстве с Луи МакНисом; *Journey to a War*, 1939, в соавторстве с К.Ишервудом), Грэм Грин (*Journey Without Maps*, 1936; *The Lawless Roads*, 1939), Джордж Оруэлл (*Down and Out in Paris and London*, 1933; *The Road to Wigan Pier*, 1937), Джон Леман (*Prometheus and the Bolsheviks*, 1937; *Down River: A Danubian Study*, 1939). Самый шумный успех выпал на долю книг, написанных специалистами в этом жанре, каждый из которых успел создать совсем немного. Это Питер Флеминг (*Brazilian Adventure*, 1933; *One's Company – A Journey to China*, 1934; *News From Tartary*, 1936) и Роберт Байрон (*First Russia then Tibet*, 1933; *The Road to Oxiana*, 1937).

Беспокойный, авантюрный дух, владевший многими писателями 30-х годов, часто удовлетворялся с помощью заказов на книги о путешествиях со стороны издательств, которые в надежде на коммерческий успех модного жанра финансировали расходы авторов. Выбор стран и маршрутов при этом целиком зависел от автора, разумеется, уже составившего себе имя. В каждом конкретном случае биографы и историки пытаются реконструировать обстоятельства, предопределившие тот или иной выбор, однако нас интересует более общий психологический комплекс, заставлявший молодое поколение то и дело покидать комфортабельную Англию, претерпевать неудобства, а то и серьезно рисковать в отдаленных точках земного шара.

Вот как пишет о своих мотивах Ивлин Во в статье «Путешествуй – сбеги от своих приятелей» («Travel – and Escape from your Friends», 1933): *Когда меня спрашивают, почему я покидаю Англию, я обычно отвечаю, что собираю материал для книги, но это просто отговорка... Чтобы быть в форме,*

человеку необходимы не только физические упражнения, необходимо рисковать... в полноценной жизни должна присутствовать опасность, должно быть место неуверенности. Этот врожденный инстинкт и удовлетворяют путешествия. ... Но главная, определяющая причина – просто интерес к другим местам¹⁶.

Хотя поколение 30-х гг. тяготила косность английского общества, но отъезд за границу не становился у них, как у предыдущего поколения, идеологическим жестом; путешествия были для них неотъемлемой составной частью нормального образа жизни.

«Письма из Исландии» (*Letters From Iceland*, 1937) созданы У. Х. Оденом и Луи Макнисом, двумя ведущими поэтами «оксфордской группы», создателями особого поэтического языка в литературе 30-х гг. Одна из первых рецензий на книгу принадлежит Ивлину Во, который считал работу в соавторстве признанием интеллектуальной беспомощности. Кроме того, в «Письмах из Исландии» он увидел симптом упадка жанра в результате сверхэксплуатации его со стороны издателей, которые в погоне за прибылью удовлетворяют растущий аппетит полубразованный публики на книги о чужих путешествиях. Возникло убеждение, что стоит только отправить писателя за границу, чтобы он начал писать; писатели, нуждающиеся в отдыхе, знают, что бесплатную поездку можно всегда устроить в обмен на издательский контракт. Как тягостны могут становиться подобные контракты, свидетельствуют «Письма из Исландии»¹⁷.

По контракту с «Фейбер энд Фейбер» Оден прибыл в Исландию в июле 1936 г., через месяц к нему присоединился Макнис. Верхом они достигли географического центра Исландии; их путешествие было полно физических тягот, шло по безлюдным местам, под аккомпанемент холодного летнего дождя. 10 сентября поэты отплыли из Рейкьявика в Англию. Много лет спустя Оден писал Макнису: «Я редко в жизни испытывал такое удовольствие, как в те недели, когда мы были всегда рядом»¹⁸. И работа над книгой в конце 1936 г. была легкой и приятной. Из письма Одена: «Никогда прежде я не получал такого наслаждения от работы; наверное, это плохой знак»; Макнис: «эта книга –

просто веселая мешанина»¹⁹. Веселье авторов, по мнению Во, дорого стало их читателям; с его точки зрения, книга перегружена сырым, слабо структурированным материалом. Во, думается, излишне суров, но и оценки современных исследователей неоднозначны. С. Хайнс считает «Письма из Исландии» неудачным произведением, в котором множество блестящих страниц – это книга плохо организованная, без развязки, тон повествования неровный, скачущий, об Исландии читатель узнает главным образом то, что на авторов она нагоняет тоску, и все же в ней мы находим лучшие образцы поэзии Одена и очень сильные строки Макниса²⁰.

Как многие путевые книги 30-х гг., «Письма из Исландии» щедро проиллюстрированы любительскими фотографиями, снятыми Оденом. Книге предпослано посвящение «сотням безымянных исландцев – фермерам, рыбакам, шоферам автобусов, детям и прочим, которые и являются подлинными авторами этой книги». В главе «Туристу» Оден и Макнис описывают визовые и таможенные правила, пароходные линии и гостиницы, исландскую кухню и масштаб цен. В Приложениях даны статистические сведения о населении и природных богатствах острова, экономические таблицы; отдельную главу составляет монтаж цитат из художественной и документальной литературы, посвященной Исландии. Однако вся эта добросовестно-информативная часть теряется на фоне поэтических глав – их девять из семнадцати. Пять заняты поэмой Одена «Письмо к лорду Байрону», две стихотворные главы и эпилог принадлежат Макнису, семнадцатая глава «Оден и Макнис: последняя воля и завещание» написана совместно. Поэтические главы составляют ядро книги; с ними перемежаются главы, написанные в форме писем к родным и друзьям, а также глава «От Хетти к Нэнси», написанная Макнисом от лица вымышленного персонажа и представляющая собой шутку для узкого круга – за маской юной девицы, описывающей подружке свое путешествие по Исландии, скрывается сам Макнис, а его адресат – их оксфордский приятель Энтони Блант. Эпистолярная форма редко встречается в путевой прозе 30-х гг., но форма письма, по крайней мере, придает некое единство поэтическим и прозаическим частям книги.

Не раз Оден и Макнис признаются, что их главный мотив в этом путешествии – бегство из Англии, бегство от истории:

Путешественник молится: «Да буду я далеко от врачей»,

И порты дают названия морю;

Безлюдному, ржавеющему, печальному

И Север означает: «Брось все!»

Потому что это не Европа. Это остров, следовательно, он

Нереален²¹

– пишет Оден в начале второй главы. Несомненно, политические пристрастия авторов определяют направление бегства. Большинство английских писателей предпочитало яркие краски более теплых стран; для «левых» Одена и Макниса юг означает расслабленность, чувственность, лень, и в их системе нравственных координат юг противопоставлен моральной чистоте, собранности и дисциплине Севера. В третьей главе Макнис рассуждает о «загадочной мощной этике стремления на Север»:

...как хорошо родиться человеком,

Путешественником в пространстве и времени, по чувствам и ощущениям,

Встречаться с провожатыми, из которых никто не может указать направление.

Мы почву меняем, чтобы от фактов уйти и одновременно их обрести.

Понять сложный мир – значит его упростить; для успеха подобных акций

Надо встать над интересами толп и фракций (LFI, 33).

Этический выбор между отстраненностью и ангажированностью, между созерцанием и действием становится темой «Эклоги из Исландии» Макниса, где разворачивается спор между двумя путешественниками, Райаном и Крейвенем (т.е. Оденем и Макнисом), и призраком последнего героя саг. Он и одерживает верх в споре, проповедуя личный героизм, активный гуманизм. Иными словами, Макнис признает невозможность побега поэта из исторического времени; к тому же в предыдущей главе дневник Одена зафиксировал новость о начале гражданской войны в Испании. Короткое путешествие по Исландии, соприкосновение с простыми нравами, суровой природой, погружение в древний мир саг несет в себе некий очистительный момент, но авторы признают, что эта архаика не для них. Например, Оден пишет в письме к Ишервуду: *При отсутствии особых ин-*

теллектуальных интересов и претензий жизнь в Исландии может быть очень приятной. Но для меня уже слишком поздно. Все мы слишком вовлечены в европейские дела, чтобы иметь возможность или хотя бы желать побега (LFI, 30).

Поэты, как и все люди, живут в истории, история ставит их перед выбором, заставляет действовать, и побег из истории невозможен – вот урок «Писем из Исландии» как книги путешествий и одновременно главная мысль «Письма к лорду Байрону». Эта поэма – ядро книги, и анализ ее будет неполным без обращения к этому поэтическому тексту. Кроме того, именно здесь содержатся размышления Одена о жанре путешествий.

На борту парохода по дороге в Исландию Оден впервые прочитал байроновского «Дон Жуана» и пришел от него в восторг. Он создает подобное «Дон Жуану» сатирическое обозрение современной Англии. Никто лучше Одена не смог бы справиться с подобной задачей. Франсуа Дюшен увидел сходство между Оденем и Байроном в том, что обоим удалось создать легенду своего поколения, стать его поэтическим голосом: *Оба они драматизировали крайние устремления молодого человека, возмущающегося против все возрастающего конформизма старших поколений. Оба стояли во главе воображаемых баррикад²².*

Разумеется, индивидуализм Одена не столь органичен и безогляден, как у великого романтика; сатира «Дон Жуана» у Одена сменяется иронией, но все же самоуверенности, эпатажа и внешнего блеска у него достаточно, чтобы стала понятной неприязнь к нему Хью Кеннера: *Он без всякого стеснения жил в мирке, где юношеской незрелости сопутствует завышенная самооценка, и остальных обитателей этого мирка он завораживал ловкостью обращения с языком, не ставя под вопрос ценности этого круга²³.*

«Письмо к лорду Байрону» и в самом деле ошеломляет разнообразием тем; это своего рода компендиум характерных мотивов литературы 30-х гг. Поэма главным образом и придает характер развлекательности «Письмам из Исландии». Она считается одним из высших достижений раннего Одена, а работа над ней доставила Одена большую часть удовольствия в процессе создания

«Писем из Исландии», потому что ничего подобного он еще не делал. Из всего богатства тем поэмы выделим одну – комментарий автора к процессу создания книги и размышления над жанром путешествий.

В начале Оден предупреждает милорда-адресата, что вовсе не уверен в успехе своего эксперимента, и определяет выходящую из-под его пера книгу как «коллаж»:

*Интерес письма – в приложениях,
Так и в моем – в нем будут фотографии,
Не в фокусе, с расплывшимся движением,
Вырезки, карты, статистика, графики;
Я не ограничиваюсь топографией.
Я буду современник ваш.
Вам предстоит прочесть коллаж.*

*Every exciting letter has enclosures,
And so shall this – a bunch of photographs,
Some out of focus, some with wrong exposures,
Press cuttings, gossip, maps, statistics, graphs:
I don't intend to do the things by halves.
I'm going to be very up to date indeed.
It's a collage that you're going to read. (LFI, 21)*

Выше говорилось об издательской системе заказных контрактов, работавшей в жанре путешествий; Оден делится своими сомнениями и трудностями в ходе выполнения контракта:

*Издатель – лучший друг писателя,
Дядюшка щедрый, так заведено.
(И пусть эта дружба ему оплатится).
Люблю моих издателей, они меня – отлично!
Они потратились прилично,
Чтоб я был здесь. Я видел только лучших образ-
цы манер*

И в Рэндом Хаус, и на Рассел Сквер.

*Но меня мучит подозрение,
Что превзойду я даже их терпение.
Хоть в соответствии с традицией
Путевая Проза всегда отходит от канвы,
(Единственная рифма здесь – увы!)
Обвинение в получении денег под ложным пред-
логом*

Будет, в сущности, справедливо перед богом.

*A publisher's an author's greatest friend,
A generous uncle, or he ought to be.
(I'm sure we hope it pays him in the end.)
I love my publishers and they love me,
At least they paid a very handsome fee
To send me here. I've never heard a grouse
Either from Russell Square or Random House.*

*But now I've got uncomfortable suspicions,
I'm going to put their patience out of joint.
Though it's in keeping with the best traditions
For Travel Books to wander from the point
(There's no other rhyme except anoint),
They well may charge me with – I've no defences –
Obtaining money under false pretences. (LFI, 23).*

Продолжая беседу с Байроном, автор вкрапляет в нее элементы путевого дневника, акцентируя традиционные составляющие путевой прозы (необходимость фактографического описания пейзажа, климата и погоды, хозяйственных условий, уровня нравов, достопримечательностей, состояния автора во время путешествия). Все это Оден иронически выкладывает перед читателем, как бы утверждая «правильность» своего текста, его соответствие жанровой норме:

*На коленке и карандашом,
На простом причале без навеса
Я пишу: зевота правит ртом
Ранним утром в среду.
Но зари-то летней нету;
В Сейтисфьорде всякий знает:
Летом ночи не бывает.*

*Я долг исполнил, написал заметки
О скудной флоре, фауне долины,
О местных козах, незаконных детках.
Пейзаж исполнен красочных картин,
Но маловато тракторов, машин.
И пузырящимся мылом гейзер
Делает туристам le plus grand plaisir.*

*I'm writing this in pencil on my knee,
Using my other hand to stop me yawning,
Upon a primitive, unsheltered quay
In the small hours of Wednesday morning.
I cannot add the summer day is dawning:
In Seythisfjordur every schoolboy knows
That daylight in the summer never goes.*

*I've done my duty, taken many notes
Upon the almost total lack of greenery,
The roads, the illegimates, the goats:
To use a rhyme of yours, there's handsome scenery,
But little agricultural machinery:
And with the help of Sunlight Soap the Geysir
Affords to visitors le plus grand plaisir. (LFI, 49).*

Но даже если в духе позитивистского путешествия за фактами начало и конец каждой части поэмы обязательно относят читателя к определенному этапу путешествия, общее впечатление от преобладания в тексте игрового, иронического начала подрывает саму конвенцию жанра. В четвертой части, на борту «Деттифлосса», «плывущего к зеленым пастбищам Англии» (LFI, 200), Оден приходит к выводу, который был бы невозможен на основе только информативных, хлестко написанных прозаических глав книги, – это вывод о символическом характере путешествия. Из старательного описания ознакомительно-познавательной поездки жанр путешествия трансформируется в символи-

ческое путешествие к самому себе. От привычного легкого перечисления своих впечатлений автор незаметно переходит на лирический тон:

*Научился скакать, пусть всего лишь на пони,
Прыгал, бегал, ходил через броды
Средь ущелий и скал в каменной зоне,
Из источника пил кипящую воду,
Ел пищу, вкус которой не забуду годы.
Все это памятуя, вывод мой:
Исландия – но не Рейкьявик! – рай земной.*

*Символ целого – одна из его частей.
И размышляя ныне,
Я вижу карту юности моей,
На ней духовные вершины
И психологические трясины,
Забывтые города, разных вер приходы,
Знаменитые колонии, чья слава длится годы.*

*I've learnt to ride, at least to ride a pony,
Taken a lot of healthy exercise,
On barren mountains and in valleys stony,
I've tasted a hot spring (a taste was wise),
And foods a man remembers till he dies.
All things considered, I consider Iceland,
Apart from Reykjavik, a very nice land.*

*The part can stand as symbol for the whole:
So ruminating in these last few weeks,
I see the map of all my youth unroll,
The mental mountains and the psychic creeks,
The towns of which the master never speaks,
The various parishes and what they voted for,
The colonies, their size, and what they're noted for*

(LFI, 200).

Как видно, даже если Оден и Макнис не совсем серьезно относились к «Письмам из Исландии», а их попытки приблизить книгу к нормам путевой прозы потерпели неудачу, что и вызвало неприятие первых рецензентов, в ней все же немало интереснейшего материала, особенно в плане рефлексии над жанром «путешествий».

«Письма из Исландии» демонстрируют, что путевая проза в тридцатые годы начинает принимать на себя функции рефлексии по поводу литературного творчества. С одной стороны, в книге отразилась общая политизация литературы в предвоенное десятилетие; с другой стороны, в ней присутствует автокомментарий: определение авторами целей путешествия, художественских позиций, размышления по поводу возникающих повествовательных альтернатив. Это пример того, что путевая проза в 30-е гг. не обязательно прямо идеологизирована и политизирована,

на, но окончательно утрачивает наивный, непосредственно-фактографичный подход в миру, становится жанром рефлексивным. Определяется направление, в котором пойдет дальнейшее развитие этого жанра в англоязычных литературах XX века.

Примечания

¹ Отметим попытку возвести жанр к XIV веку, к памяти об эпохе крестовых походов (см.: Zacher Christian. *Curiosity and Pilgrimage. The Literature of Discovery in Fourteenth-Century England* / C. Zacher. Baltimore, 1976).

² Adams Percy G. *Travel Literature and the Evolution of the Novel* / P. G. Adams. Kentucky, 1983. P. 281.

³ Idem. A Ripple of the Polonaise. [Review of: *History of the Present* by Timothy Garton Ash] / P. Anderson // *London Review of Books*. 1999. 25 November. P. 1.

⁴ Adams, Percy G. Op. cit. P. 279.

⁵ Цит. по: Adams Percy G. Op. cit. P. VII.

⁶ McMurry Larry. *New Voyager*. [Review of: *Passage to Juneau: A Sea and Its Meaning* by Jonathan Raban] / L. McMurry // *New York Review of Books*. 2000. 20 January. P. 42.

⁷ Маслова Н. М. Путевой очерк: проблемы жанра / Н. М. Маслова. М., 1980. С. 24.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ Fussell Paul. *Abroad. British Literary Traveling Between the Wars* / P. Fussell. N. Y. : Oxford, 1980. P. 204.

¹⁰ См., например: Dunlop M. H. *Sixty Miles from Continent. Traveling in the Nineteenth-Century American Interior* / M. H. Dunlop. Westview Press, 1998.

¹¹ Fussell Paul. Op. cit. P. 207.

¹² Ibid. P. 204.

¹³ «exhausted male-privileged paradigm» (см.: Kaplan, Caren. *Questions of Travel. Postmodern Discourses of Displacement* / C. Kaplan. Durham ; L., 1996. P. 54).

¹⁴ Ibid. P. 82.

¹⁵ Fussell Paul. Op. cit. P. 78.

¹⁶ *The Essays, Articles and Reviews of Evelyn Waugh* / Ed. by D. Gallagher. L., 1983. P. 133.

¹⁷ Waugh Evelyn. *Bloomsbury's Farthest North* / E. Waugh // *Night and Day*. 1937. 12 August.

¹⁸ Stallworthy Jon. *Louis MacNiece. A Biography* / J. Stallworthy. N. Y. ; L., 1995. P. 189.

¹⁹ Ibid. P. 198.

²⁰ Hynes Samuel. *The Auden Generation. Literature and Politics in England in the 1930s* / S. Hynes. N. Y., 1977. P. 291.

²¹ Auden W.H. *Letters from Iceland* / W. H. Auden, L. MacNiece. L., 1937. P. 25. (Далее – LFI, сноски приводятся по этому изданию в переводе автора настоящей статьи).

²² Duchene Francois. *The Case of the Helmeted Airman* / F. Duchene. L., 1972. P. 65.

²³ Kenner Hugh. *The Sinking Island. The Modern English Writers* / H. Kenner. L., 1988. P. 221.

УДК 820-31+929 Лоуренс

МЕКСИКАНСКИЙ МИФ В РОМАНЕ Д. Г. ЛОУРЕНСА «ПЕРНАТЫЙ ЗМЕЙ»

Г. М. Ермакова

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье рассматривается характер мифологизирования и символики в самом экспериментальном романе английского писателя, превращенном им в притчу о религиозном возрождении. Традиционные и собственно авторские мифы приобретают тут идеологический смысл, конденсирующий модели и формы бытия, соответствующая желанию художника передать общеприродное начало, суть вечности, смены эпох и поколений. Такое понимание функций мифа близко романтическому искусству.

The Mexican Myth in «The Plumed Serpent» by D. H. Lawrence

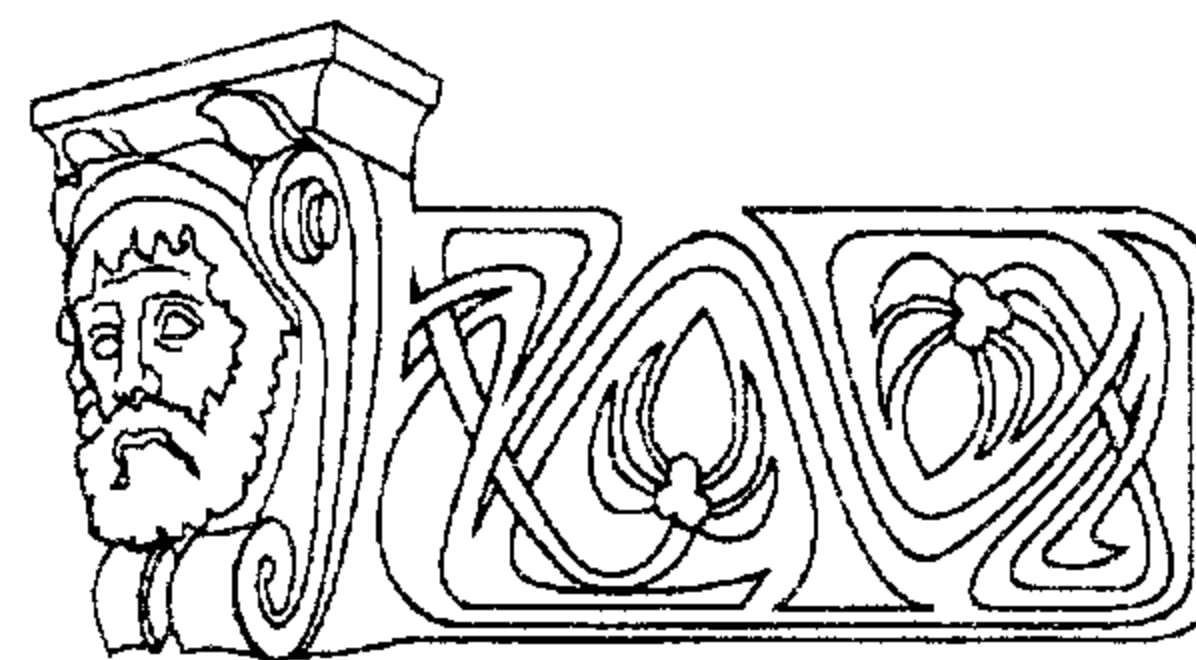
G. M. Ermakova

The article considers the nature of myth and symbolism in the most experimental novel by D. H. Lawrence, «The Plumed Serpent», of which he made a kind of a fable of religious rebirth. The traditional Lawrence's individual myths take in the novel additional ideological meanings that condense the models and forms of being and correspond to the author's wish to convey the nature, eternity, the sense of change of epochs and generations. Such understanding of myth's functioning is close to Romanticism.

Обращение к мифу – одна из примет кризиса сознания в начале XX века, производной которого стало творчество многих модернистов. Причиной тому являлся предельно обобщающий характер мифа, его универсальность и вневременность, позволяющие противостоять духовной энтропии, растерянности человека в мире хаоса.

Все это было близко и Д. Г. Лоуренсу, одному из основоположников мифологизирования в литературе XX века. Мифологические образы и ритуалы, мотивы и аллюзии наполняют все его книги. Обращение писателя к мифу не было случайным, а напротив, свидетельствовало о продуманности позиции. Известно, что он глубоко интересовался языческими верованиями и ритуалами разных народов, а также тщательно изучал современные ему этнографические и мифообъясняющие теории Д. Фрезера, Д. Харрисона, Э. Тейлора и других ученых.

Однако подход Лоуренса к мифу не был «книжным». Сам писатель говорил, что верования древних для него – не только « вечные

темы или символы скрытого знания, но и « моменты в истории моей души». Старинные предания были для него проявлением тайного смысла жизни и своего рода интуитивным его ощущением. В поисках источника жизни и путей возрождения человека Лоуренс обращался к сказаниям прошлого. Он создавал собственные мифы, опираясь на труды известных теософов Е. Блаватской, Д. Прайза, Лео Фробениуса, чьи «тайные доктрины» были тесно связаны с мифологией. В результате у него сложилась своеобразная форма мифопоэтического философствования.

Одной из главных задач писателя было показать глубочайшую зависимость человека от природы, космических сил и энергий. Современная наука, на его взгляд, не в состоянии решить эти вопросы, поскольку опирается на сугубо рациональные методы исследования. Древние же люди были более восприимчивы к природным силам, чему он находил свидетельства в верованиях и магических ритуалах язычников разных эпох. Однако художник не стремился воссоздавать архаические мифы, используя преимущественно их символическую, архетипическую, реже сакральную функцию.

Миф зачастую выступал в книгах Лоуренса как символический комментарий, углубляющий или заостряющий авторскую мысль. Ещё чаще миф использовался в качестве психологической трактовки общечеловеческой ситуации, становясь как бы архетипом судьбы и действий героев, вызывая соответствующие аналогии. Многие ситуации и ритуалы, выявляющие извечные модели человеческого бытия – инициация, умирающий-рождающийся герой, смена царя, «вечное возвращение», «весна священная», «священный брак» и другие – были заимствованы писателем из книг Д. Д. Фрезера и его последователей. Но важен был и собственный духовный опыт писателя.

Еще в 1914 г. он писал: « В великие времена, когда человек был возвышен, он обращался к Востоку: христианин, мусульманин, индус, любой другой... Мы теперь видим символ только как субъективное выражение нас самих... Ранее каждый из древних символов был словом в попытке сформулировать всю историю души человека... Если бы можно было вновь постичь их как истину, верную для любой истории, как грандиозное предвидение, как масштабную, убедительную концепцию великих периодов в мире, то этого было бы достаточно... Все религии, я думаю, имеют одно и то же сокровенное учение с разными его проявлениями»¹.

Роман «Пернатый змей» (1926) Лоуренса, написанный им во время пребывания в Мексике в 1923–1924 гг., отличается от предыдущих книг тем, что в нем вновь появляется попытка писателя обрести некие горизонты для людей, утративших смысл бытия. В этом произведении Лоуренс становится максимально тенденциозным, вкладывая в уста героев собственные идеи, излагая самые крайние положения, свое понимание философии природы, религии, истории, что усилило использование мифа и символики, превращающих подчас роман в притчу.

Интересно, что появление романа было вызвано вполне конкретными причинами. Наблюдая в Мексике за жизнью пеонов, писатель сначала выступил в их защиту с несколькими статьями, а затем решил написать книгу об отравляющем их жизнь «белом сознании» (писатель не раз описывал эту страну в статьях, новеллах и сборнике эссе «Утра в Мексике» (в Мексике был упокоен и его прах)).

Изучив массу источников – находки и труды археологов и этнографов Зелии Наталл, Льюиса Спенса, вспомнив работы уважаемого им Д.Фрезера, писатель увлекся идеей синтеза древнего и современного знания, всегда интересовавшей его. Теперь он попытался найти альтернативу царящему во всем распаду и возродить старую форму приобщения человека к жизни вселенной через обновленные религию и ритуалы. Лоуренс видел в культуре, обычаях и религиозных обрядах индейцев животворную силу, которая могла бы помочь современному человеку избавиться от гнета «механической» жизни. В эссе «Новая Мексика» Лоуренс писал, что верования индейцев дали ему «ощущение живой религии».

На первый взгляд сюжет романа связан с историей нескольких героев, участников националистического движения в Мексике в 20-е гг. Современность присутствует на страницах романа – говорится о развитии промышленности, банковского дела, о влиянии на экономику Мексики американского капитализма, социалистических партий, о страшной нищете пеонов и т.д. Но констатация неблагополучия в стране завершается выводом о неэффективности общественного протеста и даже объясняется общей атмосферой жестокости в Мексике. Основная задача писателя была иной.

В «Пернатом змее» – два плана: реальный и символический, – со вторым связан вдохновенно-пророческий тон, вызванный задачей передать «идеальное» мироощущение и указать людям исконные и обновленные способы жизни и чувствования. Авторские идеи предстают тут подчас в навязчивой форме, в виде догм, сказываясь на условности сюжета, конфликта, многих персонажей и форме повествования. Роман насыщают многочисленные пророчества, гимны и мифы – как традиционные для ацтеков, так и собственно авторские. Их избыточность снижает уровень художественности романа, отчасти лишая книгу обычной для писателя поэтической атмосферы. К тому же в них Лоуренс предстает доктринером, излагающим самые «крайние» положения своей философии природы, религии, истории.

Лоуренс в «Пернатом змее» попытался дать законченную концепцию бытия, определить в емкой форме универсальные, фундаментальные основы жизни и человеческой натуры. Задача оказалась для художника непосильной, и в результате на свет появилась своего рода утопия о «религиозном возрождении» – мистическая по содержанию и символическая по форме. Надо сказать, что Лоуренс больше не создавал ничего подобного. Олдос Хаксли, объездив в 1934 году в память о друге места действия романа, пришел к выводу, что тот потерпел неудачу, поскольку сам не верил в то, что проповедовал.

Именно в «Пернатом змее» впервые после эссе «Корона» и «Фантазия бессознательного» представлена необычная космология писателя. Она воссоздается в гимнах-мифах обновленной религии ацтеков, предлагаемых доном Рамоном, ее жрецом: «Нет прежде и потом, есть только сейчас... Великий змей свивает и разви-

вает кольца плазмы, и звезды появляются и миры возникают... как сновидения и проходят также. И человек – сновидение во снах змея»².

Источник мира в гимнах романа потусторонний, это непостижимое «темное солнце». В канонической мифологии ацтеков существовал культ небесных светил, среди них, в частности, было полусолнце, замененное потом богами на полное, обогревавшее и освещавшее землю и людей. Этому солнцу ежедневно приносились человеческие жертвы. У Лоуренса «темное солнце» стало одной из важнейших мистических фигур, мифологемой, особо нагруженной смыслом. С темным солнцем – творцом людей и богов – связаны и начало, и конец мира. Из него постоянно истекает энергия, «море сверкающей эфирной плазмы мира», оживляющей все сущее. Истинное его имя табуировано (как во многих древнейших верованиях), его называют «Отцом», «Безымянным», «Господином», используются описательные, эфемические имена демиурга: «глубинное солнце», «солнце, находящееся позади обычного солнца», «тот, кто ужасен и великолепен» и т.д. Но любопытно, что писатель, понимая, что простым пеонам не понять этого сложного мистического образа, вводит в гимны о нем немало конкретных деталей, упоминая его дыхание, четыре темных руки, мановение пальца, которым он призвал в Мексику белых людей и т.п. «Темное солнце» – отец всех богов и Христа (мертвого бога на кресте), и Пана, и Кецалькоатля.

Будущее Мексики связано с этим богом ацтеков и поэтому ему уделяется особое внимание. В древних мифах Кецалькоатль – «змей, покрытый зелеными перьями», один из трех главных богов ацтеков, творец мира, людей, культуры и науки, владыка стихий, бог Утренней звезды – Венеры, покровитель жрецов. Одряхлев, он умер, но обещал людям свое возвращение. В трактовке этого важного для замысла Лоуренса образа помимо известных черт, есть и немало новых. У Лоуренса Кецалькоатль – не столько демиург, сколько культурный герой. Исполняя волю «темного солнца», Кецалькоатль наполняет груди людей божественным дыханием, учит сажать маис и бобы, строить дома. Он объясняет людям, что без него – ветра жизни, дающего силу их телам, они ничто. Люди, чтобы умилостивить его стали приносить кровавые жертвы, что

опечалило Кецалькоатля, и он удалился к отцу – «темному солнцу». Позже, когда состарились Христос и Дева Мария, темное солнце опустило их в «купель забвения, мира и обновления», на смену им в Мексику вновь возвращается Кецалькоатль, ставший символом вечно возрождающейся жизни.

Вечность жизни и повторяемость событий истории иллюстрируется в романе с помощью ритуально-циклической мифологемы смерти-сна, присутствующей во многих гимнах. Повторяемость событий в жизни человечества для писателя позитивна. Она – проявление божественного ритма, царящего во вселенной и отражающегося в циклической смене сезонов, дня и ночи, жизни и смерти. В данном случае это вечный, всеобщий ритм проявляется в смене богов, уходящих из мира, чтобы вновь вернуться обновленными.

Чем же все-таки объясняется необходимость возрождения древней национальной религии мексиканцев и возвращения Кецалькоатля? По мнению главной героини романа ирландки Кейт, Христос никогда не был для пеонов спасителем, это всего лишь «мертвый бог в гробнице». Они находятся во власти «темных влияний» древности, вызывающих «страшные страсти смерти, ненависти, жажды крови». Целая нация погребена и угасает под тяжестью своего прошлого. И так будет, пока не придет новый Спаситель, чтобы проложить для мексиканцев новый путь. Дон Рамон – местный помещик предлагает путь спасения соотечественников – возрождение древней религии и через нее – воскрешение национальной самобытности, национальной гордости мексиканцев.

Но такой Кецалькоатль может быть богом лишь для неграмотных индейцев. Как говорит дон Рамон, воссоздавший древнее изображение, «Кецалькоатль для меня только символ того лучшего, что может быть в человеке в будущем»³. Религия Кецалькоатля, по Лоуренсу, обращена к самой физической сущности человека, в которой дон Рамон – его жрец – видит божество. В этой религии, дающей человеку физическое раскрепощение, люди обретут мужественность и свободу. Человек для него становится вместилищем бога. Древний бог ацтеков получает у Лоуренса новую функцию – служить олицетворением обожествленного внутреннего «я». В романе «Пернатый змей»

индейцы, поклонники Кецалькоатля, посредством религиозного ритуала стремятся проникнуть в божественное «я», центр всего, и восстановить тем самым связь с живым космосом. Другое его назначение – дать людям цельность, единство духа и тела. Статуя в храме Кецалькоатля символизирует гармонию двух начал в человеке. Он предстает в виде человеческого существа, на правой руке которого сидит орел (олицетворяющий дух, божественный огонь, силу и царственность), а ногу обвивает змея. Она означает темноту, подсознательное начало, жестокость (в древних верованиях была также символом мудрости и плодородия).

Во время ритуального танца индейцы находят во власти своего подсознания, утрачивают свою индивидуальность и превращаются как бы в единое целое. Кстати, возвращается Кецалькоатль в Мексику не как кровожадный Пернатый змей ацтеков, а как бог-человек в расцвете сил. Ипостасью Кецалькоатля в романе служит образ Утренней звезды, что в общих чертах отвечало каноническому мифу ацтеков. Заметим, что и другие боги одновременно предстают в виде светил. Христос уподобляется угасающей звезде, Дева Мария – темной луне и т.п. Лоуренс часто использовал известные мифологемы, наполняя их новым содержанием в соответствии со своими идеями. Так, рассказы о глубинах вселенной, где обитает «темное солнце» и откуда возвращается Утренняя звезда, представляют удивительную космологию писателя. Глубинное человеческое «я» в гимнах предстает спроецированным в мир светил, и все величие мироздания отражается в человеке. Помимо указанного смысла символ Утренней звезды становится знаком гармонии, объединения людей и неким мистическим мостом, соединяющим людей с непознаваемым богом. Грандиозный космологический миф Лоуренса оказывается тесно связанным с его «религией жизни», с мифом о возрождении человека.

Е. М. Мелетинский полагает, что в «Пернатом змее» «прямо воспеваются дохристианские (доколумбовые) кровавые экстатические культы ацтекских богов... Такого рода апологетический подход к мифам, ритуалам, магии... как средству спасения от современной дряхлой цивилизации в художественном плане

гораздо архаичнее, чем мифологизирование Джойса, Кафки и Т. Манна, и, собственно, не развивает поэтики мифологизирования, основанной на интерпретации современной культуры мифотворческими средствами⁴.

В этой книге картина физического мира выглядит на удивление мрачной. Природа Мексики предстает дряхлой, в ней есть злобное и смертоносное начало, губительное для людей. Это совершенно отличает роман «Пернатый змей» от прежних и последующих книг Лоуренса, известного своими очень поэтичными и выразительными пейзажами. Такое изменение концепции природы имело ряд объяснений. В эти годы художник, долго проживший за границей, переживал общий упадок настроения, разочарование в позитивном ходе развития истории и цивилизации, что привело его к некоторой абсолютизации зла. Он размышляет не только о величественной производительной силе природы, но вспоминает и древних. Так, в этом романе появляется образ древнегреческого Пана, воплощающего, по Лоуренсу, не только величие стихийной жизни, но и «древние, злобные формы сознания». В природе он начинает ощущать не только мощь и вечное движение, но и «сердце тьмы». Всеми доступными ему выразительными средствами – особенно при помощи мифологем и символов – писатель демонстрирует «фазу угасания» современного мира, добавляя при этом, однако, мотив будущего его воскрешения.

В романе «Пернатый змей» ответы Лоуренса на постоянные для него вопросы о человеке, цели его существования, о взаимоотношениях с миром звучат более однозначно, чем в предыдущих книгах.

Много в романе говорится об общечеловеческой, природной сути, которая доминирует в индейцах. Бесконечно варьируются в нем мотивы «древней крови»: «чувственная нежность тяжелой крови», «темная, сильная неразрушенная кровь» и т.п. Особенно акцентируется в индейцах сила инстинктов и подсознания: «Их пение исходило из древнейшей, темнейшей глубины души, не внешней, а внутренней, душа пела, обращаясь к самой себе»⁵.

«Второе сознание» пробуждается в пеонах во время ритуальных танцев, когда они, отрешась от внешнего мира, действуют в «ритме крови», что воскрешает в них их «внутреннюю суть». Об этом немало говорится на страницах

романа. Но как бы ни был писатель заинтересован этими качествами индейцев, он оставался европейски образованным человеком XX века и не смог выдавать желаемое за действительное. Ещё в 1923 г. в статье «Индейцы и англичанин» Лоуренс писал, что чувствует огромную разницу между собою и краснокожими... Нет пути назад, только вперед и дальше... Мой путь – собственный»⁶. В результате он отказался от идеализации «естественного человека», и индейцы стали выглядеть в его книге неразвитыми, примитивными и несчастными существами, лишенными как внутренней цельности, так и духовных свойств. Лоуренс создал даже собственную «расовую теорию» по данному поводу: все индейцы – люди смешанной крови, что нарушает чистоту расы и ведет к противоречивости духа. Помимо того есть и более реальная причина неразвитости индейцев – ужасная многовековая эксплуатация со стороны белых. Современные потомки ацтеков не способны на протест. Им остаются только возрожденные донем Рамоном древние кровавые ритуалы, в которых они пытаются воскресить свою культуру и самосознание нации. Но их история в прошлом, и дон Рамон находит поддержку только у самых темных пеонов, вызывая возмущение образованных мексиканцев.

Цивилизованные европейцы и американцы, по мнению автора, тоже пережили свои лучшие времена: они «утратили душу», в них нет «чуда». Все это – плоды искаженного образа жизни, результат победы технического мира над органическим.

Обзор прошлой и настоящей истории человечества предстает в романе весьма мрачным, всеми доступными ему средствами, писатель изображает «фазу угасания» современного мира, не теряя, однако, надежды на будущее воскрешение человечества. Тем не менее именно эти надежды превращают книгу в утопию: «Люди все еще часть Древа Жизни, и корни уходят к центру земли. Сбросьте листья и аэропланы, киньте на ветер. Есть нужда

в том, чтобы быть сброшенным, пока вы вновь не пустите корни в глубину. Тогда вы сможете послать вверх живительный сок, и листья вернутся в небеса»⁷.

«Пернатый змей» оказался более слабым, чем другие книги писателя, отразив период временной смятенности его сознания, острое ощущение кризиса современности, заставивших его обратить взор в прошлое. Это обстоятельство сказалось и на художественной стороне романа. Вмешательство авторской идеи граничит в «Пернатом змее» с произволом: бесконечное варьирование сходных образов и метафор, использование метафизического языка, чрезмерное внимание к мифу и ритуалам, гимны, заклинания лишили роман художественной выразительности, прославившей Лоуренса. Это его самая экспериментальная книга, в которой акцент переносился с жизненного процесса на текст, Лоуренс, захваченный в эти годы идеей глубинного воздействия на читателя, предпринял попытку атаковать его сознание. Художественная задача оказалась в подчинении у целей проповедника: символика книги призвана придать ей эффект философско-религиозной, мистической глубины.

И все же хотелось бы отметить, что и в этом, на наш взгляд, самом кризисном и экспериментальном романе Лоуренса ощутима позитивная направленность. Не видя реальных и радикальных способов изменения мира, он выдвинул перед человеком романтическую идею «укоренения в универсуме».

Примечания

¹ Moore H. T. The Priest of Love. A Life of D. H. Lawrence / H. T. Moore. L., 1976. P. 271.

² Lawrence D. H. The Plumed Serpent / D. H. Lawrence. L., 1978. P. 187. (Далее текст цитируется по этому изданию. Перевод автора настоящей статьи.)

³ Ibid. P. 179.

⁴ См.: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. М., 1970. С. 359.

⁵ Lawrence D. H. Op. cit. P. 187.

⁶ Moore H. T. Op. cit. P. 418.

⁷ Lawrence D. H. Op. cit. P. 369.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ*

Акимова Т. М. О фольклоризме русских писателей : сб. ст. / Т. М. Акимова ; сост. и ред. Ю. Н. Борисов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 204 с. : ил. ISBN 5-292-02687-5

В книге собраны труды видного советского фольклориста профессора Саратовского университета Т. М. Акимовой (1898–1987), выполненные в русле одного из наиболее перспективных направлений современной филологической науки – изучения взаимодействия литературы и фольклора. Публиковавшиеся в течение трех десятилетий статьи Т. М. Акимовой по данной теме органично складываются в монографическое исследование литературно-фольклорных контактов как в теоретическом, так и в историко-литературном аспекте. На произведениях Пушкина, Кольцова, Островского, Чернышевского, Бажова анализируется идейно-эстетическая функция народно-поэтических мотивов в литературной лирике, повествовательной прозе, драматургии, осмысливается опыт критического истолкования фактов устного народного творчества Пушкиным и Чернышевским.

* * *

Замысел книги возник у составителя еще в середине 1980-х годов и обсуждался с Т. М. Акимовой, в целом одобрившей возможный состав и композицию, а также название предполагаемого сборника ее ранее опубликованных исследований о фольклоризме русских писателей. Осуществление данного проекта было отложено, поскольку Татьяна Михайловна в то время напряженно работала над монографией, ставшей, как оказалось, ее последним завершенным трудом (*Русская народная лирическая песня : очерки истории жанров*. Саратов, 1987). Несомненно, если бы настоящее издание готовилось под наблюдением автора, Т. М. Акимова как взыскательный ученый заново пересмотрела бы и отредактировала тексты статей. Мы же печатаем их в том виде, как они были впервые опубликованы и вошли в научное обращение. Отмеченные печатью времени своего создания, работы Т. М. Акимовой, собранные в этой книге, воспринимаются и как заметная страница истории нашей филологической науки, и как не утратившее научной ценности монографическое исследование актуальной проблемы взаимодействия литературы и устно-поэтической традиции.

СОДЕРЖАНИЕ

Архангельская В. К. Об авторе этой книги.

Литература и фольклор.

Пушкин о народных лирических песнях.

Народные удалые песни в творчестве А. С. Пушкина.

Заметки о народности жанра сказок Пушкина.

«Русская песня» и романс первой трети XIX века.

О жанровом своеобразии песенной лирики Кольцова.

Песня в жизни и творчестве Чернышевского.

Н. Г. Чернышевский о народной лирической песне.

Н. Г. Чернышевский о сербском эпосе.

Уроки Чернышевского (о фольклоре в пьесах А. Н. Островского).

* Материалы раздела подготовлены А. В. Зюзиным.

Песня и романс в творчестве А. Н. Островского.

Жанровая природа сказов П. П. Бажова.

Примечания.

Список печатных работ Т. М. Акимовой / Сост. А. В. Зюзин.

Балашова Л. В. Русский язык и культура общения. Практикум : в 2 ч. / Л. В. Балашова ; под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во «Лицей», 2001. Ч. 1. 192 с. ISBN 5-8053-0200-4

Пособие состоит из трех частей: орфоэпические, морфологические и синтаксические нормы. Цель издания – помочь учащимся составить представление об особенностях русского литературного произношения, выработать навыки владения орфоэпическими нормами, глубже изучить сложные участки морфологической системы русского литературного языка, оказать помощь в овладении синтаксическими нормами.

Для учащихся старших классов общеобразовательных школ, лицеев и гимназий, студентов нефилологических специальностей вузов.

Введение

Данное пособие является продолжением системы изданий учебных пособий по курсу «Русский язык и культура общения», предпринятых Институтом русского языка, литературы и журналистики при филологическом факультете Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского под руководством доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, академика МАИ ВШ, члена Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации О. Б. Сиротининой.

Пособие представлено в трех частях, которые охватывают орфоэпические, морфологические и синтаксические нормы русского языка. Первая часть содержит общую характеристику особенностей русского литературного произношения, а также описание наиболее сложных случаев, связанных с действием орфоэпических норм. Теоретический материал дан таким образом, чтобы учащийся старших классов общеобразовательных школ или студент-нефилолог мог самостоятельно разобраться в общих тенденциях произношения слов и форм слов в современном русском литературном языке.

Особое внимание при этом обращается на то, что, несмотря на всю сложность и прихотливость русского ударения, произношения отдельных гласных и согласных и т.д., в орфоэпии действуют

определенные закономерности, существуют определенные фонетические модели. Специально оговаривается тот момент, что эти закономерности не абсолютны, а действуют только как тенденции, что и влечет за собой возможность вариативного произношения слов и их форм.

Нам представлялось крайне важным подчеркнуть, что варианты произношения, как правило, неравноправны: часть из них принадлежит литературной норме, а часть находится вне ее пределов. Кроме того, в пособии специально оговариваются те варианты произношения, которые имеют дополнительную социальную значимость, воспринимаются как проявление принадлежности говорящего к определенному типу речевой культуры, прежде всего – к просторечному типу. Вместе с тем характеристика орфоэпических норм дается не только с позиции «можно»–«нельзя». Цель пособия – помочь школьнику, студенту-нефилологу осознанно овладеть этими нормами, понять, чем вызвана возможность сосуществования в речи нескольких вариантов произношения.

Для выработки навыков литературного произношения слов и форм слов в пособие включена система упражнений, практических заданий. С одной стороны, эти задания предусматривают отработку навыка произношения слов, в которых достаточно часто в речи допускаются ошибки. С другой – задания направлены на то, чтобы выработать умения по выявлению ошибочных вариантов произношения, навыки по сознательному использованию в речи того или иного литературного орфоэпического варианта.

При подборе иллюстративного материала и материала для практических заданий учитывалось то, что пособие рассчитано на школьников и студентов различных специальностей. Поэтому мы посчитали необходимым включить в пособие разнообразную терминологию – физическую, математическую, компьютерную, философскую, социологическую и др. Учитывалось также то, что подростков и молодых людей объединяет использование в речи молодежного жаргона, и то, что многие из них испытывают влияние просторечной культуры. Наконец, при подборе примеров для упражнений мы старались использовать те слова и формы слов, которые достаточно часто произносятся неправильно в средствах массовой коммуникации (прежде всего – в общественно-политических и молодежных программах радио и телевидения).

Во второй части пособия содержится общая характеристика особенностей русской морфологической системы, а также описание наиболее сложных случаев, связанных с образованием отдель-

ных словоформ и их использованием в речи. Дается характеристика наиболее типичных грамматических ошибок.

Особое внимание обращается на то, что существование в речи нескольких вариантов словоформ связано с историей развития грамматической и фонетической системы языка, с функционально-стилевой дифференциацией современного русского литературного языка и т.д. Нам представлялось крайне важным подчеркнуть, чем вызваны наиболее типичные грамматические ошибки, чем определяются колебания в реализации тех или иных грамматических категорий (категория рода у существительных).

Цель пособия – помочь школьнику, студенту-нефилологу осознанно овладеть грамматическими нормами и выработать навыки построения грамматически правильных словосочетаний и предложений как в устной, так и в письменной речи. Для решения поставленной задачи пособие содержит не только теоретические сведения о грамматической системе современного русского литературного языка, но и практические задания по определению грамматических значений, образованию отдельных словоформ, построению грамматически корректных словосочетаний и предложений.

Часть упражнений предполагает критический анализ готовых текстов и предложений с точки зрения их грамматической корректности, а также исправление грамматических ошибок в этих текстах в соответствии с нормами литературного языка. Данные задания должны развить у учащихся старших классов, а также у студентов-нефилологов способность к анализу собственной речи – как письменной, так и устной.

Третья часть пособия содержит общую характеристику особенностей русской синтаксической системы, а также описание наиболее сложных случаев, связанных с конструированием словосочетаний и предложений. Дается характеристика наиболее типичных грамматических ошибок. Особое внимание обращается на анализ причин, вызывающих такого рода ошибки.

Такой подход к составлению теоретических и практических разделов пособия является реализацией общих гуманитарных принципов программы «Русский язык и культура общения», разработанной профессором О. Б. Сиротининой и профессором В. Е. Гольдиным (см.: Русский язык и культура общения для нефилологов : учебное пособие / О. Б. Сиротинина, В. Е. Гольдин, Г. С. Куликова, М. А. Ягубова. Саратов, 1998).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.

Часть первая. Орфоэпические нормы.

1. Общие замечания.
2. Ударение в словах и формах слов.
 - 2.1. Особенности русского ударения.
 - 2.2. Ударения в именах существительных.
 - 2.3. Ударение в именах прилагательных.
 - 2.4. Ударение в глаголах.
 - 2.5. Ударение в причастиях и отглагольных прилагательных.

3. Произношение твердых и мягких согласных перед *е* в заимствованных словах.

4. Произношение [о] и [э] под ударением после мягких согласных и шипящих.

5. Произношение отдельных сочетаний звуков, слов и форм слов.

Часть вторая. Морфологические нормы.

1. Общие замечания.
2. Имя существительное.
 - 2.1. Род имен существительных.
 - 2.2. Именительный падеж множественного числа.
 - 2.3. Родительный падеж множественного числа.
 - 2.4. Особенности склонения некоторых существительных и словосочетаний.

3. Имя прилагательное.

4. Имя числительное.

5. Местоимения.

6. Глагол.

7. Причастие и деепричастие.

Часть третья. Синтаксические нормы.

1. Общие замечания.
2. Особенности управления в русском языке.
3. Некоторые особенности согласования.
4. Предложения с однородными членами.
5. Предложения с причастными оборотами.
6. Предложения с деепричастными оборотами.
7. Некоторые особенности употребления сложных предложений, прямой и косвенной речи.

Проверь себя!

Список литературы.

Балашова Л. В. Русский язык и культура общения : Практикум : в 2 ч. / Л. В. Балашова ; под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во «Лицей», 2002. Ч. 2. 192 с. ISBN 5-8053-0168-7

Пособие содержит описание основных стилей русского языка, норм словоупотребления и структуры связанного текста, а также практические задания по соответствующим темам. Цель издания – помочь учащимся старших классов средних школ, гимназий и лицеев, студентам нефилологи-

ческих специальностей вузов составить представление о функционально-стилевой дифференциации русского языка и выработать навыки использования языковых средств в различных сферах общения.

Для учащихся старших классов общеобразовательных школ, лицеев и гимназий, студентов нефилологических специальностей вузов.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.

1. Социальные варианты русского языка.

2. Стили русского литературного языка.

2.1. Общая характеристика стилей. Стилевое расслоение лексики. Эмоционально-экспрессивная окраска слова.

2.2. Научный стиль.

2.3. Официально-деловой стиль.

2.4. Газетно-публицистический стиль. Экспрессивные средства языка.

2.5. Разговорный стиль.

2.6. Стилистические ошибки и их типы.

3. Точность речи и лексика русского языка.

3.1. Понятие точности речи.

3.2. Лексические ошибки, связанные с непониманием значения слова.

3.3. Лексические ошибки, связанные с употреблением паронимов, синонимов и слов, близких по значению.

3.4. Лексические ошибки, связанные с употреблением омонимов, многозначных слов.

3.5. Ошибки, связанные с лексической сочетаемостью слов.

3.6. Речевые ошибки, связанные с употреблением фразеологизмов.

4. Текст и его основные признаки.

4.1. Общее представление о тексте.

4.2. Основные правила построения текста.

4.3. Функционально-смысловые типы текстов.

4.4. Текст-описание и его виды.

4.5. Текст-повествование и его виды.

4.6. Тексты-рассуждения и их виды.

4.7. Тексты с различными видами связи.

Словарь терминов.

Список литературы.

Гольдин В. Е. Русский язык и культура речи : учебник для студентов-нефилологов / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротина, М. А. Ягубова ; под ред. О. Б. Сиротиной. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 212 с. ISBN 5-292-02704-9

Рекомендовано Советом по филологии Учебно-методического объединения по классиче-

скому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 520300 и специальности 021700 – «Филология».

Подготовлен и издан в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык».

В пилотном издании учебника в соответствии с усовершенствованной программой одноименного курса, включенного в Федеральный образовательный стандарт, рассмотрены роль и сущность языка, значение культуры речи для жизни общества и ее составляющие. Учебник может быть использован в качестве дополнения к аудиторным занятиям и при самостоятельном изучении, содержит теоретический курс и практикум.

Предисловие

Цель курса «Русский язык и культура речи» – формирование и развитие коммуникативно-речевой компетенции, повышение культуры русской речи выпускника вуза. Курс направлен на расширение общегуманитарного кругозора будущих специалистов, выработку навыков хорошей речи (прежде всего, в сфере делового и научного общения), умения пользоваться словарями и справочниками по русскому языку.

В результате обучения студент должен получить представление об организации общения, о языке и его функциях, разновидностях, стилях, о культуре общения и нормах русской речи, о тексте, овладеть навыками пользования словарями и справочниками, научиться применять знания о нормах, стилях и жанрах в своей речевой практике.

Учебник включает теоретический курс и практикум. В зависимости от условий вуза (количества выделяемых на курс часов, соотношения лекций и практических занятий, очной или заочной форм обучения и т. п.) он может использоваться как дополнение к лекционному курсу, семинарским и практическим занятиям или как основа для самостоятельного овладения материалом. Поэтому главы теоретической части учебника сопровождаются вопросами и заданиями для самоконтроля над усвоением материала, а разделы Практикума – методическими советами преподавателю и студенту.

И в теоретическом курсе, и в Практикуме рекомендуется дополнительная литература для более глубокого освоения того или иного вопроса.

Поскольку программа, в соответствии с которой написан учебник, предполагает расширение общегуманитарного кругозора будущих специалистов, а не только выработку навыков хорошей рус-

ской речи, значительная часть учебника посвящена рассмотрению роли общения, языка и коммуникативной компетенции в жизни человека (разд. I).

Авторы учебника опираются на современные представления о культуре речи, в основе которых лежит не столько формальная правильность речи, сколько умение целесообразно и эффективно пользоваться возможностями, предоставляемыми языком. При этом важны не только коммуникативная компетенция говорящего, но и слушающего и читающего, умение замечать и понимать тонкие оттенки речевого общения.

Большое внимание уделяется в учебнике этической стороне речевого взаимодействия, особенностям сфер общения, форме речи (устная, письменная), а в Практикуме – технике речи.

Учебник написан на основе ранее выпущенного авторами учебного пособия «Русский язык и культура общения: для нефилологов» (Саратов, 1998), которое прошло четырехлетнюю проверку в практике преподавания курса. Настоящий учебник по сравнению с пособием значительно расширен, переработан и обновлен.

Учебник написан следующим авторами: разд. I – В. Е. Гольдиным, разд. II – В. Е. Гольдиным и О. Б. Сиротининой, разд. III – О. Б. Сиротининой, гл. 4 «Риторика» – при участии Г. С. Куликовой. Практикум написан М. А. Ягубовой. Тематический указатель подготовлен В. Е. Гольдиным и Н. А. Трофименко.

Программа курса «Русский язык и культура речи (для нефилологов)» составлена В. Е. Гольдиным и О. Б. Сиротининой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Раздел I. Общение и культура речи.

Глава 1. Общение как одна из главных потребностей человека.

Глава 2. Модель общения и различия в подходах к культуре речи.

Глава 3. Разновидности общения.

Глава 4. Функции языка и речи.

Глава 5. Жанры речи и речевые события.

Раздел II. Язык и языки.

Глава 1. Русский язык и его место среди других языков.

Глава 2. Коммуникативные роли и структура социума.

Глава 3. Социально-функциональная стратификация языков и понятие литературного языка.

Глава 4. Функционально-стилевая дифференциация литературных языков.

Раздел III. Культура русской речи.

Глава 1. Язык, речь, дискурс, текст.

Глава 2. Культура общения.

Глава 3. Нормы русской речи.

Глава 4. Риторика как наука об искусстве речи и способах речевого воздействия.

Практикум.

Тематический указатель.

Приложение. Программа курса «Русский язык и культура речи (для нефилологов)».

Макеенко И. В. Лексико-семантическая структура систем цветообозначения в русском и английском языках : учеб.-метод. пособие по спецкурсу для студ. филол. фак. / И. В. Макеенко. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 52 с. : ил. ISBN 5-292-02581-X

В пособии системно рассмотрены способы и средства передачи цвета в разноструктурных языках, при этом учитывается разносторонняя характеристика цветообозначения, в частности структурные и словообразовательные особенности, семантические, стилистические и функциональные признаки; представлены связи структуры и синонимические отношения ее членов; разработан фрагмент тезаурусного описания цветообозначений, не нашедших отражения в современных словарях и тезаурусах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.

Глава 1. Система цветообозначения в русском языке.

Глава 2. Система цветообозначения в английском языке.

Заключение.

Список литературы.

Приложение.

Прозоров В. В. Русский язык и литература: пособие для поступающих в Саратов. гос. ун-т / В. В. Прозоров, Л. В. Балашова, Е. Г. Елина, М. А. Ягубова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 40 с. ISBN 5-292-02565-8

СОДЕРЖАНИЕ

1. Программа по русскому языку и литературе.

2. Письменный экзамен по русскому языку и литературе (специальность «Русский язык и литература», «Иностранные языки и литературы», «Журналистика»).

3. Устный экзамен по русскому языку и литературе (специальность «Русский язык и литература», «Иностранные языки и литературы», «Журналистика»).

4. Письменный экзамен по русскому языку (тесты).

5. Собеседование для абитуриентов-медалистов филологического факультета.

6. Сто одно задание для самопроверки.

Хорошая речь : [коллективная монография] / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 320 с. ISBN 5-292-02620-4

В коллективной монографии определено понятие хорошей речи, подробно рассмотрены все критерии отнесения речи к хорошей (правильность, соответствие сфере общения, коммуникативным задачам, жанру и т.д.), соотношение с типами речевых культур. Разработана общая теория жанров, коммуникативных категорий, соотношение хорошей речи и типов речевых культур, дана детальная характеристика отдельных жанров, категорий и типов речевого поведения. Представлены образцы хорошей речи с комментариями к ним.

Для специалистов-лингвистов, преподавателей русского языка и культуры речи, для всех интересующихся культурой общения.

Предисловие

В данной монографии представлена попытка рассмотрения хорошей речи с точки зрения ее критериев. Не все вопросы освещены в равной мере, что связано прежде всего со степенью разработанности тех или иных проблем. Так, например, почти не уделяется внимания художественной речи, поскольку она детально исследована в научной и учебной литературе. По этой же причине лишь пунктирно рассматривается разговорная речь. Ни одна сфера общения не исследована во всем ее многообразии даже в аспекте критериев хорошей речи, выбраны для анализа лишь отдельные, в основном наименее разработанные в литературе аспекты.

Поскольку монография коллективная, в отдельных ее разделах при единстве основных научных позиций встречается разное отношение к тому или иному критерию хорошей речи, степени его обязательности. Вопросы рассматриваются с разной полнотой, с позиции «как надо» или «как не надо» и т.д. Нет и полного стилистического единства. Редакторы не считали ни необходимым, ни возможным ограничивать своеобразие исследователей.

В монографию включены образцы хорошей речи. В отличие от имеющихся сборников по красноречию, искусству речи и т.д., подобраны не эталонные, образцовые во всех отношениях тексты, к качеству которых нужно стремиться, но трудно его достичь, а обычные, рядовые проявления хорошей речи. К каждому тексту дан подробный комментарий, показывающий, почему этот текст можно считать хорошим для данной сферы общения, формы общения и ситуации. Встречающиеся нарушения критериев хорошей речи в комментариях отмечены. Авторы надеются, что монография «Хорошая речь» сыграет свою роль в улучшении состояния современной русской речи.

Исследование хорошей речи осуществлено при финансовой поддержке Совета по Федеральной целевой программе «Русский язык» (тема «Фундаментально-прикладное исследование современного функционирования русского языка») и РГНФ (совместная с Институтом русского языка РАН тема «Типы речевой культуры носителей литературного языка в современном обществе»).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Галина Георгиевна Полищук.

Список трудов профессора Саратовского государственного университета Галины Георгиевны Полищук.

Предисловие (М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина).

Глава 1. Основные критерии хорошей речи (О. Б. Сиротинина).

Глава 2. Правильность как необходимый, но недостаточный критерий хорошей речи

2.1. Правильность речи (Н. И. Кузнецова).

2.2. Орфографическая правильность (Н. И. Кузнецова).

2.3. Пунктуация в свете проблем культуры общения (Е. В. Дзякович).

2.4. Общеграмматическая правильность речи (Н. И. Кузнецова).

2.5. Орфоэпическая правильность речи (Н. И. Кузнецова).

Глава 3. Коммуникативная целесообразность речи. Речь в разных сферах общения.

3.1. Сфера делового общения (Н. И. Кузнецова).

3.2. Сфера науки (И. А. Кириллова).

3.3. Речь в средствах массовой информации (М. А. Ягубова).

3.4. Сфера повседневного общения (О. Б. Сиротинина).

Глава 4. Соответствие жанру.

4.1. Жанр и коммуникативная компетенция (К. Ф. Седов).

4.2. Жанры повседневного общения и хорошая речь (К. Ф. Седов).

4.2.1. Светская беседа (Т. А. Милёхина).

4.2.2. Семейная беседа (А. Н. Байкулова).

Глава 5. Соблюдение этических, коммуникативных и риторических норм.

5.1. Коммуникативные категории и нормы (Е. П. Захарова).

5.2. Вежливость как качество хорошей речи (Г. Р. Шамьенова).

5.3. Взаимодействие этических и коммуникативных норм (В. А. Богданова, Т. В. Кочеткова).

5.4. Риторическая организация речи (адресованность речи) (М. А. Кормилицына).

Глава 6. Хорошая речь и типы речевой культуры.

6.1. Элитарная речевая культура и хорошая речь (О. Б. Сиротина).

6.2. Хорошая речь и среднелитературная речевая культура (А. В. Осина).

6.3. Разговорные типы речевой культуры и хорошая речь (О. Б. Сиротина).

Глава 7. Творческое своеобразие как один из признаков хорошей речи.

7.1. Творческое своеобразие речи (Г. С. Куликова).

7.2. Способ выражения приглагольного определителя как результат авторского выбора (Э. М. Ножкина).

Глава 8. Образцы хорошей речи с комментариями.

Устная речь.

8.1. Фрагмент вузовской лекции по фармакологии (В. А. Богданова, Т. В. Кочеткова).

8.2. Фрагмент вводной лекции по «Основам культуры речи» (Е. В. Уздинская).

8.3. Фрагмент рассказа-воспоминания (М. А. Кормилицына, С. В. Куприна).

8.4. Семейные беседы (А. Н. Байкулова).

Письменная речь.

8.5. Предисловие А. Меня к книге М. А. Поповского (В. А. Богданова, Т. В. Кочеткова).

8.6. Семен Новопрудский. Видимость твердого порядка (О. Б. Сиротина).

8.7. Геннадий Лисичкин. Совесть и рынок (М. А. Кормилицына).

Список литературы.